КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXII.

СЕНТЯБРЬ.

1888 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 31-го Августа 1888 г.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. А. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

Семь лѣтъ тому назадъ, въ пасмурный осенній день, на кладбищѣ Покровскаго монастыря въ Москвѣ, среди могилъ именитаго купечества происходили небывалыя на этой окраинѣ столицы „литературныя похороны“. Измученный болѣзнью, утомленный жизнью, полною разочарованій, Котляревскій нашелъ здѣсь послѣдній пріютъ.

Проводы были сердечныя и грустныя. Но горе провожавшихъ было не одинаково. Молодежь, наполнившая церковь, знала покойнаго по ученымъ трудамъ его послѣдняго періода; кіевская депутація, чествовавшая его отъ лица своего университета, находилась подъ живымъ впечатлѣніемъ недавней профессорской дѣятельности умершаго собрата; на сердцѣ же московскихъ его друзей было вдвойнѣ тяжело. Въ то время, какъ быстро густѣвшій слой земли навсегда скрывалъ его отъ нихъ, имъ вспоминалась его молодость, блестящее вступленіе въ жизнь, неотразимое обаяніе таланта, потомъ невзгоды, долгій искусъ, запоздалое благополучіе,—и печальная развязка.

Прошли годы; первое впечатлѣніе утраты должно бы, казалось, ослабѣть. Но и теперь для близко знавшихъ Котляревскаго съ памятью о немъ неразлучно представленіе о разбитыхъ надеждахъ и неудавшейся жизни. Повидимому и для него настаетъ часъ безпристрастнаго суда; историки русской науки уже заносятъ въ свои обзоры имя автора „Погребальныхъ обычаевъ“; быть можетъ, вскорѣ біографъ возсоздастъ его жизнь и характеръ. Нѣсколько воспоминаній одного изъ свидѣтелей наименѣе

извѣстнаго ранняго періода этой жизни, того періода, когда всего сильнѣе оттѣнялась борьба свѣта и тьмы, всего рѣзче сталкивались надежды и желѣзная дѣйствительность, и мимолетныя *tempi felici* смѣнялись долгими сѣтованіями о нихъ,— нѣсколько такихъ воспоминаній, быть можетъ, кому нибудь пригодятся.

Съ середины пятидесятыхъ годовъ въ студенческихъ кружкахъ Москвы стала замѣтно выдвигаться необыкновенно своеобразная личность; и по типу, и по говору это былъ кровный малороссъ; жизнь била въ немъ ключемъ, въ умныхъ глазахъ сверкалъ огонь, рѣчь поражала остроуміемъ; подвижный до нельзя, главный зачинщикъ серьозныхъ споровъ и самыхъ потѣшныхъ шалостей, онъ въ то же время удивлялъ всѣхъ своимъ страстнымъ увлеченіемъ наукой. Въ его скромной студенческой комнатѣ на самой вышкѣ одного изъ старыхъ домовъ Арбатской площади понемногу скоплялась рѣдкая для студента библіотека, главное его сокровище,—и среди иныхъ товарищей она вызывала къ нему какое-то особое, почти пугливое, уваженіе. Въ иныя минуты онъ могъ казаться въ кельѣ своей, среди книгъ, средневѣковымъ мудрецомъ,—а потомъ, спустившись на землю и замѣшавшись въ толпу, молодой отшельникъ становился веселымъ собесѣдникомъ, мѣтко и живо судилъ о злобѣ дня и всей душою сочувствовалъ возрождавшемуся общественному движенію. Вмѣстѣ съ своими сверстниками онъ переживалъ одинъ изъ отраднѣйшихъ моментовъ новой русской исторіи, всеобщее пробужденіе послѣ долгой летаргіи; приливъ силъ, жажда жизни проникали всюду, и не было, кажется, отъявленнѣйшаго буквоѣда, нелюдима или брюзги, котораго не потянуло бы на вольный воздухъ. Для такой же натуры, какая съ блестящей оригинальностью проявлялась у студента—украинца, то была самая желанная, идеальная обстановка; движеніе, борьба, ломка отжившаго были для него необходимы, полны особой прелести. Какъ бы ни судили о немъ люди, знавшіе его въ послѣдніе годы, утомленнаго, уходившагося, въ немъ несомнѣнно были скрыты богатые задатки общественнаго дѣятеля, публициста, вліятельнаго и руководящаго критика.

Нѣсколько такихъ личностей знала тогда Москва, нѣсколько кружковъ группировало ихъ единомышленниковъ. Здѣсь горячо обсуждались насущные русскіе вопросы, сюда проникали новыя соціальныя и философскія ученія запада; при посредствѣ нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ петербургскими кружками (напр. М. Свириденка), устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что проповѣдовала тогдашняя передовая журналистика. Нетерпѣливо рвалась на волю эта молодежь, въ ожиданіи очереди дѣйствовать; она не давала спуску тѣмъ, въ комъ видѣла оплотъ стараго порядка, и тѣмъ идеямъ и произведеніямъ, которыя пытались задержать поступательное движеніе. Въ такіе періоды броженія важнымъ орудіемъ борьбы является смѣхъ, доводящій противника до абсурда; вспомните его значеніе въ началѣ англійскаго просвѣтительнаго вѣка или въ вольтеровской школѣ. То же было и у насъ. Съ порою „гласности" совпало необыкновенное развитіе сатиры, обличенія; сарказмъ Добролюбова жегъ и ранилъ не меньше, чѣмъ серьозныя и глубокія его статьи. Такое же царство смѣха охватило и молодые московскіе кружки; Котляревскій шелъ и тутъ впереди. Если даже впослѣдствіи, среди страданій, его никогда не оставлялъ юморъ, легко представить себѣ, какъ неистощима была эта сторона его таланта въ молодые годы. Способность налету схватить слабость или недостатокъ противника и воспроизвести ихъ въ мѣткомъ разсказѣ, такъ и просившемся въ печать, умѣнье дать человѣку одно изъ тѣхъ прозвищъ, которыя какъ клеймо никогда не разстанутся потомъ съ нимъ, изобрѣтательность въ пародіи, неожиданныхъ сравненіяхъ, шаловливое обращеніе къ помощи церковно-славянской торжественности или народной бойкости рѣчи,—все это обличало въ немъ юмористическій талантъ первой величины, кое-гдѣ сквозящій въ его произведеніяхъ (напр. въ *Старинѣ и народности*, въ *Библіологіи*), но, къ сожалѣнію, не развившійся до художественности. И не мало враговъ создалъ онъ ему въ теченіи жизни; остроты передавались, разносились, слагали репутацію безсердечнаго и на все раздраженнаго человѣка; осторожности въ этомъ отношеніи онъ не зналъ никогда, съ увлеченіемъ отдаваясь сатирическому задору. Мало кто давалъ себѣ трудъ загля-

нуть въ глубь этой натуры и увидѣть, сколько глубокихъ думъ и благородной серьозности скрывало за собой неизсякаемое остроуміе обличителя.

Эта чуткость и отзывчивость, не дававшая интересамъ съузиться, напротивъ, приводившая человѣка въ соприкосновеніе со всѣмъ, что было живаго вокругъ него, наложила свой отпечатокъ и на любимый предметъ занятій студента; онъ не былъ способенъ топтаться на одномъ мѣстѣ, воздѣлывать крошечный уголокъ поля и воображать при этомъ, что внѣ подобнаго труда нѣтъ спасенія; онъ рано умѣлъ соединять основательное изученіе отдѣльнаго вопроса съ обобщеніями, широкіе горизонты манили его, и въ мысли, что онъ хоть сколько нибудь участвуетъ въ прогрессѣ науки, была всегда для него какая то почти поэтическая прелесть. Такъ отнесся онъ еще въ университетѣ къ вопросу о народности и старинѣ. Совершенно чуждый славянофильскимъ восторгамъ, для оцѣнки которыхъ онъ не жалѣлъ остраго словца, онъ страстно увлекся невѣдомымъ и чарующимъ міромъ. То была вообще пора примѣчательнаго разцвѣта разнородныхъ изученій прошлаго, счастливо совпадавшая съ новою эрой; близились къ концу собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго и словарь Даля; сказки Аѳанасьева, какъ нѣкогда сборникъ Перро во Франціи, одерживали побѣду надъ вкусами непосвященной публики; выходили на путь собиранія народныхъ памятниковъ новые дѣятели, Рыбниковъ, Якушкинъ; журналы давали наряду съ статьями, подготовлявшими близкое уже крестьянское освобожденіе, ученыя работы о народной старинѣ, подписанныя именами Буслаева, Аѳанасьева, Пыпина, и читавшіяся всѣми; наконецъ, въ 1857 г. сдѣлалось возможнымъ изданіе спеціальнаго журнала по литературной старинѣ (*Лѣтописи* Тихонравова). Москва была въ то время главнымъ центромъ этого движенія, дѣятели котораго, за немногими исключеніями, группировались около ея университета, испытывая сильное вліяніе Буслаева, чьи курсы древней русской словесности являлись для нихъ откровеніемъ. Тамъ, гдѣ еще держались допотопныя воззрѣнія на народныя вѣрованія, на богатырство, самобытное эпическое творчество и старую культуру, водворялся подъ воздѣйствіемъ теорій Гриммовъ и

позднѣйшей школы научный методъ; неожиданныя сличенія проливали новый свѣтъ на загадочные вопросы; сравнительное языкознаніе, факты всеобщей литературы, археологія, исторія искусства являлись на помощь историко-литературнымъ изслѣдованіямъ; все оживало, и изъ хаоса выступали осязательные, стройные образы. Молодежь видѣла, что передъ нею открывается непочатый край работы, и тѣмъ увлеченнѣе устремлялась въ слѣдъ учителю. Никогда не забудется заслуга Ѳ. И. Буслаева, этого родоначальника и вдохновителя всѣхъ донынѣ дѣйствующихъ изслѣдователей русской народной старины.

Котляревскій сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его учениковъ. Если проповѣдь гуманности въ устахъ Кудрявцева привлекала его, если сердечно любимая имъ эпическая личность Бодянскаго связывала его съ родиной и манила общеславянскими симпатіями, то еще сильнѣе овладѣлъ имъ интересъ къ той отрасли знаній, въ которой добытые уже Буслаевымъ результаты возбуждали къ соревнованію. Еще не кончилось его студенчество, а уже онъ могъ считать себя спеціалистомъ въ ней; оттого-то въ первыхъ же его печатныхъ работахъ такъ замѣтно обладаніе предметомъ и свободное пользованіе большимъ ученымъ арсеналомъ. Чѣмъ глубже уходилъ онъ въ эти работы, тѣмъ несомнѣннѣе становилось, что это будетъ неизмѣнною, безповоротною его страстью.

Такимъ онъ вступилъ въ настоящую жизнь и отдался разнообразнымъ влеченіямъ, которыя она съ каждымъ годомъ все сильнѣе вызывала въ молодомъ и хоть маломальски даровитомъ поколѣніи. Кружокъ его быстро сталъ расширяться, и изъ замкнутыхъ рамокъ студенчества переходилъ въ литературные, ученые, педагогическіе слои, и въ ту часть общества, которая въ ту пору считала гордостью участвовать въ новомъ движеніи. Въ этомъ кружкѣ сходились люди, со временемъ достигшіе большой извѣстности, тогда же неопытные дебютанты, полные силъ и готовые къ борьбѣ. Журнальная и газетная дѣятельность, только что пробуждавшаяся, казалась многимъ изъ нихъ наиболѣе подходящею, по крайней мѣрѣ на первое время. Котляревскій нашелъ себѣ радушный пріютъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,

въ то время издававшихся Вал. Коршемъ и М. Щепкинымъ; въ литературныхъ прибавленіяхъ къ этой газетѣ, производящихъ теперь добродушное впечатлѣніе своимъ скромнымъ видомъ узкаго листика средняго формата, появлялись сплошь и рядомъ талантливо написанныя статьи по научнымъ и даже общественнымъ вопросамъ, и велась довольно полная библіографія новостей; тамъ появились первенцы Котляревскаго (если не считать небольшой статьи въ Рус. Вѣстн. 1857 года), этюды о русскомъ богатырствѣ,—но тамъ же подъ псевдонимомъ печатались и бойкія, насмѣшливыя замѣтки, дававшія просторъ его воинствующему юмору. Противъ Малаго театра тогда уже высилась огромная и неуклюжая масса, домъ Челышова или, по студенческому прозвищу, *Челыши;* четыре отдѣленія меблированныхъ комнатъ давали убѣжище цѣлой гурьбѣ интеллигентной и просто безденежной богемы. Въ *Челышахъ* перебывало, наряду съ *Палашами* (за Тверскимъ бульваромъ) и другими излюбленными стоянками молодежи, не мало нисходящихъ поколѣній студентовъ. Тамъ приходилось живать и Котляревскому и его товарищамъ. Такимъ образомъ возникъ собирательный псевдонимъ „Н. Челышевскій", или кратко Н. Ч., подъ которымъ они поочередно скрывались въ своихъ нападкахъ на плохихъ авторовъ, претенціозныхъ ученыхъ и въ особенности на тѣхъ, въ комъ чуяли глухую вражду къ новой наукѣ и прогрессу. Котляревскому случалось и впослѣдствіи (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" Корша) прибѣгать къ этому псевдониму для тѣхъ же цѣлей. Помню, что однажды, уже въ 70-хъ годахъ, мнѣ пришло на мысль воспользоваться этимъ фельетоннымъ забраломъ, зная, что оно собственно никому не принадлежитъ,—Котляревскаго заинтриговало и вмѣстѣ, казалось, опечалило это неожиданное возрожденіе стараго псевдонима; онъ очевидно сросся въ его памяти съ невозвратимою свѣжестью молодости...

Но и журнальныя работы, представлявшія еще болѣе подходящую форму для заявленія его научныхъ мнѣній, развивались все шире. Благодаря посредничеству П. Е. Басистова, бывшаго тогда чѣмъ-то въ родѣ агента редакціи Отечественныхъ Записокъ въ Москвѣ, Котляревскій вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ

своихъ сверстниковъ по университету обезпечилъ себѣ участіе въ критическомъ отдѣлѣ журнала. Но этого сотрудничества въ иногороднемъ изданіи для нихъ было мало, и они страстно мечтали объ основаніи собственнаго органа. Вскорѣ и это имъ удалось.

Врядъ ли кто нибудь теперь знаетъ исторію этого молодаго и даровито веденнаго журнала, который обреченъ былъ злою судьбою прожить лишь „ce que vivent les roses". Звали его „Московское Обозрѣніе",—титулъ, придуманный въ подражаніе англійскимъ *reviews* и прямо обличавшій намѣренія издателей; четыре раза въ годъ должны были выходить довольно объемистыя книжки журнала, гдѣ въ первомъ отдѣлѣ появлялись бы руководящія статьи научнаго содержанія, большіе критическіе этюды, обозрѣнія литературы по отдѣльнымъ вопросамъ, а затѣмъ велась бы полная библіографія, русская и иностранная. Изданія такого типа не существовало у насъ до той поры; даже впослѣдствіи тѣ журналы, которые сначала хотѣли обойтись безъ беллетристики (напр. Вѣстникъ Европы 1866—67 г.), принуждены были сдѣлать уступку установившемуся вкусу. Въ 1859 же году, когда группа молодежи затѣвала свой *Moscow Review*, почвы для него не было. Къ причинамъ неудачи нужно отнести также и курьозный выборъ издателя. Тѣ, кто видѣлъ внизу книжки подпись „издатель А. Лаксъ", конечно, спрашивали себя, кто этотъ незнакомецъ и что за охота ему вспала выступать въ критическій походъ. Это же имя было единственнымъ открытымъ для читателя; по уговору сотрудниковъ между собою, и опять по англійскому образцу, всѣ статьи должны были печататься безъ подписи. Такимъ образомъ представительство кружка принималъ на себя невѣдомый міру писатель; да онъ, кажется, и не писалъ ничего; впрочемъ, передъ самымъ началомъ изданія чуть ли не убѣдили его гдѣ-то что-то напечатать за своею подписью, съ тѣмъ, чтобъ можно было потомъ говорить объ издателѣ новаго Обозрѣнія, что это тотъ самый, который и т. д. На дѣлѣ же это былъ штабсъ-капитанъ въ кадетскомъ корпусѣ, занимавшій тамъ должность репетитора или учителя въ младшихъ классахъ, очень любезный, очень гостепріимный и—необычайно кро-

хотный. На его квартирѣ сходились члены того кружка, гдѣ вращался Котляревскій, сослуживецъ Лакса по учительству; тамъ обдумали планъ журнала, убѣдили хозяина принять на себя иниціативу и рискнуть частью денегъ, принадлежавшихъ его питомцу, зажиточному недорослю, искавшему роли мецената. Но едва дѣло сладилось, и двѣ книжки журнала вышли, какъ издателемъ овладѣли тревога и сомнѣнія; ничего опаснаго тамъ не было высказано, но такъ еще близка была позади пора безгласности, что одного уже независимаго тона молодыхъ редакторовъ и новости научныхъ взглядовъ, прилагаемыхъ ими къ русской жизни и соціальнымъ вопросамъ, было достаточно, чтобъ возбудить переполохъ. Подписчиковъ было мало, но съ выдержкою можно было бы воспитать публику, подходящую для такого изданія,—вдругъ издатель объявилъ, что устраняется отъ дѣла; денежный источникъ изсякъ, нервъ войны былъ подрѣзанъ, и все распалось. Двѣ книжки „Моск. Обозрѣнія" составляютъ теперь библіографическую рѣдкость; исторія этого журнала поросла быльемъ, а недавно сошелъ со сцены и мимолетный его издатель; онъ вскорѣ перешелъ на службу по жандармскому вѣдомству, а умеръ томскимъ губернаторомъ.

Статья Котляревскаго объ Исторіи русской словесности Шевырева, составляющая одно изъ украшеній „Московскаго Обозрѣнія", можетъ быть названа типомъ его молодой критической манеры; много знанія, самостоятельный взглядъ, страстность изложенія и повидимому невольныя юмористическія выходки. Его самого занимало обставить свой натискъ нѣкоторою загадочностью: подъ статьею виднѣлось нѣсколько таинственныхъ буквъ—*Sp. a-r* и помѣта *Городище*. Представлялось ему, съ какою недовольною миной непопулярный, отставшій отъ научнаго движенія, въ полномъ смыслѣ отставной авторитетъ приметъ порицаніе и укоры какого-то невѣдомаго *Spiritus asper*. Тою же смѣлостью и желаніемъ побороться съ обветшавшими направленіями въ наукѣ и литературѣ проникнуты были многія изъ статей остальныхъ сотрудниковъ; въ работахъ рано умершаго даровитаго экономиста А. Корсака отражалось новое направленіе науки о народномъ хозяйствѣ, въ статьѣ К. Бестужева-Рюмина предъявлялись по-

добныя же требованія въ области исторіи, талантливые разборы лирики Языкова и романа Писемскаго обнаруживали сочувствія молодой редакціи сближенію литературы съ жизнью и вражду ко всему напыщенному, узко-національному и самодовольному. Уваженіе къ европейской наукѣ и культурѣ сквозило всюду и, далекое отъ ложной скромности и подчиненности, сочеталось съ горячимъ желаніемъ успѣховъ русской научной дѣятельности. Такими остались навсегда взгляды Котляревскаго; кто-то назвалъ его въ некрологѣ однимъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ всеобщей литературы, и это все не было преувеличеніемъ. Огромная библіотека западныхъ произведеній, постоянно имъ пополнявшаяся, неутомимость въ чтеніи и свойственная однимъ лишь искреннимъ библіофиламъ радость при видѣ появившагося наконецъ по занимающему его вопросу руководящаго труда („добрая книга!" восклицалъ онъ, сіяя и любовно постукивая по корешку), стремленіе познакомиться не съ одною только научною дѣятельностью Запада, но и съ жизнью, поэзіею, типическими и бойкими свойствами языка (особенно нѣмецкаго, которымъ благодаря житью въ Дерптѣ и долгимъ путешествіямъ онъ овладѣлъ до тонкостей),—все придавало ему видъ убѣжденнаго западника. А въ то же время этотъ человѣкъ всю жизнь трудился надъ раскрытіемъ того, въ чемъ скрывается корень народности, и всею душою любилъ родину.

Въ ту же самую пору Котляревскій выступилъ впервые на поприще педагога. Правильно и безъ перерыва эта работа длилась у него пять учебныхъ лѣтъ, 1857—1862 г.; потомъ она возобновилась случайно, краткими вспышками, и наконецъ уступила мѣсто университетскому служенію. Какъ бывшій ученикъ его, съ этого времени близко его узнавшій (до того онъ былъ товарищемъ моихъ братьевъ), я могу засвидѣтельствовать, что и въ этой сферѣ онъ выказалъ ту же рѣдкую талантливость, вносившую всюду жизнь и самодѣятельность. Въ короткое время онъ сталъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ учителей въ Москвѣ; и въ большихъ школахъ (Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ), и въ частныхъ урокахъ стоило ему явиться и нагадать дѣло, и все приходило въ движеніе, заинтересовывалось, бросалось читать

и работать. Правда, военно-учебныя заведенія тогда возрождались, и въ томъ же корпусѣ, куда вступилъ Котляревскій учителемъ русской словесности, дѣйствовали уже Бестужевъ-Рюминъ, Ешевскій, Нилъ Поповъ, М. Капустинъ, Корсакъ и др. Но и въ этой обстановкѣ появленіе энергическаго и оригинальнаго во всемъ молодаго дебютанта-учителя произвело сильное впечатлѣніе. Онъ захватилъ съ собой изъ университетской аудиторіи и изъ своей студенческой каморки все то увлеченіе наукой о народности, которое согрѣло его собственную жизнь, и умѣлъ передать его подросткамъ, до той поры мало задумывавшимся надъ подобными вопросами. Онъ говорилъ имъ объ арійской старинѣ, о миѳологіи, съ жаромъ истолковывалъ народныя пѣсни, уводилъ слушателей, казалось, далеко отъ текущей жизни,—а между тѣмъ въ нихъ пробуждалась бодрость духа, жажда развитія и интересъ къ старинѣ наравнѣ съ сочувствіемъ новому времени. Все встрепенулось и взволновалось. Когда лекторъ переходилъ къ среднему и новому періоду словесности, въ классную комнату врывался тотъ воздухъ, который уже отводилъ душу лучшей части общества; сравнительный методъ и масса интереснѣйшихъ отклоненій въ область иностранныхъ литературъ (не полагавшихся тогда даже въ университетѣ) расширяли кругозоръ учениковъ; въ довершеніе всего передъ ними открылась возможность обширныхъ самостоятельныхъ работъ; годовыя сочиненія съ массой источниковъ, которые увлекавшійся преподаватель добывалъ отовсюду, откапывая рѣдкости, опустошая библіотеки, давали поводъ много прочесть, обо многомъ подумать, а тѣхъ, кто слабо зналъ иностранные языки, заставляли налечь на нихъ, чтобъ въ подлинникѣ изучить все необходимое. Теплое и человѣчное отношеніе къ ученикамъ, живая рѣчь, блестѣвшая образами и остроуміемъ, способность серьезно заинтересоваться развитіемъ отдѣльныхъ болѣе даровитыхъ личностей, направлять ихъ потомъ и дальше въ жизни, все это привязывало молодежь къ Котляревскому неразрывною связью, и его личность осталась для нея найболѣе свѣтлымъ явленіемъ изо всей школьной поры. Такимъ былъ онъ и въ обстановкѣ школы, и въ частномъ преподаваніи; молва, быстро разнесшаяся о немъ по Москвѣ, не была преувеличена; *такіе*

лекторы русской словесности всегда рѣдки; изъ учениковъ его и теперь найдутся люди, способные подтвердить сказанное мною. Я же, одинъ изъ нихъ, многимъ обязанъ въ пору юношескаго развитія тому, кто съ годами превратился изъ наставника моего въ друга, считаю себя счастливымъ, что могъ съ глубокою благодарностью вспомнить здѣсь о его малоизвѣстной просвѣтительной дѣятельности.

Одновременно съ педагогическими успѣхами развивались и литературныя работы Котляревскаго, не менѣе счастливо начатыя. Если слухъ о томъ, какъ необычно ведетъ онъ преподаваніе русской словесности, достигъ высшихъ сферъ, призванныхъ наблюдать за учебною частью въ корпусахъ (напр. акад. Билярскаго и др.), если экзаменъ вызванныхъ въ Петербургъ учениковъ Котляревскаго прошелъ блестящимъ образомъ а „сочиненія", испещренныя учеными ссылками, произвели эффектъ, то и въ журнальныхъ кругахъ обѣихъ столицъ извѣстность недавняго дебютанта быстро возрастала. Новичекъ, почти вовсе не выступавшій еще подъ собственнымъ именемъ въ печати, и любившій выдвигать свою крѣпкую связь съ университетомъ въ привычной подписи „Эк. с—тъ" (эксъ—студентъ), все смѣлѣе упрочивалъ себѣ самостоятельное мѣсто въ литературѣ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ онъ былъ уже постояннымъ сотрудникомъ, и въ 1862 году могъ уже взять на себя веденіе важной части критическаго отдѣла,—обзора всего, что за годъ передъ тѣмъ вышло на Руси, въ формѣ ли книгъ, статей или сборниковъ различныхъ матеріаловъ, по любимому его вопросу. Это именно тѣ въ свое время очень замѣченные обзоры, которые были имъ собраны въ отдѣльную книжку, оттиснутую въ 99 экземплярахъ (въ числѣ капризовъ его, какъ записнаго библіомана, была слабость къ подобнымъ миніатюрнымъ изданіямъ; дошло до того, что одну изъ моихъ книгъ, печатавшуюся подъ его наблюденіемъ въ Прагѣ, онъ сверхъ выпуска для публики напечаталъ еще in 4° всего въ *двухъ* экз.) и озаглавленную „Старина за 1861 годъ." Слегка иронизируя надъ доходившими очевидно до него слухами о недовольствѣ, которое возбуждаетъ онъ среди старшаго ученаго поколѣнія, обиженнаго возраженіями и замѣчаніями „какихъ то не-

давнихъ школьниковъ", онъ увѣренно и съ большимъ знаніемъ дѣла производитъ генеральный смотръ всему наличному составу дѣятелей и трудовъ, безпристрастно отдѣляя слабыя стороны отъ достоинствъ у писателей противуположной ему школы (напр. г. Безсонова), остроумно разграничивая два направленія въ изученіи старины, „патріотическое или славянофильское" и „сравнительно—историческое", допытываясь точнаго метода въ изслѣдованіи словесности и мимоходомъ уже намѣчая себѣ предметъ ближайшихъ своихъ работъ; такъ, здѣсь мы находимъ въ зародышѣ планъ его будущей книги о погребальныхъ обычаяхъ, при помощи которыхъ ему хотѣлось бы возсоздать воззрѣнія и культуру предковъ. Даже позднѣйшій читатель, коснувшись этого любопытнаго сборника критическихъ обзоровъ, навѣрно признаетъ, что передъ рецензентомъ такой силы и независимости открывалась почетная будущность.

Но и въ петербургскихъ интеллигентныхъ кружкахъ уже знали о Котляревскомъ, и въ особенности въ томъ, который былъ для него всего ближе, такъ какъ связывалъ его съ родиной. То былъ именно украинскій кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ *Основы.* Несмотря на глубокія симпатіи, сроднившія Котляревскаго съ Москвою и московскими друзьями, и на всѣ признаки, предвѣщавшіе, что дѣятельность его разовьется именно въ великорусской средѣ, въ немъ никогда не замирала искренняя любовь къ Украинѣ; и, быть можетъ, она именно придавала ему въ разнохарактерномъ, но почти одноплеменномъ кругу друзей особенную типичность. Сношеній съ родиною у него сначала было немного; но рѣдкія письма съ нея, и въ особенности свиданія съ умною и какъ то величаво высматривавшею матерью, которую онъ необыкновенно уважалъ, всегда поднимали въ немъ живыя воспоминанія о юности, проведенной на югѣ, о другой природѣ и другихъ людяхъ. Пѣсни и сказки малорусскія онъ зналъ превосходно. Въ иныя минуты, когда особенно развертывалась на распашку его натура, онъ казался удалымъ и безпечальнымъ запорожцемъ. Ужъ если припадавшій на ногу и угловатый, неподражаемо гротескный и столь же неотразимо привлекательный Бодянскій могъ скрываться подъ миѳической ли-

чиной козака Иська Матерынки, надѣюсь, запорожскій нарядъ болѣе присталъ бы къ его вѣрному ученику... Начавшееся съ середины пятидесятыхъ годовъ усиленіе занятій украинскою народной стариною живо интересовало его. *Записки о южной Руси* были имъ встрѣчены сочувственно, хотя сразу онъ почуялъ недостаточно научное отношеніе къ собиранію и изданію памятниковъ народности. Каково же должно было быть его удовольствіе при видѣ осуществленія въ Петербургѣ завѣтной мечты его земляковъ, основанія спеціально малорусскаго журнала! Наряду съ лучшими силами его родины и онъ привлеченъ былъ къ участію въ *Основѣ,* и онъ появился на тѣхъ оживленныхъ, многолюдныхъ редакціонныхъ вечерахъ, гдѣ столько бывало интересныхъ и даровитыхъ людей, столько оригинальныхъ рѣчей и преній, памятныхъ до сихъ поръ и тѣмъ, кому приходилось быть только сочувствующими зрителями. Задумавъ нѣсколько статей для новаго органа, А. А. помѣстилъ въ немъ для начала полемическую статью „О томъ, были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ“, какъ утверждалъ тогда Погодинъ, опираясь на филологическія разысканія Лавровскаго.

Такимъ образомъ передъ Котляревскимъ открывалась разнообразная и увлекавшая его дѣятельность; педагогъ и публицистъ, археологъ и широкій знатокъ народности, историкъ литературы и независимый, внѣ партій стоящій критикъ, онъ могъ считать жизнь свою удавшеюся; и дѣйствительно, она никогда не была потомъ у него такою полною, возбуждающею всѣ силы. Женитьба еще болѣе скрасила ее.

Въ эту-то пору, въ разцвѣтѣ медоваго мѣсяца и литературныхъ успѣховъ, внезапно разразилась буря, и все разстроила и переломила. Въ нашей будничной жизни бываетъ иногда такой чисто трагическій переломъ.

Въ лѣтописяхъ выдающихся процессовъ всегда отводится видное мѣсто такъ называемымъ судебнымъ ошибкамъ. Читать подробное изложеніе ихъ гдѣ нибудь въ *Gazette des tribunaux* бываетъ очень заняты; каково было лицамъ прикосновеннымъ переживать ихъ!... Котляревскій былъ поставленъ судьбою имен-

но въ такое положеніе. Бѣда обрушилась на него совершенно неожиданно. Впослѣдствіи среди болѣе серьозныхъ тревогъ, на его „прегрѣшеніе“ врядъ ли обратили бы особое вниманіе. Занимавшій второстепенное мѣсто въ лондонской эмиграціи, очень подвижный и падкій на приключенія, Кельсіевъ удачно пробрался тогда съ турецкимъ паспортомъ въ Москву. Живо интересовавшійся народнымъ бытомъ и въ особенности расколомъ, (по которому издалъ нѣсколько книгъ въ Англіи), онъ искалъ возможности ближе изучить ихъ и вращался въ разныхъ слояхъ московскаго населенія; бывалъ онъ, разумѣется, и въ литературныхъ кружкахъ. Разъ или два встрѣтился онъ за обѣдомъ съ Котляревскимъ; чуть ли ихъ не познакомилъ издатель *Библіограф. записокъ* Касаткинъ. Разговорились они, и, должно быть, оригинальная бесѣда и мѣткія сужденія молодаго ученаго произвели извѣстное впечатлѣніе на Кельсіева; возвратившись въ Лондонъ, онъ по крайней мѣрѣ счелъ умѣстнымъ въ письмѣ къ третьему лицу послать поклонъ Котляревскому, Аѳанасьеву и еще кому то изъ столу же случайно встрѣченныхъ имъ людей, что вовсе и не означало знакомства или близости. На Котляревскаго же встрѣча съ нимъ подѣйствовала совершенно мимолетно; всегда не прочь потолковать съ интереснымъ человѣкомъ, онъ видѣлъ въ пріѣздѣ Кельсіева скорѣе затѣйливую новинку, курьозъ. Не разъ выражался онъ потомъ именно въ этомъ смыслѣ. Онъ слишкомъ хорошо умѣлъ разгадывать людей, распознавать ихъ слабыя стороны и не щадить ихъ въ своихъ отзывахъ, чтобы довольно поверхностная натура Кельсіева могла ему сколько нибудь импонировать. Ихъ встрѣча была одною изъ безчисленныхъ житейскихъ случайностей, которыя скоро забываются. Богъ вѣсть какъ всему этому придано было другое значеніе Неосторожные поклоны Кольсіева заставили предположить тѣсную близость; другія подозрѣнія, а, можетъ быть, и извѣты помогли сгустить краски, и А. А. былъ заключенъ въ крѣпость, до разслѣдованія дѣла и допроса.

Когда послѣ полугодоваго ожиданія состоялся наконецъ допросъ, безъ труда обнаружена была вся безсодержательность обвиненія и понята была сдѣланная ошибка. Оставалось только

выпустить узника на свободу. Это и сдѣлали; по словамъ Котляревскаго, встрѣтившаго въ теченіи этого тяжелаго времени участіе и симпатіи со стороны нѣкоторыхъ изъ лицъ надзора, ему выразили при разставаніи сожалѣніе о случившемся, обѣщали выдать (а, можетъ быть, и выдали) удостовѣреніе въ томъ, что съ него снята напраслина и что дѣятельность его ни въ чемъ не будетъ стѣснена.

Но въ прежнюю среду возвратился какъ будто другой человѣкъ. Въ болѣзненномъ существѣ съ осунувшимися чертами лица, принявшаго зловѣщій блѣдно-зеленоватый отливъ, потускнѣвшими глазами, хриплымъ кашлемъ, ввалившеюся грудью, напрасно стали бы искать сходства съ прежнею горячею, искрометною натурою. Нервы расшатались, а грудная болѣзнь, подъ конецъ сведшая А. А. въ могилу, рѣзко обозначалась. Впереди, однако, было еще много мелкихъ испытаній, въ которыхъ то и дѣло отзывалась только что пережитая тревога. Когда, придя въ себя, онъ попытался приняться за прежнія занятія, успокоительныя петербургскія увѣренія не оправдывались. Преподаваніе въ казенныхъ заведеніяхъ оказалось немыслимымъ; въ частныя школы, женскіе пансіоны ему удавалось проникать словно украдкой, и то не надолго. Только что устроится онъ гдѣ нибудь и поотдохнетъ душою, какъ содержательница школы, конфузясь и краснѣя, проситъ его прекратить уроки, потому что она не знала и т. д. Снова приходилось приниматься за поиски уроковъ гдѣ нибудь въ иномъ, болѣе снисходительномъ заведеніи. Какъ будто чья то рука не въ мѣру усердствовала и не давала человѣку оправиться и обезпечить себѣ заработокъ. Формальнаго запрещенія учить, очевидно, не существовало, потому что все таки нашлась школа, гдѣ, не взирая ни на что, Котляревскаго удержали, и самъ онъ мало по малу пересталъ сознавать надъ собою близость Дамоклова меча. Оставалась, конечно, ученая дѣятельность, и онъ сосредоточилъ всѣ силы на ней, хотя въ новой, семейной обстановкѣ встрѣчалъ людей, осуждавшихъ безплодное корпѣніе надъ книгами. Но и эта дѣятельность не могла не принять особаго направленія. Очевидно подъ вліяніемъ перенесенной невзгоды вся та сторона его писательства, которая сближала его съ текущею

жизнью и ея запросами и открывала передъ нимъ широкіе горизонты, отпала; безопаснѣе было углубиться въ изученіе далекой старины, всегда его привлекавшей, и сдѣлать изъ такихъ занятій вполнѣ нейтральную область. По взглядамъ онъ остался навсегда такимъ, какимъ былъ до того, но многое затаилъ про себя и на первый взглядъ казался вскорѣ лишь сосредоточеннымъ спеціалистомъ-археологомъ. Тѣ науки, которымъ онъ отнынѣ посвятилъ свои силы,—доисторическая археологія, исторія древняго права, славянскія древности, чрезвычайно много выиграли, пріобрѣтая ученую силу первой величины, но кругъ литературно-общественныхъ дѣятелей, способныхъ сочетать воздѣлываніе науки съ служеніемъ новой жизни, понесъ чувствительную утрату. Когда друзья Котляревскаго высказывались передъ нимъ впослѣдствіи въ этомъ смыслѣ, замѣтно было, что это—его больное мѣсто, котораго но слѣдуетъ касаться.

Опять основавшись въ Москвѣ, онъ затратилъ не мало энергіи на оживленіе ученой дѣятельности въ ней. Сблизившись съ мѣстными знатоками старины и заручившись поддержкой гр. Уварова, онъ велъ усиленную агитацію въ пользу основанія московскаго археологическаго общества, былъ однимъ изъ его учредителей, участвовалъ въ предварительныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, нашелъ деньги для изданія, кромѣ *Трудовъ* общества, ежемѣсячнаго „Археологическаго Вѣстника“, который выходилъ подъ его редакціею. Почти съ такимъ же рвеніемъ отнесся онъ и къ другому, старѣйшему изъ московскихъ обществъ, тогда возрождавшемуся послѣ долгой летаргіи, „Обществу любителей россійской словесности“, понимая, какъ много пользы можетъ принести оно для разработки языка и литературы, для развитія вкусовъ и взглядовъ публики, привыкшей стекаться массами на его открытыя засѣданія. Но въ числѣ „любителей“ было тогда еще немало одряхлѣвшихъ обломковъ „временъ очаковскихъ“, уцѣлѣвшихъ отъ дореформеннаго періода; кромѣ того послѣ возрожденія общества въ немъ одно время подбирались сторонники славянофильства, внесшіе въ него духъ партіи и нетерпимость. Котляревскому пришлось испытать это на себѣ. Не зная даже путемъ, какіе за нимъ есть грѣхи, иные изъ москвичей вообще

подозрительно смотрѣли на него; невоздержность его въ сужденіяхъ, разносимыхъ сплетнею, и печатно высказанное и раньше порицаніе узкому націонализму вызвали въ извѣстныхъ слояхъ глухую вражду. Она обрушивалась на него наравнѣ съ его даровитѣйшимъ другомъ Аѳанасьевымъ, который также пострадалъ за нелѣпую кельсіевскую исторію. Не выбирать въ члены такихъ людей нельзя было, наряду съ стариками уже образовывалась группа молодежи, вліявшей иногда на выборы. Но постоянное присутствіе ихъ и оживленная дѣятельность въ обществѣ раздражала хранителей добрыхъ преданій.

Котляревскій слишкомъ очевидно для всѣхъ ратовалъ за разнообразіе и научную серьезность работъ общества, содѣйствовалъ изданію имъ „Толковаго словаря“ Даля и привѣтствовалъ его окончаніе, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ и въ журналѣ общества, составлялъ содержательные годовые отчеты, полные проектовъ важныхъ работъ. Такого неутомимаго труженика нельзя было не выбрать въ секретари,—и, несмотря на оппозицію правой стороны, Котляревскій былъ выбранъ. Каждый подобный фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, приближалъ его къ полной реабилитаціи. Но и тутъ не обошлось безъ обиды; видно было, что искупленіе все еще считалось незаконченнымъ.

Это было въ предсѣдательство Погодина. Одинъ изъ его присныхъ, бывшій масонъ, а потомъ извѣстный сельско-хозяйственный дѣятель С. А. Масловъ, по непонятнымъ литературнымъ заслугамъ попавшій въ общество словесности, не затруднился во всеуслышаніе предложить на засѣданіи кассировать выборъ Котляревскаго, какъ человѣка „неугоднаго“. Если эта выходка и была подстроена, какъ догадывался А. А., она потерпѣла полнѣйшее пораженіе. По мѣрѣ того, какъ Масловъ развивалъ мотивы своего предложенія, одинъ за другимъ члены вставали и выходили изъ залы; ораторъ, замѣтивъ это, сталъ конфузиться, запинаться, наконецъ замолкъ, изъ боязни фактически вопіять въ пустынѣ. Поспѣшно бросились въ прихожую и упрашивали уходившихъ вернуться и продолжать засѣданіе, такъ какъ Масловъ говорить больше не станетъ... Нужно было

видѣть Котляревскаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой обиды и слышать, какъ онъ безподобно разсказывалъ въ лицахъ всю сцену, чтобъ понять, какъ подняла она въ немъ оскорбленное достоинство.

Тѣмъ сильнѣе, быть можетъ, повлекло его къ одинокимъ занятіямъ, въ глубь старины; тутъ ждалъ его рядъ успѣховъ. Появились его „Погребальные обычаи", укрѣпили его ученый авторитетъ и открыли передъ нимъ возможность университетской дѣятельности. И влеченіе къ родинѣ, и предпочтеніе болѣе теплаго климата, понятное у человѣка неотвязно мучимаго болѣзнью груди, внушали ему желаніе добыть себѣ каѳедру въ Кіевѣ. Но и вакантнаго мѣста, кажется, не было,—и сразу такое возстановленіе правъ гражданства сочтено было неудобнымъ. Каѳедра въ Дерптѣ являлась поэтому подготовительною промежуточною стадіею. Котляревскій порадовался и ей, какъ началу чего-то лучшаго, но необходимость оторваться отъ близкаго ему дѣла, отъ друзей, и очутиться одинокимъ на чужой сторонѣ, среди людей, впередъ расположенныхъ къ нему недружелюбно, въ иныя болѣе грустныя минуты казалась ему ссылкой. Отсутствіе мелкихъ національныхъ счетовъ въ его характерѣ помогло ему сначала и тамъ установить приличныя отношенія, тѣмъ болѣе что въ числѣ дерптскихъ своихъ коллегъ онъ нашелъ нѣсколькихъ настоящихъ, европейскихъ ученыхъ, общеніе съ которыми было для него особенно пріятно. Но, если эти отношенія испортились въ конецъ, вина была не его; съ одной стороны его сильно стала раздражать мелочность и кляузность крохотнаго уѣздно-университетскаго мірка, съ другой онъ коренньмъ образомъ расходился съ сослуживцами во взглядѣ на крупнѣйшій политическій фактъ того времени, франко-прусскую войну. Его сочувствія были всѣ на сторонѣ Франціи, а кругомъ широкими волнами поднималось германофильство. „Съ нѣмцами по поводу войны, писалъ онъ мнѣ, я разошелся въ чистую: они вообразили, что прусскія побѣды сдѣлали ихъ (т. е. моихъ нѣмцевъ) *геніально умными*, я же разсматриваю ихъ яко обыкновенныхъ смертныхъ, и сверхъ того лишенъ

ныхъ, и сверхъ того лишенъ благодати восхищаться пруссаками и ихъ *гуманностью.* Обозлились на меня страшно". Къ началу слѣдующаго года положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилось и стало невыносимымъ. Отрывокъ изъ другаго письма 1872 г. разскажетъ это лучше всякихъ поясненій: „Не отвѣчалъ мгновенно потому, что болѣлъ—и болѣлъ скверно: опять старая исторія съ кровохарканіемъ, исторія, сведшая друга моего Аѳанасьева въ могилу! Не стану распространяться объ этомъ: жизнь моя здѣсь исполнена такого убійственно-грустнаго мрака, что выносить ее передъ друзей—непригоже. Будемъ же бесѣдовать весело, насколько это возможно. Все далѣе и далѣе отхожу отъ моихъ нѣмцевъ; но разстаюсь съ идеальнымъ воззрѣніемъ на нихъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Не могу, по совѣсти, сказать, чтобъ они были—дурные люди, нѣтъ,—но и хорошаго въ нихъ мало; такая все сѣрая будничность, посредственность, мелкота, такое отсутствіе всякаго высокаго элемента, всякаго рыцарскаго благородства, что послѣдній изъ нашихъ братій кажется гигантомъ передъ ними. На дняхъ разошелся съ лучшимъ и чистѣйшимъ изъ нихъ, Лео Мейеромъ а—почему? потому что при выборѣ въ деканы факультета подалъ голосъ не за него, а за другого. Не подумайте, что здѣсь дѣло идетъ о честолюбіи, нѣтъ,—о деньгахъ, о прибавочномъ деканскомъ содержаніи! Вотъ камень, о который претыкается всякая *нѣмецкая* дружба! Какъ ни глупы славянофильскія зренія противъ нѣмцевъ, а здѣсь они становятся мнѣ понятны. Золъ, батюшка мой Ал. Н., дѣлаюсь я! Конечно, въ такой средѣ не можетъ спориться работа—и я прозябаю, и притоки жизни подымаютъ меня на ноги только тогда, когда приходитъ хотя какая нибудь вѣсточка съ *того свѣта* (т. е. съ вашего)".

Когда передъ отъѣздомъ въ Дерптъ А. А. собралъ у себя въ послѣдній разъ пріятелей, и мы вышли провожать его, на его нервно возбужденномъ лицѣ мелькали, смѣняя другъ друга, выраженія грусти, смѣха, пытающагося разогнать ее, и какой то фаталистической рѣшимости. Съ напускной удалью закинулъ онъ назадъ голову, посматривая на прохожихъ, въ то время какъ экипажъ выѣзжалъ изъ воротъ на улицу; съ такимъ видомъ

въ старые годы уходилъ изъ дому рекрутъ, стараясь бодростью разсѣять жуткое ожиданіе долгой неволи. .

А потомъ,—потомъ все измѣнилось къ лучшему; существенно поправилась матеріальная сторона жизни, обезпечивъ полный достатокъ, сдѣлались возможными долгія заграничныя путешествія, осуществилась кіевская профессура; не измѣнилась только болѣзнь. „Буду здоровъ—въ слѣдующемъ семестрѣ прочту исторію романской литературы до XVI в., писалъ онъ. Говорю *буду здоровъ* и смѣшно звучитъ мнѣ сей глаголъ. Когда же я здоровъ буду? Развѣ—когда *успокоюсь!*“...

Но пора остановиться и предоставить слово тѣмъ, кто лучше и ближе зналъ Котляревскаго во время его дерптскаго и кіевскаго житья.

Но я не могъ не коснуться и этого поздняго періода, протекшаго не на моихъ глазахъ; съ одной стороны о немъ напомнили приведенныя выдержки изъ писемъ,—самъ Котляревскій далъ въ нихъ какъ бы свое показаніе о томъ, какъ ему жилось тогда;—съ другой хотѣлось возстановить всю связь, которая соединяла блестящаго юношу-писателя съ захирѣвшимъ страдальцемъ, какимъ онъ сошелъ въ могилу. Одно изъ послѣднихъ его писемъ ко мнѣ (1879) показываетъ, какъ дорога для него была всегда возможность переноситься въ то давнопрошедшее время. „Цѣлыхъ двѣ недѣли болѣлъ, и болѣлъ нешуточно; дня два тому назадъ поднялся на ноги, все въ организмѣ еще дрожитъ, колеблется, мозгъ неистовствуетъ, языкъ ругается... Въ такую пору только воспоминанія стараго времени, старыхъ добрыхъ друзей низводятъ миръ на душу, и „звѣрей“ возвращаютъ къ человѣку. Въ такую минуту пишу, къ вамъ дорогой мой, потому что едва ли я найду между *своими* другаго, въ отношеніяхъ съ которымъ у меня все было бы такъ чисто и ясно, какъ въ отношеніяхъ съ вами“.

Послѣ этихъ сердечныхъ словъ читатель проститъ, быть можетъ, нѣкоторое излишество подробностей въ настоящихъ воспоминаніяхъ, и пойметъ, какую отраду доставляла писавшему ихъ возможность вызвать изъ прошлаго образъ друга.

Алексѣй Веселовскій.

Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ [1]).

Знаменитая судебная волокита, взяточничество и лицепріятія судей, злоупотребленія генеральной и полковой старшины, державшей въ своихъ рукахъ администрацію и юстицію Малороссіи, достаточно извѣстны каждому, чтобы говорить о нихъ снова. Всѣ эти злоупотребленія въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ достаточно выяснены и справедливо лежатъ темнымъ пятномъ на совѣсти лицъ, заправлявшихъ судьбами Малороссіи; но было бы крайне недобросовѣстно и односторонне объяснять дѣло личными недостатками старшины и не коснуться тѣхъ сторонъ и причинъ злоупотребленій, которыя умышленно пропускались самими выдающимися людьми того времени. Извѣстно, напримѣръ, что Петръ I, отмѣняя гетманское управленіе, главной причиной этой реформы выставилъ злоупотребленія старшинъ и не обратилъ никакого вниманія на такіе крупные пороки въ государственной жизни Малороссіи, какъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ судебныхъ и административныхъ функцій и отсутствіе въ странѣ единаго и строго кодифицированнаго права. Совмѣщеніе высшихъ административныхъ и судебныхъ функцій, признаваемое теперь большимъ зломъ тамъ, гдѣ оно еще удержалось, само предрасполагаетъ къ злоупотребленіямъ независимо

[1]) №№ дѣлъ Южно-русскаго архива: 68, 1220, 1687, 2398, 2588, 2735, 2788, 3648, 3928, 5115, 5398, 5478, 5705, 8497, 9836, 11307, 12153, 12743, 12744, 14956, 19563, 19564 и рѣшеніе черниговскаго гродскаго суда и полковой канцеляріи.

отъ дурныхъ или хорошихъ качествъ людей, потому что облекаетъ ихъ судебной и исполнительной властью; отсутствіе же точнаго и единообразнаго права дѣлаетъ управленіе и судъ въ странѣ рѣшительно невозможными даже при хорошихъ правителяхъ, а между тѣмъ оба вышеуказанныя обстоятельства имѣли мѣсто у насъ во всей своей силѣ. Несмотря на то, что по силѣ арт. 2 раздѣла 4-го Статута административная власть отдѣлялась отъ судебной[1]), малороссійская старшина одновременно занимала мѣста военачальниковъ, управляла полкомъ, судила въ полковыхъ канцеляріяхъ, завѣдывала денежными суммами и т. д., такъ что большаго смѣшенія воинскаго и гражданскаго, административнаго и судебнаго управленій нельзя себѣ и представить.

Что же касается до законовъ, которыми судились малороссіяне прошлаго вѣка, то они являютъ собою не только большое разнообразіе, но часто и такія противорѣчія, изъ которыхъ трудно бывало выпутаться людямъ даже съ большой юридической эрудиціей и опытностью—дѣло въ томъ, что по силѣ арт. 54-го раздѣла 4-го нашего національнаго и основнаго кодекса,—Литовскаго Статута, на случай его неполноты допускалось примѣненіе правъ другихъ христіанскихъ народовъ[2]); этими дополняющими Статутъ правами были Магдебургское право, иначе называемое Порядокъ, и Саксонское Зерцало, вошедшія къ намъ подъ иноземнымъ вліяніемъ и не всегда отвѣчавшія народнымъ правовоззрѣніямъ; кромѣ этого нужно помнить, что дѣйствіе Статута не распространялось на „упривиліованные“ города, пользовавшіеся магдебургіей: жители ихъ судились по Магдебургскому праву и не признавали надъ собой силы статутоваго; впрочемъ, имъ судились не всѣ жители привилегированныхъ городовъ, но

[1]) Розд. 4, арт. 2: „уставуемъ ихъ на тые вряды яко на судъство и на писарство не мають быти выбрами духовные особы, а ни каштелянове, маршалки и старостове судовые, а ни подкоморые, войские, а ни хоружие дворьные и повѣтовые и никто таковой, которой бы иншимъ земськимъ врядникомъ былъ“.

[2]) Р. 4, арт. 54: „а где бы чого в томъ статуте недоставало, тогды судъ прихиляючися до ближъшое справедливости водле сумненья своего, *и прикладамъ иншихъ правъ христіанскихъ то отправовати и судити маетъ.*

только купцы, мѣщане и посполитые, козаки же оставались подсудными не магистрату, а полковымъ канцеляріямъ, употреблявшимъ Статутъ, какъ право „шляхетское“.

Нечего говорить, что Статутъ, Порядокъ и Саксонское Зерцало нерѣдко приходили между собою въ столкновеніе и, внося безпорядокъ въ матеріальное право, тѣмъ самимъ вредили быстрому и правильному судопроизводству. Особенно велика была неурядица въ тѣхъ случаяхъ, когда судебныя рѣшенія, постановленныя магистратами на основаніи Магдебургскаго права, поступали по аппелляціи въ Войсковую Генеральную канцелярію, гдѣ онѣ перерѣшались по Статуту и правые становились виноватыми, а виноватые правыми, потому что нормы Статута иногда противорѣчили нормамъ Магдебургскаго права [1]).

Кромѣ того, мы не должны упускать изъ виду, что безпорядокъ въ малорусскомъ правѣ увеличивался и тѣмъ обстоятельствомъ, что многія правоположенія Статута по публичному и въ частности по уголовному праву послѣ соединенія Малороссіи

[1]) Вотъ одинъ примѣръ изъ второй половины прошлаго вѣка, доказывающій, какая происходила отъ этого путаница и умноженіе судебной волокиты. Въ 1761 году нѣжинскій магистратъ обратился къ гетману съ жалобой на дѣйствія Генеральной канцеляріи, рѣшавшей поступавшія отъ него дѣла не по силѣ правъ Магдебургскихъ, а по Статуту, между тѣмъ какъ многія постановленія послѣдняго несогласны съ ихъ правомъ, въ доказательство чего нѣжинскій магистратъ указалъ на 7-ой раздѣлъ, арт. 1-й Статута, по которому каждый собственникъ имѣній материнскихъ или отцовскихъ, купленныхъ или выслуженныхъ можетъ отчуждать ихъ продажей, даромъ, записью, обходя своихъ дѣтей и родственниковъ, между тѣмъ по Магдебургскому праву никто не можетъ отчуждать „дѣдизнаго“ имѣнія, если на это несогласны наслѣдники; продажа, состоявшаяся безъ согласія наслѣдниковъ считается ничтожной. Или, например, по 14 арт, разд., 5-го всякое материнское имѣніе наслѣдуется въ равной мѣрѣ какъ сыновьями, такъ дочерьми, а отцовское, наслѣдственное имѣніе переходитъ только на сыновей и ихъ нисходящихъ, между тѣмъ какъ по Магдебургскому праву оно одинаково переходитъ какъ на сыновей, такъ и дочерей. Приведенными примѣрами, конечно, не исчерпываются противорѣчивыя положенія двухъ правъ; ихъ было настолько много, что нѣжинскій магистратъ обратился къ гетману за резолюціей, по какимъ правамъ должны рѣшаться дѣла, поступающія отъ него по аппеляціи въ Войсковую Генеральную канцелярію, и добился отъ гетмана распоряженія рѣшать эти дѣла *вездѣ* по однимъ и тѣмъ же правамъ Магдебургскимъ.

съ Великороссіей подверглись отмѣнѣ или сильнымъ измѣненіямъ. Положеніе Литовскаго Статута, касающіяся административнаго, финансоваго и государственнаго правъ, должны были измѣниться или совсѣмъ прійти въ забвеніе подъ вліяніемъ режима московскаго правительства; въ уголовное право Статута также вторгалось это вліяніе, и малороссійскимъ судьямъ приходилось считаться не только съ нимъ, но и съ царскими указами, его отмѣнявшими [1]).

Конечно, нельзя не радоваться гуманнымъ измѣненіямъ въ системѣ уголовныхъ наказаній Статута, ибо послѣднія дѣйствительно нуждались въ радикальномъ обновленіи, такъ какъ давно уже перестали соотвѣтствовать обстоятельствамъ своего времени; но дѣло въ томъ, что всѣ подобныя постановленія не были приведены въ систему и часто отсутствовали въ сотенныхъ и полвыхъ канцеляріяхъ, развязывая такимъ образомъ руки нашимъ судьямъ и правителямъ. Намъ кажется, что указанные два порока въ государственной жизни Малороссіи объясняютъ причины всѣхъ злоупотребленій больше, чѣмъ пресловутые недобросовѣстность и эгоизмъ малороссійской старшины и обвиненія ея московскимъ и петербургскимъ правительствомъ въ продажности. Однако до гетманства Данила Апостола, впервые обратившаго вниманіе на устарѣлость, противорѣчіе и разнообразіе дѣйствовавшаго у насъ законодательства, мы не встрѣчаемъ со стороны центральной власти никакихъ попытокъ къ упорядоченію мате-

[1]) Таковы, напримѣръ, указы Петра I, отъ 1721 г., о нечиненіи надъ ворами за первое и второе преступленія иного наказанія, какъ битье плетьми и отдача на поруки, между тѣмъ по Статуту за воровство вещи дороже 4-хъ копъ полагалась смертная казнь. Такого же рода и другой извѣстный намъ указъ Петра I, значительно облегчающій наказаніе разбойникамъ, если ими не учинено смертнаго убійства—по этому указу Петра I повелѣвалось разбойниковъ за первый и второй разбои, не сопровождавшіеся смертными случаями, вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную каторжную работу, между тѣмъ по § 3, арт. 32-го, раздѣла 13-го за эти преступленія положена безусловно смертная казнь. Таково же распоряженіе и Елизаветы Петровны за 1761 г. о замѣнѣ смертной казни ссылкой въ Сибирь на вѣчное жительство.

ріальнаго и процессуальнаго права. Великорусское правительство ограничивалось только смѣной лицъ съ ихъ урядовъ, не касаясь глубины вещей, и даже Петръ I, сдѣлавшій столько для законодательства своей родины, ограничился въ Малороссіи маловажными измѣненіями „формы“ производства дѣлъ въ Войсковомъ Генеральномъ Судѣ. Только Д. Апостолъ вскорѣ послѣ назначенія его на гетманскій урядъ сдѣлалъ представленіе въ Верховный Тайный Совѣтъ о необходимости упорядоченія малорусскаго законодательства, и Совѣтъ, соглашаясь съ гетманомъ, призналъ за наилучшее перевести права, которыми судились малороссіяне, на великорусскій языкъ и свести ихъ въ одно. До представленія гетмана о законодательной неурядицѣ, царствовавшей въ Малороссіи, великорусское правительство повидимому едва ли даже знало, какими законами пользуется присоединившійся къ нему край, по крайней мѣрѣ указъ Петра II о назначеніи коммиссіи для перевода и свода правъ малороссійскихъ выражается о нихъ очень неопредѣленно—„малороссійскій народъ судятъ разными правами, которіе сими словами названи: Майдебурскіе да Саѯонскіе Статуты“. Какъ бы то ни было, но этимъ указомъ Петра II, заключавшимся въ 20-мъ параграфѣ рѣшительныхъ пунктовъ, сдѣланъ сильный толчекъ вопросу, давно назрѣвшему въ правовой жизни Малороссіи, чтобы не сказать перезрѣвшему. Прошло около полутора вѣка со времени изданія главнаго кодекса—Статута, въ продолженіе которыхъ рука законодателя не касалась малорусскаго права, между тѣмъ понятно, что въ этотъ періодъ времени могло устарѣть самое совершенное законодательство. Правда, въ первоначальномъ указѣ Петра II цѣль коммиссіи понималась довольно узко, ибо она призывалась не для сочиненія новаго права, не для юридическаго творчества, а для простагс перевода и сводки имѣвшагося въ наличности права, но за то послѣдующими указами Анны Ивановны и Елизаветы Петровны цѣль и задача коммиссіи были расширены до самостоятельнаго творчества права, ибо ей поручалось отжившія узаконенія выбросить или измѣнить, а по вопросамъ назрѣвшимъ въ жизни, но не пред-

усмотрѣннымъ въ существующемъ правѣ, составить проекты законовъ и подать на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества.

Въ силу такого широкаго назначенія, какъ правосозиданіе, коммиссія эта составляетъ крупный фактъ въ исторической жизни Малороссіи; она давала возможность выступить на сцену юридическимъ способностямъ народа и обнаружить ту высоту праваго развитія, которой онъ достигъ путемъ полуторавѣковой жизни и соціальной борьбы и прогресса.

Какъ на важное дѣло смотрѣли на правную коммиссію и и великорусскіе современники, какъ, напримѣръ, это видно изъ слѣдующаго отзыва Миниха: „полтавскій полковникъ Кочубей имѣетъ въ Москвѣ *важное порученіе при составленіи новаго Уложенія для Украйны*—для такой земли, гдѣ никакого права нѣтъ, но кто болѣе даетъ, тотъ и дѣло въ судѣ выиграетъ“.

Благодаря трудамъ покойнаго проф. Кистяковскаго, впервые издавшаго сводную работу этой коммиссіи и познакомившаго насъ съ ея исторіей во введеніи къ самому своду, мы знаемъ главнѣйшіе ея моменты и даже небольшія подробности; но покойный ученый не имѣлъ многихъ архивныхъ данныхъ, а потому его очеркъ, въ общемъ совершенно вѣрный, отличается краткостью и неполнотой, которыя мы и намѣрены восполнить на основаніи дѣлъ, имѣющихся въ южно-русскомъ архивѣ. Подробности наши касаются персонала, обстановки и дѣятельности коммиссій, а такъ же и другихъ вопросовъ, не вполнѣ выясненныхъ г. Кистяковскимъ, какъ напр. вопросъ—въ какой редакціи употреблялся Статутъ въ судахъ прошлаго вѣка и пр.

ГЛАВА I.

Персоналъ коммиссіи.

Въ 1728 году Его Императорское Величество Петръ II въ 20-мъ рѣшительномъ пунктѣ, рѣшительныхъ пунктовъ, данныхъ гетману Апостолу, указалъ: „для пользы и правосудія народа малороссійскаго, тѣ права по которымъ судится малороссійскій

народъ перевесть на малороссійской языкъ и определить изъ тамошнихъ сколько персонъ пристойно искуснихъ и знающихъ людей для свода изъ тѣхъ трехъ правъ въ едно и для аппробаціи прислать ко двору Его Императорскаго Величества". Этимъ указомъ, мало опредѣленнымъ и краткимъ, все дѣло исправленія законовъ возлагалось на усмотрѣніе самого гетмана; ему не было сообщено ни плана работъ, ни указаній, кого привлечь къ трудамъ коммиссіи, можетъ быть именно потому, что ей сначала не придавали болѣе значенія, чѣмъ простой компилятивной работѣ, требующей одной канцелярской техники, а не знанія права, народной жизни и юридическихъ обычаевъ.

Посмотримъ, какъ поступилъ гетманъ, какъ онъ составилъ коммиссію и какихъ привлекъ въ нее членовъ, но прежде всего предупредимъ читателя, что первые годы работъ намъ мало извѣстны за недостаткомъ архивныхъ данныхъ.

Получивъ указъ объ избраніи „искуснихъ и знатнихъ персонъ" въ 1728 году, гетманъ, какъ кажется, не особенно торопился ихъ избраніемъ, такъ какъ мы не встрѣтили за этотъ годъ ни одной бумаги, относящейся къ начинанію дѣла; только въ слѣдующемъ году былъ составленъ по усмотрѣнію Д. Апостола реестръ лицъ преимущественно изъ полковой старшины, духовенства и магистратскихъ писарей, достаточно искусныхъ для предполагаемаго дѣла, Число намѣченныхъ лицъ достигало 30-ти человѣкъ, но изъ нихъ были выбраны гетманомъ, какъ видно изъ приложеннаго къ реестру списка, только слѣдующія лица: протопопъ полтавскій Величковскій и глуховскій—Галяховскій, бунчуковый товарищъ Семенъ Чуйкевичъ, гадяцкаго полка сотникъ В. Велецкій, писарь полковой переяславскій Черняховскій, нѣкій Рощаковскій, полка черниговскаго тов. значковой Кузьменскій, писарь полка полтавскаго Бугдевскій, писарь магистрата нѣжинскаго Конисскій, бурмистръ кіевскій Ѳ. Силичъ, атаманъ города Нѣжина Богдановскій, Данило Кутневскій и хорунжій полковой лубенскій С. Столповскій. Такъ какъ персоналъ коммиссіи не былъ ограниченъ опредѣленнымъ числомъ членовъ, то гетманъ обратился съ просьбою къ преосвященнымъ кіевскому и черниговскому о присылкѣ къ нему въ коммиссію по одному

игумену отъ какого нибудь монастыря, но особенно требовалъ гетманъ у кіевскаго преосвященнаго высылки нѣкоего Пироцкаго, бывшаго сотника полка нѣжинскаго.

Былъ ли висланъ упомянутый отецъ, бывшій сотникъ,— мы не знаемъ, но извѣстно, что изъ Кіева былъ опредѣленъ въ коммиссію монахъ Кіево-Печерской лавры Гервасій Савицкій. Приведенныя въ спискѣ особы, какъ это видно изъ указовъ, разсылавшихся имъ, должны были прибыть въ Глуховъ къ мироносичной недѣлѣ, приходившейся тогда въ маѣ мѣсяцѣ; дѣйствительно, члены коммиссіи, съѣхавшись въ Глуховъ къ этому времени, приступили къ предварительнымъ вопросамъ, касавшимся возложеннаго на нихъ перевода и свода, но не имѣя отъ гетмана надлежащей инструкціи и не получивъ резолюціи на поданные ему пункты, коммиссіанты первое время работали очень неувѣренно и, какъ сами потомъ выразились, „имѣли великую трудность въ начатіи дѣла.“ Молчаніе Д. Апостола на просьбы объ инструкціи и резолюціи сомнительныхъ пунктовъ объясняется со стороны гетмана тѣмъ, что онъ не менѣе самихъ членовъ затруднялся отсутствіемъ руководящаго плана работъ и опредѣленныхъ взглядовъ на ихъ характеръ и направленіе, что особонно обнаружилось въ 1731 г., когда имъ были отправлены въ коллегію иностранныхъ дѣлъ первыя три главы свода, дабы узнать, такимъ ли образомъ продолжать дѣло, какъ оно начато, или иначе?

Въ такомъ состояніи неопредѣленности и смутнаго представленія о характерѣ работъ составители свода провели время отъ мая до половины іюля, когда согласно установившемуся въ Малороссіи обычаю имѣть каникулярное время, они были распущены по домамъ до осени. Въ сентябрѣ члены должны были снова собраться для продолженія дѣла, но съѣзжались ли они,— мы не можемъ положительно утверждать за отсутствіемъ данныхъ, хотя есть нѣкоторые факты, говорящіе въ пользу съѣзда. Такимъ фактомъ слѣдуетъ признать сообщеніе кіевскаго преосвященнаго, отправленное въ сентябрѣ 1729 года къ гетману, о своемъ большомъ сомнѣніи и затрудненіи—посылать ли ему духовныхъ персонъ, находившихся въ коммиссіи, снова въ Глуховъ,

или нѣтъ? Причиной этого затрудненія послужилъ указъ святѣйшаго Синода, запрещавшій свѣтскому и военному начальству брать духовныхъ персонъ на какія нибудь дѣла безъ вѣдома архіереевъ и вообще духовныхъ начальниковъ. Благодаря ему кіевскій преосвященный и колебался—высылать ли ему бывшихъ лицъ безъ вѣдома святѣйшаго Синода, или нѣтъ? На основаніи этого доклада мы думаемъ, что коммиссіанты снова съѣзжались въ Глуховъ, ибо въ противномъ случаѣ нечего было бы безпокоиться кіевскому преосвященному о своихъ „персонахъ", бывшихъ при правной коммиссіи; но и на этотъ разъ надлежащаго начала дѣлу положено не было, такъ какъ въ 30-мъ году только—докладывали потомъ коммиссіанты—они приступили къ занятіямъ „по своему разумѣнію и смыслу", очевидно, не получивъ отъ гетмана ни резолюціи, ни инструкціи. Изъ обзора лицъ, привлеченныхъ къ переводу и своду книгъ правныхъ, мы убѣждаемся, что цѣль коммиссіи въ началѣ понималась очень скромно, и въ мнѣніи самихъ собравшихся работа ихъ должна была ограничиться одной механически-канцелярской частью, не касаясь нисколько существеннаго измѣненія наличнаго права. Этимъ, намъ кажется, объясняется и составъ коммиссіи изъ людей не сильно выдававшихся своимъ общественнымъ положеніемъ; этому же мы приписываемъ отсутствіе въ ней членовъ генеральной старшины и большое участіе полковыхъ и магистратскихъ писарей, какъ лицъ, практически знакомыхъ съ малороссійскимъ правомъ. Очевидно по всему, что ни гетманъ, ни генеральная старшина и высшее духовенство не придавали въ началѣ этому дѣлу инаго значенія, какъ простой сводкѣ трехъ правъ въ одно и оно обстояло такимъ образомъ до самаго 1734 года, когда указами Анны Ивановны рамки коммиссіи были значительно расширены и ей были приданы болѣе широкій смыслъ и значеніе.

Въ 30 году, какъ мы сказали, коммиссія начала занятія „по своему разумѣнію и смыслу". Въ чемъ заключалось разумѣніе коммиссіи, иначе сказать, планъ работъ, мы будемъ говорить въ главѣ о ея дѣятельности, а теперь продолжимъ нашъ разсказъ о внѣшней ея исторіи, касающейся персонала коммис-

сіи, ея засѣданій, перерыва ихъ, переѣзда изъ одного города въ другой и пр...

Каковъ былъ составъ коммиссіи въ 30 и 31-мъ годахъ, намъ точно неизвѣстно; могли, конечно, въ ней оставаться и прежніе члены, но могло случиться, что въ это время тамъ участвовали уже новыя силы, извѣстныя намъ въ началѣ 1732 года. Среди нихъ мало встрѣчается прежнихъ членовъ и новый составъ коммиссіи отличается инымъ характеромъ—въ немъ совершенно отсутствуютъ полковые и магистратскіе писаря, бывшіе раньше въ изобиліи. Вотъ самый перечень лицъ за 1732 г.: значковый товарищъ переяславскаго полка Андрей Дробовицкій, войсковой тов. Ст. Максимовичъ, бунчуковый тов. В. Думитрашко-Райча, значковый тов. стародубскаго полка Г. Кузьменскій, намѣстникъ миргородскій честный отецъ Адамъ Конашевичъ, протопопъ роменскій В. Савицкій, протоп. нѣжинскій Ст. Ольховскій, протоп. лохвицкій Г. Рогачевскій, хорунжій лубенскаго полка С. Столповскій и значковый товарищъ полтавскаго полка Гавр. Гавронскій. Что составъ коммиссіи въ 30 и 31-мъ годахъ былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ 1732 г., видно изъ того, что въ ней принимали участіе въ эти годы лохвицкій сотникъ В. Стефановъ и бунчуковый тов. Огроновичъ, имена которыхъ не встрѣчаются въ спискѣ 1732 года. Вообще нужно замѣтить, что персоналъ коммиссіи въ продолженіи 15 лѣтъ ея трудовъ измѣнялся очень часто, такъ что довольно трудно услѣдить за всѣми перемѣнами въ ея составѣ, а потому мы будемъ отмѣчать только главнѣйшія изъ нихъ.

Первые годы перевода и свода книгъ правныхъ происходили въ Глуховѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого гетмана. По крайней мѣрѣ, князь Шаховскій въ своемъ отвѣтѣ на письмо генеральн. судьи Борозды говоритъ, что гетманъ во время своей резиденціи въ Глуховѣ „имѣлъ смотреніе" надъ занятіями коммиссіи; само правительство не оставляло гетмана и коммиссіантовъ своими напоминаніями и подтвержденіями о скорѣйшемъ окончаніи переводнаго и своднаго дѣла,—первое напоминаніе было сдѣлано Д. Апостолу въ 1730 г. изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, второе состоялось въ 32 году чрезъ Нарыш-

кина въ шестомъ пунктѣ данной ему инструкціи о наблюденіи надъ составленіемъ свода. Центральное правительство, едва узнавшее въ 28-мъ году одни названія правъ, которыми судились малороссіяне, очевидно представляло сводку очень легкой и требовало скорѣйшаго ея окончанія, нисколько не подозрѣвая, чтобы она могла затянуться на много лѣтъ и потребовать массы людей и знаній.

Впервые составители Свода собрались, какъ мы видѣли, въ Глуховѣ и оставались тамъ первые 4 или 5 лѣтъ, потому что въ началѣ 1734 года мы видимъ ихъ засѣдающими въ мѣстечкѣ Ичнѣ прилуцкаго полка, а изъ челобитной С. Столповскаго и другихъ отрывочныхъ свѣдѣній видно, что коммиссіанты перебрались туда не сразу, но побывавши предъ этимъ въ самихъ Прилукахъ. Если теперь вспомнить, что еще въ 32-мъ году члены коммиссіи засѣдали въ Глуховѣ, а въ началѣ 34-го находились въ Ичнѣ, переѣхавъ туда изъ Прилукъ, то прійдется съ нѣкоторою вѣроятностью отнести конецъ 32 года, 33-й и начало 34-го на пребываніе ихъ въ указанныхъ двухъ мѣстахъ. Благодаря отъѣзду составителей Свода изъ Глухова, г. Кистяковскій, какъ кажется, и могъ высказать свое ошибочное предположеніе о томъ, что въ послѣдніе два года гетманства Апостола дѣло составленія заглохло и коммиссія распалась.

1-го іюня 1734 г., когда за смертью гетмана высшее управленіе въ Малороссіи перешло къ кн. Шаховскому съ шестью членами, коммиссія получила приказаніе снова перебраться изъ Ични въ Глуховъ; приказаніе это было встрѣчено съ большимъ несочувствіемъ и на него было отвѣчено составителями Свода, что Д. Апостолъ перевелъ ихъ въ Ичню ради удобства и выгоднаго положенія этого мѣстечка, между тѣмъ какъ Глуховъ представляетъ массу затрудненій при проѣздѣ къ нему чрезъ сеймовые луга, во время весны и осени. Однако, несмотря на это представленіе, просьба коммиссіи не могла быть уважена, потому что при кн. Шаховскомъ дѣло получило иной оборотъ и на будущій годъ по силѣ 3 пункта указа 8 авг. 1734 г. коммиссія собралась даже не въ Глуховѣ, но въ самой Москвѣ. Въ виду таковой перемѣны члены коммиссіи вмѣсто обычнаго отпуска

на каникулы были распущены въ іюлѣ 1734 г. совершенно впредь до полученія новаго указа, а дѣла ихъ приказано было сдать въ Войсковую Генер. Канцелярію. Мысль пр. Кистяковскаго о разстройствѣ коммиссіи въ послѣдніе годы жизни Д. Апостола находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе во первыхъ въ томъ, что въ 34 году на бумагахъ, отправляемыхъ отъ нея въ В. Г. Канцелярію, подписывались на половину не всѣ члены, а во-вторыхъ въ томъ, что многіе изъ нихъ работали не въ коммиссіи, но по домамъ, какъ это явствуетъ изъ находившихся у нихъ по домамъ дѣлъ. Конечно, такая домашняя работа, лишенная надзора и совѣтовъ со стороны своихъ товарищей, указываетъ уже на нѣкоторое разложеніе и безначаліе, царствовавшія въ то время въ коммиссіи, но отъ нихъ еще очень далеко до замиранія работъ и роспуска членовъ.

Итакъ, если нельзя согласиться съ г. Кистяковскимъ, что къ 34 году коммиссія заглохла, то не будетъ преувеличеніемъ сказать, что она отличалась за это время крайнею вялостью и требовала новаго почина, обновленія персонала и измѣненія условій самой дѣятельности; само правительство сознавало это и рѣшило прибѣгнуть къ перенесенію мѣста занятій изъ Малороссіи въ Москву и къ перемѣнѣ бывшихъ „искусныхъ и знатныхъ персонъ“ на новыхъ. Произошло это по силѣ III-го пункта грамоты, данной на имя Ал. Ив. Шаховскаго и гласившей слѣдующее: „права названніе Майдебурскіе и Саѯонскіе, Статуты по которымъ судятся малороссійской народъ перевесть на великороссійской язикъ и свесть изъ 3-хъ правъ въ едно, *при томъ, какъ возможно стараніе приложить о сумнительствахъ, какія въ нихъ находятся ясное поправленіе на аппробацію Ея Императорскаго Величества здѣлать*“. Какъ видимъ изъ сравненія этого пункта съ предыдущимъ указомъ Петра II, онъ отличается новой чертой:—на коммиссіантовъ, кромѣ перевода и свода, возложена обязанность дѣлать поправленіе сумнительствамъ, т. е. самимъ создавать новыя нормы права въ замѣнъ „сомнительныхъ“ старыхъ. Далѣе грамота продолжала: „тѣ права перевесть и свесть и *что надлежитъ сократить и прибавить въ пользу малороссійскаго народа* и что къ вѣрному Ея Император-

скаго Величества подданству отъ такого народа приличествуетъ, *о томъ учинить проэктъ и подать для разсмотрѣнія кому отъ Ея Императорскаго Величества повелѣно будетъ*". Послѣ этихъ словъ грамоты не остается сомнѣнія, что отъ прежней почти канцелярской работы коммиссія должна была перейти въ сущности къ составленію проекта новаго Уложенія, придерживаясь и руководясь при этомъ своимъ тройственнымъ правомъ. Придавая новой коммиссіи важное порученіе, грамота Императрицы позаботилась также о надлежащемъ ея составѣ и скорѣйшемъ окончаніи дѣла: „а чтобъ оніи права для пользи малороссійскаго народа скорѣе въ совершенство приведены были, собравъ къ тому сочиненію изъ малороссійскаго народа знатнихъ особъ, такъ духовныхъ персонъ изъ каждой епархіи и отъ Кіево-Печерскаго монастира, яко изъ мірскихъ, — генеральной старшины, полковниковъ и протчихъ чиновъ по сколько надлежитъ, тѣ права... и т. д."... Сначала всѣхъ членовъ коммиссіи въ 1735 году было 12, пять изъ духовныхъ персонъ и 7 изъ свѣтскихъ, но потомъ къ нимъ были присоединены еще 6 челов. исключительно для перевода книгъ. Приводимъ здѣсь имена всѣхъ членовъ, участвовавшихъ въ 1735 г., и замѣтимъ, что нашъ списокъ, взятый изъ бумагъ этого года, отличается отъ приведеннаго Кистяковскимъ изъ дневныхъ записокъ Маркевича тѣмъ, что онъ полнѣе и достовѣрнѣе. Для перевода и свода книгъ правныхъ были назначены: 1) архимандритъ кіевскій Амвросій Дубневичъ, ректоръ и преподаватель богословія въ кіевскомъ Братскомъ монастырѣ, 2) игуменъ Кіево-Печерской лавры Гедеонъ Онисевичъ, а не Юскевичъ, какъ неправильно сообщаетъ г. Кистяковскій со словъ Маркевича, 3) изъ черниговской епархіи игуменъ Макошинскаго монастыря Бѣлинскій—у Маркевича сказано просто иг. Макошинскій, 4) изъ переяславской епархіи игуменъ Михайловскаго монастыря Германъ Прохоровичъ и 5) протоп. роменскій Савицкій. Мірскія персоны: 6) генеральный судья Ив. Борозднa, 7) полтавскій полковникъ В. Кочубей, 8) бунч. тов. С. Чуйкевичъ, 9) бунч. тов. Семенъ Столповскій, 10) бунч. тов. В. Думитрашко-Райча, 11) сотникъ ичанскій Гр. Стороженко и 12) отъ магистрата кіевскаго дѣйствительно первоначально былъ опредѣленъ

бурмистръ Нечай, какъ напечатано у Кистяковскаго, но такъ какъ онъ за старостью и болѣзнью не только отправляться въ Москву, но „и до божественной литургіи дойти не могъ“, то послѣ мединскаго освидѣтельствованія на его мѣсто былъ назначенъ Филевичъ.

Исключительно для одного перевода книгъ были опредѣлены: бунч. тов. Гр. Кузьменскій, войск. тов. Дробовецкій, войск. тов. Лисаневичъ, войск. канцеляристъ Ф. Ладонка и войск. тов. П. Ласкевичъ.

Для переписки и прочихъ канцелярскихъ работъ было назначено 10 писарей—по одному отъ каждаго полка. Несмотря на то, что по требованію Войск. Генер. Канцеляріи всѣ перечисленныя лица надлежали явиться въ Москву къ 1-му января 1735 года и были оповѣщены объ этомъ указами за нѣсколько мѣсяцевъ до срока пріѣзда, всѣ обнаружили замѣчательную неисправность: немногіе изъ нихъ прибыли ранѣе февраля въ Глуховъ, чтобы отсюда разомъ всѣмъ отправиться въ Москву, но были и такіе, какъ Думитрашко-Райча и еще нѣсколько, что только въ концѣ февраля заѣзжали въ Глуховъ за правными книгами, сданными и хранившимися въ Войск. Генер. Канцеляріи. О писцахъ нужно сказать то же самое — въ продолженіи всего февраля встрѣчаются доношенія изъ полковъ въ Войск. Генер. Канцелярію объ отправкѣ ихъ въ Москву. Итакъ, если принять во вниманіе время на проѣздъ отъ Глухова до Москвы, то нужно думать, что засѣданія коммиссіи открылись въ Москвѣ *in pleno corpore* не ранѣе марта, но неизвѣстно почему продолжались тамъ весьма недолго. По просьбамъ ли членовъ коммиссіи, неохотно жившихъ внѣ родины, или по усмотрѣнію самого правительства, но въ февралѣ 1736 г. она снова была перемѣщена въ Глуховъ, гдѣ и продолжала свои занятія до того же мѣсяца слѣдующаго года. Въ февралѣ 1737 года всѣ члены коммиссіи по высочайшему указу были распущены, книги и дѣла по прежнему сданы въ Войск. Генер. Канцелярію, а вмѣсто правныхъ занятій всѣмъ повелѣвалось готовиться къ очаковскому походу. Впрочемъ, въ походъ выступили не всѣ члены коммиссіи—генер. судья и предсѣдатель Ив. Борозднa при сдачѣ

правныхъ книгъ доложилъ Войск. Генер. Канцеляріи, что онъ по своей старости и болѣзни отправляться въ походъ не можетъ, и просилъ освободить его отъ этого труда. Дѣйствительно, просьба Ив. Борозды была уважена, и вмѣсто похода онъ былъ опредѣленъ въ коммиссію, назначенную для разбора жалобъ по претензіямъ между стороной польской и подданными Ея Императорскаго Величества. Въ правную коммиссію онъ болѣе не возвращался и вскорѣ умеръ—около 1740 г. Итакъ, за отъѣздомъ свѣтскихъ членовъ коммиссіи труды ея въ 1737 г., можно сказать, не подвинулись ни на волосъ, ибо по силѣ инструкціи, данной коммиссіи, духовныя персоны не могли продолжать дѣла сами безъ прочихъ членовъ генеральной и полковой старшины. Коммиссія находилась въ такомъ положеніи, что кн. Барятинскій, замѣнившій въ управленіи Малороссіей кн. Шаховскаго, сдѣлалъ всеподданнѣйшій докладъ, чтобы на время военныхъ дѣйствій совсѣмъ оставить переводное и сводное дѣло, и мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что лица, уже привыкшія къ этимъ занятіямъ и знающія дѣло, находятся въ отлучкѣ или при другихъ должностяхъ, новымъ же персонамъ придется браться за это дѣло не иначе какъ съ большимъ трудомъ и неудобствами. Но Императрица не согласилась съ доводами Барятинскаго и повелѣла отсутствующихъ персонъ замѣнить новыми. Послѣ этого въ концѣ декабря того же года Борятинскій вошелъ въ Кабинетъ министровъ съ мнѣніемъ о назначеніи для перевода и свода книгъ лицъ, оставшихся дома, и просилъ по этому поводу разъясненій и указовъ, но умеръ ранѣе полученія отвѣта изъ Кабинета министровъ. Заступившій его мѣсто генералъ-аншефъ Румянцевъ получилъ въ 38 году отвѣтъ на представленіе Барятинскаго, которымъ предписывалось продолжать труды, но никакихъ разъясненій къ этому приложено не было. Согласно этому отвѣту В. Г. Канцелярія, справясь о духовныхъ и мірскихъ особахъ, бывшихъ въ прошлые годы при коммиссіи, распорядилась снова созвать этихъ лицъ въ Глуховъ для сочиненія свода, а въ случаѣ отлучки ихъ, требовала прислать новыхъ одинаково искусныхъ съ прежними. На мѣсто бывшихъ ранѣе духовныхъ особъ теперь были опредѣлены слѣдующія: 1) архимандритъ Софроній

Михалевичъ, начальникъ монастыря гамалѣевскаго, 2) печерской обители іеромонахъ Манасея Косачъ, 3) начальникъ переяславского Михайловскаго монаст. Германъ Прохоровичъ, 4) протоп. лохвицкій Рогачевскій, 5) іеромонахъ Товія Смаржевскій и 6) игуменъ Успенскаго монаст. Рябчевскій.

Какъ видно изъ приведеннаго перечня, составъ коммиссіи въ отношеніи духовныхъ лицъ совсѣмъ измѣнился, и изъ старыхъ членовъ въ нее попалъ одинъ только Германъ Прохоровичъ. Въ составѣ мірскихъ особъ произошли слѣдующія перемѣны: на мѣсто предсѣдателя Ив. Борозды опредѣленъ 6) ген. обозный Яковъ Лизогубъ; на мѣсто полтавскаго полковника В. Кочубея назначенъ 7) полковникъ лубенскій Петръ Апостолъ, вмѣсто бунч. тов. Думитрашка-Райчика опредѣленъ 8) П. Валькевичъ, а къ этимъ вновь опредѣленнымъ были присоединены и участвовавшіе раньше—9) бунч. тов. С. Чуйкевичъ, 10) писарь лубенскій С. Столповскій, 11) сотникъ ичанскій Стороженко, 12) бунч. тов. Гр. Кузьменскій, 13) войск. тов. Ап. Дробовицкій, 14) войск. тов. Лисаневичъ, 15) П. Ласкевичъ, 16) Ф. Ладонка, 17) войск. писарь Лозынченко (Лозынскій). Отъ кіевскаго магистрата по прежнему оставался Филевичъ, но такъ какъ онъ скоро умеръ, то на его мѣсто былъ отправленъ канцеляристъ Галицкій; однако коммиссіанты сочли, что ему непристойно находиться среди знатныхъ духовныхъ и мірскихъ особъ и потребовали чрезъ Ген. Канцелярію отъ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева присылки вмѣсто Галицкаго одного знатнаго и искуснаго человѣка изъ урядниковъ кіевскаго магистрата. Такой новой искусной персоной отъ кіевскаго магистрата былъ лавникъ Як. Величковскій.

Опредѣленные на 1738 г. въ коммиссію члены съѣзжались очень медленно и только немногіе изъ нихъ собрались къ маю мѣсяцу, но и тѣ не могли приступить къ дѣлу за отсутствіемъ остальныхъ членовъ и обратились съ просьбой къ Румянцеву разрѣшить имъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, не дожидаясь непріѣхавшихъ товарищей. Румянцевъ удовлетворилъ желаніе просителей и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ ко всѣмъ неявившимся строжайшее приказаніе ѣхать въ Глуховъ, угро-

жая въ противномъ случаѣ строгими мѣрами взысканія. Въ началѣ іюня члены коммиссіи репортовали, что они приступили къ занятіямъ, не дождавшись своихъ собратьевъ и многихъ писарей; продолжали же они свои работы до половины іюля, когда „по силѣ малороссійскихъ правъ и по обычаю прежнихъ временъ“ были распущены въ домы до 10 августа, но мы уже знакомы съ аккуратностью членовъ, а потому и не должны удивляться, что большинство ихъ едва собралось къ сентябрю, отговариваясь тѣми или другими причинами.

Встрѣчались, конечно, случаи, когда составители Свода не могли явиться къ своимъ обязанностямъ, потому что одновременно были опредѣлены къ нѣсколькимъ должностямъ—такой случай произошелъ, напримѣръ, съ Гр. Стороженкомъ, опредѣленнымъ, кромѣ правной коммиссіи, и въ коммиссію размежеванія земель; но такіе случаи рѣдки, большинство же не являлось въ срокъ по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи.

Въ осеннюю сессію составъ коммиссіи немного измѣнился: на мѣсто лохвицкаго протопопа сначала былъ назначенъ глуховскій, но отказался отъ этого назначенія по болѣзни (послѣ бывшаго паралича, говорилъ онъ, „частое въ рукахъ и ногахъ происходитъ стяженіе“) и его мѣсто занялъ протоп. баришовскій (изъ переясл. епархіи) Іоаннъ Киселіовскій. Въ отношеніи плодотворности занятій осеннюю сессію коммиссіи нельзя считать особенно удавшейся, потому что два самые важные ея члена—Я. Лизогубъ и П. Апостолъ — въ августѣ уже были выряжены съ войсками къ линіи „на суккурсъ“, ибо продолжавшаяся съ турками война требовала большихъ военныхъ напряженій со стороны Россіи. Работа безъ предсѣдателя и главнаго члена въ продолженіи конца 38 года и начала 39-го представляла для коммиссіантовъ немалыя затрудненія, на что указываютъ многочисленныя жалобы и частыя просьбы о возвращеніи въ коммиссію отсутствующихъ членовъ. Особенно въ большомъ затрудненіи и неувѣренности находились составители при сочиненіи седьмой главы Свода „о судахъ и процессѣ“: „начатая къ произвожденію глава о судахъ и процессѣ судовъ“, писали они въ Войск. Ген. Канцелярію, „самая трудная, да и впредь слѣдую-

щой главѣ къ совершенному своему сочиненію за важностью матеріи о кримѣнальнихъ и протчихъ дѣлахъ великую трудность въ себѣ содержатъ", однако Войск. Ген. Канцелярія ничѣмъ не могла помочь коммиссіантамъ, но только подтвердила свое разрѣшеніе работать самимъ членамъ безъ предсѣдателя ихъ.

Къ сожалѣнію занятія составителей Свода и въ такомъ видѣ продолжались недолго—сначала они прервались только на рождественскія святки, но потомъ по возобновленіи засѣданій въ 1739 г. онѣ вскорѣ снова были пріостановлены по случаю выступленія всѣхъ свѣтскихъ чиновъ коммиссіи къ границамъ для защиты ихъ отъ непріятеля, вторгнувшагося въ миргородскій полкъ, подъ мѣстечко Городище. Оставшіяся духовныя персоны также разъѣхались по домамъ и коммиссія въ этомъ году болѣе не собиралась, такъ что весь 39 годъ слѣдуетъ вычеркнуть изъ времени ея дѣятельности. Постоянныя войны и необезпеченность внѣшнихъ границъ Малороссіи оказывали, какъ видно изъ упомянутыхъ фактовъ, существенное вліяніе на успѣшность коммиссіонныхъ занятій; не разъ приходилось составителямъ Свода переходить отъ пера къ саблѣ и отъ книгъ къ военнымъ занятіямъ, пока обстоятельства времени снова не позволяли взяться за правные труды. На этотъ разъ новое постановленіе о съѣздѣ составителей въ Глуховъ состоялось 14 января 1740 г., но оно не возымѣло рѣшительнаго дѣйствія, и члены коммиссіи, вѣроятно, утомленные военнымъ походомъ, собирались очень недружно и неохотно. По крайней мѣрѣ, такъ мотивировалъ свою неявку самъ Лизогубъ и на требованіе Войск. Ген. Канцеляріи быть въ Глуховѣ къ 6 февраля онъ отвѣчалъ, что $1^1/_3$ года находился на линіи для защиты границъ, а теперь, возвратясь предъ Рождествомъ домой, онъ не успѣлъ еще осмотрѣть своего разореннаго хозяйства и просилъ объ увольненіи его отъ занятій на цѣлый постъ. Съ такою же просьбою, какъ и Лизогубъ, обратился въ Войск. Ген. Канцелярію въ мартѣ мѣсяцѣ и П. Апостолъ и ходатайствовалъ объ освобожденіи его отъ участія въ коммиссіи до конца мая, выставивши при этомъ на видъ то обстоятельство, что съ самаго 1735 г. и до послѣдняго крымскаго похода включительно онъ находился въ утомительныхъ военныхъ походахъ

и только половину 1738 года ему удалось пробыть при коммиссіи перевода и свода книгъ, откуда его отправили сначала на Днѣпръ, а потомъ опредѣлили къ разбору молдавскихъ кобылицъ, гдѣ онъ и до настоящаго времени участвовалъ. Кромѣ этихъ двухъ прошеній, были еще и другія, но Ген. Канцелярія не удовлетворила ихъ, пока не увидѣла, что изъ всего персонала коммиссіи съѣхались очень немногіе, да къ тому же и не задолго до праздника Пасхи; тогда она рѣшила отпустить всѣхъ собравшихся съ условіемъ непремѣнно съѣхаться въ Глуховъ къ 15 апрѣля.

Случаи подобныхъ неисправныхъ пріѣздовъ были обыкновеннымъ явленіемъ, но невозможно упрекать коммиссіантовъ въ халатномъ отношеніи къ порученному дѣлу и отлыниваніи отъ своихъ обязанностей, происходившихъ, какъ могутъ подумать, отъ недостаточнаго ихъ развитія и непониманія важности затѣянной правительствомъ работы — заявленія Я. Лизогуба и П. Апостола, представленныя въ Ген. Канцелярію, достаточно, я думаю, объясняютъ неисправность коммиссіантовъ; невозможно было иначе поступать, когда каждый изъ нихъ занималъ нѣсколько должностей, постоянно отвлекался военною службою и утомительными походами, и нисколько не странны намъ желанія составителей Свода освободиться, хотя бы подъ угрозой штрафа, отъ всякихъ дѣлъ, чтобы устроить свои покинутые дома, разоренныя хозяйства и пр. Занятія коммиссіи не могли состояться предъ Пасхой еще и потому, что для нея не было отведено двора, квартиръ и даже самыя правныя книги и черновыя дѣла неизвѣстно гдѣ находились, ибо войск. канцел. Лозынскій, которому онѣ были поручены на храненіе, безъ вѣдома исчезъ и не мало было исписано бумаги и потрачено усилій на его розысканіе.

Послѣ Святой, въ назначенный срокъ 15-го апрѣля почти никто изъ коммиссіантовъ не явился въ Глуховъ, несмотря на многократное подтвержденіе имъ, что въ переводѣ и сводѣ книгъ „Высочайшій Ея Императорскаго Величества интересъ состоитъ“, и весь конецъ этого мѣсяца прошелъ въ изданіи Генер. Канцеляріей указовъ о немедленной явкѣ членовъ коммиссіи и писарей „съ чистыми и добрыми характерами“ въ Глуховъ. Нако-

нецъ, послѣ долгихъ проволочекъ коммиссія 13-го мая приступила къ производству дѣлъ, не дождавшись однако духовныхъ особъ отъ черниговской и переяславской епархій, а изъ мірскихъ П. Апостола, Кузьменскаго, Лисаневича, Думитрашка-Райчика и Стороженка. Казалось бы, теперь, по окончаніи войны и отдохновеніи членовъ отъ утомленія и бѣдствій походовъ, коммиссія должна вступить въ спокойное и правильное отправленіе своихъ обязанностей, но какъ будто какой то злой рокъ тяготѣлъ надъ ея дѣятельностью и не давалъ ей правильнаго хода... Дѣло въ томъ, что въ октябрѣ мірскіе члены снова были распущены по своимъ полкамъ, но уже по совершенно новой причинѣ — для приведенія малороссійскаго народа къ присягѣ Ея Императорскому Величеству Елизаветѣ Петровнѣ и ея внуку Іоанну. Отъѣздъ случился неожиданно, и отсутствіе коммиссіантовъ предполагалось недолгимъ, такъ что духовныя особы, несмотря на ихъ ходатайства объ отпускѣ, были удержаны въ Глуховѣ до скораго пріѣзда своихъ коллегъ, но впослѣдствіи, когда выяснилось, что уѣхавшіе не могутъ скоро возвратиться, и духовныя особы были отпущены домой по 10 янв. 1741 г. подъ условіемъ 50-ти рублеваго штрафа на случай неявки въ срокъ. Такъ несчастливилось коммиссіи въ ея дѣятельности!

Отмѣтимъ теперь измѣненія, которыя произошли въ персоналѣ коммиссіи за это время отъ 1738—1741 г. Прежде всего слѣдуетъ сказать о Лисаневичѣ, который еще въ сентябрѣ 1739 года вышелъ изъ коммиссіи по болѣзни („совсѣмъ было деспоновался на смерть“ писалъ онъ), среди духовныхъ особъ за все время не произошло почти никакихъ перемѣнъ, если не считать вновь приглашеннаго кролевецкаго протопопа Калиновскаго; но за то большія перемѣны произошли въ средѣ мірскихъ чиновъ коммиссіи: П. Апостолъ былъ замѣненъ переяславскимъ полковникомъ Сулимой, П. Валькевичъ—бунч. тов. Д. Покорскимъ, Кузьменскій, уволенный по болѣзни, былъ замѣщенъ бунч. тов. Макс. Турковскимъ, объ увольненіи же просилъ и войск. канц. Дробовицкій, но Войск. Ген. Канцелярія, снесшись съ коммиссіей, нашла совершенное его увольненіе до чтенія и слушанія составленной имъ главы невозможнымъ, но отпустила до той

поры, когда „его дѣло прійдетъ къ слушанію“. Вообще нужно замѣтить, что отъ частыхъ перемѣнъ въ персоналѣ коммиссіи нерѣдко происходили затрудненія при общемъ чтеніи составленныхъ главъ, такъ какъ трудно бывало рѣшить въ отсутствіи самого составителя, что зачѣмъ прибавлено или выключено, поэтому Войск. Ген. Канцелярія почти всегда справлялась съ коммиссіей—не послѣдуетъ ли какого замѣшательства отъ увольненія того или другаго члена-составителя. Въ томъ же 1740 г. былъ уволенъ и Дм. Райча, неявившійся къ сроку въ Глуховъ, потому что онъ состоялъ въ это время при счетной коммиссіи и переводилъ „съ латинскаго, нѣмецкаго и сербскаго діалектовъ на россійскій языкъ“. Наконецъ, Я. Лизогубъ и П. Апостолъ, хотя не были уволены изъ коммиссіи, но также были откомандированы—первый, какъ знающій степныя мѣста и уже бывшій при разграниченіи земель, былъ наряженъ къ ген. Неплюеву, производившему разграниченіе земель съ Оттоманскою Портою; второй же былъ отправленъ къ г. Леонтьеву. Такимъ образомъ, коммиссія лишилась главныхъ своихъ дѣятелей и ея работы, требовавшія согласно инструкціи необходимаго присутствія лицъ генеральной старшины, могли остановиться безъ движенія; поэтому въ началѣ іюля 1740 г. въ коммиссію былъ временно опредѣленъ генеральный хорунжій Я. Горленко, а вмѣсто П. Апостола былъ назначенъ, какъ мы уже сказали, переяславскій полк. Сулима, отговаривавшійся впрочемъ отъ явки въ Глуховъ своей болѣзнью, ранами, полученными въ турецкой войнѣ, необходимостью лѣченія и пр... Неявка Сулимы въ коммиссію послужила причиной тому, что въ августѣ мѣсяцѣ Правительствующій Сенатъ по представленію Войск. Ген. Канцеляріи опредѣлилъ П. Апостола снова въ правную коммиссію, удаливъ его отъ разбора молдавскихъ и буджакскихъ кобылицъ, гдѣ онъ находился.

Послѣ приведенія малороссійскаго народа къ присягѣ коммиссіанты собрались въ Глуховъ только въ февралѣ 1741 г. и работали на этотъ разъ до самаго окончанія своднаго дѣла безъ неожиданныхъ перерывовъ. Въ этомъ году въ составѣ коммиссіи произошли слѣдующія перемѣны: иг. Германъ Прохоровичъ замѣненъ быковскимъ игуменомъ Ст. Деревецкимъ, а архм. Ми-

халевичъ игуменомъ Петропавловскаго монастыря Грибовскимъ; вмѣсто Манасеи Косача былъ опредѣленъ іеромонахъ Палладій Городецкій, а въ замѣнъ выбывшаго Величковскаго былъ назначенъ бурмистръ черниговскаго магистрата Ст. Россовскій. Кромѣ отмѣченныхъ перемѣнъ, въ этомъ году въ коммиссіи появились еще слѣдующія новыя лица: бунч. тов. Пилатовичъ, смѣненный потомъ отставнымъ писаремъ лубенскаго полка Ст. Савицкимъ, бунч. тов. Огроновичъ и войск. канцеляристъ Закровіецкій; остальные члены удержались прежніе, даже Я. Лизогубъ и П. Апостолъ принимали въ этомъ году участіе въ дѣлахъ коммиссіи, хотя и не постоянно—Лизогубъ въ маѣ отлучался для произведенія смотра всѣмъ малороссійскимъ полкамъ, а мѣсто его временно замѣщалъ Н. Ханенко; П. Апостолъ находился въ коммиссіи до самаго отъѣзда въ Петербургъ, случившагося въ ноябрѣ 1741 года.

Въ слѣдующемъ 42 году занятія коммиссіи открылись опять подъ предсѣдательствомъ Я. Лизогуба, возвратившагося изъ своей командировки еще въ предыдущемъ году; однако присутствіе его въ коммиссіи было теперь менѣе плодотворнымъ, чѣмъ прежде, потому что, сдѣлавшись генеральнымъ судьей, онъ до обѣда находился въ судѣ и только послѣобѣденное время могъ посвящать занятіямъ въ коммиссіи. На мѣсто уѣхавшаго въ Петербургъ Апостола никто въ коммиссію назначенъ не былъ, но когда она потребовала опредѣленія къ ней другаго полковника, то Войск. Ген. Канцелярія отвѣтила, что уже гораздо ранѣе въ нее опредѣленъ на это мѣсто генеральный хорунжій Н. Ханенко. Но не такъ думалъ самъ генеральный хорунжій. Въ своемъ отвѣтѣ, поданномъ въ Ген. Канцелярію, онъ писалъ, что во первыхъ къ присутствію въ коммиссіи онъ не имѣетъ никакихъ указовъ, такъ какъ прежнее его участіе вмѣсто Лизогуба состоялось по словесному приказанію ген. Леонтьева, а во вторыхъ, согласно данной коммиссіи инструкціи, въ ней должна находиться только одна генеральная персона и поэтому вмѣсто Апостола надлежитъ быть другому полковнику, „а мнѣ на полковничьемъ мѣстѣ и по рангу всемилостивѣйше мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества пожалованному и по силѣ вышенамѣчен-

наго имяннаго указа присутствоватль неприлично". Такимъ образомъ Н. Ханенко отдѣлался отъ участія въ коммиссіи, занятія которой теперь много страдали отъ того, что Лизогубъ все дообѣденное время находился въ судѣ, а коммиссіанты припуждены были вести дѣло сами, отмѣчая сомнительныя мѣста и возникавшія недоразумѣнія для разрѣшенія ихъ предсѣдателемъ въ вечернихъ занятіяхъ. Конечно, такой образъ занятій не представлялъ никакихъ удобствъ, и составители Свода скоро потребовали отъ Войск. Ген. Канцеляріи полнаго освобожденія Лизогуба отъ присутствія въ судѣ, но послѣднею было отвѣчено, что не только у нихъ, но и въ коллегіяхъ „многія персоны въ двухъ мѣстахъ присутствіе имѣютъ безъ всякаго затрудненія", а посему прошеніе коммиссіантовъ оставлено безъ послѣдствій. Однако, чрезъ нѣкоторое время сама Ген. Канцелярія воочію убѣдилась, что безъ предсѣдателя дѣла правныя идутъ плохо, поэтому, уволь-нивши Лизогуба, она назначила вмѣсто него въ коммиссію Н. Ханенка теперь уже „на рангъ генеральной персоны". Къ концу правныхъ занятій, благополучно оконченныхъ въ іюлѣ 1743 г., мы встрѣчаемъ слѣдующихъ лицъ, подписавшихъ свои имена на послѣднемъ постановленіи коммиссіи: 1) ген. хорунжій Н. Ханенко, 2) бунч. тов. Чуйкевичъ, 3) бунч. тов. Огроновичъ, 4) полк. писарь лубенскій Ст. Савицкій, 5) С. Столповскій, 6) сотникъ прилуцкій Ст. Лукомскій, 7) сотникъ мглинскій Лисаневичъ, 8) войск. канц. Т. Закровіецкій, 9) игум. монастыря Троицкаго Товія Смаржевскій, 10) соборный старецъ Кіево-Печерскія лавры Варнава Старицкій (б. опредѣленъ вмѣсто умершаго Пал. Городецкаго), 11) епархіи переяславской игуменъ Ст. Деревецкій.

Мы перечислили, наконецъ, всѣ перемѣны въ персоналѣ коммиссіи, происходившія въ продолженіе 15-лѣтней ея дѣятельности; скучный и длинный перечень именъ, фамилій и чиновъ, смѣнявшихъ другъ друга, можетъ быть, занялъ у насъ слишкомъ много времени и мѣста, но онъ казался намъ необходимымъ, и мы его сдѣлали. Невозможно было бы представить себѣ отчетливо дѣятельность коммиссіи, не зная вполнѣ ея состава и частыхъ его колебаній; непонятными также оставались бы для читателя

та продолжительность и медленность работъ, съ какою онѣ производились, по случаю частыхъ перерывовъ, переѣздовъ и пр... Окончивъ сухой перечень именъ и фамилій лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи Свода, намъ слѣдовало бы познакомить читателя и болѣе подробно съ авторами оставленнаго намъ кодификаціоннаго труда; было бы весьма полезно знать, какимъ кто обладалъ образованіемъ и гдѣ его получилъ, особенно же важно бы знать объ ихъ юридической эрудиціи и индивидуальныхъ взглядахъ на значеніе порученной имъ работы и пр., но къ сожалѣнію у насъ рѣшительно не имѣется объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Чтобы не оставить однако читателя въ полномъ невѣдѣніи относительно хотя бы главныхъ членовъ коммиссіи, мы сообщимъ здѣсь краткія данныя о тѣхъ немногихъ лицахъ, о коихъ намъ удалось кое что почерпнуть у гг. Лазаревскаго[1]), Маркевича и другихъ малороссійскихъ историковъ.

О первомъ предсѣдателѣ коммиссіи, или, какъ тогда выражались, о первенствующей особѣ, генеральномъ судьѣ Ив. Бороздне нам извѣстно, что онъ былъ внукъ Лаврентія Борозды, кореннаго обитателя Стародубья съ давнихъ временъ. Родъ Борозднъ, одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ въ Малороссіи, обладалъ въ свое время обширными помѣстьями и пользовался большимъ значеніемъ, такъ что назначеніе Ивана Борозды предсѣдателемъ коммиссіи составленія Свода указываетъ на высокую степень довѣрія къ нему и признанія за нимъ, какъ за судьей, юридическаго образованія. Объ Иванѣ Бороздѣ извѣстно также, что онъ первый попалъ въ генеральную старшину, получивъ въ 1729 году урядъ генер. бунчужнаго, а чрезъ два года послѣ этого онъ былъ назначенъ, по представленію Д. Апостола, генер. судьей и оставался въ этой должности до самой смерти. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, гдѣ предсѣдатель коммиссіи получилъ свое образованіе, но судя по тому, что всѣ богатые малороссіяне обучались въ кіевскихъ латинскихъ школахъ, о генеральномъ судьѣ можно предполагать то же самое.

---

[1]) „Очерки малороссійскихъ фамилій“ „Люди старой Малороссіи“ и пр.

Немного можно сообщить и о слѣдующихъ двухъ лицахъ, занимавшихъ одновременно съ Бороздной видное положеніе въ коммиссіи—мы говоримъ о В. В. Кочубеѣ и Амвросіѣ Дубневичѣ. О первомъ извѣстно, что онъ былъ женатъ на дочери Д. Апостола и по избраніи его въ гетманы, получилъ полтавскій полкъ вмѣсто прежняго полковника, смѣненнаго чрезъ измѣну Мазепы. Происхожденіе, связи и самая женитьба на дочери гетмана—все говоритъ въ пользу того, что В. Кочубей занималъ видное мѣсто среди малорусской знати и пользовался выдающимся положеніемъ въ обществѣ. Объ Амвросіѣ же Дубневичѣ намъ извѣстно только то, что онъ былъ преподавателемъ богословія въ Братскомъ монастырѣ и видимо пользовался, какъ преподаватель, большимъ уваженіемъ, потому что кіевская академія неоднократно просила замѣнить его мѣсто въ коммиссіи другимъ лицомъ въ виду происходящихъ чрезъ его отсутствіе затрудненій въ преподаваніи богословія. У г. Кистяковскаго онъ названъ даже ректоромъ.

Съ уходомъ Борозды изъ коммиссіи его мѣсто занялъ ген. войсковой обозный Я. Лизогубъ, происходившій также изъ очень богатаго и знатнаго малорусскаго рода. Окончивъ курсъ ученія въ кіевской академіи, Лизогубъ очень рано успѣлъ выдвинуться на служебномъ поприщѣ—уже въ юности Мазепа посылалъ его въ Москву къ царю съ какими то порученіями; при Скоропадскомъ мы видимъ его въ ряду генеральной старшины, а послѣ его смерти онъ былъ однимъ изъ правителей Малороссіи, но за свое единомысліе съ Полуботкомъ былъ взятъ въ Петербургъ и содержался тамъ въ теченіи 5 лѣтъ. При гетманѣ Апостолѣ онъ былъ сдѣланъ генер. обознымъ и оставался имъ до назначенія своего въ генеральные судьи, участвуя въ это время въ различныхъ коммиссіяхъ, экспедиціяхъ и пр. Вообще же о Лизогубѣ можно сказать какъ о лицѣ, очень замѣтно выдававшемся въ современномъ ему обществѣ по богатству, служебному положенію и незаурядному образованію. О П. Д. Апостолѣ, младшемъ сынѣ гетмана, замѣнившемъ въ коммиссіи В. В. Кочубея, Маркевичъ въ своей исторіи Малороссіи передаетъ, что онъ получилъ прекрасное образованіе—хорошо говорилъ и писалъ по латыни, по итальянски, по французски, по нѣмецки, по польски и по рус-

ски и былъ къ тому же очень свѣдущъ въ точныхъ наукахъ. Своимъ прекраснымъ образованіемъ сынъ гетмана обязанъ той случайности, что при Петрѣ Великомъ онъ былъ взятъ въ Москву ко двору, едва ли не въ качествѣ заложника, и тамъ получилъ воспитаніе подъ надзоромъ Меньшикова. При вступленіи Петра II на престолъ сынъ гетмана получилъ лубенскій полкъ и былъ отпущенъ изъ Москвы на родину, гдѣ и оставался въ продолженіи своей жизни, играя въ Малороссіи довольно видную роль, благодаря своимъ связамъ и образованію. Изъ другихъ особъ, бывшихъ при составленіи Свода, слѣдуетъ упомянуть о ген. хорунжемъ Н. Ханенкѣ, (авторѣ извѣстнаго дневника), занявшемъ въ коммиссіи предсѣдательство послѣ выбытія изъ нея Я. Лизогуба. Николай Д. Ханенко, по происхожденію потомокъ правобережнаго гетмана, получилъ образованіе въ кіевской академіи, но неудовлетворенный имъ, доканчивалъ свое ученье въ Львовѣ. Благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, уму и образованію, а также родственнымъ связямъ, молодой Ханенко скоро выдвинулся на служебномъ поприщѣ и 30 лѣтъ уже былъ „старшимъ канцеляристомъ", т. е. главнымъ помощникомъ генеральнаго писаря, лица очень близкаго къ гетману. Дальнѣйшая служебная карьера Ханенка была также удачна, какъ ея начало, а женитьбой на дочери Корецкаго онъ породнился со всѣми богачами Стародубовщины и значительно поправилъ свое матеріальное положеніе; но личность автора дневника для насъ гораздо интереснѣе со стороны его прекраснаго образованія и высоко просвѣщенныхъ взглядовъ, высказанныхъ въ извѣстномъ увѣщаніи своему сыну предъ отправленіемъ его за границу. Въ немъ отецъ—Ханенко совѣтуетъ сыну прилежное изученіе латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, и если возможно, то и другихъ языковъ для чтенія, письма и разговора, рекомендуетъ ему читать на этихъ языкахъ „высокихъ авторовъ" и требуетъ, чтобы сынъ познакомился чуть ли не со всѣми науками—исторіей, поэтикой, риторикой, логикой, физикой и метафизикой, политикой, экономіей, юриспруденціей и пр.

Конечно, высказывать такія желанія могъ только человѣкъ съ широко развитымъ пониманіемъ значенія наукъ въ обще-

ственной жизни, потому что самъ вкусилъ отъ плодовъ наукъ... Образованіе Н. Ханенка цѣнилось настолько, что во время своего невольнаго пребыванія въ Петербургѣ, послѣ освобожденія отъ ареста, онъ былъ назначенъ учителемъ офицерскихъ и солдатскихъ дѣтей въ гарнизонной школѣ.

Что касается остальныхъ, менѣе важныхъ членовъ коммиссій, то о нихъ извѣстно еще менѣе, чѣмъ о генеральныхъ особахъ и полковникахъ. Въ каждомъ изъ нихъ, судя по тому, что они знали латинскій, польскій, а нѣкоторые и нѣмецкій языки и исполняли нелегкую обязанность составленія свода, можно предполагать лучшее по тому времени образованіе и знаніе права. О нѣкоторыхъ наше предположеніе вполнѣ подтверждается фактами; такъ, напр. А. Горленко, замѣнявшій нѣсколько времени Лизогуба, получилъ образованіе въ „латинскихъ школахъ въ Кіевѣ", о Валькевичѣ митрополитъ Евгеній [1]) говоритъ, что хотя онъ былъ и дикаго нрава, но изобиловалъ разумомъ, а наипаче *знаніемъ правъ*. „Государь Императоръ Петръ Великій", продолжаетъ онъ, „познавъ его дарованія, при случаѣ взятія подъ стражу Полуботка съ товарищами, предложилъ ему остаться при своей особѣ, но онъ не согласился по склонности своей къ родинѣ и желая видѣть себя въ ней въ большемъ чинѣ". Какъ на знатока права, можно указать и на бунч. тов. Ѳ. Чуйкевича, написавшаго для гетмана К. Разумовскаго очень толковый трактатъ о разныхъ предметахъ права подъ заглавіемъ „*Судъ и расправа въ судахъ малороссійскихъ*".

Не меньшимъ юридическимъ образованіемъ, полагаемъ мы, отличался и мглинскій сотникъ Лисаневичъ, которому была поручена самая трудная глава „О судѣ и процессѣ" и къ которому, какъ юристу, прибѣгали до самой глубокой старости. Объ остальныхъ членахъ коммиссіи у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, и мы ограничиваемся поэтому только вышеизложеннымъ очеркомъ біографическихъ свѣдѣній о главныхъ ея членахъ; конечно, они очень скудны, но тѣмъ не менѣе довольно ясно указываютъ, что въ коммиссію были привлечены дѣйствительно „искусные и

---

[1]) Въ біографическомъ словарѣ русскихъ писателей.

знатные персоны", т. е. лица, рѣшительно выдававшіяся по своему юридическому и общему образованію, а равно и общественному положенію среди своихъ современниковъ. О нихъ, вмѣстѣ съ г. Кистяковскимъ, можно сказать, какъ о людяхъ, стоявшихъ на высотѣ возложенной на нихъ задачи и исполнившихъ ее довольно умѣло и разумно, особенно если вспомнить хаотическое состояніе тогдашняго малорусскаго права. Окончивъ наше изложеніе о неоднократно мѣнявшихся мѣстахъ дѣятельности и персоналѣ коммиссіи, а также о ея многочисленныхъ вольныхъ и невольныхъ перерывахъ и пріостановкахъ, мы переходимъ къ изложенію матеріальныхъ условій дѣятельности коммиссіантовъ, что составитъ вторую главу нашей статьи.

ГЛАВА II.

Матеріальныя условія дѣятельности составителей Свода.

Немаловажной причиной, объясняющей медленный ходъ работъ коммиссіи, мы считаемъ матеріальныя условія, въ которыя она была поставлена. Извѣстно каждому, что безъ надлежащихъ удобствъ, требуемыхъ обстоятельствами дѣла, не можетъ идти никакая работа, а между тѣмъ коммиссія нерѣдко ставилась въ положеніе, исключающее всякую возможность правильныхъ и постоянныхъ занятій. Мы здѣсь обратимъ вниманіе только на такія главныя стороны, какъ матеріальная необезпеченность членовъ, отсутствіе удобнаго помѣщенія, частые перерывы и переѣзды съ мѣста на мѣсто, недостатокъ въ правныхъ книгахъ и другихъ юридическихъ пособіяхъ, наконецъ, скудость въ деньгахъ для необходимыхъ расходовъ и нерѣдкое отсутствіе писарей и нижнихъ служителей. Если прибавить къ этому еще неудобства отъ длиннѣйшей канцелярской переписки по поводу всякаго пустяка, вродѣ свѣчей или дровъ, то мы должны еще удивляться, какъ коммиссіанты совсѣмъ не разбѣжались изъ нетопленныхъ и незащищенныхъ отъ вѣтровъ и дождей комнатъ отведеннаго имъ помѣщенія. У насъ имѣется масса свѣдѣній

объ условіяхъ дѣятельности коммиссіантовъ до 1735 г., а потому мы начнемъ говорить прямо съ этого года, который, какъ кажется, слѣдуетъ признать самымъ свѣтлымъ изъ всѣхъ въ матеріальномъ отношеніи, потому что члены коммиссіи, проживавшіе до сихъ поръ въ Глуховѣ, Ичнѣ и Прилукахъ на своемъ кошту, въ этомъ году въ первый и послѣдній разъ получили денежное содержаніе изъ Войсковаго Скарба. Невозможнымъ казалось, даже по тому времени и нравамъ, запасаться коммиссіантамъ своимъ провіантомъ на цѣлый годъ пребыванія въ Москвѣ, какъ это раньше практиковалось въ Глуховѣ, Ичнѣ и Прилукахъ. Размѣръ выданнаго различнымъ членамъ жалованья былъ такой: архимандриту Братскаго монастыря Амвросію Дубневичу и другимъ первенствующимъ персонамъ—Ив. Бороздиѣ и Вас. Кочубею—по 100 руб., прочимъ же 14 особамъ по 60 руб., а 10 писцамъ по 25 руб. Къ этому жалованью кн. Шаховской, проѣзжая чрезъ Москву въ Петербургъ, опредѣлилъ нѣкоторымъ искуснѣйшимъ персонамъ еще по 20 руб. Всѣхъ денегъ для чиновъ коммиссіи было истрачено въ этомъ году 1390 руб. Не нужно однако обольщаться назначеніемъ опредѣленнаго жалованья, такъ какъ оно было очень скудно и высылалось неисправно и писцы, напримѣръ, не разъ жаловались на свое крайне горькое положеніе въ Москвѣ. Кромѣ этого года, ни до 1735, ни послѣ его никто изъ членовъ коммиссіи не получалъ никакого вознагражденія, что составляло немаловажную причину, заставлявшую отлынивать отъ участія въ засѣданіяхъ ради устроенія своихъ домовъ и хозяйствъ. Встрѣчаются не разъ въ перечитанныхъ нами бумагахъ покорнѣйшія донесенія въ Войск. Ген. Канцелярію отъ членовъ коммиссіи, исполненныя просьбъ объ увольненіи ихъ въ домы по несостоятельности; такъ, напримѣръ, въ 1736 году лохвицкій протопопъ Рогачевскій въ своемъ донесеніи Войск. Ген. Канцеляріи говоритъ, что, живя въ Глуховѣ безъ опредѣленнаго жалованья, онъ пришелъ въ крайнее разореніе, ибо за нимъ никакихъ угодій и маетностей „респектомъ войсковымъ наданыхъ неимѣется“. Упомянувъ далѣе о томъ, что „дѣло перевода и свода правнаго, какъ по частямъ имѣлось съ его стороны исправно“, онъ просилъ назначить вмѣсто себя

кого нибудь изъ протопоповъ болѣе близкихъ къ Глухову и „которые въ своихъ имѣніяхъ довольнѣе мене“. Такія же доношенія въ различное время были поданы и со стороны Дробовицкаго и нѣкоторыхъ другихъ нуждавшихся въ поправленіи своихъ домашнихъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, переяславскій полковникъ Сулима, назначенный въ коммиссію, обратился съ просьбой объ увольненіи, потому что, состоя до 1740 года въ походахъ, онъ потерялъ не только свое, но даже отцовское имущество, разстроилъ здоровье и нуждается теперь въ поправленіи хозяйства и здоровья. Большинство составителей поступало проще: отпущенные на каникулярное или праздничное время домой, они не являлись въ срокъ, несмотря ни на какія приказанія Ген. Канцеляріи; обыкновеннымъ отвѣтомъ съ ихъ стороны было въ этомъ случаѣ указаніе на необходимость остаться дома ради уборки хлѣба, сѣна и пр., такъ какъ, живя въ Глуховѣ, запасы ихъ истощились, а хозяйство безъ нихъ пришло въ оскудѣніе. Впрочемъ, иные отговаривались болѣзнью, но Войск. Канцелярія не вѣрила этимъ отговоркамъ и посылала иногда взять отговаривавшихся насильно. Такъ было поступлено съ лохвицкимъ протопопомъ, когда онъ не явился по болѣзни, законно удостовѣренной мѣстнымъ сотникомъ,—Канцелярія не повѣрила и приказала освидѣтельствовать его снова Милорадовичу и, если онъ не боленъ, то съ нарочнымъ выслать въ Глуховъ, а въ случаѣ сопротивленія не останавливаться и передъ физической силой.

Разумѣется, я говорю о большинствѣ членовъ, такъ какъ отдѣльныя единицы, въ родѣ Борозды, Лизогуба, Кочубея и нѣкоторыхъ другихъ представляли первоклассныхъ богачей Малороссіи и разореніемъ своихъ хозяйствъ отговариваться не могли; за то въ коммиссіи принимали участіе, и очень полезное, такія лица, какъ Лисаневичъ, не имѣвшій подъ конецъ свой жизни даже средствъ проживать въ Глуховѣ для перевода и исправленія Статута. Вообще о большинствѣ членовъ нужно сказать, что они обладали, какъ это видно изъ поданныхъ ими по окончаніи работъ челобитныхъ, очень умѣренными достатками, не превышавшими 20—30 дворовъ посполитыхъ, такъ что жалобы ихъ на скудость содержанія, имѣя въ виду и другіе расходы, нельзя не

признать основательными. Лишая коммиссіантовъ опредѣленнаго вознагражденія въ продолженіи работъ, кабинетъ министровъ черезъ Войск. Ген. Канцелярію обѣщалъ имъ, „что сіе причтено будетъ въ знатную войсковую службу", и обнадеживалъ ихъ уповать на награжденіе Высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію. Согласно этому нѣкоторые члены по окончаніи работъ въ 1743 году обратились съ челобитными къ Ея Императорскому Величеству о пожалованіи ихъ царскими милостями, заключавшимися главнымъ образомъ въ пожалованіи дворовъ посполитыхъ. Всѣ челобитчики, прошенія которыхъ мы встрѣтили, описавши предковскія и свои заслуги предъ родиной, а наипаче труды въ коммиссіи, оканчивали свои прошенія просьбой о пожалованіи дворовъ съ крестьянами или объ укрѣпленіи за ними прежнихъ. Такъ, Сем. Столповскій просилъ пожаловать его опредѣленіемъ до 30 дворовъ, Сем. Чуйкевичъ просилъ объ утвержденіи за нимъ приселка Песокъ, даннаго ему Апостоломъ, Савицкій, Огроновичъ, Ласкевичъ, Лисаневичъ, Закровіецкій, Лукомскій всѣ единодушно ходатайствовали въ челобитныхъ о пожалованіи ихъ свободными дворами, ссылаясь на свои недостатки и разореніе отъ частыхъ походовъ и постояннаго пребыванія въ коммиссіи.

Что касается до судьбы этихъ челобитныхъ, то хотя мы и не нашли нигдѣ прямаго отвѣта на нихъ, но есть косвенныя данныя, показывающія, что онѣ удовлетворены не были. Мы уже говорили, что мглинскій сотникъ Лисаневичъ, большой знатокъ права, не имѣлъ на что проживать въ Глуховѣ для перевода и исправленія Статута въ 1763 году; но лучше всего подтверждаетъ наше мнѣніе прошеніе Степана Савицкаго, поданное имъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ цѣлью вытребовать плату за труды его отца, роменскаго протопопа, участвовавшаго въ коммиссіи. Это прошеніе возбудило въ Коллегіи вопросъ, получали ли члены коммиссіи вознагражденіе или нѣтъ, и за разрѣшеніемъ его Коллегія обратилась въ Войск. Ген. Канцелярію, которая, отвѣтивши, что вознагражденіе выдавалось только одинъ годъ, упомянула и объ обѣщанныхъ отъ Ея Императорскаго Величества милостяхъ, но ничего не прибавила объ исполненіи ихъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, чтобы она умолчала о пожалованіи коммиссіантовъ дворами, если бы только таковое было въ дѣйствительности.

Посмотримъ теперь, въ какомъ состояніи матеріальнаго обезпеченія чернорабочіе коммиссіи, т. е. писаря, назначенные отъ полковъ для переписки переводнаго и сводного дѣла. Такъ какъ матеріальное положеніе ихъ одинаково обстояло до 1735 года и послѣ него, то мы приведемъ данныя только за послѣднее время, какъ болѣе полныя. Мы уже знаемъ, что во время пребыванія коммиссіи въ Москвѣ они получали по 25 руб. годоваго содержанія—сумма чрезвычайно низкая, имѣя въ виду, что въ Глуховѣ мѣсячный бюджетъ писаря колебался отъ 3 р.—50 к. до 4 р. Необезпеченность въ данномъ случаѣ очевидна; она усугублялась еще болѣе неисправной высылкой денегъ, вызывавшей неоднократныя жалобы въ Войск. Ген. Канцелярію. Не лучше жилось и писцамъ въ родномъ имъ Глуховѣ: лишенные съ переходомъ въ Малороссію прежняго жалованья, писцы уже въ 1736 году докладывали Войск. Ген. Канцеляріи такъ: „сего же 1736 года, зостаючи ми при означенной переписки книгъ правныхъ въ Глуховѣ пропитаніе и на нужды свои жаднаго опредѣленія ни откуда не имѣемъ на своемъ жежъ коштѣ прожить намъ при дѣлѣ ради убожества нашего весьма невозможно". Что убожество писарей, оторванныхъ отъ своихъ домовъ безъ всякаго вспоможенія, не было миѳомъ, мы убѣждаемся изъ многочисленныхъ прошеній, направленныхъ то въ Войск. Ген. Канцелярію, то въ свои полки, то въ коммиссію, какъ мѣсто болѣе всѣхъ заинтересованное въ судьбахъ своихъ работниковъ. Иногда эти прошенія, собранныя за годъ отъ одного лица, достигали громадныхъ размѣровъ, (50 листовъ и болѣе, какъ, напримѣръ, въ случаѣ писца черн. полка Константиновича), но, какъ видно, никогда не имѣли успѣха. Генеральная Канцелярія, осаждаемая этими прошеніями, въ 1738 году распорядилась, чтобы каждый полкъ содержалъ самъ своего писца, высылая ему харчевой провіантъ и деньги, но полки не отличались исправностію, и вскорѣ послѣ этого указа мы встрѣчаемъ со стороны писцовъ слѣдующее сообщеніе: „протчіе изъ насъ, продавъ

съ себе одежду или положивъ въ закладъ, взымая заимообразно деньги прокормленіе имѣютъ, иніе же за неимѣніемъ, что въ закладъ положить или продать во всекрайнѣйшей нуждѣ и зачимъ впредъ при коммиссіи переводу и своду правныхъ книгъ въ перепискѣ будемъ обрѣтатись не вѣдаемъ". Безвыходность писцовъ въ данномъ случаѣ доходила буквально до состоянія голода, и Ген. Канцелярія для спасенія ихъ отъ голодной смерти предложила глуховскому мѣщанину Ив. Янову выдать писцамъ въ займы надлежащее количество провіанта впредь до полученія таковаго изъ полковъ. Не нужно однако думать, что 38 годъ былъ особенно несчастнымъ: во все остальное время до конца коммиссіи мы встрѣчаемъ однѣ и тѣже жалобы на свое бѣдственное положеніе, голодъ, недостатокъ въ обуви, платьѣ и пр., заканчивающіяся просьбами замѣнить ихъ лицами болѣе состоятельными. Не разъ писцы коллективно и порознь описывали въ яркихъ краскахъ свое горькое состояніе, но никто не испыталъ въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ черниговскій писарь Константиновичъ; вотъ что писалъ онъ въ 1742 г. своему полку: „я пребываю безъ всякой гловной вины, какъ на каторги, зостаюсь босъ, нагъ и голодъ неизносимый претерпѣваю, что ужъ довольно Енеральной Канцеляріи и коммиссіи есть извѣстно..., чрезъ что я пришелъ въ крайнее разореніе и скорбъ неизносный, здоровье повредилъ". Такимъ образомъ практика нѣсколькихъ лѣтъ показала, что способъ натуральнаго довольствованія писцовъ изъ полковъ не можетъ обезпечить ихъ существованія, и поэтому подъ конецъ работъ натуральное содержаніе было замѣнено денежнымъ, при чемъ ежемѣсячный бюджетъ писаря достигалъ 4-хъ руб., [1]) а между тѣмъ изъ полковыхъ канцелярій они получали гораздо менѣе. Обыкновенно бывало такъ, что присланныхъ денегъ едва хватало на уплату уже сдѣланныхъ долговъ, и по уплатѣ ихъ снова начиналась жизнь въ счетъ будущихъ благъ.

---

[1]) Вотъ примѣрный ежедневный расходъ писца на содержаніе: рыба—5 к., соли—1 к., пшона—1 к., хлѣба—2 к., варива—1 к., олеи—1 к., итого 11 к. Иногда вмѣсто рыбы покупалось мясо на 4—5 к. Къ этимъ ежедневнымъ расходамъ нужно прибавить еще расходы на квартиру, мытье бѣлья и пр., такъ что въ общемъ расходъ достигалъ 4 руб.

Вотъ что писалъ, напримѣръ, *войсковой* канцеляристъ Закровіецкій: „изъ оныхъ денегъ шести рублей (которыя ему выслали) купилъ себѣ кожухъ за три рубли, за сапоги далъ 75 к., зъ домишка жъ своего за что справлять на себе одежу не имѣю, ибо домишка мой весьма убогій, одежа жъ какая худопахолская была то уже и оное подшарпалъ, въ которой коммиссіи живя здесь уже пришелъ въ крайнюю нищету и разореніе“.

Обрисованная нами бѣдность писцовъ была такъ велика, что заставляла ихъ всевозможными способами избѣгать занятій въ коммиссіи, а неаккуратность ихъ въ прибытіи въ Глуховъ довела Войск. Ген. Канцелярію до суровыхъ мѣръ взысканія, какъ это видно изъ слѣдующаго обѣщанія писцовъ: „а когда би ми до показаннаго числа 1-го сентября обратно прибуть въ оную коммиссію не могли, то должны понесть во мѣсто штрафа 50 кіевъ публѣчно, а зверхъ того кіевого публичного наказанія уплатить по 3 р. всенепремѣнно и въ томъ собственноручно подписались съ подтвержденіемъ совѣсти нашей“.

Если картина жизни писарей выглядитъ крайне мрачно и непріятно, то еще непріятнѣе было положеніе самой коммиссіи, неимѣвшей у себя сколько нибудь сносныхъ, а главное постоянныхъ канцеляристовъ. Мы уже показали, какъ часто случались невольные и вольные перерывы въ работахъ коммиссіантовъ; перерывы эти обыкновенно сопровождались и переѣздомъ писарей, бѣжавшихъ по возможности отъ безплатнаго труда. Новыя собранія требовали новаго призыва прежнихъ писцовъ, но рѣдко кто изъ нихъ соглашался ѣхать снова и не изобрѣталъ какого нибудь способа ускользнуть отъ непріятной командировки въ коммиссію. Новыя лица пріѣзжали большею частью мало искусныя и неопытныя; ихъ приходилось обучать тому, чему прежнія уже были научены; одни изъ нихъ оказывались совсѣмъ негодными по неумѣнію хорошо и правильно писать, другія были очень малолѣтни и поэтому также неискусны, а между тѣмъ работы коммиссіи задерживались и затягивались до пріѣзда изъ полковъ новыхъ писарей, болѣе искусныхъ въ письмѣ и „съ чистыми и добрыми характерами, которые переписуемое дѣло могутъ по надлежащему разсудить и безпомилочно писать“.

Вопросу о доставкѣ писцовъ, замѣнѣ неискусныхъ болѣе способными и о присылкѣ имъ провіанта посвящено столько заботъ со стороны коммиссіи, что переписка объ этомъ составляетъ $^3/_4$ пересмотрѣнныхъ нами дѣлъ. Теперь даже трудно представить себѣ, какъ могла работать коммиссія при такой неурядицѣ и неисправности ея низшихъ членовъ, которыя въ настоящее время кажутся едва вѣроятными.

Начавъ говорить о дурномъ матеріальномъ положеніи составителей Свода, какъ обстоятельствѣ, вредившемъ быстрому ходу занятій, мы должны упомянуть здѣсь еще о двухъ вещахъ: во первыхъ, о недостаткѣ въ правныхъ книгахъ и научныхъ пособіяхъ, требовавшихся для перевода, а во вторыхъ объ отсутствіи для коммиссіонной работы приличнаго или по крайней мѣрѣ опредѣленнаго и сноснаго помѣщенія.

Бѣдность въ правныхъ книгахъ понятна—она объясняется ихъ дороговизною и малой распространенностью. Мы знаемъ, что коммиссія не обладала никакими средствами на покупку книгъ, а получала ихъ на подержаніе отъ различныхъ административныхъ учрежденій, какъ-то сотень, ратушъ, магистратовъ, судовъ и даже частныхъ лицъ, какъ, напримѣръ, отъ Максимовича переяславскаго. Чрезъ неимѣніе собственныхъ книгъ происходили иногда препирательства между учрежденіями, давшими ихъ и коммиссіей: въ 1739 году, напримѣръ, Генеральный Судъ обратился въ Генеральную Канцелярію съ доношеніемъ, въ которомъ жаловался, что за отобраніемъ правныхъ книгъ въ коммиссію перевода и свода у него происходитъ не малая остановка въ рѣшеніи дѣлъ колодничныхъ и челобитческихъ, ибо оставшіяся у нихъ книги весьма обветшали и безъ листовъ. Бывало иногда и наоборотъ: коммиссія принуждена была давать свои книги въ другое мѣсто, потому что онѣ требовались, а достать было невозможно нигдѣ. Понятно само собою, что безъ книгъ коммиссія заниматься не могла, а ожидала обратнаго полученія ихъ. Такой случай, мы знаемъ, былъ въ 1741 году, когда коммиссія требовала чрезъ Войск. Ген. Канцелярію высылки ей трехъ книгъ и между ними польскаго Статута изъ Конотопа, гдѣ въ это время ими пользовалась какая то коммиссія. Безъ польскаго

Статута, говорила коммиссія, нельзя производить никоимъ образомъ правнаго дѣла. Въ этомъ же самомъ году встрѣчается еще новое требованіе отъ Генер. Суда въ коммиссію о присылкѣ ему Статута, Саксона и Порядка. Изъ этихъ нѣсколькихъ фактовъ вполнѣ видно, что даже въ высшихъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ Малороссіи чувствовалась большая потребность въ правныхъ книгахъ, а коммиссіанты не разъ жаловались, что имъ приходится при работахъ „позычать книги другъ у друга", а иногда и сидѣть безъ дѣла и „бавиться" во время работы другихъ, но тѣмъ не менѣе книгъ имъ куплено не было, да и вообще въ то время къ покупкѣ книгъ по ихъ дороговизнѣ прибѣгали очень рѣдко, болѣе ограничивались перепискою, потому что печатныхъ новоизданныхъ правныхъ книгъ въ Малороссіи не было, и за покупкою ихъ приходилось обращаться за границу чрезъ какого нибудь купца, чтобы тотъ вывезъ ихъ изъ за рубежа. Одинъ такой случай подряда купцовъ для вывоза правныхъ книгъ изъ-за границы, мы знаемъ, былъ въ 1751 году, когда во время пожара сгорѣли въ Глуховѣ Статутъ, Саксонъ и Порядокъ на польскомъ языкѣ; второй же относится къ 1764 году.—Войск. Ген. Канцелярія приказала черниговскому магистрату купить черезъ жительствовавшаго въ Черниговѣ купца Енку нѣсколько правныхъ книгъ, потому что со времени Богдана Хмельницкаго, говорила она, у нея всякихъ книгъ имѣлось по двѣ, а между тѣмъ теперь явился недостатокъ. На покупку книгъ ассигновано 100 р.; названія книгъ слѣдующія: Статутъ, Порядокъ, Саксонъ, Сеймовыя Конституціи польскія и вышедшіе въ недавнее время гербаріусы (?). Что касается теперь до удобствъ занимаемаго коммиссіей помѣщенія, то онѣ очень часто бывали ниже всякаго минимума. Прежде всего на коммиссіонной работѣ очень непріятно отражались частые перерывы и переборки съ мѣста на мѣсто,—ибо переводы черновые и бѣловые и все, относившееся къ ней, начиная съ столовъ, сукна, стульевъ и кончая бумагой и перьями, обыкновенно при спѣшномъ отъѣздѣ членовъ въ походъ покидалось на сохраненіе старшему канцеляристу. Понятно, что канцеляристъ не сидѣлъ надъ переданными ему бумагами и имуществомъ, но, сложивши его въ сун-

дуки и заперши въ коммиссіонной квартирѣ, уѣзжалъ и самъ, а въ результатѣ къ новому собранію коммиссіи не являлось ни столовъ, ни стульевъ, а часто и самихъ бумагъ, писемъ и инструкцій... Въ 1738 г. новый предсѣдатель коммиссіи Як. Лизогубъ сдѣлалъ доношеніе въ Ген. Канцелярію, что имъ никакъ нельзя вступить въ свои обязанности, не имѣя ни столовъ, ни стульевъ, ни подсвѣчниковъ, ни бумаги, ни перьевъ, ибо, когда указомъ 6-го февраля 1737 года было приказано всѣмъ безъ исключенія выступить для защиты границъ, то все имущество коммиссіи было оставлено за карауломъ, но кто снялъ караулъ и гдѣ растерялись вещи, никто не знаетъ. Остались только, продолжалъ онъ, правныя книги, но и тѣ не всѣ и безъ сундуковъ. Въ другой разъ Лизогубъ, повторяя прежнюю просьбу, прибавлялъ, что у нихъ нѣтъ писцовъ, нѣтъ писемъ и подлинной инструкціи, данной бывшему предсѣдателю коммиссіи Ив. Бороздиѣ, а имѣется только одна копія; книги правныя и дѣла, относящіяся до коммиссіи, также были въ большомъ непорядкѣ и неполнотѣ—часть ихъ даже находилась на рукахъ у бывшихъ членовъ, какъ это положительно извѣстно относительно Думитрашка-Райчи, Лисаневича и др.

Итакъ, немало проходило времени, прежде чѣмъ коммиссіантамъ удавалось собрать разбросанныя и развезенныя по домамъ части работъ; не мало ждали они и тратили чернила и перьевъ, прежде чѣмъ добиться отъ Ген. Канцеляріи необходимыхъ столовъ, стульевъ и проч., и эта исторія повторялась буквально послѣ каждаго перерыва коммиссіонныхъ работъ. Въ 1740 году изъ меморіала о необходимыхъ вещахъ для перевода и свода книгъ мы узнаемъ, что дѣла коммиссіи пребывали въ такомъ запущеніи, что даже неизвѣстно было, у кого находятся печатныя и писанныя книги, и съ большимъ трудомъ пришлось отыскать канцеляриста Лозынскаго, которому онѣ были переданы на сохраненіе. Но возвратимся къ вопросу о помѣщеніи. У насъ очень мало свѣдѣній объ этомъ предметѣ, но за то имѣющіяся очень характерны для положенія коммиссіи: собравшіеся въ 1738 году члены, не имѣя помѣщенія, просили Войск. Генер. Канцелярію отвести имъ нарочитый дворъ, отведенный же въ

прежніе годы они считали недостаточнымъ по малочисленности хоромъ, неудобству расположенія и отсутствію стульевъ, столовъ, и караульной избы. Какой дворъ отвели коммиссіантамъ въ этомъ году, мы не знаемъ, но извѣстно, что въ 1739 году онъ былъ уже занятъ счетной коммиссіей, а для перевода и свода опредѣленъ дворъ вдовы Дорофеичевой, находившійся почти за городомъ и долго передъ тѣмъ пустовавшій. Каково было благоустройство этого дома, видно изъ слѣдующаго: въ сентябрѣ члены докладывали Войск. Ген. Канцеляріи, что отведенный домъ не огороженъ нисколько, не покрытъ, не обмазанъ, подверженъ всѣмъ атмосфернымъ вліяніямъ и измѣненіямъ погоды и вообще настолько плохъ, что при случающихся дождяхъ, говорили коммиссіанты, приходится переходить изъ угла въ уголъ, прерывать занятія и переносить книги, чтобы онѣ не замочились подъ дождемъ. Караульная изба не имѣла въ себѣ даже печи. Войсковая Генер. Канцелярія, получивъ этотъ докладъ, распорядилась вымазать и починить дворъ Дорофеичевой и возложила ремонтировку его на владѣлицу, но съ тѣмъ, чтобы въ починкѣ этого дома глуховское сотенное правленіе оказывало ей всякое вспоможеніе. Однако, глуховское сотенное правленіе ограничило свои заботы тѣмъ, что предложило самой Дорофеичевой починить домъ, но та отказалась неимѣніемъ у себя подданныхъ и необходимаго матеріала, такъ что долго еще приходилось коммиссіантамъ трудиться подъ дождемъ и завываніемъ вѣтра. Не менѣе печально жилось имъ и на своихъ квартирахъ, если таковыя имѣлись. Изъ нѣсколькихъ сохранившихся замѣчаній по этому поводу видно, что коммиссіантамъ съ большимъ трудомъ приходилось отыскивать себѣ въ Глуховѣ квартиры, такъ что въ 1740 году они, наконецъ, потребовали отъ Генер. Канцеляріи отвода казенныхъ квартиръ всѣмъ, за исключеніемъ первѣйшихъ особъ: войсковаго обознаго Лизогуба, П. Апостола и игум. черниговской епархіи, которые свои квартиры имѣли („дабы имъ съѣхавшись не бродить по улицамъ“). Главнымъ мотивомъ въ томъ прошеніи была выставлена невозможность имъ самимъ найти для себя сколько нибудь приличныя квартиры, но, какъ кажется, желаніе просителей не было удовлетворено, ибо въ сентябрѣ мы встрѣ-

чаемъ снова прошеніе объ отводѣ имъ „порядочныхъ квартиръ" въ виду приближающейся зимы, такъ какъ теперь, говорили коммиссіанты, мы живемъ, то въ палаткахъ подъ открытымъ небомъ, то въ дурныхъ домахъ.

Вообще, положеніе коммиссіи и ея членовъ въ квартирномъ отношеніи было изъ рукъ вонъ плохо, и если составителямъ Свода приходилось испытывать удовольствія жизни подъ открытымъ небомъ, то самой коммиссіи иногда приходилось бросать свое помѣщеніе и отыскивать другое ради соблюденія интересовъ какого-нибудь коллежскаго майора Постельникова, пожелавшаго занять помѣщеніе коммиссіи для своей квартиры.

На этомъ мы заканчиваемъ очеркъ матеріальнаго положенія какъ коммиссіи, такъ и ея членовъ и переходимъ къ обзору книгъ, находившихся при ея занятіяхъ.

ГЛАВА III.

Книги и пособія, бывшія въ коммиссіи при составленіи Свода.

Вопросъ о книгахъ, которыми пользовалась коммиссія при сочиненіи ею Свода, почти не затронутъ въ книгѣ проф. Кистяковскаго, но за то въ ней находится довольно подробное описаніе, кромѣ Статута, и всѣхъ книгъ Магдебургскаго права, имѣвшихъ распространеніе въ Польшѣ, Литвѣ и Малороссіи. Пользуясь найденными нами данными и книгою Кистяковскаго, мы постараемся изобразить вопросъ о книгахъ въ полномъ и правильномъ видѣ.

Уже извѣстно, что по 20-му рѣшительному пункту, данному Апостолу, Высочайше было повелѣно свести въ одно всѣ права, коими судились малороссіяне; извѣстно также, что коммиссіей были собраны всѣ правовыя книги, примѣнявшіяся въ то время въ жизни Малороссіи, и по переводѣ ихъ на великороссійскій языкъ сведены въ одно. Въ оглавленіи Свода самими его сочинителями заявлено, что онъ сведенъ изъ трехъ книгъ: „Статута Литовскаго, Зерцала Саксонскаго и приложенныхъ при

томъ двухъ правъ, такожде изъ книги Порядокъ по переводѣ изъ польскаго и латинскаго языковъ на россійскій діалектъ“, но, конечно, въ рукахъ коммиссіи были еще и другія, и ниже слѣдующій перечень[1]) покажетъ намъ, какія это были книги и на на какомъ языкѣ.

I. Статутъ Вел. Княженія Литовскаго *русскаго нарѣчія, печатный*. Русскій экземпляръ Статута былъ доставленъ въ правную коммиссію золотоношской сотней и былъ единственнымъ среди книгъ, взятыхъ коммиссіантами въ Москву. Кромѣ русскаго Статута, у составителей Свода было нѣсколько экземпляровъ на польскомъ языкѣ, изданія 1693 года, какъ полагаетъ г. Кистяковскій; съ этихъ то польскихъ экземпляровъ и былъ сдѣланъ переводъ Статута, какъ это заявлено составителями Свода въ заглавіи послѣдняго. Существованіе въ коммиссіи Статута югозападной редакціи даетъ основаніе полагать, что имъ пользовались при переводѣ польскаго Статута, какъ средствомъ провѣрять великорусскій текстъ и держаться такимъ образомъ ближе подлинника, но окончательно этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только при сравненіи текста югозападной редакціи съ текстомъ неизвѣстнаго намъ великорусскаго перевода. Гораздо важнѣе, однако, для насъ вопросъ, почему составители Свода пользовались при переводѣ польской редакціей Статута, а не югозападной, которая, какъ это мы сейчасъ покажемъ, никогда не переставала употребляться въ судахъ Малороссіи?

Мы не согласны въ данномъ случаѣ съ проф. Кистяковскимъ, утверждающимъ въ своей книгѣ, что въ Малороссіи второй половины XVII в. и начала XVIII югозападный Статутъ пришелъ въ забвеніе, а его мѣсто занялъ польскій; мы полагаемъ напротивъ, что югозападная редакція Статута никогда не подвергалась забвенію, а обновляемая и исправляемая, удержалась до самаго послѣдняго времени. Какъ доказательство примѣненія въ XVIII вѣкѣ Статута изданія 1588 г. достаточно пока указать на русскій печатный экземпляръ Статута, бывшій въ золо-

---

[1]) Перечень составленъ на основаніи списка книгъ, увезенныхъ въ 1735 г. въ Москву, а ранѣе бывшихъ въ ея распоряженіи въ Ичнѣ.

тоношской сотнѣ и доставленный ею въ коммиссію, другія же доказательства приведены будутъ впереди.

Съ другой стороны, мы нисколько не думаемъ отрицать употребленія въ нашихъ судахъ и Статута польской редакціи, такъ какъ это составляетъ положительный фактъ, не подверженный никакому сомнѣнію, ибо во первыхъ, въ 1764 г. Войск. Генер. Канцелярія искала подрядить какого нибудь купца для покупки ей *нѣсколькихъ правныхъ книгъ на польскомъ языкѣ, потому что,* говорила она, *съ самаго Богдана Хмельницкаго всякихъ книгъ у нея бывало по два экземпляра;* во вторыхъ, черниговское шляхетство въ наказѣ своему депутату также упоминаетъ объ употребленіи въ судахъ Малороссіи Статута на польскомъ языкѣ, да наконецъ и самый переводъ съ польскаго немогъ бы иначе состояться, еслибы польская редакція не находила себѣ употребленія въ судахъ Малороссіи. Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить кажущееся противорѣчіе? Намъ кажется, что дѣло объясняется довольно просто: извѣстно, что русскій печатный Статутъ въ послѣдній разъ былъ изданъ въ 1588 г. и съ этого года изданіе его не повторялось, между тѣмъ какъ потребность въ немъ была самая необходимая и настоятельная, для удовлетворенія которой имѣлось два способа—1) переписка югозападнаго Статута и 2) замѣна его изданіями польской редакціи, неоднократно повторявшимися послѣ 1588 г. Въ пользу перваго способа говорили какъ интересы южнорусскаго народа, такъ и постановленія самаго Статута, опредѣлявшаго судовому писарю вести всѣ протоколы на русскомъ нарѣчіи, въ пользу же втораго, т. е. введенія польскаго Статута, дѣйствовало быстро возраставшее вліяніе польской цивилизаціи и языка на высшее южнорусское общество, благодаря которымъ наша старшина, воспитавшись въ уваженіи ко всему польскому, вводила въ своихъ судахъ польскій Статутъ вмѣсто исчезавшаго русскаго. Полонизація высшихъ слоевъ правобережной Украины, дѣйствительно, привела къ тому, что югозападный Статутъ былъ забытъ и, вытѣсненный изъ ея судовъ, замѣненъ польскимъ; но не такъ шло дѣло въ лѣвобережной Украинѣ, менѣе подвергавшейся польскому давленію и цивилизаціи: русскій Статутъ въ ней никогда

не только не забывался, но постоянно переписывался, обновлялся и съ поправками въ языкѣ и стилѣ удержался до самаго 1811 г., когда былъ замѣненъ сенатскимъ переводомъ. Однако, отсутствіе новаго печатнаго изданія съ радикальной поправкой устарѣвшаго языка и вынужденное пользованіе писанными экземплярами, часто ошибочными и неполными, заставляли прибѣгать и лѣвобережные суды къ польскимъ изданіямъ, какъ болѣе вѣрнымъ и точнымъ, но это пользованіе польскимъ Статутомъ имѣло на нашъ взглядъ только характеръ провѣрки русскихъ списковъ, не болѣе, ибо въ судебныхъ протоколахъ цитовавшіеся артикулы Статута всегда выписывались не на польскомъ языкѣ и не въ переводѣ даже ихъ на современный русскій, а въ подлинныхъ или немного подновленныхъ словахъ и выраженіяхъ *Статута югозападной редакціи 1588 г.* Итакъ, не забвеніе русскаго Статута и замѣна его польскимъ, какъ думалъ проф. Кистяковскій, были причиною перевода коммиссіантами польскаго Статута, а исчезнувшій, по нашему мнѣнію, русскій печатный текстъ пріучилъ нашихъ судей и всю старшину смотрѣть на польскія изданія съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ на свои русскіе списки, и поэтому составители Свода обратились при переводѣ не къ нимъ, а къ польскимъ печатнымъ изданіямъ. Конечно, могло случиться, что большинство мало знакомыхъ съ исторіей своего права судей и не знали настоящаго происхожденія Статута и принимали, быть можетъ, свои списки за переводы съ польскаго, но этого никакъ нельзя сказать о лицахъ, составлявшихъ коммиссію и имѣвшихъ предъ своими глазами Статутъ печатный русскаго нарѣчія. Переводъ ими Статута польской, а не югозападной редакціи мы объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ отсутствіемъ въ судахъ Малороссіи печатныхъ книгъ Статута изданія 1588 г., ибо со времени напечатанія ихъ до 1728 г. прошло 140 лѣтъ.

II. Во вторыхъ, въ распоряженіи коммиссіи находились въ большомъ количествѣ экземпляры Зерцала Саксонскаго въ польской его передѣлкѣ. Судя по тому, что эти экземпляры коммиссіантами назывались простымъ именемъ „Saxon", (Speculum Saxonum, которое обще зовется у насъ Saxon), мы полагаемъ, что это была польская передѣлка Павла Щербича, дѣйствительно

ходившая подъ общимъ заглавіемъ: Saxon, sew Prawa polsky Maydeburskiy nosywaiące Speculum Saxonum 1581 г. Въ Малороссіи употреблялась, кромѣ этой передѣлки, еще другая латинская, изданная Ник. Яскеромъ при Сигизмундѣ Первомъ въ 1535 году, но коммиссіанты ею не пользовались. Кистяковскій, говоря о книгахъ, бывшихъ въ рукахъ коммиссіи, утверждаетъ, что составители Свода руководились Зерцаломъ Саксонскимъ не въ первоначальномъ видѣ, а въ польскихъ передѣлкахъ, но это не вѣрно. Когда въ 1734 году коммиссія получила отъ кн. Шаховскаго „высоковажный листовный указъ" прислать вѣдомость о томъ, когда она приступила къ занятіямъ, что перевела и что еще подлежитъ переводу, то ею было отвѣчено между прочимъ, что, взявши польскіе Саксонъ и Порядокъ, она усмотрѣла въ ссылкахъ этихъ книгъ на Speculum Saxonum невѣрность, путаницу и часто ложь. Въ виду этого открытія она принуждена была добыть самый оригиналъ Saxon'а и сличать съ нимъ переводимые Саксонъ и Порядокъ; послѣ долговременнаго сличенія и сопоставленія коммиссіанты убѣдились, „что оныя двѣ книги совершенно невѣрно и необстоятельно польскими законодателями составлены", а потому стали переводить на великороссійскій діалектъ и Speculum Saxonum—„тую книгу Зерцаломъ Саксонскимъ названную на латинскомъ языкѣ въ 3 книги собранную самый оригиналъ правъ Саксонскихъ". Такимъ образомъ, хотя коммиссіанты переводили польскую передѣлку Яскера, какъ думалъ г. Кистяковскій, но ими былъ переведенъ и самый оригиналъ, которымъ повѣрялись польскія передѣлки при ихъ переводѣ и сводѣ.

III. Въ третьихъ коммиссія имѣла у себя довольно много книгъ Порядка, на польскомъ языкѣ называвшагося „Porządek Sądow y praw mieyskich prawa maydeburskiego". Эта книга, по словамъ Кистяковскаго, есть сборникъ различныхъ сочиненій, въ коихъ польскими юристами изложено Магдебургское право—и дѣйствительно, въ дѣлахъ коммиссіи мы находимъ упоминаніе о переводѣ ею всѣхъ составныхъ частей этого сборника, а именно: I) Книги „Порядокъ", какъ самостоятельной части сборника, сначала бывшей руководствомъ къ изученію права, а потомъ

обратившейся въ законодательную книгу. II) „Артикулы права Магдебургскаго особенно въ той книгѣ напечатанніе",—сокращенное изложеніе Магдебургскаго права. III) „Артикулы правъ цесарскихъ въ той же книгѣ напечатанніе"—вольная передача Constitutio criminalis Carolina Карла V. IV) „Книга Титулы названная до книги Порядокъ приданная"—обширный трактатъ о разныхъ вопросахъ гражданскаго права, V) „Книга латинская Enchiridion при книгѣ Титулы напечатанная"—ручная книга, представляющая сокращенное изложеніе Магдебургскаго права, составлена войтомъ Іоанномъ Кирштейномъ, всѣ же предыдущія принадлежатъ перу Варѳоломея Гросецкаго. Кромѣ этого составители Свода упоминаютъ о книгѣ объ оборонѣ вдовъ и сиротъ, напечатанной въ нѣкоторыхъ Порядкахъ, о правѣ Хелминскомъ и о книгѣ „объ употребленіи добръ женѣ отъ мужа опредѣленныхъ". Наконецъ, въ коммиссіи мы видимъ еще слѣдующія сочиненія: 1) „Регуляментъ русскій печатный", 2) „Книга рукописная русская, переводъ давній Титуловъ изъ Порядка польскаго". Переводъ былъ сдѣланъ Пекалицкимъ и, по замѣчанію самихъ составителей Свода, весьма неисправно. 3) „Книга большая рукописная переводъ давній Студентскаго Саксона польскаго всего—къ дѣлу весьма негодный".

Изъ юридическихъ пособій, не подлежавшихъ переводу, но имѣвшихся въ родѣ справочныхъ книгъ, были: латинская книга „Processus juris" автора Карпцовія, вторая книга того же автора „Definitiones forenses" и третья его же „Practica rerum criminalium".

Всѣ эти три книги были взяты у кіевскаго магистрата, и хотя ихъ не переводили, но „къ своду въ дополненіе права о чести Божіей, государевой русскимъ нарѣчіемъ было нѣчто выписано". Остальныя книги принадлежали то ратушамъ, то магистратамъ, то сотнямъ, а одинъ только экземпляръ Порядка принадлежалъ Максимовичу, жителю переяславскаго полка, да Регуляментъ русскій былъ взятъ у Войсковой Генер. Канцеляріи.

Мы ограничиваемся здѣсь простымъ перечисленіемъ книгъ, бывшихъ у составителей Свода, на томъ основаніи, что большія подробности о нихъ желающіе найдутъ въ книгѣ Кистяковскаго,

а теперь снова займемся вопросомъ—въ какой редакціи употреблялся Статутъ въ малорусскихъ судахъ? Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что переводъ коммиссіантами польскаго Статута на великорусскій языкъ можетъ дать поводъ думать, что въ нашихъ судахъ употреблялась исключительно польская редакція Статута, а о западно-русской давно изгладилось всякое воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что съ 1588 года, дѣйствительно, не было русскаго печатнаго изданія Статута. Самъ Кистяковскій въ своемъ очеркѣ исторіи коммиссіи склоняется, какъ мы видѣли, къ тому воззрѣнію, что со 2-й половины 17-го вѣка до самой половины 18-го въ нашихъ судахъ западнорусская редакція пришла въ забвеніе и употребленіе Статута на русскомъ языкѣ возобновилось снова только по переводѣ его коммиссіантами.

Прежде всего остановимся на первомъ положеніи проф. Кистяковскаго, состоящемъ въ томъ, что въ Малороссіи XVIII вѣка мамоничевскій Статутъ былъ мало распространенъ, благодаря стараніямъ польскаго правительства привести его въ забвеніе и замѣнить своимъ. Намъ кажется, что это положеніе, особенно подкрѣпляемое на взглядъ покойнаго профессора тѣмъ, что всѣ рукописные экземпляры Статута, бывшіе въ его распоряженіи, относятся ко второй половинѣ 18-го в., (т. е. къ тому времени, когда въ коммиссіи уже былъ совершенъ переводъ) достаточно опровергнуто В. Н. Баршевскимъ[1]), указавшимъ на невозможность того, чтобы всѣ судьи, выбираемые по силѣ Статута изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, въ достаточной мѣрѣ знали польскій языкъ и примѣняли его въ судахъ лѣвобережной Украины вопреки 1 арт. 4 розд., обязывающему вести дѣла на русскомъ языкѣ. Во вторыхъ, это утвержденіе не выдерживаетъ критики уже и потому, что въ пересмотрѣнной нами массѣ рѣшеній черниговской полк. канцеляріи и гродскаго черн. суда (отъ 1729—68 г. и далѣе), а отчасти и Войск. Ген. Канцелярія мы встрѣтили въ цитуемыхъ артикулахъ Статута или буквальное повтореніе сходственныхъ артикуловъ мамоничевскаго изданія, или очень близкое съ ними сходство, что исключаетъ вся-

[1]) В. Н. Баршевскій. Краткая исторія Л. Статута.

кую возможность предположеній объ употребленіи въ судахъ польскаго Статута даже въ ежечасномъ переводѣ его судовыми писарями на русскій языкъ. Дѣйствительно, если согласиться съ Кистяковскимъ, что малорусскіе судьи знали польскій языкъ и употребляли въ судахъ таковой же Статутъ, то слѣдуетъ также допустить, что въ судебныхъ протоколахъ польскій текстъ приводился въ переводѣ на современный имъ русскій языкъ, но въ такомъ случаѣ этотъ переводъ никогда не могъ бы быть такъ схожъ съ мамоничевскимъ оригиналомъ, какъ это наблюдается въ дѣйствительности.

Что же касается до того явленія, что громадное большинство списковъ, бывшихъ въ рукахъ г. Кистяковскаго, относится ко второй половинѣ 18-го в. и такимъ образомъ даетъ поводъ предполагать въ нихъ переводъ Статута, совершенный коммиссіантами, то, мы полагаемъ, это объясняется не отсутствіемъ въ прежнее время списковъ Статута, а большею рѣдкостью старыхъ списковъ съ одной стороны и случайностью подбора съ другой, ибо существованіе списковъ Статута до перевода его составителями Свода не можетъ подлежать сомнѣнію по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) самъ проф. Кистяковскій имѣлъ списокъ Статута мамоничевскаго изданія, предназначенный для употребленія въ сосницкой ратушѣ, 2) пересмотрѣнныя нами судебныя рѣшенія отъ 1729 г. до 1734 г., въ которомъ былъ переведенъ Статутъ, показываютъ, что до перевода употреблялся въ судахъ незначительно измѣненный текстъ Статута 1588 г., наконецъ въ 3) по силѣ инструкціи 31 янв. 1734 г., данной гетманскому уряду, судоустройство Малороссіи оставлялось на прежнихъ основаніяхъ и вслѣдствіе этого приказано было имѣть правныя книги при всѣхъ сотенныхъ судахъ, *переписавъ ихъ съ экземпляровъ, имѣвшихся въ другихъ судахъ*. Этотъ приказъ вызвалъ со стороны всѣхъ малорос. полковниковъ разсылку къ своимъ сотнямъ ордеровъ съ требованіемъ переписки правныхъ книгъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что переписывался главнымъ образомъ Статутъ, какъ настоятельно необходимый сотеннымъ судамъ для употребленія при рѣшеніи дѣлъ. Относительно же вопроса, какой редакціи переписывался Статутъ, т. е. юго-западной или польской—

то мы думаемъ, что для пріобрѣтенія польскаго текста удобнѣе было бы прибѣгнуть не къ перепискѣ, а покупкѣ печатныхъ книгъ, да и самая переписка *польскаго* Статута едва ли мыслима по распоряженію *русскаго* правительства. Послѣдній фактъ лучше всего доказываетъ нашу мысль о пополненіи правныхъ книгъ въ судахъ Малороссіи путемъ переписки старыхъ, при чемъ эта переписка иногда была, такъ сказать, массовой и всегда, вѣроятно, сопровождалась большимъ или меньшимъ искаженіемъ въ языкѣ и стилѣ. Второе положеніе издателя Свода представляетъ продолженіе перваго и состоитъ въ томъ, что писанные экземпляры Статута, бывшіе въ обращеніи частныхъ лицъ и присутственныхъ мѣстъ съ половины 18-го в., являютъ собой переводъ, сдѣланный коммиссіей составленія Свода, потому что дѣятельность ея, говоритъ Кистяковскій, была на виду у всѣхъ, а авторитетъ слишкомъ достаточенъ для того, чтобы совершенная ею работа была признана годной для употребленія въ судахъ, особенно при настоятельной потребности въ Статутѣ. Однако, съ этимъ мнѣніемъ также нельзя согласиться какъ по высказанной уже причинѣ—существованію списковъ уже до коммиссіоннаго перевода,—такъ и потому, что замѣна польскаго Статута въ нашихъ судахъ русскимъ переводомъ не могла бы состояться proprio motu, а потребовалось бы высочайшее повелѣніе, которое однако нигдѣ никѣмъ указано не было; наконецъ, мнѣнію г. Кистяковскаго противорѣчитъ и то обстоятельство, что цитуемые артикулы въ судебныхъ рѣшеніяхъ второй половины 18-го в. нисколько не напоминаютъ великорусскаго перевода, но повторяютъ мамоничевскій текстъ 1588 г. съ большими, правда, отъ него отступленіями, чѣмъ то читали мы въ суд. рѣшеніяхъ 1729 г., хотя даже въ исправленныхъ и искаженныхъ мѣстахъ чрезвычайно ясно слышится духъ и рѣчь юго-западной редакціи.

Для того, чтобы поставить рѣшеніе вопроса о редакціи Статута на болѣе прочную почву, намъ необходимо прибѣгнуть къ единственно возможному и указанному уже гг. Баршевскимъ и Кистяковскимъ методу—къ сличенію статутовыхъ выписокъ, приводимыхъ буквально въ судебныхъ протоколахъ, съ соотвѣтствуюмими мѣстами мамоничевскаго статута. „Если бы

этотъ методъ примѣнить", говоритъ г. Кистяковскій, „не къ одному, а къ множеству рѣшеній малороссійскихъ судовъ на пространствѣ почти двухъ вѣковъ, то онъ далъ бы положительные результаты"—мы не могли сдѣлать такой громадной работы за недостаткомъ судебныхъ рѣшеній ранѣе 20-хъ г. 18-го в., а ограничились сравненіемъ массы дѣлъ черн. полк. канцеляріи и гродскаго суда за небольшое время отъ 1729 г.—68 г., но вынесенныя наблюденія настолько краснорѣчивы и единодушны, что мы считаемъ ихъ достаточными, чтобы принять за положительный фактъ *употребленіе въ малороссійскихъ судахъ русскаго Статута въ спискахъ съ мамоничевскаго изданія при слабой конкурренціи съ нимъ польскаго текста, какъ руководительнаго орудія для лицъ и учрежденій.* Въ этомъ отношеніи мы скорѣе приближаемся къ мнѣнію В. Н. Баршевскаго, высказанному имъ въ упомянутой уже статьѣ, въ томъ смыслѣ, что наши судебныя мѣста безусловно руководились списками мамоничевскаго текста, но мы не можемъ съ нимъ согласиться вполнѣ, ибо въ виду приведенныхъ нами фактовъ и нѣкоторыхъ вѣскихъ замѣчаній г. Кистяковскаго допускаемъ вліяніе на наши списки польскихъ Статутовъ и даже слабое употребленіе послѣднихъ.

Начавъ дѣлать сличенія по рѣшеніямъ черниг. полковой канцеляріи отъ 1729 г., мы нашли: во 1-хъ, во всѣхъ встрѣчавшихся за этотъ годъ дословныхъ выпискахъ буквальное тожество съ соотвѣтствующими артикулами и роздѣлами Статута югозападной редакціи, во 2-хъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Статутъ цитуется не дословно, а приводится въ дѣлахъ in extenso, его содержаніе излагается въ словахъ и выраженіяхъ, безусловно заимствованныхъ изъ мамоничевскаго текста. Иногда при сравненіи такихъ недословныхъ выдержекъ съ соотвѣтственнымъ текстомъ 1588 года въ нихъ встрѣчаются цѣлыя строки, буквально заимствованныя изъ послѣдняго, такъ что изъ сопоставленія характера языка и стиля этихъ выдержекъ съ статутомъ 1588 г. мы приходимъ къ убѣжденію, что онѣ составлены по его тексту. Итакъ, дословныя цитаты и выдержки приводятъ къ заключенію объ употребленіи въ судахъ первой четверти 18-го вѣка Статута югозападной редакціи.

Однако, говоря о близкомъ сходствѣ и тождествѣ цитуемыхъ мѣстъ съ оригиналомъ, мы должны оговориться въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя древнія слова, обветшалыя формы и окончанія Статута замѣнены въ цитатахъ болѣе новыми и современными, при чемъ эта замѣна и подновленіе становятся тѣмъ чаще и замѣтнѣе, чѣмъ ближе подвигаются самыя цитаты къ настоящему времени; кромѣ этого встрѣчаются иногда въ нихъ пропуски и неточности, но они не нарушаютъ общей картины сходства и тождества и вполнѣ относятся къ невольнымъ погрѣшностямъ переписчиковъ. Для образца мы приведемъ здѣсь нѣсколько цитатъ, взятыхъ изъ судебн. рѣшеній за 1729 г., сравнимъ ихъ съ текстомъ 1588 г. и отмѣтимъ недостающія и несходныя съ нимъ слова, поставивъ рядомъ съ ними въ скобкахъ соотвѣтствующія слова Статута 1588 г. Цитата: Розд. 14, арт. 16 „если бы на злодіействѣ въ полѣ (не) [1]) пойманно, але лице въ домъ отдано албо слѣдомъ присочено, то яко и о иншомъ злодействе маеть быть сужоно ведлугъ сего статуту"—въ этомъ отрывкѣ наблюдается полнѣйшее тожество съ мамоничевской редакціей, исключая пропущенной, вѣроятно, по ошибкѣ писца, частицы „не" послѣ слова въ „полѣ"...

Цит. изъ того же роздѣла, 7-го арт. § 3: „злодѣя, если бы трафилося (кому) поймати повторе з лицемъ хотя бы тое лицо и двохъ копъ грошей не стояло тогди уже (дубцы) у столпа мѣетъ быть битъ [въ Статутѣ: битъ быть маеть], а за шкоды и совистость не будетъ ли мѣть чимъ платить то на выробъ выданъ быти маеть [мѣеть]"—въ этой цитатѣ, кромѣ пропущенныхъ двухъ словъ „кому и „дубцы" и небольшой перестановки, произведенной безъ всякой нужды и перемѣны смысла, вѣроятно, при перепискѣ, замѣчается такое же тожество съ оригиналомъ, какъ и въ предыдущей.

Не желая обременять статьи новыми цитатами за этотъ годъ, мы скажемъ, что во всѣхъ представившихся намъ судеб-

---

[1]) Въ дугообразныхъ скобкахъ отмѣчены слова Статута недостающія и пропущенныя въ цитатахъ, въ прямыхъ же—слова переиначенныя и подновленныя. О словахъ прибавленныхъ противъ Статута каждый разъ будетъ упомянуто особо.

ныхъ рѣшеніяхъ—къ сожалѣнію ихъ немногимъ болѣе десятка—усматриваются тѣже сходства и отличія, что и въ приведенныхъ двухъ выпискахъ: обветшалыя, мало понятныя слова и древнія формы замѣнены большею частью новыми, соотвѣтствующими времени ихъ измѣненія, такъ что рѣдко гдѣ встрѣчаются „пакъли бы“, „дѣдичъ“, „наитіе“, „тогди“, „маеть“, но вездѣ замѣнены словами—также, наслѣдникъ, находъ, теди, мѣеть и пр... Очевидно изъ этого, что полнаго исправленія языка Статута дѣлано не было, а производилось оно само собою, незамѣтно и исподволь, пока, наконецъ, къ концу 18-го вѣка онъ сталъ значительно отличаться отъ своего оригинала и далъ поводъ видѣть въ немъ не старый оригиналъ, а переводъ съ польскаго. Къ большому сожалѣнію, судебн. рѣшенія 1729 г. дали намъ возможность сличить на всѣ роздѣлы Статута, а только нѣкоторыя (X, XI, XIV), но этотъ недостатокъ восполняется тѣмъ обстоятельствомъ, что сравненіе другихъ роздѣловъ произведено нами по суд. рѣшеніямъ 1730, 35 и 39-го и слѣдующихъ годовъ, когда въ черниговской полковой канцеляріи употреблялся тотъ же Статутъ, что и въ 1729 г. Результаты наблюденій и сличеній остаются тѣ же самые. Для образца и доказательства мы позволимъ себѣ привести еще нѣсколько выписокъ, сопоставивши ихъ по прежнему съ текстомъ 1588 г. Розд. IV, арт. 81, § 1. „Уставуемъ ижъ сторона доводячи рѣчи своей мѣеть доводить трома свѣтками людми вѣри годними и неподозрительными [неподойзренными], а если бы (хто) трохъ свѣтковъ не имѣлъ теди [тогди] въ недостатку третяго при двохъ свѣткахъ [сведецъсвѣ]“...

Розд. IX, арт. 27. „Уставуемъ ижъ у бояръ, людей простихъ княжескихъ, панскихъ, земянскихъ никто землѣ закуповати, а ни на лѣто найняти [послѣдняго слова нѣтъ въ мамонич. изданіи] ку пахатю безъ волѣ пана его у чужого человѣка землю закупилъ, албо [або] нанялъ и что-либо на ней посіялъ теди [тогди] тое посѣянное и деньги тратить [тое сѣянье и пенези тратить]“. Въ послѣдней цитатѣ, взятой изъ судебн. рѣшеній за 1739 г., замѣтно уже болѣе поправокъ, чѣмъ въ приведенныхъ ранѣе, но тѣмъ не менѣе, я думаю, никто не задумается признать въ ней

артикулъ изъ Статута юго-западной редакціи, ибо, несмотря на поправки, рѣчь его достаточно хорошо сохранилась. Возьмемъ еще нѣсколько цитатъ, относящихся къ болѣе позднему времени (1768 г.), но предупредимъ читателя, что въ этихъ цитатахъ, часто повторяющихъ оригиналъ 1588 г., иногда встрѣчаются значительно отъ него отличающіяся, особенно въ случаяхъ маловразумительности языка оригинала. Мы приведемъ выписки обоего рода. Розд. X, арт. 15. „Хто бы кому (у гаехъ) въ борахъ, пущахъ, лѣсахъ гвалтовно якую [которую] шкоду въ порубаню дерева учинилъ, если шляхтичъ шляхтичу тогди за тое мѣсто заплатить гвалту двенадцать рублей грошей, а дерево порубанное цѣною нижей описанною заплатить, а если холопъ [мужикъ] шляхтичу дерево порубаетъ тотъ вины шесть рублей грошей, а дерево ценой виненъ [повиненъ] будетъ заплатить"—въ сдѣланной выпискѣ нельзя не усмотрѣть полнаго сходства съ оригиналомъ, писаннымъ 200 лѣтъ назадъ, и это объясняется, по нашему мнѣнію, вразумительностью рѣчи артикула, не нуждавшейся ни въ какихъ поправкахъ, кромѣ незначительнаго измѣненія слова „холопъ" на „мужикъ". То же самое нужно сказать и о слѣдующей цитатѣ: Розд. II, арт. 58. „А еслибъ въ небытности самого того кому гвалтъ (тотъ) станется тогди на томъ, что [ижъ] справедливо о томъ вѣдомость взялъ же (ся то) такъ и неиначей же стало и за тою вѣдомостью тебе яко гвалтовника дому своего подъ присягою..." Но вотъ другой обратный примѣръ, когда мамоничевскій текстъ подвергся передѣлкѣ именно благодаря своей устарѣлости и маловразумительности. Розд. IV, арт. 40 по Мамоничу мы читаемъ: „а есть-ли бы зъ очевистого мовенья стороны жабное зъ урядомъ тое неправное сказанье котораго вряду показало таковая сказнь маеть быти поднесена и на сторону отложона, итакъ укривжонному маеть быти вывезанье дано и оное имѣнье або грунтъ отсужонный за ся ему привернеиъ." Въ судебныхъ же рѣшеніяхъ 1768 г., хотя это мѣсто приводится совсѣмъ иначе, но тѣмъ не менѣе въ немъ удержалось нѣсколько словъ и выраженій, ясно обнаруживающихъ источникъ передѣланнаго артикула: „еслибы зъ очевистой рѣчи стороны жалобной зъ урядомъ исправной приговоръ которого уряду показался, тогда та-

ковой приговоръ имѣетъ быть оставленъ, итакъ обиженному имѣетъ быть вывязанье дано и оное имѣнье или грунтъ отсужени заразъ ему привернуть".

Ограничиваясь приведенными выписками, взятыми нами для образца, мы суммируемъ наши выводы въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) употребленіе Статута въ спискахъ югозападной редакціи въ малороссійскихъ судахъ первой половины 18-го в. несомнѣнно, вопреки мнѣнію г. Кистяковскаго, 2) употреблявшіеся списки по сравненію ихъ съ Статутомъ 1588 г. представляютъ болѣе или менѣе вѣрную его копію въ отношеніи языка, конструкціи рѣчи и пр., а встрѣчающіяся отклоненія недостаточны, чтобы признать списки за переводъ Статута съ польскаго языка, 3) исправленіямъ и замѣнамъ подвергались только тѣ мѣста текста, которыя, сдѣлавшись архаическими, стали мало понятными. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что съ самаго же начала появленія рукописныхъ Статутовъ за истребленіемъ печатныхъ началось и подновленіе устарѣвавшаго языка, и чѣмъ болѣе мы будемъ приближаться къ настоящему времени, тѣмъ значительнѣе и замѣтнѣе становится это подновленіе. Эта мысль о постепенномъ исправленіи языка мамоничевскаго Статута особенно подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что исправленію подвергались слова и выраженія не вообще устарѣвшія, но устарѣвшія и мало понятныя, между тѣмъ какъ, если допустить предположеніе объ единичномъ исправленіи или переводѣ съ польскаго, то мы должны были бы имѣть полное исправленіе всѣхъ окончаній и формъ, а не нѣкоторыхъ. 4) Въ четвертыхъ, во второй половинѣ 18-го вѣка списки Статута юго-западной редакціи не были замѣнены великорусскимъ переводомъ, сдѣланнымъ правной коммиссіей, какъ это полагалъ Кистяковскій, но оставались прежними, продолжая мало по малу измѣняться въ языкѣ путемъ подновленія. Сравненіе выписокъ изъ судебн. рѣшеній даже 1770 г. съ мамоничевскимъ текстомъ убѣждаетъ насъ, что они взяты изъ послѣдняго, но отнюдь не изъ великорус. перевода. Доказывая употребленіе въ малороссійскихъ судахъ русскаго Статута, мы до сихъ поръ умышленно умалчивали объ одномъ важномъ отличіи списковъ отъ самаго оригинала, а именно о

раздѣленіи списковъ Статута не только на роздѣлы и артикулы, но и параграфы, чего нѣтъ въ оригиналѣ 1588 г. На это уже обратилъ вниманіе и покойный профессоръ [1]), видѣвшій въ сдѣланномъ нововведеніи доказательство своего предположенія объ употребленіи въ судахъ второй половины 18-го в. великороссійскаго перевода, но мы не согласны съ нимъ по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, дѣлая сличенія, мы не всегда встрѣчали указанія на раздѣленіе артикуловъ на пункты, иногда этого раздѣленія совершенно не бывало и при цитованіи просто говорится „при концѣ такого то артикула", такъ что пунктированіе очевидно строго не выдерживалось, между тѣмъ какъ, если бы списки представляли переводъ съ польскаго, то подраздѣленіе было бы проведено отъ начала до конца. Самъ Кистяковскій, говоря о томъ, что въ спискахъ, подобно польскимъ печатнымъ Статутамъ, на поляхъ артикуловъ находятся ссылки на артикулы другихъ роздѣловъ, прибавляетъ: „правда, указанія эти въ нашихъ спискахъ написаны небрежно, безъ выдержки, большею частью не доведены до конца". Въ виду этой невыдержанности и случайности пунктированія и упомянутыхъ ссылокъ намъ кажется вполнѣ возможнымъ и вѣроятнымъ объяснить эти нововведенія не совершившимся въ коммиссіи переводомъ Статута, *но только вліяніемъ польскихъ изданій на югозападный Статутъ*, особенно когда печатные экземпляры послѣдняго были истреблены временемъ. Вліяніе же это могло произойти по той простой причинѣ, что польскія правныя книги, какъ было уже замѣчено, были въ употребленіи въ Войск. Ген. Канцеляріи, представляя изъ себя образцы болѣе точные и вѣрные подлиннику, чѣмъ писанные русскіе; а если польскій Статутъ держался обыкновенно въ Войск. Ген. Канцеляріи, то не будетъ съ нашей стороны ошибкой допустить и болѣе широкое распространеніе его въ Малороссіи, а слѣдовательно и вліяніе, такъ что упомянутое пунктированіе ради его пользы и удобствъ могло быть сдѣлано путемъ сравненія

---

[1]) В. Н. Баршевскій почему то совершенно умалчиваетъ о раздѣленіи въ спискахъ артикуловъ на §§, раздѣленіи, повидимому, противорѣчащемъ его мнѣнію объ употребленіи въ судахъ Статута мамоничевскаго изданія.

списковъ съ польскимъ текстомъ 1693 г. При этомъ, конечно, могло произойти, что нѣкоторыя подраздѣленія артикуловъ на пункты не были отмѣчены или пропущены по ошибкѣ, откуда и возникла невыдержанность пунктированія и ихъ случайность.

Въ заключеніе нашихъ соображеній о редакціи Статута мы должны еще сосчитаться съ слѣдующимъ заявленіемъ черниг. шляхетства въ наказѣ своему депутату: „8. *Употребленіе, по причинѣ неимѣнія на природномъ, на польскомъ языкѣ*, отъ ученія которому изъ нѣкоторыхъ временъ отставать стали". Заявленіе это, по видимому, противорѣчащее нашему мнѣнію и самому факту употребленія въ черниг. полков. канц. русскаго Статута, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что за неимѣніемъ печатныхъ книгъ Порядка, Саксона и Статута имъ приходилось прибѣгать къ польскимъ изданіямъ и знакомиться съ ними для личнаго употребленія, но не употребленія судебныхъ мѣстъ, ибо въ послѣднихъ строго соблюдалось правило арт. I, розд. IV: „а писаръ земскій маетъ по русску литерами и словы русскими вси листы и позвы писати, а не иншимъ языкомъ и словы". Впрочемъ, это не исключало возможности имѣть малороссіянамъ въ своихъ судахъ и польскія правныя книги, но не для употребленія, а для справокъ, восполненія и пр.

Послѣ сказаннаго о книгахъ намъ слѣдуетъ приступить къ изложенію дѣятельности коммиссіи во время отъ 1729 г.—43 г., что составитъ содержаніе слѣдующей главы.

Ив. Теличенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ Рады ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

Отрывокъ изъ исторіи внутреннихъ отношеній Литвы въ началѣ XVI в.

I.

Вмѣсто введенія. — Брошюра г. Вольфа „Еврей министръ короля Сигизмунда“.—Пріемы г. Вольфа.—Пользованіе рукописными источниками.—Напечатанные ранѣе документы въ видѣ рукописей.—Незамѣченныя г. Вольфомъ опечатки.—Мнимыя актовыя книги Метрики Литовской. — Несуществовавшее завѣщаніе Аврама Езофовича.—Истинный смыслъ этого мнимаго завѣщанія.—Пользованіе г. Вольфа печатнымъ матеріаломъ: Томицкій, Volumina legum. — Воззрѣнія г. Вольфа на время возникновенія Рады в. княжества литовскаго. — Болѣе правильныя воззрѣнія на этотъ предметъ короля Сигизмунда Августа.—Составъ Рады по опредѣленію г. В.—Несогласимые элементы этой Рады.—Скрытые г. Вольфомъ вдовы.—Причина затрудненій г. В.—Полная непригодность спорнаго документа г. В. для опредѣленія состава рады.—Истинный смыслъ этого документа.—Наши попытки опредѣлить составъ Рады.—Исключенные г. Вольфомъ члены Рады: бискупы, князья Гедиминовичи, старосты и придворные члены.—Опредѣленіе г. Вольфомъ должностей намѣстника, маршалка, воеводы, подскарбія земскаго.—Ошибочныя предположенія г. Вольфа о враждебности членовъ Рады къ Авраму Езофовичу.—Характеръ отношеній членовъ Рады между собою и отношенія ихъ къ Авраму Езофовичу, на основаніи актовъ.—Сообщеніе г. Вольфа о первыхъ годахъ дѣятельности Аврама Езофовича.—Противорѣчія и недоказанность положенія г. Вольфа о фамиліи Езофовича.—Мнимое изгнаніе Аврама Езофовича изъ Литвы вмѣстѣ съ остальными евреями въ 1495 г. и принятіе имъ христіанства для возвращенія въ Литву.—Напрасныя жалобы г. Вольфа на бѣдность Метрики Литовской свѣдѣніями объ Аврамѣ Езофовичѣ.

Въ прошломъ году въ Краковѣ появилась небольшая брошюра г. Г. Вольфа подъ заманчивымъ заглавіемъ: „Еврей министръ короля Сигизмунда“.

Г. Вольфъ, дебютировавшій сочиненіями по генеалогическимъ и геральдическимъ вопросамъ, захотѣлъ, очевидно, въ небольшомъ историческомъ этюдѣ показать, что ему не чужды и внутреннія отношенія в. княжества литовскаго.

Ожидая брошюры, мы были, правда, въ нѣкоторомъ недоумѣніи: о какомъ евреѣ и какомъ королѣ Сигизмундѣ идетъ рѣчь?

Намъ извѣстно, что у короля Сигизмунда Августа былъ любимецъ еврей Изакъ Бородавка, о которомъ говоритъ А. Горницкій, а еще болѣе акты Метрики Литовской.

Мы знаемъ, что король Сигизмундъ III имѣлъ придворнаго купца („фактора“), знаменитаго въ преданіяхъ литовскихъ евреевъ Шауля Валя.

Но ни тотъ, ни другой еврей не занимали никакой должности въ государственной администраціи.

Наконецъ, въ статьѣ, напечатанной нами въ Еврейской Библіотекѣ за 1879 г.[1]), мы указали на подскарбія земскаго еврея, принявшаго христіанскую религію, Аврама Езофовича, а въ „Документахъ къ исторіи литовскихъ евреевъ“ сообщили изъ Метрики Литовской рядъ актовъ, касающихся какъ самаго Аврама Езофовича, такъ и двухъ его братьевъ. Такъ какъ Аврамъ Езофовичъ становится подскарбіемъ земскимъ *великаго княжества* литовскаго лишь подъ конецъ своей долгой административной дѣятельности, такъ какъ Аврамъ Езофовичъ очень рано переходитъ въ христіанство и ведетъ совершенно самостоятельную, независимую отъ отца и братьетъ жизнь, то намъ казалось въ высшей степени любопытнымъ, какого еврея, въ министры какого короля польскаго Сигизмунда возвелъ г. Вольфъ.

Чтеніе произведенія г. Вольфа привело насъ съ перваго же раза въ глубокое изумленіе.

Не будемъ останавливаться на томъ, что министромъ евреемъ оказался христіанинъ Аврамъ Езофовичъ, не будемъ говорить о томъ, что онъ оказался министромъ не *короля польскаго* Сигизмунда I, а *короля и великаго князя литовскаго*,—не въ этомъ заключались причины нашего изумленія.

---

[1]) Стр. 28, примѣчаніе.

Г. Вольфу былъ извѣстенъ какъ трудъ нашъ, такъ и изданные нами документы, г. Вольфъ пользуется ими, съ тою однако оговоркою, что пользованіе свое онъ ограничиваетъ XV ст., далѣе идутъ повсюду источники первой руки, всюду только и видишь, что ссылки на актовыя книги Метрики Литовской.

Въ виду обилія этихъ ссылокъ, въ виду того, что документы, изданные нами, опять цитируются только въ концѣ брошюры, мы невольно задали себѣ вопросъ: неужели всѣ эти документы, на которые ссылается г. В., не замѣчены были нами раньше?

Появленіе брошюры г. В. въ русскомъ переводѣ несомнѣнно должно возбудить подобнаго же рода недоумѣніе и у русскаго читателя.

Въ виду защиты себя отъ предположенія, будто бы, откапывая различныхъ неизвѣстныхъ исторіи евреевъ, мы не примѣтили такого крупнаго явленія, какъ Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій в. княжества литовскаго, и что этотъ пропускъ замѣченъ и пополненъ г. Вольфомъ, мы позволимъ себѣ утрудить вниманіе читателей во 1) критическимъ разборомъ брошюры г. Вольфа какъ со стороны пользованія источниками, такъ и со стороны пониманія ихъ; во 2) представленіемъ личности Аврама Езофовича по актовымъ книгамъ Метрики Литовской.

I.

Остановимся прежде всего на пользованіи источниками.

Г. Вольфъ во всей своей брошюрѣ ссылается постоянно на акты Метрики Литовской. Но если кто либо пожелаетъ сличить приводимыя имъ цитаты съ первымъ томомъ нашихъ „Документовъ и регестъ къ исторіи литовскихъ евреевъ“, то получится слѣдующая таблица [1]):

---

[1]) Мы начнемъ съ третьей главы, такъ какъ двѣ первыя написаны на основаніи нашей книги и документовъ, а только съ третьей главы начинаются самостоятельныя (!) заимствованія изъ Метрики Литовской.

I. Вольфъ. *„Еврей министръ короля польскаго Сигизмунда“. 1885 г.*	С. А. Бершадскій. *„Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ“, 1882 г.*
Глава III.	
Примѣчаніе 3 (пр. 1) [1]	№ 60, № 119. № 69, № 159.
„ 3, b (пр. 1, d)	№ 42.
Глава IV.	
Примѣчаніе 2 (пр. 1)	№ 52.
„ 2 b (пр. 2)	№ 54.
„ 3 (пр. 3).	№ 53, b.
„ 3, b (пр. 4)	№ 55.
„ 4 (пр. 1, с)	№ 54, всего одинъ документъ, а не два, какъ у г. В.
„ 5 (пр. 2, с)	№ 55.
Глава V.	
Примѣчаніе 2	№ 54 и 55
„ 3	№ 55.
Глава VI.	
Примѣчаніе 3 (пр. 1)	№ 159.
„ 4 (пр. 2)	№ 119.
„ 1, b (пр. 2, b).	№ 57.
„ 3, b (пр. 4)	№ 59.
„ 4, b (пр. 1, с).	№ 63.
„ 6, b (пр. 3, b)	№ 65.
„ 1, (пр. 2, d)	№ 62.
„ 2, (пр. 3, d)	№ 60.
Глава VII.	
Примѣчаніе 1 (пр. 1).	№ 69.
Глава IX.	
Примѣчаніе 1 (пр. 1)	№ 58.
„ 2 (пр. 1, b)	№ 60, при чемъ дата у г. В. невѣрна, слѣдуетъ 27 рев.
„ 3 (пр. 2)	№ 68, вмѣсто fol, какъ у г. В., слѣдуетъ читать: № документа 35.

[1]) Въ скобкахъ цитаты по польскому оригиналу брошюры.

„	4 (пр. 3)	№ 70.
„	5 (пр. 4)	№ 72.
„	6 (пр. 5)	№ 73.
„	7 (пр. 6)	№ 74.
„	8 (пр. 1, c)	№ 78.
„	1, b (пр. 2, b)	№ 83.
„	2, b (пр. 3, b)	№ 96.
„	3, b (пр. 1, d)	№ 108.
„	4, b (пр. 2, d)	№ 109.
	(пр. 3 d)	№ 119.
„	5, b (пр. 4, d)	№ 130 и 154.

т. е. всѣ документы главы IX и значительная часть документовъ предыдущихъ главъ, взятые г. Вольфомъ изъ Метрики Литовской, напечатаны уже за 3 года до появленія произведенія г. В., напечатаны въ томъ самомъ сборникѣ, на который г. В. ссылается только во второй главѣ своей брошюры. Но этого мало.

Заимствуя акты изъ Метрики Литовской, г. В. не только повторяетъ не оговоренные нами недосмотры, напр. въ пр. 2 главы IV приводитъ листъ 87 акт. книги вмѣсто листа 97, какъ бы слѣдовало (№ 52, „Док. и рег.“), но повторяетъ замѣченныя нами и оговоренныя *опечатки;* такъ, напр. невѣрныя даты [1]), воспроизводятся г. В. съ полнѣйшею пунктуальностью; не ограничиваясь нашими документами, г. В. заимствуетъ непосредственно изъ Метрики Литовской и такіе акты, которые напечатаны полвѣка тому назадъ, какъ напр. грамота Сигизмунда I литов. евреямъ отъ 21 марта 1514 г. [2]).

При этомъ, однако г. В. не захотѣлъ обидѣть и наши документы, не потрудившись однако справиться съ подлинными книгами Метрики Литовской и не разсмотрѣвъ, какъ слѣдуетъ, сдѣланнаго нами заголовка, г. В. помѣстилъ эту грамоту въ двѣ различныя книги Метрики, между тѣмъ какъ въ дѣйствитель-

---

[1]) Срав. пр. I (b) и 6 (b) главы VI съ Док. и рег. №№ 57 и 65.

[2]) Напечаталъ впервые *Działyński* въ 1841 г., въ „Zbiór praw Litewskich“, а затѣмъ въ 1848 г. Археогр. ком. напечатала эту же грамоту изъ актовыхъ книгъ Метр. Лит. Обо всемъ этомъ г. Вольфъ могъ бы узнать изъ нашихъ же „Докум. и регестовъ“.

ности, *начало* этой грамоты находится въ IX книгѣ „*Записей*“, № акта 500, а конецъ въ IV книгѣ „*Судныхъ дѣлъ*“, fol. 142.

Едва ли послѣ приведеннаго можетъ быть сомнѣніе, откуда заимствовалъ г. В. большинство своихъ документовъ.

Но для дополненія позволимъ себѣ еще маленькую подробность: подъ 1507 г., октября 5 помѣщенъ нами документъ объ отдачѣ Авраму Езофовичу въ управленіе таможенныхъ доходовъ въ Ковно и Смоленскѣ.

Прочитавъ *сдѣланный нами заголовокъ* № 52, отъ 5 октября 1507 г., гдѣ говорится, что король Сигизмундъ для погашенія долговъ отдаетъ въ управленіе Авраму Езофовичу таможенныя пошлины въ Ковно и Смоленскѣ, и замѣтивъ на заголовкѣ № 53, отъ 30 ноября того же 1507 года, что Аврамъ Езофовичъ уже покрылъ эти долги *изъ доходовъ ковенской таможни*, г. Вольфъ не задумывается написать: „Менѣе чѣмъ въ 2 мѣсяца Аврамъ погасилъ королевскіе долги“.

Между тѣмъ изъ *текста* № 52 очевидно, что распоряженіе *отъ 5 октября подтверждало только* болѣе раннюю грамоту отъ *13 іюля* 1507 г. Т. обр. Аврамъ Езофовичъ погасилъ королевскій долгъ въ 1.960 к. гр. *не въ теченіи мѣсяца съ небольшимъ, а въ теченіи почти полугода.*

Но этого мало, г. В. полагаетъ что Аврамъ Езофовичъ покрылъ долги короля изъ доходовъ ковенской товарной таможни, пошлинъ съ соли и пошлинъ съ воску въ Смоленскѣ,—изъ текста же документа очевидно, что королевскіе долги были погашены одними только пошлинами *съ соли въ Ковно.*

Помимо этихъ документовъ, заимствованныхъ г. В. *прямо* изъ Метрики Литовской и страннымъ образомъ напечатанныхъ уже раньше въ другихъ изданіяхъ, у г. Вольфа приведены нѣкоторые документы впервые.

Однако, и эти документы невольно возбуждаютъ вопросъ, дѣйствительно ли видѣлъ г. Вольфъ то, на что такъ смѣло ссылается.

Главнымъ источникомъ г. В. служатъ здѣсь № 1 и 2 „Записей“ Метрики Литовской. 1) Г. В. повсюду ссылается на эти книги, какъ на содержащія въ себѣ такіе же документы, какъ

и другія книги, напр. глава IV, пр. 1 [1]). Между тѣмъ книги записей № 1 и № 2 ничто иное, какъ краткая инвентарная опись отдѣльныхъ документовъ, хранившихся въ Метрикѣ Литовской въ концѣ XVI в. [2]). 2) Цитаты изъ обѣихъ книгъ приводятся г. В. со ссылкою на листы (folium), между тѣмъ, какъ книги скрѣплены по страницамъ (pagina). 3) Листы (sic!) этихъ книгъ цитируются для обѣихъ книгъ одинаково т. е. листъ такой то, книга № I и II, между тѣмъ какъ обѣ книги, тожественныя по содержанію, имѣютъ *различную пагинацію*, поэтому, напр., документъ, находящійся въ I книгѣ на стр. 59, будетъ во II кн. на стр. 46; № I стр. 46 = II стр. 36; № I стр. 94 = № II стр. 80; № I стр. 95 = № II стр. 81 и т. д. 4) Наконецъ, нѣкоторыя извлеченія изъ этой описи сдѣланы съ совершеннымъ непониманіемъ приводимаго документа; напр., въ концѣ VI главы своей брошюры г. В. приводитъ изъ перваго, якобы, завѣщанія Аврама Езофовича выписку слѣдующаго содержанія: „Аврамъ Езофовичъ, подскарбій земскій в. княжества литовскаго, староста ковенскій и солецкій, назначаетъ на случай своей смерти двухъ опекуновъ: *воеводу и старосту краковскаго Криштофа Шидловецкаго* для имѣній своихъ, находящихся въ Польшѣ, а для имѣній литовскихъ—*воеводу полоцкаго Ольбрахта Мартиновича Гаштольта*.

Между тѣмъ подлинная инвентарная опись гласитъ слѣдующее:

„Подскарбій литовскій озабочивается назначеніемъ опекуна послѣ своей смерти“.

„1518. — Аврамъ Езофовичъ, подскарбій в. княжества литовскаго, староста ковенскій и солецкій, отдается подъ охрану

[1]) Польскій текстъ пр. 1, 6, или, тамъ же, пр. 4, гдѣ въ подтвержденіе напечатаннаго у насъ оригинала приводится указаніе на книги № I и II, какъ будто бы повторяющія текстъ грамоты!

[2]) Опись эта сдѣлана, вѣроятно, вмѣстѣ съ перепискою актовыхъ книгъ въ канцлерство Льва Сапѣги, между 1593—1595 г., такъ какъ въ ней встрѣчаются документы, помѣченные 1570 г. Отсутствіе въ этой описи документовъ послѣ 1570 г. объясняется: 1) реальной уніей Литвы съ Польшею, въ силу чего документы общегосударственнаго характера стали храниться въ Краковѣ; 2) изданіемъ закона, въ силу котораго копія, явленная въ судѣ, стала равнозначительна оригиналу.

короля его милости. Поименовываетъ и *назначаетъ* по своей смерти *его королевскую милость главнымъ опекуномъ* своего завѣщанія, а также Криштофа Шидловецкаго, воеводу и старосту главнаго краковскаго, *канцлера короннаго* (назначаетъ опекуномъ), своихъ имѣній, которыми владѣлъ въ Польшѣ,—а Ольбрахта Мартыновича Гаштольта, воеводу полоцкаго, державцу мозерскаго—(опекуномъ) имѣній въ Литвѣ. Въ Брестѣ, дня 8 декабря, индиктъ 1".

„Съ печатью. Литера LII" [1]).

И болѣе ничего.

Вотъ образчикъ документовъ книги „*Записей*" № I и № II. Очевидно, что передъ нашими глазами краткая опись подлиннаго документа, это во первыхъ.

Но главное, во вторыхъ, въ томъ, что г. В. не понялъ выраженій такого совершенно яснаго документа. Можно ли называть этотъ документъ завѣщаніемъ, когда нѣтъ ни лицъ, въ пользу которыхъ составлено завѣщаніе, ни предметовъ, которыми бы распорядился наслѣдодатель? Но этого мало.

Главнымъ опекуномъ назначается король, и г. Вольфъ этого не примѣтилъ.

А между тѣмъ какъ въ началѣ своего завѣщанія отъ 1519 г. Аврамъ Езофовичъ обращается къ опекунамъ: „Господару моему милостивому, королю его милости Жыкгимонту", такъ точно въ 1523 г. марта 14 король Сигизмундъ въ предписаніи, адрессованномъ епископу виленскому [2]), говоритъ, что покойный подскарбій земскій Аврамъ Езофовичъ назначилъ главнымъ опекуномъ, *насъ, государя.*

---

[1]) М. Л. „*Записей*" № II.

R. 1518. Abram Jozefowicz, Podskarbij W. X. Lit. Starosta Kowienski y Soliecki, poddaie się pod obronę Kro. J. Mci.—*J. Kr. Mc. przednim opiekunem testamentu po smiercy swey mianuie y naznacza*, y Krysztofa Szydłowieckiego Woiewody (sic) y Starosty (sic) głownego Krakowskiego y Canclerza Koronnego, stronny dobr w Polszce które miał, a z strony dobr w Litwie Olbrychta Martynowicza Gasztolta, Woiewody (sic) Połockiego, dzierzawcy Mozerskiego. W Brzesciu, dnia 8, Decembra, indicta I.

S pieczęcia. L-ra LII.

[2]) „Подскарбій земскій, небощикъ п. Аврамъ Езофовичъ *ассекураторомъ* (назначилъ) напередъ насъ, *Господара*". Метр. Лит., Суд. Дѣлъ № 4, f. 26 (b).

Изъ всего указаннаго, кажется, ясно, какъ г. В. пользуется архивными источниками.

Что касается пользованія печатнымъ матеріаломъ, то нельзя сказать, чтобы и здѣсь пріемы г. Вольфа были удачнѣе.

Намъ кажется, что автору, который щеголяетъ своимъ знакомствомъ съ Метрикой Литовской, естественнѣе было бы для опредѣленія того, гдѣ былъ король Сигизмундъ съ 12 февраля 1509 по май 1511 г., обратиться къ актамъ Метрики, или же къ современнымъ лѣтописцамъ, а не случайно выхватывать документы изъ Томицкаго (стр. 21, пр.).

Странность эта увеличивается еще болѣе тѣмъ, что одни и тѣ же документы Томицкаго служатъ г. В. и для доказательства, что король Сигизмундъ въ теченіи полутора года не бывалъ въ Литвѣ, и въ то же время подтверждаютъ, что кор. Сигизмундъ приказалъ арестовать предполагаемыхъ сторонниковъ Глинскаго (стр. 17).

Къ тому же, цитаты изъ Томицкаго относятся къ 1509 и 1511 г. Спрашивается, что же это значитъ? Должны ли мы предполагать, что король, приказавъ произвести арестъ сторонниковъ Глинскаго въ 1509 г., повторяетъ свое приказаніе еще въ другой разъ черезъ 2 года? Или какъ иначе разумѣть эти ссылки?

Точно также мы не можемъ понять, какимъ образомъ показанія Стрыйковскаго можно цитировать рядомъ съ актами Томицкаго. Источникъ въ высшей степени мутный съ несомнѣнными документами изъ государственой канцеляріи.

Непонятно для насъ также, какимъ образомъ собраніе польскихъ законовъ, Volumina legum, могутъ служить источникомъ для выясненія началъ литовскаго права.

А между тѣмъ по мнѣнію г. В., Статутъ короля Александра, опредѣляющій обязанности подскарбія польскаго королевства распространяется и на Литву [1]).

---

[1]) Стр. 22 гл. V. Правда, г. Вольфъ здѣсь не приводитъ прямо источника, но въ его изданіи „Сенаторы и придворные чины", стр. 184, обязанности подскарбія опредѣляются тѣми же самыми словами, что и въ разбираемой нами брошюрѣ, т. е. „подскарбій обязанъ оберегать казну, собирать государственные доходы, покрывать (государственные) расходы, представлять отчеты по тѣмъ и другимъ и наблюдать надъ чеканкой монеты".

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ обсужденію внутреннихъ достоинствъ брошюры г. В.

Но прежде чѣмъ мы коснемся этого труда, посвященнаго дѣятельности одного изъ выдающихся государственныхъ сановниковъ Литвы XVI в., намъ кажется небезъинтереснымъ познакомиться съ воззрѣніями г. Вольфа на государственный строй Литвы вообще и на характеръ той или другой изъ государственныхъ должностей въ частности.

Намъ кажется совершенно необходимымъ коснуться этихъ сторонъ потому во 1), что вопросы эти до сихъ поръ не достаточно обслѣдованы, въ 2), г. Вольфъ издалъ объемистую книгу, посвященную спеціально сенаторскимъ и придворнымъ чинамъ Литвы, и въ 3), наконецъ, потому что отъ пониманія государственнаго и общественнаго строя данной страны въ опредѣленный историческій моментъ зависитъ правильное пониманіе и освѣщеніе излагаемыхъ событій.

Только что названное изданіе [1]) открывается совершенно естественно опредѣленіемъ государственнаго совѣта Литвы, „Рады в. княжества литовскаго“.

Посмотримъ, что же это за опредѣленіе

„Вступивши въ соединеніе съ Польшею (въ 1413 г.), Литва понемногу начала устраиваться по образцу Польши, заимствуя ея учрежденія. Актъ Городельской уніи положилъ начало сенату литовскому... Однако (!) до самой уніи Литвы съ короною въ Люблинѣ, въ 1569 г., не было, собственно говоря (?), сената литовскаго, а существовала Рада великокняжеская (!), члены которой носили титулъ: пановъ радъ, ихъ милости“. Не останавливаясь на томъ, что трудно, почти невозможно, понять, какимъ образомъ сенатъ, которому начало положено было Городельской уніей, тѣмъ не менѣе въ теченіи полутораста лѣтъ вовсе не существовалъ, что не видно различія сената отъ Рады, мы только замѣтимъ г. Вольфу, что *король Сигизмундъ Августъ еще въ 1563 г.* гораздо правильнѣе указалъ на время возникновенія и характеръ сенаторскихъ должностей въ Литвѣ.

---

[1]) *Senatorowie i Dignitarzy* wielkiego księstwa litewskiego. 1386—1795 Kraków 1885.

„Еще до Городельской привилегіи чины и народы шляхетскіе за свои заслуги государству и нашимъ предкамъ“, говоритъ король Сигизмундъ Августъ, „получили различныя повышенія и почести, какъ это выражено точнымъ образомъ во вступленіи Городельской привилегіи; вотъ эти то вельможи и должностные лица и явились на Городельскій сеймъ“.

Раскрывая для поясненія этихъ словъ текстъ Городельской привилегіи, мы видимъ, что въ средѣ литовской шляхты, принимающей польскіе гербы, встрѣчаются: Монивидъ, *воевода виленскій*, Явнъ, *воевода троцкій*, Минкгалъ, *каштелянъ виленскій*, и Сунигалъ, *каштелянъ троцкій* [1]).

Такимъ образомъ король Сигизмундъ Августъ имѣлъ полное право утверждать, что до Городельской уніи въ Литвѣ уже были воеводы и каштеляны.

Въ подкрѣпленіе этого свидѣтельства мы приведемъ нѣсколько документовъ отъ времени, предшествующаго Городельской уніи.

Въ грамотахъ Витовта трокскимъ евреямъ [2]) отъ 24 іюня 1388 г. и брестскимъ [3]) отъ 2 іюня того же года мы встрѣчаемъ Ѳеодора, воеводу луцкаго.

Въ прелиминарныхъ статьяхъ мирнаго договора Витовта съ нѣмецкимъ орденомъ отъ 23 мая 1398 г. мы встрѣчаемъ: Монивида, старо́сту (hauptman) виленскаго, Чупурну, *маршалка*.

Вмѣстѣ съ ними договоръ скрѣпляютъ своими печатями бояре (baiaren), среди которыхъ мы видимъ родоначальника знаменитой фамиліи Гаштольтовъ [4]).

Въ особенности же мы рекомендовали бы вниманію г. Вольфа небольшой документъ в. князя Витовта отъ 26 марта 1410 года, слѣдовательно на 3 года ранѣе Городельской уніи. Здѣсь мы встрѣчаемъ слѣдующихъ сановниковъ: Николай, *бискупъ виленскій*, Альбертъ, иначе Монивидъ, *староста виленскій*, Стани-

---

[1]) Ак. Ю. и З. Р. т. I.

[2]) *Bolinski*. Historia miasta Wilno, 1836, т. I, p. 225.

[3]) *Działynski*. Zbiór praw Litewskich. 1841, p. 112. Ср. наши „Документы и рег.“, гдѣ обѣ грамоты напечатаны параллельно. Тамъ же № 2, грамота гродненскимъ евреямъ 1389 г., гдѣ снова является Ѳедоръ, княжа, воевода луцкій.

[4]) *Prochaska*. Codex Witoldianus, № CLXXIX.

славъ, иначе Чупурна, маршалокъ *в. княжества литовскаго*, Михель, иначе Кунзегайлъ, *староста вилькомирскій*, и Ганнусъ, иначе Сунгайлъ, *староста ковенскій*.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сановники въ Литвѣ существовали гораздо раньше Городельской уніи.

Сановники эти составляли совѣтъ в. князя.

Роль и значеніе каждаго изъ нихъ опредѣлить не легко, но изъ того, что рядомъ съ воеводами, старостами и тивунами коренныхъ литовскихъ областей мы встрѣчаемъ маршалковъ в. княжества литовскаго, мы должны заключить, что уже въ это время рядомъ съ дѣлами, бывшими въ завѣдываніи отдѣльныхъ сановниковъ, существуютъ дѣла общегосударственныя.

Понятно само собою, что подъ вліяніемъ измѣненія политическихъ и общественныхъ отношеній Литвы, подъ вліяніемъ примѣра сосѣднихъ странъ и т. д. и характеръ отдѣльныхъ государственныхъ должностей, а равно и характеръ центральнаго государственнаго учрежденія, „Рады в. князя“ долженъ былъ измѣниться.

Намъ хорошо понятны трудности точнаго опредѣленія большинства литовскихъ государственныхъ должностей до Люблинской уніи, напр. должности подкоморего, подскарбія дворнаго, маршалка,—но значенія другихъ, какъ напр. воеводы, подскарбія земскаго, старосты и т. д., а равнымъ образомъ опредѣленіе, не скажемъ значенія, но, по крайности, состава Рады в. княжества литовскаго не представляетъ для XVI в. непреодолимыхъ трудностей.

Имѣя передъ глазами массы цитатъ изъ Метрики Литовской, читатель естественно предполагаетъ, что г. В. знакомъ не съ одними только именами сановниковъ и временемъ назначенія ихъ въ ту или иную должность, перемѣщенія съ одной должности на другую и временемъ кончины этихъ лицъ. Поэтому то мы съ большимъ любопытствомъ остановились на опредѣленіи г. В. состава Рады в. княжества литовскаго и затѣмъ характера отдѣльныхъ государственныхъ должностей.

„Составъ этой Рады“, говоритъ г. Вольфъ „передъ окончательнымъ (?) упраздненіемъ ея на Люблинскомъ сеймѣ, былъ слѣдующій:

Католическіе епископы (biskupy), воеводы [между ними (?) староста жмудскій, каштеляны виленскій и трокскій (!), гетманъ наивысшій (!), маршалокъ земскій и маршалокъ земли волынской (!)]

Каштеляны (между ними: подканцлеръ, маршалокъ дворный и подскарбій земскій).

Придворные и земскіе чины (подчашій, крайчій, стольникъ, подскарбій надворный, мечникъ, чашникъ, хоружій земскій и дворный).

Маршалки.

Старосты и державцы.

Тивуны жмудскіе (?).

Повѣты (??!).

Князья и паны (?).

Если таковъ былъ составъ Рады передъ ея окончательнымъ упраздненіемъ, скажемъ мы, то весьма понятно, что Сигизмундъ Августъ эту Раду уничтожилъ.

Что ему оставалось дѣлать, если въ составъ Рады вошли не только всѣ князья литовскіе [а ихъ было въ Литвѣ передъ Люблинской уніей до 40 фамилій], но еще и паны. [Какіе паны, что за паны, г. Вольфъ не объясняетъ].

Мало того, въ составъ Рады, т. е. постояннаго великокняжескаго совѣта вступаютъ и юридическія лица, *повѣты,* т. е. *уѣзды!* Мы полагаемъ, что такого вторженія совершенно несогласимыхъ элементовъ было вполнѣ достаточно для разрушенія Рады.

Но г. Вольфъ скрылъ отъ читателей еще одну, и самую важную причину, подвинувшую короля Сигизмунда Августа на уничтоженіе Рады.

Г. Вольфъ не напечаталъ конца приведеннаго имъ документа.

Конецъ же этотъ, вслѣдъ за раздѣломъ „князья и паны“, читается такъ: „*Вдовы*“. Вообразимъ Сигизмунда Августа, вдовца по прежней женѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ составъ котораго *ex officio* входятъ вдовы!!!

Понятно, что ему не было иного выхода, какъ уничтожить Раду.

Но въ чемъ же однако дѣло?

Почему невольно приходятъ на умъ такіе невозможно-комическіе выводы?

Документъ г. Вольфа дѣйствительно заключаетъ всѣ титулы, приведенные выше, и оканчивается такъ, какъ мы только что указали.

Но что же это значить? Какимъ образомъ однако всѣ литовскіе князья, всѣ паны, повѣты и наконецъ вдовы оказываются членами Рады в. князя, членами литовскаго государственнаго совѣта? Мы знаемъ документы, подписанные членами Рады въ весьма значительномъ числѣ. Мы встрѣчаемъ среди членовъ этой Рады не только важныхъ, но и менѣе значительныхъ должностныхъ лицъ, въ родѣ писарей в. князя или же державцевъ, встрѣчаемъ въ числѣ членовъ Рады двѣ княжескія фамиліи Гедеминовичей, но ни на одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ документовъ намъ не удалось встрѣтить подпись какого либо пана *вообще*, или же повѣта, а тѣмъ менѣе вдовы.

Документъ на лицо, однако, и самъ г. В. не рѣшается ввести въ составъ Рады ни повѣты, ни вдовъ, ни пановъ, ни князей. Какимъ же образомъ г. Вольфъ рѣшился напечатать документъ съ такимъ страннымъ составомъ великокняжеской Рады?

Для отвѣта намъ необходимо ближе познакомить читателя съ тѣмъ документомъ, на который ссылается г. Вольфъ.

Дѣйствительно, въ актовой книгѣ „Публичныхъ дѣлъ“ Метрики Литовской, на оборотѣ мы встрѣчаемъ документъ съ заголовкомъ: „Титулы пановъ радъ ихъ милостей“.

Какой же смыслъ этого заголовка? Самый документъ не находится въ связи ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ документомъ, нѣтъ въ немъ ни обозначенія мѣста выдачи его, ни числа,—а за приведеннымъ заголовкомъ начинается текстъ слѣдующаго содержанія: *князю Валеріану, бискупу виленскому, князю Юрію Юревичу Слуцкому* и т. д. 17 титуловъ разныхъ лицъ съ обозначеніемъ именъ, отчествъ и фамилій въ дательномъ падежѣ.

Затѣмъ—новый заголовокъ: „*Каштеляны*“, и снова списокъ лицъ въ дательномъ падежѣ.

Далѣе другіе заголовки: *„врадники земскіе и дворные“ „маршалки“, „до старостъ и державецъ“, „до Жомоити“, „повѣты“, „до княжатъ и панятъ“, „до вдовъ“*, сопровождаемые каждый спискомъ лицъ въ дательномъ падежѣ.

Такое содержаніе документа заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ передъ собою *не исчисленіе членовъ Рады в. княжества литовскаго,* а нѣчто иное.

Для выясненія истинной природы этого документа нѣтъ надобности ходить слишкомъ далеко. Въ той же книгѣ на листѣ 47 мы встрѣчаемъ подобный же заголовокъ: *„Титулы тивуновъ Жомоитскихъ“*, и затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе тивуновъ съ обозначеніемъ ихъ имени, отчества, фамиліи и званія, напр. князь, или же должности, напр., державца, и т. д.

Документъ на 47 листѣ находится въ прямой связи съ слѣдующимъ за нимъ документомъ, въ которомъ говорится о посылкѣ окладныхъ листовъ („листовъ поборовыхъ“) къ жмудскимъ тивунамъ.

Въ XIX книгѣ „Записей“ f. 258, мы встрѣчаемся съ совершенно такимъ же документомъ: князья, паны, воеводы, повѣты, слѣдуютъ одни за другими въ дательномъ падежѣ.

А въ заглавіи документа говорится: *„Листы по всему Королевству* (sic) *на войну противъ Московскаго царя.* На первѣй, Салтановичъ повезъ ихъ: до Мѣдникъ, до Ошмены и т. д., до Кнегини Мстиславское, до пана воеводы виленскаго“, и т. д.

Раскроемъ теперь любой изъ универсаловъ в. князя Сигизмунда Августа, и мы встрѣтимся со всѣми только что упомянутыми разрядами.

Отсюда, кажется, ясно, что приведенный г. Вольфомъ документъ есть ничто иное, какъ списокъ лицъ и мѣстъ, которымъ нужно было адрессовать какіе либо окружныя посланія. Что документъ съ заглавіемъ „Титулы пановъ Радъ“ не можетъ считаться спискомъ членовъ государственнаго совѣта в. княжества литовскаго, это чувствуетъ смутно и самъ г. Вольфъ: онъ не только не приводитъ послѣдняго заголовка документа, но точно также устраняетъ изъ состава Рады не только повѣты, тивуновъ, князей, но даже старостъ (за исключеніемъ двухъ) и державцевъ.

На чемъ основано это исключеніе, г. Вольфъ не говоритъ, но что въ противность приведенному имъ документу—это всякому очевидно. Однако на основаніи именно этого документа построено все сочиненіе г. Вольфа: однѣ должности отнесены къ государственнымъ, другія—къ придворнымъ.

Между тѣмъ для опредѣленія состава Рады в. княжества литовскаго имѣется цѣлый рядъ печатныхъ уже документовъ.

Мы приведемъ нѣсколько данныхъ и притомъ лишь изъ документовъ XVI вѣка.

Въ 1506 году въ земской привилегіи Сигизмунда I въ *числѣ пановъ Радъ* мы видимъ *державцу* меречскаго и *державцу* ясвоинскаго.

Подъ 1509 годомъ въ составѣ Рады мы видимъ *старосту городенскаго* Станислава Петровича.

Подъ 1510 годомъ въ составѣ Рады находится *намѣстникъ* мельницкій.

Въ 1517 году мы встрѣчаемъ серебщизну (подать), опредѣленную для *пановъ Радъ*, которые перечислены слѣдующимъ образомъ: *бискупъ виленскій, бискупъ луцкій, бискупъ жомаитскій, панъ (каштелянъ) виленскій, гетманъ, воевода троцкій, маршалокъ великій, староста городенскій, воевода новгородскій, воевода полоцкій, маршалокъ дворный, воевода подляшскій, конюшій дворный.*

Подъ 1528—1529 годами мы имѣемъ королевское посланіе къ панамъ радамъ о представленіи ими жалованныхъ грамотъ, привилегій и т. д. Въ составѣ Рады мы находимъ *подкоморія, конюшаго.*

Для занимающаго насъ вопроса въ особенности характеренъ документъ отъ 1563 года іюня 7-го. Здѣсь, сверхъ католическихъ епископовъ, воеводъ, каштеляновъ и иныхъ обычныхъ, членовъ Рады, мы видимъ *старосту житомірскаго, конюшаго дворнаго, писаря и конюшаго городенскаго, писаря державцу марковскаго и мядѣльскаго,*—но этого мало: приводимый нами актъ заключается слѣдующимъ образомъ: „И иные панове, маршалки, *старосты* и *врядники наши*, земскіе и дворные“.

1) Князь Янъ, бискупъ виленскій [1]), 2) князь Павелъ, бискупъ луцкій и берестейскій, 3) князь Николай, бискупъ жомоитскій, 4) Кгаштолтъ, воевода виленскій, 5) князь Костентинъ, воевода троцкій, 6) панъ виленскій (Юр. Мик. Радивилъ) [2]) 7) Янъ Яновичъ Заберезинскій маршалокъ земскій, державца марковскій, ошменскій и довкговскій [3]), воевода новгородскій, 8) Стан. Станиславовичъ (Яновичъ) п. троцкій, староста жомоитскій, 9) п. воевода кіевскій (Андр. Якубовичъ Немировичъ [4]), 10) п. Григорій (Григор.) Остыковичъ (крайчій) [5]), 11) п. Юрій Григоревичъ, воеводичъ троцкій (державца оникштенскій) [6]), воевода витебскій, маршалокъ, державца мстиславскій и радуньскій [7]), 12) п. Янъ Юревичъ Глѣбовичъ, 13) п. Янъ Миколаевичъ (Радивилъ) *подчашій* господарскій, 14) п. Станиславъ Миколаевичъ, *державца* пененскій, 15) п. Александръ Ивановичъ Ходкевичъ (*староста* берестейскій), 16) п. Иванъ Андреевичъ, подскарбій дворный, 17) п. Александръ Салтановичъ (маршалокъ), 19) п. Миколай Миколаевичъ Кгесгайловича, 20) п. Матѣй Охмистровичъ (маршалокъ господарскій, староста волковыйскій) [8]), 21) панъ Богданъ Мартыновичъ Хребтовича (дворанинъ господарскій) [9]), 22) п. Василій Богдановичъ Чижъ, *конюшій* дворный, 23) п. Якубъ Михайловичъ Монтовтовича (воеводичъ троцкій), 24) панъ Павелъ Ивановичъ Сопѣга (мечный?), 25) п. Янъ Стецковичъ Цыбулька (маршалокъ господарскій, державца меньскій [10]), 26) п. Венцлавъ (Янушъ?) Костевичъ (воевода подляшскій, маршалокъ, державца

---

[1]) Державца житомірскій, съ 18 сентября 1525 г. Ср. Метр. Лит., Зап., XIII, 270.

[2]) Наши Документы и регесты, т. I, № 125.

[3]) М. Л., Зап. XIII, 382, отъ 1528 г., мая 1.

[4]) Ibidem, Зап. XV, 70.

[5]) Ibidem, Зап. XIV, 299 (b), отъ 27 мая 1527 г.

[6]) М. Л. Зап. XII, 390, отъ 1528 г.

[7]) Записи Метр. Лит. XII, 358, отъ 1527 г.

[8]) *Бершадскій*, Док. и рег., т. I №№ 120 и 121, отъ 1527 г. декабрь.

[9]) М. Л. Зап. XII, 336 „дворанинъ Нашъ“ говоритъ король и в. князь, отъ 17 іюля 1528 г. Жена Бг. Хребтовича—княжна Горская. Обоимъ имъ король подтверждаетъ рядъ имѣній. ibid. 391 (b), отъ 20 іюня 1528.

[10]) Ibid., Зап. XIV, 195, отъ 1524, окт. 29.

ожскій и переломскій)[1]), 27) п. Юрій Немировичъ (маршалокъ дворный)[2]), 28) п. Миколай Немировичъ, 29) п. Станиславъ Щитъ[3]), 30) п. Миколай Пацевичъ (подкоморій)[4]), 31) п. Янъ Юревичъ (Илиничъ, державца мстиславскій[5]), 32) п. Иванъ Михайловичъ, староста пинскій, 33) п. Скопъ (Станиславъ Якубовичъ, писарь латинскій, державца скерстомоньскій и тендзинскій), 34) п. Петръ Станиславовичъ, воевода полоцкій[6]), 35) панъ Станиславъ Иличичъ (старостичъ берестейскій), 36) п. Богужъ Боговитиновичъ, подскарбій земскій, 37) п. Копоть Васильевичъ (маршалокъ и писарь, державца жижморскій), 38) п. Ивашко Горностай (маршалокъ, намѣстникъ дорсунишскій), 39) п. Петръ Громыка (писарь, ключникъ виленскій, намѣстникъ свислоцкій), 40) п. Павелъ Нарушевичъ (писарь господарскій)[7]).

Затѣмъ въ нашемъ документѣ идетъ заголовокъ: „Второго реестру справа", а за нимъ перечисленіе различныхъ незначительныхъ должностныхъ лицъ, въ родѣ, напр., Михаила Халецкаго державцы вруцкаго, Льва Чижевича, маршалка *пана старосты городенскаго*, ожаровскаго, *намѣстника* князя бискупа виленскаго, Станислава Довойновича, коморника королевы, доктора Чиса, и цѣлаго ряда дворянъ государевыхъ.

Въ общемъ оглавленіи нашего документа оба эти заголовка соединены въ одно цѣлое подъ слѣдующимъ титуломъ: „*Почотъ*

---

[1]) Ibid., XIV Зап., 54, отъ 8 марта 1524 г.

[2]) Ibid., Зап., XII, 101 (b). По челобитью державцы Любошанскаго п. Юрья Немировича даетъ ему маршальство, „которое отъ насъ держалъ старостичъ жомоитскій п. Миколай Станиславовичъ" въ Краковѣ, 1523 года, іюня 18. „Маетъ онъ въ томъ врядѣ будучи на дворѣ Нашомъ Господарскомъ справовати какъ иншіи маршалки".

[3]) Ibid., Зап. XV, 31. „Панъ Станиславъ Щитъ, а братъ его Миколай Щитъ — маршалокъ"; отъ 1526 г.

[4]) Ibid. Зап., XII, 364.

[5]) М. Л. Зап. XII, 397, отъ 15 авг. 1528, въ Вильно. Ему же снова грамота на державу мстиславльскую и радомильскую 15 авг. 1528 г., вл. и держава мстиславская дана и со всими дворы и фольварки *того замку нашого* и съ корчмою и присудили (sic), кромъ дани медовое и грошовое.

[6]) Док. и регесты т. I, № 129. Ср. М. Л. Зап. XV, 69 (b), отъ 1529 (?) г., гдѣ Петр. Стопъ названъ воеводою полоцкимъ, старостою дорогобузскимъ.

[7]) М. Л. Зап. XII, 180, отъ 1524 г., іюля 4, также Зап. XIV, 50 (b).

пановъ Радъ ихъ милости и врядниковъ, также дворянъ Господарскихъ и нѣкоторое шляхты значнѣйшое". Затѣмъ, въ оригиналѣ слѣдуетъ: „То реестръ почтовъ княжецкихъ" (?) „Реестръ сумы паней и вдовъ *воеводиныхъ и старостоныхъ*, многихъ княжнъ и паней" (f. 7). „Повинность ѣхати на службу военную нѣкоторое шляхты, повѣтъ виленскій, повѣтъ троцкій, татарове, воеводство подляшское, Волынь, земля Жомоитская".

Во всѣхъ этихъ спискахъ, дающихъ намъ *всю* наличную шляхту в. княжества литовскаго, мы не видимъ государственныхъ сановниковъ въ рядахъ мѣстной шляхты. Только на Волыни встрѣчаемъ двухъ старостъ луцкаго и володимерскаго, да *вновь* записанъ подскарбій земскій Богушъ Боговитиновичъ.

А такъ какъ законъ, въ силу котораго появился цитируемый нами документъ былъ изданъ по случаю войны, перечисленіе же шляхты сдѣлано на основаніи земскихъ книгъ и „каждый князь и панъ зъ большихъ становъ и до меншихъ на имя описаны суть", то понятно, что иныхъ государственныхъ сановниковъ, кромѣ обозначенныхъ въ приведенномъ выше „почтѣ пановъ Радъ, ихъ милостей", не было и не могло быть.

Поэтому мы вправѣ утверждать, что въ приведенномъ нами спискѣ поименованы всѣ паны Рады.

Только что приведенный списокъ членовъ Рады в. княжества литовскаго не включаетъ въ себѣ ни князей, ни повѣтовъ, ни пановъ, вообще, ни вдовъ; но взамѣнъ ихъ мы найдемъ въ этомъ спискѣ много такихъ лицъ, которыхъ г. Вольфъ почему то не удостоиваетъ помѣстить въ число членовъ Рады, между тѣмъ какъ они несомнѣнно были таковыми.

Прежде всего католическіе епископы (бискупы).

Г. Вольфъ не признаетъ ихъ, въ противность собственному же документу, членами Рады, такъ какъ списокъ сенаторовъ начинаетъ прямо съ воеводъ.

Но почему же такая обида бискупамъ?

Мы видимъ, что католическіе епископы засѣдаютъ вмѣстѣ съ прочими членами Рады на сеймахъ, и при томъ на первомъ мѣстѣ; наравнѣ съ другими участвуютъ въ пограничныхъ коммиссіяхъ,—разбираютъ по порученію в. князя совершенно свѣт-

скія дѣла. Мало того, бискупы наравнѣ съ прочими членами Рады получаютъ отъ в. князя староства и управляютъ ими. Объясняются эти факты тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе бискупы происходили отъ знатныхъ литовскихъ фамилій и весьма часто до принятія духовнаго сана занимали болѣе или менѣе выдающіяся государственныя должности, такъ напр. Вежкгойло, Фальчевскій, Нарушевичъ и т. д.

Помимо этихъ важнѣйшихъ сановниковъ, г. Вольфъ исключилъ также совершенно произвольно изъ числа членовъ Рады Гедеминовичей—князей Слуцкихъ и князей Вишневецкихъ. По крайности, о нихъ, какъ членахъ Рады, мы не встрѣчаемъ въ книгѣ г. Вольфа ни слова.

Также неосновательно исключены имъ старосты и державцы главнѣйшихъ в. княжескихъ волостей, писаря и затѣмъ придворные чины: маршалки, подкоморій, крайчій, мечникъ, конюшій.

Правда, у г. Вольфа трудно понять, кто принадлежитъ къ Радѣ и кто нѣтъ.

Придворныхъ чиновъ мы встрѣчаемъ подъ названіемъ сановники (dignitarze) и далѣе г. Вольфъ говоритъ, что они принадлежали къ Радѣ, но если такъ, то спрашивается: что же значитъ выдѣленіе въ особый *сенаторскій* отдѣлъ; воеводъ, каштеляновъ и министровъ (!).

Но допустимъ, что придворные чины присчитаны къ Радѣ; спрашивается, куда же исчезли изъ Рады паны, князья, тивуны жмудскіе и повѣты? Почему они исключены изъ числа членовъ Рады?

Изъ всего нами сказаннаго, кажется, совершенно ясно, что обширный трудъ г. Вольфа не имѣетъ, по крайности для времени до Люблинской уніи, никакого твердаго отправнаго пункта.

Поэтому, въ противность увѣреніямъ г. В., что литовскій сенатъ (?) сложился въ промежутокъ между первою уніей въ Городлѣ и окончательной уніей въ Люблинѣ (стр. 2), мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что если литовскій сенатъ и сложился въ указанное время, то составъ этого сената остался совершенно неизвѣстенъ г. Вольфу.

Если такимъ обр. составъ центральнаго государственнаго учрежденія г. В. неизвѣстенъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и характеръ отдѣльныхъ государственныхъ должностей опредѣленъ г. В. также неудовлетворительно.

Возьмемъ для примѣра должность намѣстника:

На страницѣ 2 г. В. говоритъ: (около 1471 г.) „провинціями (?) управляютъ намѣстники, назначенные королемъ и независимые отъ воеводъ?"

Отлично.

Но что же разумѣетъ г. В. подъ провинціей?

Воеводство, староство, землю, повѣтъ?

Неизвѣстно.

Относительно же воеводъ мы встрѣчаемъ слѣдующее разъясненіе (стр. 7). Воеводы въ Литвѣ, учрежденные по образцу польскихъ [1]), являются *намѣстниками провинціи*, суть совѣтники короля и судьи. Неугодно ли понять послѣ этого, что такое намѣстникъ, что такое воевода? Съ одной стороны намѣстникъ независитъ отъ воеводы, съ другой—воевода есть самъ намѣстникъ!

Возьмемъ другой примѣръ.

„Великій маршалокъ, говоритъ г. В., былъ не только министромъ двора, но еще министромъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, потому что стоялъ во главѣ правосудія и администраціи страны."

Приведенное только что опредѣленіе стоитъ въ такомъ рѣшительномъ противорѣчіи со всѣмъ, что извѣстно о внутреннемъ устройствѣ Литвы, что остается только пожалѣть, что г. В. не привелъ, хотя бы изъ Метрики Литовской, которая ему такъ прекрасно извѣстна, тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ построено опредѣленіе имъ обязанности маршалка земскаго. Это было бы, въ высшей степени поучительно!

Насколько намъ извѣстно, управленіе Литвы въ XV и XVI в. отличалось самою широкою децентрализаціею. Единственнымъ центральнымъ органомъ управленія для всей Литвы служили время отъ времени происходившія засѣданія Рады. *По-*

---

[1]) Почему польскихъ? Развѣ древняя Русь не знала воеводъ?

стоянныхъ же органовъ центральнаго управленія вовсе не существовало. Всякая земля, входившая въ составъ в. княжества литовскаго, управлялась своими мѣстными властями, на основаніи жалованныхъ грамотъ и мѣстныхъ земскихъ обычаевъ, различныхъ для Волыни, Жмуди, Полоцка и т. д.

Поэтому въ литовскомъ государственномъ организмѣ этого времени совершенно напрасно было бы искать чего либо сходнаго съ началами министерскаго управленія.

Но если даже допустить, что въ Литвѣ до Люблинской уніи существовали министры, то спрашивается, какого рода функціи маршалка земскаго даже въ самой отдаленной степени могутъ быть приравнены къ функціямъ современныхъ министровъ внутреннихъ дѣлъ?

Мѣры внутренней безопасности, какъ напр. надзоръ за передвиженіемъ народонаселенія, за бѣглыми, подозрительными и лихими людьми, наблюденіе за безопасностію движенія по дорогамъ, охраненіе спокойствія и порядка въ населенныхъ мѣстностяхъ, предупрежденіе заразительныхъ болѣзней, пожаровъ и т. п., всѣ эти мѣры осуществлялись самостоятельною дѣятельностію мѣстныхъ властей: воеводъ, старостъ, войтовъ, старцевъ, десятниковъ, подорожниковъ, выводныхъ и т. д.

Мѣры внутренняго благосостоянія, насколько они сознавались въ XVI в. осуществлялись точно также отчасти мѣстными властями, отчасти заботами церкви и частныхъ союзовъ, въ родѣ братствъ, цеховъ и т. д. Устройство и содержаніе школъ, больницъ, богадѣленъ, гостинныхъ дворовъ, складочныхъ мѣстъ, рынковъ, мостовъ, перевозовъ, организація призрѣнія бѣдныхъ и т. д.— все это совершилось по почину мѣстности безъ всякаго вмѣшательства и контроля какихъ бы то ни было административныхъ органовъ государственной власти.

Въ этомъ отсутствіи публичнаго элемента можно видѣть недостатокъ, но отвергать существованіе именно такого порядка вещей, на нашъ взглядъ, совершенно невозможно.

Если великій маршалокъ не былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то равнымъ образомъ онъ не могъ быть и министромъ юстиціи.

Правда, на маршалкѣ великомъ и на маршалкѣ дворномъ лежали опредѣленныя судебныя функціи, но съ этой стороны они обое могутъ быть приравнены никакъ не къ министрамъ, а всего скорѣе къ англійскимъ путешествующимъ судьямъ или же къ missi dominici Каролинговъ.

До установленія въ 30 гг. XVI в. ежегодныхъ засѣданій Рады въ опредѣленные сроки, съ спеціальною цѣлью ревизіи вершонныхъ дѣлъ и рѣшенія въ первой инстанціи дѣлъ тѣхъ особъ, „которые въ повѣтахъ не судятся", маршалки, съ особою коммиссіею, разрѣшали всѣ только что указанныя дѣла, путешествуя изъ одного мѣста Литвы въ другое [1]).

Если обязанности маршалка *дворнаго* и подходятъ нѣсколько къ положенію и обязанностямъ современныхъ *министровъ двора*, то все таки мы не видимъ изъ сочиненія г. В., въ чемъ и на сколько существовало такое сходство. И съ этой стороны мы видимъ ничѣмъ недоказанныя утвержденія. Между тѣмъ изъ актовыхъ книгъ Метрики можно было бы указать, что маршалкамъ дворнымъ принадлежало *право* присутствовать при отчетахъ управляющихъ дворцовыми имѣніями, право и обязанность предводительствовать в. княжескими дворянами и т. п.

Но если, какъ мы видѣли, опредѣленіе должности маршалка великаго не удалось г. Вольфу, то быть можетъ ему удается опредѣлить точнѣе обязанности маршалка дворнаго и вообще выяснить значеніе этой должности въ литовскомъ государственномъ строѣ.

---

[1]) Не имѣя возможности входить здѣсь въ подробности, приведемъ одинъ образчикъ состава такой коммиссіи: по жалобѣ могилевской волости, король Сигизмундъ I іюля 1, 1536 г. распоряжается для разбора претензій: „З рамени Нашого Господарского казали того межи ними досмотрѣти комиссарамъ нашимъ, которые при дворѣ нашомъ судятъ: *Маршалку* Нашому Князю Андрею Михайловичу Коширскому, Конюшому дворному и держ. Кричовскому и Ахинскому и Вел. Бгд. *Чижу, тивуну Виленскому*, держ. Ушп. Пенялъ и Радун. *Ш. Мацковичу, Городничому Городенскому* князю Одинцевичу и Секретарю Нашому латинскому, державци Скертомольскому п. *Павлу Нарушевичу*". Эта коммиссія сопровождала короля въ его путешествіи по Литвѣ.—Достаточно раскрыть для примѣра М. Л. Суд. Д. кн. III, чтобы на каждой страницѣ встрѣтить маршалка земскаго (великого) Яна Миколаевича, судящаго то въ Вильнѣ (f. 129), то въ Полоцкѣ (130 b), Слонимѣ (134), Брестѣ (1 b) и т. д.

„Маршалки надворные, потомъ (?) дворные“, говоритъ г. Вольфъ, „первоначально были частными министрами (ministrami priwatnemi) и начальниками иныхъ придворныхъ чиновъ. Впослѣдствіи (sic) маршалокъ дворный сталъ замѣстителемъ маршалка великаго“.

Существовали еще иные маршалки: „маршалки двора или дворскіе, по польски королевскіе, или его королевской милости, по русски господарскіе, а обыкновенно называвшіеся просто маршалками,—до учрежденія королемъ Александромъ спеціальныхъ (właściwych) маршалковъ надворныхъ исполняли ихъ обязанности. Въ это время они были частными министрами государя и начальниками придворнаго штата. Послѣ учрежденія маршалковства дворнаго титулъ маршалка сдѣлался только (?) почетнымъ, не соединяющимъ съ собою никакихъ правъ. Однако (!) до самой уніи 1569 г. эти маршалки имѣли право засѣдать въ Радѣ в. княжества; а въ служебной іерархіи маршалки шли сейчасъ же за земскими и придворными чинами, но выше старостъ и державцевъ“.

Итакъ, со времени короля Александра, т. е. съ 1501 г. появляется должность особаго маршалка надворнаго или дворнаго, строго отличаемая г. В. отъ должности маршалковъ двора или дворныхъ? Прекрасно. Но какимъ же образомъ Гр. Ст. Остыковичъ становится маршалкомъ дворнымъ уже въ 1494, т. е. когда Александръ Ягеллонъ былъ всего только в. княземъ литовскимъ? Далѣе. По словамъ самого же г. В. должность маршалка дворнаго была выше должности просто маршалка, такъ что если бы кто либо занималъ эту должность, то обращеніе его въ маршалки, безъ титула, было бы, такъ сказать, разжалованіемъ. По собственнымъ же словамъ г. В., Г. С. Остыковичъ „Маршалокъ господарскій, намѣстникъ Оникштенскій, *назначенъ* маршалкомъ дворнымъ въ іюлѣ 1494 г.“ „1494 г. іюня 29 онъ только маршалокъ, а 16 іюля 1494 г. маршалокъ дворный“.—Все это совершенно согласно съ источниками. Но какъ объяснитъ г. Вольфъ слѣдующее свидѣтельство актовъ: іюня 14, года 1494 (Зап. V, 18) Гр. С. Остыковичъ бьетъ в. князю челомъ, какъ *маршалокъ дворный*, а 1496 г. ноября 12 (З. VI, 88) тотъ же Г. С. Осты-

ковичъ титулуется снова просто *маршалкомъ*? Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что различія между маршалками дворными и просто маршалками вовсе не существовало? Иначе, какъ объяснить, что Остыковичъ 14 іюня маршалокъ дворный, 29 іюня того же года—*просто* маршалокъ, 16 іюля снова маршалокъ дворный, а черезъ два года опять *просто* маршалокъ?

Не будемъ останавливаться на непонятномъ для насъ опредѣленіи „частный министръ", такое сочетаніе словъ, по нашему мнѣнію, невозможно, т. к. есть contradictio in adjecto. Но предположимъ, что даже были такіе частные министры, то все таки спрашивается, какимъ образомъ въ то время, когда эта должность, по словамъ самого г. В., не была еще просто титулярною, напр. при королѣ Казимирѣ Ягеллонѣ, существовало заразъ четыре маршалка?

Намъ кажется, что и въ теченіи всего времени до Люблинской уніи должность маршалка не была простымъ титуломъ, что не говоря о весьма важномъ правѣ засѣдать въ Радѣ в. княжества литовскаго, на маршалкахъ лежали еще и иныя весьма существенныя и не титулярныя только обязанности.

Но объ этомъ въ другой разъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что г. Вольфъ весьма охотно переноситъ на Литву XVI вѣка представленія, которыя были бы умѣстны только для Польши того времени.

Такъ напр., предполагая совершенно основательно, что уже въ началѣ XVI в. принятіе еврея, хотя бы и католика, въ среду польскаго сената дѣло почти невозможное, г. В. думаетъ, что подобнаго же рода трудности существовали и въ Литвѣ.

„Метрика Литовская, говоритъ г. В. (стр. 21), не сохранила намъ акта о назначеніи Аврама въ должность подскарбія земскаго, а современные источники *упорно* молчатъ не только о подробностяхъ событій (?!), которыя д. б. сопутствовать этому назначенію, но *какъ бы умышленно* не дѣлаютъ упоминанія и о самомъ Аврамѣ Езофовичѣ (?) Во всякомъ случаѣ это назначеніе не могло быть хорошо принято панами и ему *несомнѣнно сопутствовали* энергическіе протесты съ ихъ стороны". На чемъ основываетъ г. Вольфъ свои слова мы не знаемъ, ника-

кихъ актовъ изъ Метрики въ подтвержденіе ихъ онъ не приводитъ.

Мы же беремъ на себя смѣлость утверждать, что всѣ эти соображенія и предположенія г. Вольфа не только голословны, но стоятъ въ совершенномъ противорѣчіи съ данными Метрики Литовской.

Что въ Метрикѣ не сохранилось акта о возведеніи Авр. Езофовича въ должность подскарбія в. княжества литовскаго, этому, мы полагаемъ, менѣе всѣхъ долженъ удивляться г. Вольфъ, такъ какъ въ его же спеціальномъ трудѣ о сенаторахъ и сановникахъ литовскихъ мы не видимъ, чтобы такого рода акты сохранились не только для предшественниковъ Аврама Езофовича, но и для цѣлаго ряда его преемниковъ.

Акты Метрики Литовской не сохранили, напр., назначеній въ должность ни Богуша Боговитиновича, ни Ивана Горностая, ни Остафія Богдановича Воловича. Неужели же и противъ нихъ имѣла что нибудь Метрика Литовская?

Мы не знаемъ, о какихъ современныхъ Авраму Езофовичу актахъ говоритъ г. Вольфъ, но извѣстные намъ источники литовской исторіи, въ родѣ лѣтописцевъ, скудны свѣдѣніями о многихъ и гораздо болѣе важныхъ событіяхъ, чѣмъ назначеніе въ должность того или инаго подскарбія.

Можемъ ли мы, напр., сказать съ точностью, каковъ былъ характеръ религіозныхъ притѣсненій короля Александра Литовской Руси, на которыя ссылаются отъѣзжающіе въ Москву князья?

Каковы были ближайшія причины бунта князя Михаила Глинскаго, каково было отношеніе къ нему народонаселенія и т. д.?

Если объ этомъ молчатъ лѣтописцы, то что же удивительнаго, что они не вѣдаютъ объ Аврамѣ Езофовичѣ?

Для насъ также совершенно не понятны предположенія г. В. о непремѣнной враждебности къ Авраму Езофовичу членовъ Рады в. княжества литовскаго.

Обращаясь къ актамъ, мы, напротивъ, видимъ, что отношенія выдающихся членовъ Рады къ Авраму Езофовичу какъ до

возведенія его въ должность подскарбія, такъ и послѣ этого событія были дружественныя; напр., въ 1506 г. *первый членъ Рады виленскій католическій епископъ Войтекъ* ходатайствуетъ передъ в. княземъ, чтобы онъ „не рушилъ" Аврама Езофовича съ откупа, обѣщаннаго ему королемъ Александромъ.

Въ 1509 г. другой магнатъ—воевода трокскій Николай Николаевичъ Радивилъ ходатайствуетъ у короля объ оказаніи Авраму Езофовичу какой либо милости. „Абыхмо, говоритъ король, чимъ его смотрѣли и пожаловали".

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность подскарбія, Аврамъ Езофовичъ настолько сближается съ однимъ изъ могущественнѣйшихъ магнатовъ Литвы, Юріемъ Ивановичемъ Иличемъ, старостою берестейскимъ, что этотъ послѣдній просватываетъ свою дочь за сына Аврама Езофовича.

Наконецъ, первое лицо въ Литвѣ послѣ в. князя, знаменитый Ольбрахтъ Мартиновичъ Гаштолтъ соглашается быть душеприкащикомъ Аврама Езофовича.

Трудно допустить, чтобы враждебныя отношенія, энергическіе протесты могли бы въ какіе либо 7—8 лѣтъ обратиться въ дружественныя и даже родственныя.

Трудно предположить подобную перемѣну, потому что вообще отношенія между членами Рады далеко не были пріязненными.

Враждуютъ старѣйшіе члены Рады между собою и въ то же время непріязненно косятся на младшихъ.

Въ 1517 г., напр., О. М. Гаштолтъ, воевода трокскій, заявляетъ в. князю, что въ виду своей жестокой ссоры („мерзячки") съ воеводою виленскимъ, канцлеромъ в. княжества литовскаго Н. Н. Радивиломъ, онъ опасается („не безпеченъ") посѣщать засѣданія Рады.

Король для обезпеченія жизни и здоровья своихъ поссорившихся совѣтниковъ назначаетъ штрафъ въ 20,000 копъ литовскихъ грошей (около 1,500,100 руб.) на того изъ нихъ, кто осмѣлится позволить себѣ по отношенію къ противнику какія либо насильственныя дѣйствія.

Эти враждебныя отношенія между членами Рады не только носили хроническій характеръ, но подчасъ выражались въ крайне

непривлекательныхъ формахъ. Такъ напр. [1]), князь Михаилъ Глинскій жалуется королю Александру, что Янъ Заберезинскій, воевода трокскій, подкупаетъ дворянина королевскаго Коликрайтера „нашедши часъ подобный, забить“ его, Глинскаго.

Поэтому в. князю не только приходится постоянно возвышать „заруку“, но и грозить непослушнымъ смертною казнію, если бы они, полагаясь на незначительность своего имѣнія сравнительно съ цифрою назначеннаго штрафа, дерзнули бы нарушить повелѣніе в. князя [2]).

Обыкновенно же в. князь предпочиталъ отдавать на время своего отсутствія изъ Литвы слабѣйшихъ членовъ Рады подъ покровительство сильнѣйшихъ, какъ это, напр., мы видимъ въ 1536 г. окт. 29, когда король и в. князь Сигизмундъ I, уѣзжая въ Польшу, отдаетъ подъ покровительство Яна Заберезинскаго, воеводы виленскаго, никого инаго, какъ одного изъ ближайшихъ преемниковъ Аврама Езофовича, а именно подскарбія земскаго Ивана Горностая [3]).

Несмотря на усиливающееся въ Литвѣ вліяніе внѣшней цивилизаціи, сношенія между членами Рады долгое время сохраняютъ не только рѣзкій, но прямо безобразно грубый оттѣнокъ.

Мы видимъ, что за два года до Люблинской уніи тотъ же подскарбій земскій Ив. Горностай благодаритъ Іеронима Ходкевича за обѣщаніе ему помощи противъ п. виленскаго, который грозился Горностая „бить и за бороду рвать“.

Мы привели на выдержку лишь нѣсколько случайно попавшихся намъ фактовъ.

Очевидно, что если бы Аврама Езофовича встрѣтило враждебное настроеніе тѣхъ или иныхъ членовъ Рады, то, вѣроятно, сохранились бы въ Метрикѣ, хотя какіе нибудь, слѣды этой вражды; но ничего подобнаго, ни малѣйшаго намека мы не встрѣчаемъ въ актовыхъ книгахъ.

---

[1]) М. Л. Зап. VI, 459.

[2]) М. Л. CDII, 222. Пакъ ли бы который, думаючи на малость имѣній своихъ, смѣлъ... напротивко уставы е. м. вчинити... король е. м. маетъ имѣнемъ карати,... *„а дастолы тое заруки на горлѣ выступного смотрѣти“*.

[3]) М. Л. Зап. XIX, 275.

Мы видимъ, напротивъ, что *сейчасъ же по вступленіи* въ должность, Аврамъ Езофовичъ подписывается вмѣстѣ съ другими членами Рады подъ болѣе важными документами, вмѣстѣ съ писаремъ контрассигнуетъ по предметамъ своего вѣдомства менѣе важныя распоряженія.

Видимъ его членомъ судебныхъ коммиссій; король даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и иныя болѣе деликатныя порученія, какъ напр., въ 1517 г. поручаетъ ему уговорить вдову п. Литавора Хребтовича не препятствовать своей дочери вступить въ бракъ по ея свободному выбору и т. д.

Въ виду приведенныхъ нами фактовъ, едва ли нужны дальнѣйшія доказательства, что предположеніе г. Вольфа о враждебности къ Авраму Езофовичу литовскихъ вельможъ ровно ни на чемъ не обосновано.

Если мы неправы, то предлагаемъ г. Вольфу доказать свои слова какими либо документами.

Разъ не было розни между Авр. Езофовичемъ и его сотоварищами по Радѣ, то и не было повода Авраму Езофовичу оказывать королю Сигизмунду поддержку на Петроковскомъ сеймѣ, гдѣ, какъ утверждаетъ г. В., Аврамъ Езофовичъ „въ противуположность литовскимъ панамъ, стремившимся къ сепаратизму (sic), принялъ сторону короля".

Утвержденіе это г. В. основываетъ на томъ обстоятельствѣ, что сейчасъ же по вступленіи Аврама Езофовича въ должность подскарбія, „на сеймѣ въ Петроковѣ постановлено (?), чтобы в. к. литовское и Пруссія участвовали совмѣстно съ Польшей въ податяхъ, установленныхъ для общаго блага или для такъ наз. Рѣчи Посполитой".

Раскрываемъ Volumina legum, т. I, f. 366, на который ссылается г. Вольфъ.

Что же мы видимъ?

Буквально слѣдующее:

„*О присоединеніи Литвы и Пруссіи къ платежу коронныхъ податей*".

„Такъ какъ признано всѣми, что соединенная сила бываетъ и значительнѣе и прочнѣе, чѣмъ раздѣленная; (то) *Мы* (т. е.

король) *обѣщаемъ позаботиться* (promittimus Nos operam daturos), чтобы в. княжество литовское и земли прусскія и иныя земли, лежащія въ границахъ королевства, были соединены во едино и, насколько то возможно будетъ въ дѣйствительности, чтобы всѣ сообща несли общія тягости, чтобы всѣми была принята одинаковая монетная единица, въ особенности же, *когда для всего этого устроимъ* для обоихъ названныхъ государствъ (Литвы и Пруссіи) общій сеймъ" [1]).

Изъ текста, кажется, ясно видно, что дѣло идетъ не объ установленіи налоговъ, а лишь о королевскомъ обѣщаніи позаботиться о реальномъ соединеніи съ Польшей Литвы и Пруссіи. При чемъ же здѣсь могъ быть Аврамъ Езофовичъ, при чемъ сепаратизмъ пановъ литовскихъ? Гдѣ же усмотрѣлъ г. Вольфъ установленіе налоговъ, общихъ для всей „Рѣчи Посполитой"?

Тѣмъ болѣе приходитъ на умъ этотъ вопросъ, что *ни въ одномъ изъ постановленій Петроковскаго сейма 1510 г. нѣтъ и рѣчи о налогахъ.*

Въ виду этого нѣтъ, кажется, надобности останавливаться на психологической несообразности въ поведеніи Аврама Езофовича, несообразности, которая необходимо вытекаетъ изъ утвержденій г. Вольфа.

Черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія въ должность, при самыхъ неблагопріятныхъ для него условіяхъ, при нерасположенности и т. д. членовъ Рады, Аврамъ Езофовичъ тѣмъ не менѣе становится самъ, по своей доброй волѣ, въ открыто враждебныя отношенія со всѣми или съ большинствомъ членовъ Рады.

---

[1]) V. l., т. I, f. 366. Constitutiones conventus Petrokoviensis 1510. *De uniendis Lithvaniae et Prussiae Terris, ad ferenda onera Regni.*

Cum compertum ab omnibus habeatur, quod virtus unita fortior solidiorque esse consvevit, ipsa divisa: promittimus Nos operam daturos, ut Mag. Ducatum Lithvaniae, Terrasque Prussiae, et alias terras in finibus Regni consistentes ad unionem redegamus; et quantum possibile factu erit, omnibus communia, communiter ferenda, simulac monetam aequalem communiter recipiendam imponemus: praesertim, dum Conventum utrisque Dominiis praefatis ob hoc percifiendum constituerimus.

Не слѣдуетъ ли искать причины такого явнаго недоразумѣнія въ томъ, что г. В. вмѣсто Voluмina legum прибѣгнулъ къ Скарбцу г. Даниловича?

Помимо внутренней несообразности такого поступка, существуетъ еще одна важная причина, почему Аврамъ Езофовичъ не могъ оказывать поддержки королю на Петроковскомъ сеймѣ. Въ Петроковѣ въ 1510 г. происходило засѣданіе *польскаго,* а не литовскаго сейма.

Да къ тому же Аврамъ Езофовичъ находился не въ Петроковѣ, а въ Литвѣ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ расходныхъ книгъ короля польскаго, в. князя литовскаго Сигизмунда I. Мы видимъ здѣсь, что ассигновки изъ Петрокова отъ февраля мѣсяца 1510 г. идутъ черезъ руки не Аврама Езофовича, а писаря Богухвала; но этого мало, самъ король упоминаетъ 29 ноября 1510 года, что Аврамъ Езофовичъ, *будучи подскарбіемъ,* пріѣхалъ къ нему въ Краковъ (изъ Литвы) только въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Третью главу своего этюда г. Вольфъ открываетъ слѣдующими словами: „Въ то время самыми знаменитыми евреями въ Литвѣ были три брата Езофовичи изъ Бреста: Абрагамъ, Михель и Айзакъ".

Остановимся на этой небольшой фразѣ: что ни слово, то недоумѣніе! Прежде всего, о какомъ времени говоритъ г. Вольфъ? Что понимаетъ онъ подъ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ „тогда", „въ то время"?

Если г. В. говоритъ о времени до 1495 г., какъ можно предполагать изъ текста, то слова его невѣрны въ томъ отношеніи, что до 1495 г. акты Метрики Литовской ни разу не говорятъ о Михелѣ, одинъ разъ упоминаютъ объ Айзакѣ и два раза объ Аврамѣ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ вскользь.

Знаменитѣйшими же евреями въ это время были совершенно иныя лица, какъ напр., Левонъ Шаломичъ [1]), Зубецъ, Симха, Рабчикъ [2]), Содко и Шамонъ Даниловичи, Самодыка, Рижко [3]) Мордеча Гадаевичъ, Перко Юдиничъ [4]), Меровидъ и Израель [5]) и т. д.

[1]) Док. и рег. № 5, № 13.

[2]) Ibid. № 9.

[3]) Ibid. № 10 13.

[4]) Idid. № 11.

[5]) Ibid. № 24.

Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Вольфъ однако ссылается на документы изъ Метрики Литовской (т. е. правильнѣе „Док. и рег.“ № 60, 119 (b), 159) которые всѣ относятся не только къ XVI ст., но самый ранній изъ нихъ помѣченъ 1513 г.

Опираясь на эту ссылку, мы въ правѣ предположить, что г. Вольфъ подъ словами „въ то время“ понимаетъ XVI ст. и притомъ не ранѣе 1513 г.

Дѣйствительно, въ это время самыми богатыми евреями въ Литвѣ были братья Езофовичи изъ Бреста: Михель и Айзакъ.

Но Аврамъ Езофовичъ въ это время, т. е. въ 1513 г. былъ не только христіаниномъ, но подскарбіемъ земскимъ, членомъ Рады в. княжества литовскаго, поэтому зачислять его въ еврея едва ли правильно.

Не смущаясь нисколько, или, быть можетъ, и не подозрѣваи этихъ противорѣчій [3]), г. Вольфъ спокойно повѣствуетъ далѣе, что, по всей вѣроятности, (*еврей*) Аврамъ Езофовичъ до катастрофы 1495 г. занималъ должность ковенскаго городничаго и что декретъ объ изгнаніи евреевъ заставилъ его явиться въ Вильно для представленія отчетовъ съ имѣній (dzierżow) (!?), которыя находились у него въ рукахъ.

Болѣе мы ничего и не узнаемъ объ Аврамѣ Езофовичѣ до 1506 г., такъ какъ, по словамъ г. Вольфа, и въ современныхъ источникахъ мы совершенно не встрѣчаемъ слѣдовъ его дѣятельности въ теченіи *послѣдующихъ 10 лѣтъ.*

Вотъ какъ скупа Метрика для Аврама Езофовича! Между тѣмъ, если бы г. Вольфъ потрудился внимательнѣе изучить *только изданные нами документы,* хотя бы даже за то время,

---

[3]) Любопытно однако то обстоятельство, что, приводя документы изъ Метрики, г. Вольфъ на этотъ разъ, въ противность своему обыкновенію, не указываетъ датъ, между тѣмъ какъ обозначеніе года этихъ документовъ сразу показало бы читателю то время, о которомъ говоритъ г. Вольфъ. Мы пополнимъ этотъ пробѣлъ и приведемъ время документовъ въ той послѣдовательности, какъ документы помѣщены у г. Вольфа.

Г. Вольфъ: № 7, f. 585 (Д. и р. № 60) отъ 27 февр. *1514 г.*; *№ 12, f. 365* (Д. и р. № 119) отъ 7 авг. *1527 г.*; *№ 15, f. 109* (Д. и р. № 69) отъ 28 сент. *1519 г.*; *№ 17, f. 454* (Д. и рег. № 159) отъ декабря *1535 г.*

для котораго онъ ими пользовался, то не только братья Езофовичи не стали бы самыми извѣстными евреями конца XV столѣтія, но и біографія Аврама Езофовича могла бы получить гораздо большую точность и опредѣленность.

Что же касается молчанія Метрики о жизни Аврама Езофовича въ теченіи 10 лѣтъ съ 1495 г., то объ этомъ ниже.

С. А. Бершадскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОРЧЕННАЯ.

(Бытовая повѣсть).

(Окончаніе) [1].

IV.

Потянулись скучные дождливые дни глубокой осени. Въ низенькой хатѣ дядыны Оксаны было сумрачно и темно; дождь докучливо барабанилъ въ стекла небольшихъ низенькихъ оконъ, а вѣтеръ жалобно завывалъ въ одинокой трубѣ.

Дядына Оксана мыла бѣлье, съ помощью „наймычки“ Одарки, нанятой Петромъ, а Ганна, еще очень слабая и блѣдная, сидѣла у окна и торопливо вышивала дядынѣ сорочку. Изрѣдка она задумывалась и тревожно посматривала на грязную улицу.

— Засвиты, доню, каганецъ,—ласково сказала дядына Оксана, обращаясь къ Ганнѣ:—бо вже ничого не выдно въ хати. Та й ты тамъ щось слипаешъ поночи!

— Заразъ...

Ганна встала и направилась въ сѣни за „каганцемъ“. Только что она протянула худую руку къ полкѣ, гдѣ помѣщались разные хозяйственные пожитки, какъ дверь со двора шибко распахнулась и на порогѣ показалась стройная, молодцоватая фигура Петра.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, августъ.

У Ганны сильно забилось сердце и она замерла на мѣстѣ съ протянутой рукой. Вся кровь сразу бросилась ей въ лицо, потомъ отхлынула до послѣдней капли, и она стояла блѣдная, какъ полотно; только ея черные, глубокіе глаза блестѣли, какъ раскаленные угольки... Она въ неподдѣльномъ смущеніи отвернула лицо и прислонилась къ стѣнкѣ, чтобы не упасть.

— Що ты робышъ, Ганно?—раздался за ея спиной симпатичный голосъ Петра.

— Шукаю каганця,—отвѣчала дѣвушка тихо, стараясь не смотрѣть на него.

— А ось стрывай, лышень, то я тоби поможу!

Она молчала, а онъ, порывшись на полкѣ, подалъ ей „каганецъ" и прошелъ въ хату.

Ганна тяжело вздохнула и задумчиво смотрѣла въ слѣдъ уходящему парню.

— Боже, якый винъ щырый, та гарный!—чуть слышно произнесла она, когда онъ скрылся за дверью.

Она глубоко чувствовала безпредѣльную благодарность къ этому молодому парню, совсѣмъ ей чужому, сдѣлавшему ей столько добра; но каждый разъ, когда она думала объ этомъ, у ней сжималось отъ боли сердце и слезы невольно навертывались на глазахъ.

— Навищо винъ це все робыть, навищо?—съ тоской думала она.—Я прычынна, недужа... я не можу заробляты; не можу ничымъ виддячыты ему! Здается, я бъ и и день, и ничъ робыла на его, та на дядыну, та колы жъ руки мои мліють, а сама я не маю сылы... Охъ, тяжка моя доля!..

И съ каждымъ днемъ ей было все мучительнѣе и мучительнѣе сознавать свое ничтожество, свою слабость и болѣзненность.

Ей было невыносимо больно пользоваться услугами и заботами Петра и, въ одно и то же время, было такъ пріятно, такъ отрадно! Бывали минуты, когда она гордилась тѣмъ, что онъ заботится о ней, порченной, что онъ, такой умный, хорошій и добрый, не хочетъ ни съ кѣмъ знакомиться изъ деревенскихъ дѣвушекъ, а проводитъ вечера у дядыны Оксаны, вмѣстѣ съ ней, весело разсказывая о житьѣ-бытьѣ большихъ городовъ...

Когда Петро не приходилъ къ дядынѣ какой вечеръ,—она скучала и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидала слѣдующаго вечера, въ надеждѣ увидѣть его доброе, открытое лицо и ласковые, веселые глаза, голубые, какъ лѣтнее небо. Завидя же его, она смущалась, краснѣла, и сердце ея начинало то замирать, то биться такъ шибко, такъ тревожно!

— Ганно! чы ты тамъ заснула, чы що, що й доси не несешъ намъ каганця?—отозвалась дядына Оксана, пріотворивъ дверъ.

— Заразъ... несу!—смущенно сказала Ганна, входя въ хату съ зажженнымъ каганцемъ.

Она опустила внизъ глаза и осторожно поставила его на „прыпичокъ“.

Слабо мерцающій огонь освѣтилъ ея блѣдное лицо, похудѣвшій станъ и сжатыя губы. Со дня пожара она страшно похудѣла и поблѣднѣла, но лицо ея носило теперь отпечатокъ сосредоточенности и спокойствія, а глаза свѣтились чуть замѣтнымъ оттѣнкомъ счастья. Несмотря на ея страшную худобу, она все же была очень хороша и мало походила на простую крестьянскую дѣвушку.

Всѣ три женщины усѣлись вокругъ огня, кто на „прыпичку“, а кто на „лави“ и принялись за шитье и пряжу. Петро сидѣлъ у окна и крутилъ папироску, вынимая табакъ изъ „кисета“.

Дождь, по прежнему, крупными каплями барабанилъ по стекламъ, а вѣтеръ злобно шумѣлъ голыми вѣтками деревьевъ и жалобно, монотонно завывалъ въ трубѣ.

— Ну, тай халепа сегодни на двори!—сказала дядына Оксана, качая головой.—Зачыны, Одарко, вьюшку въ комини: може не такъ буде витеръ завываты.

— То вже правда, що негидь на двори! Добрый хазяинъ и собаки не выпустыть зъ хаты, а я таки прыйшовъ до васъ, дядыно!—отозвался Петро, улыбаясь.

— Не штука перейты изъ хаты въ хату! Та й що тоби робыть одному въ хати? Ходы, ходы, мій сыну: все жъ такы веселійшъ буде твоій хрещеній матери!—лукаво улыбаясь, сказала старуха Оксана.

Ганна еще ниже наклонила голову надъ работой, а иголка въ ея блѣдной рукѣ, чуть дрогнувъ, заходила еще быстрѣе по толстому полотну...

Веселая Одарка то и дѣло хихикала и нашептывала что то тихо Ганнѣ, которая слушала ее молча и серьезно.

— А ну, лышень, роскажы намъ, Петро, зновъ про те, якъ ты издывъ зъ графомъ въ заграныцю куповать квиткы, а ще якись тамъ... Ну бо, скажы вже, бо забула!—заговорила дядына Оксана протяжно и, замолчавъ, громко зѣвнула во весь ротъ.

Петро улыбнулся и весело спросилъ.

— Може ананасы?

— Эге, эге: ананасы!—сказала Оксана, утвердительно кивая головой.

Одарка засмѣялась звонкимъ хохотомъ, а серьезная Ганна чуть чуть улыбнулась.

— Чого жъ ты сміеся, дурна? Хто жъ его тамъ знае, якъ воно у ныхъ зоветця! обиженно сказала дядына Оксана обращаясь къ Одаркѣ.

Та фыркнула отъ смѣха, закрывая ротъ и все свое некрасивое, расплывшееся лицо вышитымъ рукавомъ своей грубой сорочки.

— Добре, роскажу!

И Петро долго и оживленно разсказывалъ о тѣхъ чудесахъ, какія онъ видѣлъ за границей и у богатаго графа, въ его имѣніи въ N—скѣ. Его звучный, молодой голосъ заглушалъ тоскливое завываніе вѣтра и непріятное дребезжаніе стеколъ, дрожавшихъ отъ напора крупныхъ капель осенняго дождя...

V.

Настала зима. Грушевка опустѣла и спала тихимъ непробуднымъ сномъ установившейся уже прекрасной зимы. Обледенѣлыя вѣтки деревьевъ покрылись узорчатыми иглами инея и кокетливо сплетались надъ соломенными крышами бѣленькихъ, какъ снѣгъ, хатенокъ. Улицы стали чистыя, ровныя и бѣлыя. Въ воздухѣ, морозномъ и свѣтломъ, громко чирикая, весело порхали

воробьи и снѣгири. Гдѣ то далеко таинственно раздавался протяжный свистъ скучающаго „парубка"...

Блѣдное солнце то выглядывало изъ за опушки лѣса, осторожно пробираясь своими мерцающими лучами сквозь нарядныя бѣлыя вѣтки величественныхъ, гордыхъ дубовъ, то поспѣшно пряталось, мигая и дрожа, за темныя снѣговыя тучки...

Петро весь день не выходилъ изъ своей хаты и озабоченно, торопливо собирался, какъ видно, въ дальній путь, изрѣдка перекидываясь короткими фразами со своими двумя „наймытами" и укладывая свои вещи въ „скрыню", замѣняющую чемоданъ. Какая то затаенная грусть омрачала его всегда веселое лицо, а глаза, опущенные и серьезные, безпокойно перебѣгали съ „лавы", заваленной вещами, на замерзшее узорчатое окно, выходящее прямо на улицу...

Дѣйствительно, онъ собирался въ дальній путь: на дняхъ онъ получилъ письмо изъ конторы главнаго управляющаго графа, чтобы онъ немедленно пріѣхалъ въ N—ское имѣніе замѣнить, на самое короткое время, умершаго эконома, если только его ничто не задерживаетъ въ Грушевкѣ.

— Що жъ мене може тутъ задержать?—въ сотый разъ задавалъ онъ себѣ вопросъ и каждый разъ, какъ бы въ отвѣтъ, неотступно становился передъ его глазами образъ блѣдной, серьезной и задумчивой Ганны.

— Господы, Боже мій! Хыба не кращыхъ я бачывъ у двору у графа,—съ досадой думалъ Петро, стараясь отогнать отъ себя образъ молчаливой и безкровной дѣвушки, но—онъ снова стоялъ передъ его глазами, снова всецѣло наполнялъ его думы!

— Ни, не поиду я!—рѣшительно крикнулъ онъ и сталъ поспѣшно выбрасывать изъ сундучка вещи, громко ударяя ими объ глиняный полъ.

— Оттаке тоби! не поиду!... Якъ же жъ можна не ихать, колы вже й напысавъ, що безприминно буду завтра ввечери?!—еще громче крикнулъ онъ, когда „скрыня" его совершенно опустѣла.

— Ни, поиду жъ такы! поиду!—настойчиво твердилъ Петро, торопливо совая вещи обратно въ сундучекъ.

А тамъ гдѣ то, внутри у него, что то ныло, что то тоскливо билось и болѣло... Какое то необъяснимое, неиспытанное еще имъ чувство, и мучительное, и пріятное, въ одно и то же время, наполняло все его молодое существо. Была ли то жалость къ одинокой, слабой и болѣзненной дѣвушкѣ и привычка видѣть ее постоянно, чуть не каждый день,—или то было что либо серьезнѣе и прочнѣе простой привычки и жалости—Петро не могъ рѣшить...

И припомнился ему такъ живо вчерашній вечеръ, проведенный у дядыны Оксаны: какъ сильно поблѣднѣла Ганна, какъ испуганно взглянула она на него, когда онъ сказалъ, что долженъ завтра же уѣхать на время въ N—ское имѣніе!...

Петро сильно задумался. Онъ не замѣтилъ, когда и какъ ушли его „наймыты", какъ онъ уложилъ въ сундучекъ вещи и какъ въ его хатѣ, пустой и непріятной, тихо скрипнула дверь...

— Петро!... вдругъ послышался за его спиной тихій, взволнованный шепотъ.

Онъ быстро обернулся и увидѣлъ передъ собой блѣдную Ганну. Она была безъ „свыты" и только небольшой цвѣтной платокъ прикрывалъ ея черные, лоснящіеся волосы. Она быстро, торопливо, не давъ ему опомниться, протянула къ нему дрожащую холодную руку и, задыхаясь, тихо сказала:

— Це иконка Пречыстои... возьмы, Петро: нехай вона тебе сохраняе!...

Слезы блеснули на ея длинныхъ рѣсницахъ, и она быстро выбѣжала изъ его хаты...

Петро стоялъ, какъ ошеломленный...

Образъ Ганны, такъ неожиданно мелькнувшій передъ его глазами, мгновенно освѣтилъ его печальное лицо, разогналъ мрачныя думы и наполнилъ его душу отрадой и счастьемъ... Но... она, какъ молнія, блеснула и исчезла!... И снова внутри его что то заныло и тоскливо забилось; снова онъ, какъ и до прихода ея, остался одинъ въ этой обширной, но непріютной хатѣ,— печальный, скучающій и мрачный!...

Много времени прошло послѣ ухода Ганны, а Петро все стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и только молча прижималъ крѣпко къ взволнованной груди маленькій мѣдный образокъ...

Вечерѣло. Морозъ становился сильнѣе и холодный морозный вѣтеръ сурово осыпалъ иней съ шумящихъ вѣтокъ деревъ. Во всемъ селѣ царила страшная пустота, безлюдіе и мертвая тишина. Но вотъ послышалось нетерпѣливое ржаніе молодой лошади и скрипъ ворстъ... Небольшія сани, съ двумя закутанными сѣдоками, глубоко врѣзываясь въ скрипучій снѣгъ, шибко пронеслись мимо хаты дядыны Оксаны и скоро скрылись за опушкой лѣса, повернувъ на широкую дорогу, ведущую прямо въ мѣстечко Червоное... То ѣхалъ Петро со своимъ „наймытомъ", нетерпѣливо погоняя лошадь, боясь опоздать къ поѣзду...

Никто не замѣтилъ, какъ онъ проѣхалъ черезъ село, никто не провожалъ его,—только два глаза, темные какъ ночь, печально и тревожно глядѣли черезъ щелку Оксаныныхъ сѣней, пока сани совсѣмъ не скрылись далеко за лѣсомъ...

Съ отъѣздомъ Петра, у Ганны работа совсѣмъ не спорилась: возьметъ въ руки сорочку дядыны Оксаны, начнетъ вышивать неконченную „пазуху" и задумается, неподвижно уставивъ глаза въ одну какую нибудь точку... Такъ сидитъ она часъ—другой, пока, наконецъ, дядына Оксана или вертлявая Одарка не выведутъ ее изъ оцѣпенѣнія заботливыми разспросами о здоровьѣ, которые ей казались теперь такими непріятными и докучливыми...

— Що тоби, доню?... Може болыть голова?—спроситъ, бывало, дядына Оксана, подойдя къ ней близко и ласково погладитъ ее по чернымъ, какъ смоль, волосамъ.

Ганна съ мольбой посмотритъ ей прямо въ глаза и тихо скажетъ:

— Ни, не болыть..

— Гай-гай! хочъ бы панна хвелшерицця швыдче прыихала, або Петро, бо я вже й не знаю, що зъ тобою, Ганно, діется!...

Она только судорожно сожметъ губы при его имени и еще ниже наклонитъ голову надъ работой.

Бывали дни, когда она, съ утра до вечера, лежала на „лави", отвернувшись къ стѣнкѣ лицомъ и тихо стонала,—или, забившись за печку, просиживала тамъ безвыходно нѣсколько часовъ.

Иногда Ганна выходила изъ дому, не говоря ни слова ни дядынѣ Оксанѣ, ни Одаркѣ и, шатаясь, возвращалась истомленная и блѣдная, какъ мертвецъ. То были дни для нея самые ужасные: тогда она страдала страшными нервными припадками, истощавшими ее за послѣднее время особенно часто и продолжительно. Нерѣдко, послѣ мучительныхъ припадковъ истерики, она долго просиживала подъ хатой, въ снѣгу, вспоминая свое безотрадное прошлое и недавнюю потерю отца, и ничто не могло ее утѣшить, ничто не могло разсѣять ея мрачныхъ думъ!...

О Петрѣ она старалась не думать, а между тѣмъ все кругомъ ей напоминало о немъ: и „лава", и „прыпичокъ", и „каганецъ", и даже толстый старый котъ, который любилъ дремать на колѣнахъ у Петра, прищуривая хитрые зеленые глаза... Эти напоминанія для нея были ужасны: уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ уѣхалъ Петро, а о немъ нѣтъ ровно никакихъ вѣстей!... Гдѣ онъ? что съ нимъ? увидитъ ли она его когда нибудь?... Быть можетъ, его доброе лицо и ласковый взоръ давно обращены въ другую сторону, гдѣ онъ нашелъ и счастье, и спокойствіе, и взаимную любовь?... Эти вопросы, постоянные, неизбѣжные и упрямые, приводили ее то въ изступленіе и дикое отчаяніе, то въ болѣзненное томленіе и тихую, безмолвную тоску и грусть...

VI.

Было холодное, морозное утро; пролеталъ маленькій снѣжокъ и, сильно кружась въ воздухѣ, быстро опускался на мерзлую землю. Вѣщуньи—вороны, купаясь въ снѣгу, громко каркали, нарушая безмятежную тишину Грушевки... Небо заволокло тучами, а вѣтеръ подулъ прямо съ сѣвера. Готовилась вьюга.

А въ хатѣ дядыны Оксаны было тепло и по прежнему уютно, чисто и просто: въ переднемъ углу, на право, висѣли два небольшихъ образа Божьей Матери и Спасителя, украшенные засохшими вѣточками калины, мяты и „любыстку"; на лѣво, наискосокъ отъ угла съ образами,—большая печка, вымазанная бѣлой глиной и разрисованная красными и синими замысловатыми птицами и пѣтушками; подъ образами—небольшой дере-

вянный столъ, накрытый бѣлой самодѣльной скатертью; подъ стѣнками—нѣсколько „лавъ“; на „килочку“ возлѣ печки—вышитый „рушныкъ“ и длинная деревянная полка съ глиняной посудой...

Дядына Оксана вмѣстѣ съ Одаркой молча мотали толстыя сѣрыя нитки на длинныя „тальки“, а Ганна, сидя на „прыпичку“ съ „куделью“, задумчиво пряла, мѣрно спуская на глиняный полъ жужжащее веретено.

Въ сѣняхъ послышались чьи то тяжелые шаги и въ хату вошелъ высокій закутанный человѣкъ.

Онъ неуклюже поклонился всѣмъ и, переминаясь съ ноги на ногу, хрипло заговорилъ:

— Богъ помичь, добри люде!

Дядына Оксана пристально посмотрѣла на вошедшаго и отвѣтила протяжно, на распѣвъ:

— Спасыби, чоловиче!

— Чы тутъ жыве Оксана Чипурыха?

— Я—Оксана Чипурыха, а чого тоби треба, чоловиче?

— Ось, тее то, до васъ е пысулька...

Человѣкъ медленно отвернулъ тяжелую полу „кожуха“ и, порывшись въ карманѣ „свыты“, досталъ большой засаленный конвертъ и подалъ дядынѣ Оксанѣ.

— Звидкиля жъ це?—спросила дядына.

— Зъ конторы управляющого нашого грапа Б—ко!—отвѣтилъ онъ.

Ганна слабо вскрикнула и, отбросивъ въ сторону кудель, встала съ „прыпичка“ и испуганно, тревожно смотрѣла на человѣка.

— Видъ кого... цей лыстъ?... задыхаясь, спросила она, подбѣжавъ вдругъ близко къ человѣку и теребя его нервно за рукавъ.

Онъ изъ подлобья взглянулъ на блѣдную Ганну съ сверкающими глазами и съ сожалѣніемъ покачалъ головой.

— О-це, дило! О-це, оказія!—бормоталъ онъ смущенно, разсматривая изнуренное лицо дѣвушки.

— Видъ кого?... Видъ Петра?.. Може, слабый?!... почти вскрикнула она надъ самымъ его ухомъ.

Широко открытые глаза ея блеснули страшнымъ отчаяніемъ и уставились прямо на смущеннаго, оторопѣвшаго человѣка.

— Не знаю, тее-то, дивчыно, ничого не знаю!. . Мое дило зъ краю!... въ контори мени дано...

Руки ея опустились, какъ плети, взоръ мгновенно потухъ; полу-закрывъ глаза и низко нагнувъ голову, она стояла тихо, не шевелясь; только порывистое, тяжелое дыханіе сильно колебало всю ея грудь... Ноги у ней дрожали и отказывались служить, а мысль работала ясно, напряженно и ужасно быстро...

Всѣ смолкли и растерянно, выжидательно смотрѣли на нее.

Но вотъ, она подняла голову, протянула руки и, сдѣлавъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, повисла на шеѣ дядынѣ Оксанѣ.

— Голубонько!... Сердце мое... пошлить за Даныломъ Гаврыловычемъ!.. молила она тихо прерывающимся голосомъ, цѣлуя ея морщинистое, какъ печеное яблоко, лицо и крѣпко обнимая ея плотную фигуру холодными, какъ лёдъ, руками...

— Годи, годи бо, доню!... Богъ зъ тобою!... Годи бо, кажу!... Ось, заразъ пошлю!—говорила ласково, слезливо дядына Оксана, стараясь усадить дрожащую Ганну.

Одарка, все время пугливо жавшаяся къ печкѣ, подбѣжала къ дядынѣ и торопливо сказала:

— Я збигаю, дядыно,—добре?..

Оксана кивнула ей головой и прибавила:

— Швыдче жъ тилькы!

Человѣкъ давно уже пятился къ порогу и отыскивалъ свои безпалыя рукавицы и барашковую шапку.

— Будьте здоровы, добри люде! — сказалъ онъ уже у самого порога и вышелъ изъ хаты.

Въ сѣняхъ онъ встрѣтился съ Одаркой, которая на ходу натягивала на одинъ рукавъ свиту.

— О-це, дило! О-це, оказія!—твердилъ онъ, нахлобучивая шапку и пожимая плечами.—Що це зъ нею робытся?

— Що? та це жъ наша причынна!—шепнула ему тихо Одарка, выбѣгая изъ сѣней.

— Э-ге! ось воно якъ!... протянулъ онъ и, перекрестившись, сѣлъ въ сани...

Данило Гавриловичъ былъ сынъ дьячка, выгнанный бурсакъ, попавшій, по протекціи благочиннаго мѣстечка Червонаго, въ Грушевку учителемъ земской народной школы. Получая въ годъ 60 рублей, онъ не гнушался всякими подаяніями крестьянъ въ видѣ „яичекъ", „мучицы", куръ и прочихъ жертвоприношеній. Кромѣ школы, у него были еще безгрѣшные доходы: слывя въ селѣ первымъ грамотѣемъ и щеголяя передъ грубыми простаками крестьянами своей витіеватой бурсацкой рѣчью, онъ пользовался у нихъ большимъ авторитетомъ и успѣшно занимался писаніемъ разныхъ прошеній, жалобъ, кассацій и писемъ. Не любили его только одни „парубки", какъ опаснаго соперника и сельскаго Донъ-Жуана: щеголь большой руки, сносной наружности, довольно молодой, ловкій и хитрый, онъ съ легкостью покорялъ сердца деревенскихъ кокетокъ. Эти ухаживанія были чисто ловеласническаго свойства, потому что Данило Гаврилычъ не помышлялъ ни на одной жениться, да и тающія отъ его нѣжностей „дивчата" не смѣли и думать о такомъ недосягаемомъ величіи—сдѣлаться невѣстой „паныча"!.. Онъ пока свободно ухаживалъ за дѣвушками и съ большой осторожностью за „бабами", потому что уже не разъ въ своей жизни „страдалъ", т. е. не разъ уже толстая дубина оскорбленнаго мужа измѣряла его гибкую спину вдоль и поперекъ! Зимой онъ носилъ табачнаго цвѣта пальто „весьма—очень прекрасное"—какъ выражался о немъ самъ Данило Гавриловичъ,—длинныя черныя брюки и своеобразную сѣрую шляпу съ широкими полями. Лѣтомъ онъ щеголялъ крахмаленными сорочками, „пинжаками" и пестрыми широкими галстуками... Жилъ онъ вмѣстѣ со своей старухой—матерью, недавно овдовѣвшей дьячихой мѣстечка Червонаго, недалеко отъ Оксаны, въ той же части села, въ домѣ, гдѣ помѣщалась школа.

Данило Гавриловичъ шелъ шибко, широко шагая по глубокому свѣжему снѣгу, стараясь догнать почти бѣгущую впереди Одарку.

Вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо и нагонялъ на него груды снѣга, залѣпливающаго ему, точно рой назойливыхъ мухъ, глаза и покрывающаго все его „весьма—очень прекрасное" пальто и шляпу.

— Безподобная Одарко! тоскливо мнѣ ступать по твоимъ стопамъ, не видя твоего луннаго сіянія съ очами, яко звѣзды, съ медовыми устами, яко кораллы!—сказалъ онъ тоненькимъ теноркомъ, нагоняя Одарку.

— Що вы говорыте, Даныло Гаврыловычъ?—спросила Одарка, хихикая и отряхивая со свиты снѣгъ.

— Вотъ „що"!...

Данило Гавриловичъ обнялъ Одарку, улыбаясь и лукаво прищуривая глаза.

Дѣвушка взвизгнула, вырвалась и, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, побѣжала впередъ.

Ганна, немного успокоившись и поджидая Данила Гавриловича, внимательно разсматривала непонятныя для нея крупныя буквы на конвертѣ и, ощущая въ немъ что то твердое, недоумѣвала, что это, отъ кого и зачѣмъ прислано дядынѣ Оксанѣ? Не отъ Петра ли?.. Всѣ мысли, всѣ ея желанія слились въ одно: скорѣе узнать содержаніе письма!

— Вотъ и я, многочтимая дядына! Мирное, успокоительное пребываніе дому вашему! Бью челомъ и лѣпообразной и благотишной Ганнѣ!... Почто я, сирѣчь, Данило, а по батюшкѣ—Гаврилычъ, почто, глаголю, понадобился я вамъ въ велію непогоду и вьюгу?—спросилъ Данило Гавриловичъ, входя въ хату дядыны Оксаны и кланяясь ей и встрепенувшейся Ганнѣ.

— Сидайте, Данило Гаврыловычъ, та, поки Одарка принесе намъ горилкы, прочитайте намъ оцей лыстъ.

— Отмѣнно!—Онъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, важно усѣлся на „лави", откашлялся и громко прочиталъ, срывая конвертъ: „Въ село Грушевку, Оксанѣ Чипурихѣ. Со вложеніемъ карточки".

Что то сѣрое выпало изъ конверта, скользнуло по его пальто и упало къ ногамъ Ганны...

Она, съ сильно бьющимся сердцемъ, схватила карточку и, забывъ всѣхъ и все, съ безумнымъ восторгомъ, озаряющимъ ея чуть зардѣвшееся лицо, и вспыхнувшимъ неподдѣльнымъ счастьемъ взоромъ, упорно шептала, теряя сознаніе отъ неожиданнаго наплыва радости, послѣ столькихъ мученій:

— Петро!.. Петро!.. якъ жывый... якъ жывый...

Она лишилась чувствъ, сжавъ судорожно—крѣпко въ своей холодной рукѣ карточку улыбающагося Петра...

VII.

Весна была ранняя и прекрасная. Старуха—зима, встрѣтивъ теплый и нѣжно насмѣшливый взглядъ юной красавицы, волшебницы—весны, покорно оторвала свой холодный долгій поцѣлуй отъ жизненной земли и начала собираться въ путь. Она медленно, своими старческими холодными руками, подобрала бѣлый дырявый саванъ, сняла ледяныя цѣпи со стонущей и бьющейся ключемъ рѣки и протянула мертвящія, ледяныя уста къ улыбающейся, расцвѣтающей юной прелестью и нѣгой красавицѣ... Но, почуявъ ея теплое дыханіе и блескъ лучистыхъ глазъ, съежилась и, вздрогнувъ всѣми своими окоченѣлыми, дряхлыми членами, упала и стала жалобно, продолжительно стонать... Она стонала и плакала и слезы ея текли потоками и ручьями... Саванъ, цѣпи и ея окоченѣлые члены—все превращалось въ холодныя слезы и только душа ея взвилась въ видѣ облачка и парила къ голубымъ чистымъ небесамъ... А весна, не переставая, хохотала, заливаясь нѣжнымъ серебристымъ хохотомъ и захватывая безпредѣльное пространство, преслѣдовала полетъ души жалкой старухи! И тамъ, въ безпредѣльномъ пространствѣ, ей слышался юный, причудливый хохотъ весны! А весна заливалась трелями жаворонка, стрекотаніемъ кузнечиковъ, лепетомъ раннихъ цвѣтовъ и нѣжнымъ шелестомъ оживающихъ деревьевъ... И все кругомъ внимало ей, просыпалось, зеленѣло и ликовало!...

Въ жизни порченной Ганны тоже началась весна, сдѣлавшая переворотъ во всемъ ея организмѣ; и она сочувственно смотрѣла на ликующую, чудную природу!...

Петро писалъ дядынѣ Оксанѣ, что не пріѣзжаетъ въ Грушевку такъ долго потому, что со смертью эконома, въ N—скомъ имѣніи набралось много работы и онъ, вмѣстѣ съ новымъ экономомъ, работаетъ безостановочно все это время. Весной тоже работы будетъ много и онъ не можетъ отказать графу—покро-

вителю его умершаго отца—и не заняться въ его роскошныхъ садахъ. Это будетъ его послѣдняя услуга графу, а затѣмъ онъ пріѣдетъ навсегда въ Грушевку. Далѣе,—онъ проситъ дядыну Оксану заблаговременно заняться посѣвами на его полѣ и огородѣ. Карточку свою проситъ передать собственно Ганнѣ, желая ей скорѣе выздоравливать и не забывать преданнаго ей всей душой...

И Ганна, дѣйствительно, поправлялась скоро. Она вставала рано, лихорадочно принималась вмѣстѣ съ Оксаной копать гряды въ огородѣ, часто ходила въ садъ Петра и собственноручно насадила цвѣтовъ передъ окнами его хаты. Но у ней мало еще было силы и здоровья: поработавши часъ-другой, обезсиленная и вялая, она возвращалась въ хату и лежала безъ движеній, съ закрытыми глазами, пока крѣпкій сонъ не оковывалъ ея усталые члены. Отдохнувши послѣ работы, Ганна становилась оживленнѣе, разговорчивѣе и даже иногда улыбалась. Карточка Петра была при ней безотлучно, и она часто всматривалась въ его добрые глаза и ей было такъ отрадно, такъ весело! Незамѣтно и пріятно проходили у ней дни за днями...

Весна была во всей силѣ и вся Грушевка окуталась бѣлой пеленой цвѣтущихъ фруктовыхъ деревьевъ; воздухъ, чистый и здоровый, наполнился опьяняющимъ, захватывающимъ дыханіе ароматомъ и чудными таинственными звуками, свойственными только чародѣйкѣ—веснѣ...

Снова дядына Оксана получила письмо отъ Петра. Дѣлая разныя хозяйственныя распоряженія, онъ, между прочимъ, писалъ, что скоро пріѣдетъ и проситъ Ганну беречь свое здоровье, поправляться и не забывать его...

Эти напоминанія „поправляться" были теперь почти излишни, такъ какъ здоровье Ганны съ каждымъ днемъ все больше крѣпло, а нервные припадки почти совсѣмъ прекратились. Вмѣстѣ съ здоровьемъ къ ней возвратилась веселость и бодрость. Одарку дядына Оксана отправила и всѣ ея обязанности съ восторгомъ исполняла Ганна. Вѣра Ѳеодоровна Красовская, изрѣдка посѣщая Грушевку, съ радостью замѣчала, какъ здоровый румянецъ покрывалъ пополнѣвшія щеки Ганны, а глаза искрились энер-

гіей и счастьемъ. Высокая, стройная, съ пышными длинными косами и легкимъ румянцемъ на бѣломъ лицѣ—Ганна была дивно хороша. Она поздоровѣла и цвѣла, какъ нѣжный весенній цвѣтокъ. Многіе „парубкы", забывъ, что она порченная, засматривались на нее и, при встрѣчѣ, кричали ей въ слѣдъ:

— Та и гарна жъ Ганна!...

Даже самъ Данило Гавриловичъ сталъ какъ будто степеннѣе и часто по долгу задумчиво смотрѣлъ въ сторону Оксаныной хаты...

Былъ чудный майскій день. Солнце привѣтливо бросало свои золотистые косые лучи на Грушевку и, заглядывая по сторонамъ, игриво уронило одинъ дрожащій, нѣжный лучъ на маленькую повозочку и ея молодаго, красиваго сѣдока...

Онъ щурилъ голубые глаза и отбрасывая свѣтлые волосы, докучливо спадающіе крупными кольцами на бѣлый лобъ, разсѣянно поправлялъ соломенный деревенскій бриль.

Маленькое облачко пыли, преслѣдуя его, осторожно сыпало пылинки на его бѣлую, какъ снѣгъ, вышитую сорочку... Подъѣзжая къ селу, въ томительномъ ожиданіи и не зная, что его тамъ встрѣтитъ, онъ затянулъ груднымъ молодымъ голосомъ заунывную пѣсню...

Голосъ его, полный грусти и задушевности, разносился далеко надъ лѣсомъ и, съ каждымъ шагомъ усталой лошаденки, становился все слышнѣе, все ближе къ селу...

Ганна бодро и шибко шла къ колодцу, перекинувъ черезъ плечи коромысло съ пустыми ведрами. Солнце, подымаясь выше, жгло довольно сильно; въ воздухѣ, сухомъ и тихомъ, становилось душно. Ганна, обмахнувъ рукавомъ сорочки раскраснѣвшееся лицо, низко нагнулась надъ колодцемъ и, опустивши въ воду ведро, замерла... До ея слуха неясно долетали звуки чьего то голоса, такого знакомаго и симпатичнаго... Она быстро набрала воды въ другое ведро и шибко пошла вдоль улицы, тревожно вслушиваясь въ знакомые звуки... Вотъ ей, какъ будто, почудилось ея имя... еще мгновеніе—и смолкло все кругомъ!... Показался снова, изъ за пригорка, небольшой столбъ пыли и двигался къ ней все ближе, ближе и ближе... Она остановилась и ждала,

притаивъ дыханіе и боясь пошевельнуться, она слышала частые удары своего сильно бьющагося сердца, сливающіеся съ шумомъ колесъ подъѣзжающей повозки...

— Петре!... винъ!—почти крикнула Ганна и невольно сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ...

Еще издали Петро замѣтилъ стройную, высокую дѣвушку, съ ведрами на плечахъ, быстро шедшую ему на встрѣчу.

Съ трудомъ онъ узналъ въ этой здоровой, цвѣтущей дѣвушкѣ прежнюю блѣдную порченную Ганну...

Проворно соскочивъ съ повозки, весь въ пыли, Петро подошелъ къ улыбающейся, раскраснѣвшейся Ганнѣ и, ласково ударяя ее по плечу, восторженно вскрикнулъ:

— Ганно, чы ты?...

— А вже жъ я!—смущенно и радостно отвѣтила она, опустивъ слегка дрожащія рѣсницы блестящихъ, ласкающихъ глазъ.

— Хвала Богу, що бачу тебе въ доброму здоровьи!

— Спасыби Богу и... тоби, Петро!—конфузливо проговорила Ганна, поднявъ на него глаза, полные благодарности и безпредѣльнаго счастья...

Глаза ихъ встрѣтились; они оба улыбнулись, и имъ обоимъ было такъ хорошо въ этомъ нѣмомъ созерцаніи, что никакая человѣческая рѣчь не могла сравниться съ нимъ: она профанировала бы только ихъ обоюдное душевное настроеніе и разрушила бы ихъ грезы, полныя радости первой любви и неподдѣльнаго искренняго счастья желанной встрѣчи...

VIII.

Настало время жатвы. Ганна, здоровая и веселая, отправилась съ дядыной Оксаной въ поле. Солнце чуть чуть выглядывало изъ за тучекъ, освѣщая пріятнымъ, мягкимъ, утреннимъ свѣтомъ цѣлый рой молодыхъ дѣвушекъ-жницъ, нанятыхъ Оксаной. Среди нихъ рѣзко выдѣлялась красавица Ганна; откинувъ назадъ роскошную, черную косу, она нагнулась всѣмъ корпусомъ надъ снопомъ и крѣпко вязала его, подбирая непослушные, полные колосья...

Ганна давно не жала; она съ восторгомъ смотрѣла на группы жницъ и что то отрадное, давно забытое, давно не испытанное наполнило все ея молодое существо... Сначала она жала несмѣло и робко, но увлекаясь все больше и больше, скоро перегнала многихъ работницъ.

— Добре, Ганно, добре!.. Та й хутко жъ ты жнешъ!—крикнула ей дядына Оксана, любуясь ея проворствомъ.

Ганна улыбнулась и ласково посмотрѣла на дядыну Оксану.

— Хвалыты Господа, що я одужала: теперь мыни робота не тяжка!—весело сказала Ганна, перевязывая новый снопъ.

— И я могу воздать сугубую хвалу проворству нашей найбезподобнѣйшей Ганны!—громко раздался писклывый тенорокъ разфранченнаго Данила Гавриловича за спиной Ганны.

— Цуръ вамъ! якъ вы мене налякалы, Даныло Гаврыловычъ!—сказала она серьезно, роняя серпъ.

Данило Гавриловичъ подошелъ къ ней близко, прищурилъ масляные глаза, скользнувшіе по всему стану нагнувшейся надъ снопомъ дѣвушки, и заговорилъ сладенькимъ голоскомъ, не обращая вниманія на остальныхъ жницъ.

— Весьма очень печально мнѣ слышить сіе! Желалъ бы я не пугать тебя своимъ образомъ, а желалъ бы, чтобъ ты, пышная Ганночка, со мной была лас...

Онъ запнулся и замолчалъ: мимо нихъ проходилъ Петро, надвинувъ низко на лобъ бриль и, не смотря на Ганну и Данила Гавриловича, подошелъ къ молодымъ дѣвушкамъ жницамъ.

— Богъ помичъ, дивчата!—сказалъ онъ, поворачиваясь спиной къ Данилу Гавриловичу.

— Спасыби!—весело отозвались жницы.

— Колы жъ, дивчата, прійдете до мене жаты?

— А ось управымось зъ нывою дядыны Оксаны, а тоди и до тебе!—отвѣчали нѣкоторыя дѣвушки, переставая жать.

— Добре, пожду.

Жницы начали перешептываться, хихикать и указывать пальцами на смущеннаго Данила Гавриловича, безмолвно мигавшаго хитрыми бѣгающими глазками.

— Весьма очень жарко здѣсь... въ полѣ!... пробормоталъ Данило Гавриловичъ тихо и, не обращая вниманія на жницъ, пошелъ домой.

Его провожалъ насмѣшливый хохотъ молодыхъ дѣвушекъ, задорно затянувшихъ ему вслѣдъ напутственную пѣсню.

„Тоби, панъ Даныло,
На нисъ муха сила!
Гляды жъ, панъ Даныло,
Щобъ нисъ твій не зъила!“...

Ганна по прежнему, серьезная и раскраснѣвшаяся, молча жала и изрѣдка тревожно и грустно посматривала въ сторону Петра...

Она не разъ уже замѣчала, что онъ какъ будто избѣгалъ ея и каждый разъ, встрѣчаясь съ ней, смотрѣлъ на нее серьезно и пытливо. Говорилъ онъ съ ней мало и то какими то непонятными намеками и загадками... Встрѣтивъ ее какъ то на улицѣ вмѣстѣ съ Даниломъ Гавриловичемъ, онъ повернулъ въ переулокъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ихъ... Въ другой разъ, задумавъ побѣлить „хату“, а „прызьбу“ вымазать красной глиной, Ганна вечеромъ, взявши „заступъ“ и „ряднынку“, пошла копать глину въ „Красный яръ“.—„Краснымъ яромъ“ называли грушевцы отдаленную, мало населенную часть села, гдѣ „бабы“ копали красную глину. Не успѣла Ганна сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ услыхала за собой чьи то торопливые шаги; оглянувшись, она увидѣла Данила Гавриловича, поспѣшно нагонявшаго ее. Не знавши, въ чемъ дѣло, Ганна остановилась и спросила:

— А що Даныло Гаврыловычъ, може мене дядына Оксана клыкалы?

Онъ поровнялся съ ней, улыбнулся во весь ротъ и проговорилъ мягко и вкрадчиво:

— Нѣтъ, дражайшая Ганночка, никто васъ не звалъ, только мое сердце ежечасно, безъ удержу, взываетъ до васъ!

Ганна серьезно посмотрѣла на него, пожала плечами и сухо сказала:

— Не знать що вы говорыте!

Тѣмъ не менѣе, Данило Гавриловичъ не унывалъ и, весело болтая, послѣдовалъ за Ганной въ „Красный яръ".

Многаго Ганна не понимала изъ сладкоприторной болтовни Данила Гавриловича, а многаго и не хотѣла понимать!...

Съ нѣкотораго времени Данило Гавриловичъ всюду преслѣдовалъ Ганну и слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ. Онъ часто сталъ заглядывать въ поле, въ огороды и на поляну, куда она обыкновенно выгоняла въ „череду" коровъ дядыны Оксаны, лишь бы только встрѣтить дѣвушку и наговорить ей цѣлый коробъ любезностей. Хотя онъ замѣчалъ расположеніе Ганны къ Петру и видѣлъ въ его лицѣ соперника, но соперника отнюдь не опаснаго, такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ преимущества были на его сторонѣ. Онъ настойчиво велъ аттаку противъ холодной и серьезной красавицы Ганны и только одного страшился: здороваго и сильнаго кулака ревниваго „парубка"...

Тихій лѣтній день все больше и больше потухалъ и только на горизонтѣ виднѣлась узкая красная полоска умирающаго солнечнаго свѣта. Было что то особенно пріятное, успокоительное къ этихъ мерцающихъ слабыхъ лучахъ, въ этомъ тихомъ, тепломъ вечерѣ...

Накопавъ цѣлую „рядныну" глины, Ганна отбросила въ сторону заступъ и, не слушая неумолкавшаго Данила Гавриловича, засмотрѣлась на тлѣющую дрожащую полоску, на зеленую поляну и узкую извилистую тропинку, по которой шли крестьяне и крестьянки, возвращаясь съ поля. Между ними она замѣтила Петра... Она подняла на него свои потемнѣвшіе глаза и яркій румянецъ покрылъ ея щеки: онъ проходилъ мимо нея, разговаривая съ крестьянами, такъ близко, близко и... даже не взглянулъ въ ея сторону...

Поровнявшись съ Даниломъ Гавриловичемъ, Петро, не кланяясь ему, сурово спросилъ:

— Помогаешъ копать глыну?...

Данило Гавриловичъ что то смущенно пробормоталъ въ отвѣтъ и инстинктивно схватился за „заступъ"...

Петро глухо захохоталъ и, презрительно взглянувъ на трусливаго Донъ-Жуана, прошелъ дальше...

Послѣ этого онъ нѣсколько дней не приходилъ къ дядынѣ Оксанѣ и, зайдя какъ то вечеркомъ грустный и задумчивый, говорилъ съ Ганной особенно мало и неохотно...

Ганна ничѣмъ не могла объяснить перемѣны, происходящей съ Петромъ—такой для нея мучительной и незаслуженной, и часто собиралась поговорить съ нимъ откровенно, но у ней не хватало смѣлости. Часто, когда Петро бывалъ по прежнему веселъ и разговорчивъ, она мысленно упрекала себя въ излишней подозрительности и „бабьей“ глупости. Но сегодня она положительно убѣдилась, что онъ сердится и не хочетъ подходить къ ней...

Она тревожно слѣдила за нимъ и, ловя каждое его движеніе, жестъ, каждое слово, продолжала жать безъ отдыха, безъ передышки, безъ утомленія...

IX.

Черезъ нѣсколько дней полоса дядыны Оксаны была совершенно сжата.

Старуха дядына, возвратясь съ поля очень утомленной, отдыхала на „лави“, а Ганна варила „вечерю“.

Кто то постучалъ въ дверь.

— А кого Богъ прынисъ?—отозвалась дядына Оксана, приподнявъ голову.

— Та це я!—послышался за дверью голосъ Петра.

Ганна обрадовалась и покраснѣла.

— Одчыны, доню!—сказала старуха, садясь на „лаву“.

Онъ вошелъ въ хату, низко поклонился и серьезно сказалъ.

— Здоровы булы, дядыно и ты Ганно!

Ганна ничего не отвѣтила и, привѣтливо кивнувъ ему головой, повернулась всѣмъ корпусомъ къ печи и стала суетливо подбирать съ „прыпичка“ соломенки и бросать ихъ въ ярко пылающее пламя.

— Сидай, Петро, чого стоишъ!—сказала дядына Оксана.

— Спасыби.

— А колы вже будешъ почынаты жныва?

— Та оце думаю завтра.

— Трошки пиздненько,—замѣтила старуха.

— Ничого, ще управлюсь...

У дядыны Оксаны отъ усталости слипались глаза и она зѣвнула на всю хату, набожно перекрестивъ широко открытый, беззубый ротъ.

Ганна продолжала суетиться возлѣ печи, а Петро молча слѣдилъ за ея движеньями, грустно, тоскливо смотря на ея раскраснѣвшееся, оживленное лицо.

— Що, Ганно, варышъ вечерю?—спросилъ онъ тихо и серьезно.

— Эге... отвѣтила дѣвушка, потупляя глаза, тоже тихо, безъ улыбки.

— Та спасыби ій, доглядае за мною, старою, якъ за ридною матирью!—сонливо отозвалась дядына Оксана.

— Грихъ вамъ и дякувать мени!—съ ласковымъ упрекомъ сказала Ганна, якъ бы не вы, та панна хвелшериця, та ще... Петро, то, не знаю, чы булабъ я доси жывою!...

— Годи, Ганно! На те була Божа воля!.:. раздраженно сказалъ Петро, не смотря на нее.

Ганна вздрогнула и съ удивленіемъ посмотрѣла на Петра...

Онъ сидѣлъ съ низко опущенной головой и съ сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Зновъ сердытся!—подумала Ганна;—але жъ за що, за що?...

Она немного отошла отъ печи, взглянула робко на Петра и тихо, но рѣшительно, проговорила.

— Завтра и я пійду до тебе жаты, Петро, бо тильки своею працею для тебе я и зможу виддячыты тоби за всю твою добристь, за все те добро, що ты для мене зробывъ...

Голосъ у ней дрожалъ, а слезы давили ее; она замолчала и стала передъ нимъ смущенная, съ опущенными глазами и низко наклоненной головой,

— Ганно, послухай!... началъ Петро и замялся.

Ея глаза робко, нерѣшительно взглянули на него изъ за блестящихъ прядей черныхъ волосъ, спутанныхъ на лбу...

— Ганно!... окликнулъ онъ ее снова.

Она молчала и напряженно слушала, не шевелясь, какъ бы боялась малѣйшимъ движеніемъ заглушить этотъ молодой, симпатичный и взволнованный голосъ...

— Ганно...

Послышался снова тихій, сдержанный окликъ и замолкъ, словно растаялъ въ воздухѣ...

— Та що Ганно, та Ганно!—отозвалась полудремавшая дядына Оксана;—говори жъ хутенько, що маешъ казаты!

Петро всталъ съ „лавы", взглянулъ на поблѣднѣвшую, смущенную Ганну и, поклонившись ей въ поясъ, глухо сказалъ.

— Спасыби, Ганно, спасыби!... не треба мени твоеи услугы... обійдусъ!

Онъ говорилъ торопливо, ѣдко, не глядя на нее и избѣгая ея взгляда.

Ганна сдѣлала шагъ впередъ и, широко открывъ глаза, смотрѣла на него пристально и сурово.

— Петро, що зъ тобою?!... Чимъ я провынылась передъ тобою, що ты ставъ такый до мене?...

Она не спускала съ него пытливыхъ глазъ, медленно дышала и съ страшнымъ напряженіемъ ждала его отвѣта.

— Я не хочу твоеи услуги, бо... бо ты мене не любышъ, а любышъ... Данила Гаврыловыча!—задыхаясь, сказалъ онъ и сильно поблѣднѣлъ.

Въ груди ея закипѣла глухая злоба и оскорбленіе, она съ ужасомъ смотрѣла на него, все еще не понимая, что именно онъ сказалъ, но сознавала, что онъ ей сказалъ что то ужасное и невозможное для нея и, въ одно и тоже время, что то невѣроятно смѣшное... Еще мгновеніе—и она все поняла... Безотчетно протянувъ къ нему холодныя руки и придвинувшись близко къ его блѣдному лицу, она сказала тихо, прерывающимся шепотомъ.

— Ось чого ты... сердывся!... Ни, его ни... не бійся!... тебе люблю!

— Мене?... мене?... спрашивалъ онъ, не вѣря своимъ ушамъ, не вѣря своему счастью. Онъ крѣпко сжалъ ея протянутыя руки, привлекъ къ себѣ и цѣловалъ дорогое, взволнованное лицо и поблѣднѣвшія губы.

— Що це за новына?!—вдругъ вскрикнула проснувшаяся дядына Оксана, увидя Петра, цѣлующаго Ганну.

Ганна сконфузилась, сильно покраснѣла и поспѣшно отскочила отъ Петра.

— Добре Петро, добре Ганно!—сердито сказала старуха, вставая съ „лавы".

— Дядыно, маты моя хрещена, не гнивайтесь!—весело и восторженно заговорилъ Петро, подойдя къ дядынѣ Оксанѣ;—я дуже люблю Ганну!... Поможить зробыты сватанне!...

Дядына Оксана молча взглянула на восторженнаго Петра и улыбающуюся, счастливую Ганну, и слезы радости блеснули на ея старческихъ глазахъ...

Черезъ двѣ недѣли, въ одной изъ церквей мѣстечка Червонаго, наполненной любопытными и завистливыми Грушевцами, вѣнчался богачъ Петро съ дочерью нищаго Остапа, порченной Ганной...

Юлія Левицкая-Пащенко.

НА РУБЕЖѢ.[1)]

(Окончаніе)

X.

Около полуночи на полѣ битвы уже не было непріятеля, только тамъ и сямъ въ густой, примятой травѣ лежали одинокіе трупы гайдамаковъ, козаковъ или поляковъ, виднѣлись изломанные и обугленные остовы возовъ, а рядомъ съ ними, въ послѣднихъ судорогахъ издыхали волы и лошади, или раздавался глухой стонъ какого нибудь недобитка. То вдругъ промчится по степной равнинѣ одинокій конь, оставившій сѣдока гдѣ то въ травѣ на вѣчное успокоеніе, или всадникъ изо всѣхъ силъ гналъ коня и черезъ минуту исчезалъ въ безбрежныхъ волнахъ зеленаго моря. Выстрѣлы дѣлались все рѣже и рѣже и наконецъ прекратились совершенно... битва была окончена.

Игнатъ съ Верланомъ также скрылись вскорѣ на опушкѣ лѣса. Они знали, гдѣ искать спасенія. По указанію раненаго полковника, хорошо знакомаго съ мѣстностью, они углубились въ тотъ лѣсъ, который длиннымъ, узкимъ клиномъ врѣзывался въ степь, однимъ угломъ касаясь Клембовки, другими двумя — Боровки и Дзыговки. Свѣтъ началъ брезжиться на небѣ, когда бѣглецы въѣхали въ глухую чащу; утренняя прохлада и свѣжесть лѣса оживили раненаго.

¹) См. „Кіевск. Стар.“ 1888 г. августъ.

— Гдѣ мы?—спросилъ онъ, открывая глаза.

— Близь Дабижинаго хутора; еще немного и мы будемъ въ безопасности...

— А тѣ? что съ ними сталось? что съ Гордіемъ?

— Узнаемъ не сегодня — завтра, успокаивалъ молодой человѣкъ. Ничто еще не потеряно, всѣхъ не перебили...

Верланъ тяжело вздохнулъ и застоналъ — видно, заболѣла рана, а Игнатъ погналъ лошадей дальше безъ дороги, соображая путь по примѣтамъ, имъ однимъ извѣстнымъ. Наконецъ, въѣхали въ глубокій лѣсной яръ. На днѣ его протекалъ ручей, скрытый отъ глазъ густыми вербами и ольхами, а склоны оврага были одѣты особенно яркою и роскошною зеленью. Въ лѣсу пробуждались птицы, послышались голоса дятловъ и козодоевъ, мелкія птички оглашали воздухъ веселымъ утреннимъ щебетаніемъ, а вокругъ царилъ такой миръ, вся природа дышала такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, словно и не бывало никогда кровавой битвы, происходившей невдалекѣ, словно и не доносились сюда ея отголоски. Моста черезъ потокъ не было, нужно было переправиться въ бродъ; Игнатъ поѣхалъ впередъ, но усталый конь остановился на срединѣ и наклонилъ голову къ водѣ. Молодой козакъ опустилъ поводья, лошадь пила съ жадностью и фыркала, а онъ гладилъ ее, трепалъ по шеѣ, приговаривая: пей, пей на здоровье!

Верланъ снова открылъ глаза и осмотрѣлся вокругъ; мѣстность была ему хорошо знакома.

— Вотъ уже хуторъ... произнесъ онъ.

— Сейчасъ будетъ...

Игнатъ подтянулъ поводья и повернулъ коня вправо по взгорью на зеленую поляну; въ концѣ ея подъ горою показалась сперва старая, развѣсистая груша, дальше садъ, запущенный и одичалый, а въ глубинѣ небольшая хатка, крытая соломою. Къ ней и направились козаки; никто не вышелъ къ нимъ на встрѣчу, даже не залаяла собака — хата была необитаема. Нѣкогда въ этомъ хуторѣ прожи-

валъ козацкій родъ Дабижей, но старики давно умерли, а ихъ единственный сынъ оставилъ отцовскій хуторъ и удалился на Запорожье, съ тѣхъ поръ и вѣсти о немъ не было. Хата стояла, наклонившись на бокъ, безъ дверей и оконъ съ темнѣвшими на ихъ мѣстѣ отверстіями и, казалось, предназначена была къ тому, чтобы служить убѣжищемъ для гайдамаковъ. Небольшой дворикъ густо заросъ подорожникомъ, огромными лопухами и крапивою; всѣ эти растенія свидѣтельствовали о запустѣломъ дворищѣ. Лошади сами остановились передъ хатою, раненый кое-какъ слѣзъ съ сѣдла при помощи Игната, съ трудомъ ступилъ нѣсколько шаговъ и улегся около хаты на мягкомъ подорожникѣ, стараясь заглушить боль и стоны.

Игнатъ разнуздалъ коня, снялъ сѣдло и положилъ подъ голову раненому, потрепалъ коня по шеѣ и пустилъ пастись, а самъ вошелъ въ хату, отыскалъ какой-то черепокъ, зачерпнулъ воды изъ ручья и подалъ Верлану. Тотъ съ трудомъ приподнялся, выпилъ воду и снова опустился на сѣдло. Игнатъ еще разъ принесъ воды и принялся, какъ умѣлъ, осматривать рану; пуля засѣла въ груди, пониже сердца. Онъ промылъ рану, оторвалъ кусокъ рубахи и сдѣлалъ перевязку; больной все время сидѣлъ, стиснувъ зубы и не проронилъ ни слова.

Между тѣмъ взошло солнце и первые лучи его упали прямо въ лицо раненаго; блѣдное лицо его прояснилось, словно вмѣстѣ съ солнечными лучами возвращалась угасающая жизнь.

— Нужно навѣдаться къ нашимъ—сказалъ Верланъ.

— Добре, батьку! только вотъ подмету хату, да принесу тебѣ свѣжей травы для постели.

— Добрый зъ тебе хлопець...

Игнатъ будто не слышалъ этихъ словъ.

— Кто нибудь и къ намъ навѣдается сюда... если не Матвій, такъ Гордій.

— Если живы... замѣтилъ Верланъ.

Тѣмъ временемъ Игнатъ убралъ и привелъ въ порядокъ хату, принесъ нѣсколько охапокъ травы, приготовилъ постель для больнаго и обратился къ нему:

— Теперь, батьку, я съѣзжу на хутора, можетъ быть, достану чего нибудь и бабу приведу.

„Бабы" обыкновенно занимались леченіемъ больныхъ. Верланъ остался на солнцѣ возлѣ хаты, а Игнатъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ лѣсомъ; черезъ два—три часа онъ уже возвращался обратно; теперь онъ шелъ пѣшкомъ, держа за поводъ навьюченную мѣшками и одеждою лошадь, и бесѣдовалъ съ шедшею рядомъ бабою—лѣкаркою. Онъ тотчасъ разобралъ все привезенное и принялся готовить обѣдъ, а баба, тоже не теряя времени, сняла перевязку и начала заговаривать кровь. Повидимому, состояніе раны ей не понравилось: она какъ то сомнительно кивала головою и причмокивала губами, глядя на кровь, все медленнѣе и медленнѣе сочившуюся изъ раны.

На слѣдующій день, около полудня пришелъ Матвій, пришелъ одинъ, не было при немъ ни *михоноши*, ни вѣрной спутницы, бандуры. Старикъ казался совершенно подавленъ какимъ то сильнымъ внутреннимъ страданіемъ, измученъ, словно послѣ тяжкой болѣзни. Видно, выходилъ онъ не мало по лѣсамъ и ярамъ, потому что его сѣрая *свыта* представляла сплошную массу лохмотьевъ; на спинѣ и локтяхъ болтались, чуть держась, оторванныя заплаты, одна пола значительно короче другой—видно пошла на *онучы*; на шеѣ чуть виденъ былъ воротъ черной, какъ земля, рубахи съ раскрытою пазухою на темно-красной, загорѣлой груди. Постолы, совершенно протоптанные на пяткахъ, едва держались на ногахъ при помощи старыхъ потертыхъ бичевокъ со множествомъ узелковъ, мѣстами прикасавшихся къ открытой кожѣ; вообще, вся его одежда пестрѣла дырами и заплатами.

Въ такомъ видѣ показалась его сгорбленная фигура между одичалыми грушами и яблонями. Старикъ направился къ хатѣ; напряженнымъ взглядомъ осматривался

онъ вокругъ, но никого не замѣчалъ; на лицѣ выражалась тревога, изумленіе—онъ искалъ кого то и не находилъ; всматривался, прислушивался къ лѣснымъ голосамъ, замѣтилъ, наконецъ, лежащаго на травѣ Верлана, поспѣшно подошелъ къ нему и остановился, какъ вкопанный: такъ трудно было въ этомъ блѣдномъ умирающемъ узнать еще недавно полнаго силъ и энергіи народнаго вождя. Верланъ лежалъ блѣдный и неподвижный, какъ трупъ; солнечный свѣтъ, падавшій прямо на лицо, казалось, еще усиливалъ эту мертвенную блѣдность: высокій лобъ, изрѣзанный морщинами—слѣдами тяжкихъ заботъ и думъ, носилъ отпечатокъ послѣдней горькой неудачи, выраженіе безъисходной тоски такъ и застыло на немъ. Матвій смотрѣлъ молча, неподвижно. На порогѣ показался Игнатъ и также безмолвно сдѣлалъ рукою знакъ, выражавшій: тише, не разбуди, онъ спитъ. Но въ эту минуту больной раскрылъ глаза, увидѣлъ Матвія и былъ пораженъ его измученнымъ, тревожнымъ видомъ.

— Ну что? спросилъ онъ, предчувствуя новое несчастье.

— Проиграли на этотъ разъ, брате—отвѣчалъ старикъ. А знаешь, кто стрѣлялъ изъ-за Котлубаевой могилы? Русскіе.

Верланъ кивнулъ головою.

— Такъ я и догадывался... мы просто попали въ западню, хотѣли служить своему дѣлу, а сослужили службу другимъ!—Они хитрѣе насъ, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Теперь объяснился весь секретъ неожиданной измѣны Чалаго и еще менѣе понятнаго нападенія на гайдамацкій лагерь со стороны полковника Полянскаго. Матвій сообщилъ, что Чалаго купили милостями и подарками, а Полянскій былъ посланъ вмѣстѣ съ нимъ совсѣмъ неожиданно. Уже по выступленіи Верлана изъ Шаргорода онъ вдругъ получилъ извѣстіе, что Лещинскій отрекся отъ престола, который долженъ былъ перейти къ слабому, изнѣженному Августу Саксонскому. Вслѣдствіе просьбы новаго короля о содѣйствіи русскихъ властей въ дѣлѣ

подавленія народнаго возстанія Полянскій получилъ приказъ ударить на гайдамаковъ. Соединившись съ польскимъ отрядомъ, онъ только выполнялъ распоряженіе.

Игнатъ, молча, нахмурившись, выслушалъ разсказъ старика объ измѣнѣ Чалаго и поведеніи Полянскаго.

— Чѣмъ же заплатили Саввѣ за измѣну?—спросилъ онъ Матвія.

— Землею и шляхетствомъ.

Наступило глухое молчаніе.

— Не дождетъ онъ пользоваться ни землею, ни шляхетствомъ, грозно заговорилъ молодой козакъ,—не станетъ больше измѣнять своимъ!

— Нужно выждать время!—успокаивалъ его Матвій.

— Будемъ ждать,—возразилъ тотъ,—а тому висѣльнику, Саввѣ, таки сниму предательскую голову!

Подъ вечеръ Игнатъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ на Джуринскіе хутора собирать свѣдѣнія о Гордіѣ и разбитыхъ гайдамакахъ, а Матвій остался при больномъ. Мѣсяцъ уже высоко поднялся на небѣ, когда Игнатъ выѣхалъ изъ лѣсу. Тихо и спокойно было въ степи, а блѣдные лучи мѣсяца отражались серебристымъ свѣтомъ на степной травѣ, мелькавшемъ при малѣйшемъ колебаніи каждаго стебелька. Лошадь медленно переступала въ высокой травѣ, время отъ времени наклоняла голову и щипала высокія головки цвѣтовъ, а козакъ пристально оглядывалъ равнину, на которой еще такъ недавно кипѣла битва. Съ каждымъ шагомъ впередъ нѣмая степь, казалось, все больше и больше оживлялась дикою жизнью своихъ обитателей. Все чаще и чаще попадались въ травѣ людскіе и конскіе трупы, а вдали, за Котлубаевою могилою, раздавался вой волковъ, лай лисицъ, сливавшіеся въ одинъ страшный звукъ, который, не встрѣчая преграды, далеко разносился по равнинѣ, безъ конца повторяемый степнымъ эхомъ; чѣмъ ближе къ могилѣ, тѣмъ сильнѣе вытоптана была трава, тѣмъ чаще попадались трупы—видно, въ этомъ мѣстѣ происходила самая отчаян-

ная битва. На каждомъ шагу можно было замѣтить рядомъ съ недоѣденнымъ трупомъ лежащаго на травѣ волка, который, объѣвшись до отвалу свѣжаго человѣческаго мяса, не могъ уже двинуться съ мѣста и только медленно провожалъ сверкающими глазами коня и всадника, или вдругъ лисица выскочитъ изъ-подъ ногъ съ кускомъ человѣческой руки или ноги въ зубахъ и промчится по степи. Дальше цѣлая стая воронъ и коршуновъ, расположившаяся на ночлегъ на оглоданномъ наканунѣ трупѣ и теперь спугнутая топотомъ копытъ, съ крикомъ поднималась и кружилась въ воздухѣ.

Игнатъ ѣхалъ шагомъ, какъ вдругъ лошадь начала спотыкаться и онъ замѣтилъ нѣсколько десятковъ труповъ, лежавшихъ почти бокъ о бокъ, а вокругъ нихъ были разоросаны изломанныя ружья, сабли и копья—все это свидѣтельствовало объ отчаянной борьбѣ погибшихъ. Онъ началъ присматриваться, ища знакомыхъ лицъ, и передъ однимъ придержалъ коня; трупъ лежалъ лицемъ къ землѣ, но одежда и вся фигура показались ему знакомы. Онъ всталъ съ коня и обернулъ мертвеца—это былъ Гордій Грыва. Голова была раскроена сабельнымъ ударомъ, вѣроятно сваливпимъ его съ коня, и все лицо залито кровью; впрочемъ, рана на головѣ не была единственною; нѣсколько дыръ въ одеждѣ наглядно свидѣтельствовали о другихъ ранахъ отъ копья или палаша. По всему видно было, что онъ дорого продалъ свою жизнь: въ пороховницѣ не оставалось ни одного заряда, въ пистолетахъ тоже, копье было переломлено. Игнатъ долго стоялъ надъ трупомъ и о чемъ то думалъ.

— Погоди, предатель! заплотишь ты мнѣ за все это! сказалъ онъ наконецъ, вскочилъ на сѣдло и направился къ Джуринскимъ хуторамъ.

Послѣ полуночи на томъ же самомъ мѣстѣ показалась небольшая кучка всадниковъ—это Игнатъ возвращался съ четырьмя козаками; приблизившись къ мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ Гордія, онъ остановилъ товарищей.

— Здѣсь!—сказалъ онъ кратко.

Козаки слѣзли съ коней, разостлали на землѣ коверъ и положили на него покойника; Игнатъ поднялъ пистолеты, обломокъ копья и прочее оружіе покойнаго.

— Отдамъ все это въ Мошнахъ вмѣстѣ съ головою того перебѣжчика!

Козаки снова сѣли на лошадей, взяли въ руки по концу ковра, такъ что тѣло Гордія лежало какъ будто на носилкахъ, и медленно двинулись къ Дабижиному хутору. Къ утру отрядъ былъ уже на мѣстѣ. Козаки со своею ношею остались на дворѣ, Игнатъ одинъ вошелъ въ хату. Въ углу, чуть вспыхивая, трещалъ *каганецъ*, дымилъ и едва освѣщалъ внутренность хаты слабымъ красноватымъ свѣтомъ. Верланъ не спалъ, рана мучила его, возлѣ него сидѣлъ Матвій. Когда на дворѣ послышались голоса и конскій топотъ, больной обратился къ нему.

— А выгляни-ка, друже, что тамъ такое?

— Должно быть наши...

Старикъ подошедъ къ окну и съ трудомъ могъ разглядѣться въ сѣроватой мглѣ разсвѣта.

— То Игнатъ, сказалъ онъ словно про себя и воротился на прежнее мѣсто. Чрезъ минуту вошелъ Игнатъ.

— Нашелъ Гордія...—началъ онъ.

Оба вопросительно смотрѣли на него.

— Привезли мы его тѣло изрубленное—продолжалъ онъ медленно.

Раненый приподнялся съ чрезвычайнымъ усиліемъ, не спуская пристальнаго взгляда съ говорившаго, и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Не дался таки! потомъ перекрестился и дрожащимъ голосомъ началъ читать молитвы; за нимъ перекрестился и Матвій.

— Царство небесное, вѣчный покой! Нехай ему земля перомъ! Хорошо сдѣлали, хлопцы, что привезли его; схоронимъ его здѣсь, чтобы волки не разносили костей его по полю!

Игнатъ разсказывалъ о дальнѣйшей судьбѣ разбитыхъ товарищей, о ихъ намѣреніи сплотиться снова и идти на помощь запорожцамъ.

— Пусть поудержатся немного, пусть переждутъ бурю, замѣтилъ Верланъ; не вѣкъ же будетъ Богъ карать насъ предателями!

— Не вѣкъ, разумѣется, рѣшительно подтвердилъ Игнатъ. Я подобралъ себѣ товарищей; поѣдемъ въ Немировъ—или воротимся съ головою того *недовирка*, или сами оставимъ тамъ свои головы.

На слѣдующій день схоронили Гордія Грыву, а вечеромъ Игнатъ съ товарищами пустились въ путь, добывать голову Саввы Чалаго; ѣхали цѣлую ночь, день переждали въ степныхъ *чагарныкахъ,* выпасали лошадей, а на слѣдующую ночь незамѣтно приблизились къ Немирову.

Послѣ пораженія гайдамаковъ подъ Котлубаевой могилой, убѣдившись, что непріятеля нѣтъ и неизвѣстно, гдѣ его искать, такъ какъ гайдамаки, по своему обычаю разбѣжались по лѣсамъ и ярамъ, чтобы вынырнуть гдѣ нибудь далеко, гдѣ ихъ всего меньше можно было ожидать, побѣдители съ тріумфомъ возвратились въ Немировъ. Менѣе всѣхъ остался доволенъ побѣдою Цалинскій, принужденный дѣлить лавры съ ненавистнымъ ему козакомъ, который все больше и больше входилъ въ милость региментаря. Съ другой стороны и Чалый со времени этой побѣды становился еще угрюмѣе и неприступнѣе и началъ менѣе любезно относиться къ пану поручику, словно подозрѣвалъ или предчувствовалъ въ немъ тайнаго врага.

Возвратился онъ домой также очень недовольный, но у него были другіе поводы къ недовольству. Злой духъ, тревожившій его, снова овладѣлъ имъ, иначе говоря, его собственная неустойчивая натура вмѣстѣ съ преступною совѣстью мучила его, не давая покоя. Онъ достигъ уже почти всего, чего могъ желать: онъ былъ землевладѣльцемъ, пользовался отличіями у начальства и расположеніемъ польскаго общества, вскорѣ долженъ былъ получить

еще высшее отличіе—шляхетское званіе; казалось бы, все это должно было доставить ему извѣстное удовлетвореніе, но нѣтъ. Онъ волновался, какъ ребенокъ, стремясь къ достиженію желанной цѣли, а разъ достигнувъ ея, чувствовалъ, что ему чего-то еще не достаетъ. Дѣйствительно не доставало ему одного—спокойной совѣсти. Едва одержавши побѣду надъ своими, онъ уже почувствовалъ угрызенія совѣсти, не дававшія ему покоя, отравлявшія все торжество побѣдителя. Дома также, какъ ни старался забыться, заглушить свою тоску, скрыть ее въ самой глубинѣ души, какъ ни старался оправдать себя въ собственныхъ глазахъ,—все было напрасно, и онъ прибѣгнулъ къ старому средству, къ вину. Но теперь, какъ и прежде, не находилъ въ немъ ни покоя, ни утѣшенія. Ночью онъ вдругъ вскакивалъ съ постели, съ дикимъ крикомъ, съ горящими, какъ угли, глазами схватывалъ въ одну руку саблю, въ другую пистолетъ, стрѣлялъ, размахивалъ саблею, какъ бы отъ кого то отбиваясь, кого то проклиналъ внѣ себя отъ бѣшенства—все это въ какомъ то горячечномъ бреду, безъ всякой видимой причины, потому что въ домѣ все спало, а вокругъ царила глубокая тишина.

Тогда Елена, испуганная, въ слезахъ бѣжала къ нему, просила, умоляла успокоиться; наконецъ, онъ приходилъ въ себя, измученный, съ какою то нервною дрожью и, убѣдившись, что никого нѣтъ, возвращался въ свою комнату

Другой разъ Чалый, измученный безсонницею, стремительно шелъ въ дѣтскую и, стоя надъ колыбелькою, сверкающими глазами всматривался въ спящаго ребенка, что-то думалъ, соображалъ, искалъ сходства; видно, какія то подозрѣнія закрадывались къ нему въ душу и онъ боролся съ ними.

— Слушай!—говорилъ онъ, обращаясь къ малюткѣ, если это правда, задушу своими руками и тебя, и ее... Руки его судорожно сжимались, въ такую минуту онъ дѣйствительно способенъ былъ выполнить угрозу. Мало по малу безмятежный видъ спящаго малютки охлаждалъ эти бѣ-

шенные порывы; это спокойствіе и невинность обезоруживали несчастнаго человѣка, но по мѣрѣ того, какъ онъ успокаивался, вся его ненависть обращалась противъ него самого, и самая тяжелая, безъисходная тоска овладѣвала всѣмъ его существомъ.

— Все у меня есть, думалъ онъ, я бы могъ быть счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, а между тѣмъ я самый несчастный, самый отверженный, я—словно бѣшеная собака, которая, гонимая своимъ недугомъ, не знаетъ покоя и бросается на всѣхъ встрѣчныхъ. Гдѣ же конецъ жизни? Если не люди, такъ болѣзнь покончитъ ее... Но вотъ ребенокъ улыбнулся во снѣ. Эта улыбка, способная разсѣять хоть на время самую сильную тревогу, въ душѣ Чалаго вызывала только тоску и горечь.

— Смотри только, не иди по моимъ слѣдамъ, когда выростешь, тихо шепталъ онъ, боясь разбудить ребенка.

Воспоминаніе о послѣдней измѣнѣ преслѣдовало его, ни минуты не давая покоя. Ему хотѣлось бы окончательно заглушить, вырвать изъ своей души чувство привязанности къ родному краю съ его надеждами, мечтами, борьбою за ихъ осуществленіе. Съ этими чувствами онъ выросъ и сжился, боролся съ врагами своего народа, но безграничное, ничѣмъ не сдерживаемое честолюбіе мало по малу подавило эти чувства, смѣнило ихъ иными стремленіями, заглушавшими все то, чѣмъ жила нѣкогда его душа. Безпокойная натура его ни на чемъ не могла остановиться; его тянуло назадъ, къ своимъ, а неудовлетворенное первыми удачами тщеславіе пыталось заслонить всѣ впечатлѣнія молодости и съ своей стороны открывало новые горизонты, указывало иные идеалы, все болѣе близкіе и болѣе достижимые... Увлекаемый этими идеалами, онъ невольно шелъ впередъ, и чѣмъ труднѣе становился возвратъ къ прежней жизни, тѣмъ чаще и настойчивѣе возвращались къ ней его мысли, тѣмъ заманчивѣе казалась ему свободная жизнь Запорожья; жить въ привольныхъ степяхъ между табунами дикихъ лошадей было несравненно привлекательнѣе той

жизни, какую онъ принужденъ былъ вести въ польской службѣ. Не разъ проклиналъ онъ самъ себя и клялся бросить все: жену, сына, имѣніе, службу, бросить всѣ мечты о шляхетствѣ и бѣжать куда нибудь за Донъ въ пріазовскія степи, гдѣ его никто не зналъ и гдѣ онъ могъ пользоваться безграничною свободою.

Теперь жена казалась ему тою цѣпью, которая всего сильнѣе привязывала его къ полякамъ и по общественному положенію, и по родственнымъ связямъ, и онъ возненавидѣлъ ее отъ всей души, какъ ненавидятъ человѣка, испортившаго всю нашу жизнь. Елена сразу замѣтила эту быструю перемѣну въ настроеніи мужа и дрожала при одной мысли, что онъ могъ узнать объ ея отношеніяхъ къ Цалинскому. Далеко отъ родныхъ, отъ друзей она жила совершенно одиноко и только въ кормилицѣ своего сына имѣла преданнаго себѣ человѣка. Обѣ женщины видѣли тревожные, дикіе порывы своего повелителя, но сколько ни старались, не могли объяснить себѣ ихъ причины, а между тѣмъ съ каждымъ днемъ замѣчали все яснѣе и яснѣе, что происходитъ что то непонятное, наводящее ужасъ своею таинственностью. Кормилица уроженка Рубаня, близко стоявшая къ сельскому населенію, скорѣе успѣла оріентироваться.

— Ой, пани! начала она однажды, что то дурное дѣлается...

— Что такое? спросила Елена, блѣднѣя.

— Не знаю! Что то не ладно, и только... Наши козаки по цѣлымъ ночамъ пьютъ съ гайдамаками, а въ эту ночь пять гайдамаковъ ночевали во дворѣ.

— Ахъ, Боже! нужно пану сказать, воскликнула Елена.

Кормилица не отвѣчала и обѣ женщины задумались о томъ, какъ быть—говорить, или не говорить Саввѣ? Они боялись нападенія, грабежа, убійства—всего самаго худшаго, и едва ли не больше боялись его гнѣва. Недавняя измѣна и предательское пораженіе гайдамаковъ у всѣхъ еще были въ памяти, народъ громко упрекалъ Чалаго, и даже въ самомъ Рубанѣ, на глазахъ полковника, населе-

ніе открыто выражало свои симпатіи гайдамакамъ. Было, слѣдовательно полное основаніе опасаться народной мести.

Предчувствуя возможность внезапнаго нападенія на домъ, Елена немедленно обо всемъ дала знать Цалинскому. У того были свои разсчеты, его мало тревожило то, выйдетъ ли Савва живымъ изъ рукъ гайдамаковъ; въ глубинѣ души онъ даже надѣялся избавиться при этомъ случаѣ отъ ненавистнаго соперника по службѣ и въ личной жизни, но безопасностью Елены онъ дорожилъ и совѣтовалъ ей немедленно переѣзжать въ Немировъ. Она и сама подумывала уже о томъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, т. е. съ самаго возвращенія мужа изъ экспедиціи противъ гайдамакъ, такъ какъ съ этого времени его обычная угрюмость и мрачность быстро возрастали, но со дня на день откладывала выѣздъ, боясь заговорить объ этомъ съ мужемъ.

Съ той минуты, какъ слова кормилицы заронили въ ея умъ подозрѣніе о возможности гайдамацкаго нападенія, Елена не знала покоя, не могла заснуть, и въ ночной темнотѣ передъ глазами ея постоянно сверкали ножи, слышались страшные голоса... Савва смотрѣлъ на нее все болѣе мрачнымъ и грознымъ взглядомъ, по всему видно было, что онъ съ трудомъ сдерживаетъ какой то взрывъ бѣшенства. Вся домашняя атмосфера напоминала затишье въ природѣ передъ грозою.

Наконецъ, страхъ за себя и за ребенка взялъ верхъ; послѣ долгихъ колебаній и размышленій бѣдная женщина рѣшилась просить у мужа позволенія съѣздить къ роднымъ въ Немировъ: придумала даже предлогъ—извѣстіе о болѣзни матери. Савва молча выслушалъ до конца.

— Не поѣдешь! сказалъ онъ рѣшительно.

Елена залилась слезами.

— Что жъ я невольница твоя, что ли? Развѣ ты меня изъ татарской неволи выкупилъ, что держишь какъ на привязи! Я должна ѣхать...

Савва смѣрилъ ее гнѣвнымъ, презрительнымъ взглядомъ.

— Должна? Ждетъ тамъ тебя кто нибудь?

— Мать...

— А можетъ быть пріятель?... Знаемъ мы это! Не поѣдешь! закричалъ онъ громко, а если только выйдешь за ворота, сейчасъ прикажу козакамъ повѣсить тебя на грушѣ посреди двора. Слышишь? Довольно уже мнѣ твоихъ прогулокъ и тебя самой! Погнался я за тобою, какъ за свѣтомъ, пока не началъ самъ себя презирать. Ты привела меня къ той пропасти, которую мой отецъ и дѣдъ обходили издалека.

Елена съ плачемъ выслушала эти упреки. Ничего не оставалось больше, какъ воротиться къ ребенку на свою половину. Тамъ, вдвоемъ съ кормилицею начали снова совѣщаться о томъ, какъ бы дать знать родителямъ и Цалинскому обо всемъ происходившемъ, а извѣстить ихъ было необходимо, чтобы предупредить висѣвшую надъ домомъ опасность. Жить дальше въ одномъ домѣ съ этимъ необузданнымъ козакомъ становилось невозможно тѣмъ болѣе, что имъ не разъ уже овладѣвали припадки какого то бѣшенства.

Къ вечеру Елена рѣшилась наконецъ послать надежнаго человѣка, который долженъ былъ на словахъ передать все, что дѣлалось въ домѣ. Посланный могъ воротиться только поздно ночью, но не воротился, потому что еще съ вечера небо заволокли тяжелыя, черныя тучи, ежеминутно грозившія разразиться страшнымъ ливнемъ; очевидно заночевалъ гдѣ нибудь въ дорогѣ. Между тѣмъ какъ встревоженныя женщины съ безпокойствомъ ждали и не могли дождаться посланнаго, Саввѣ тоже не спалось; въ глубокомъ раздумьи ходилъ онъ изъ угла въ уголъ, покуривая коротенькую трубку.

Потомъ подошелъ къ окну и началъ вглядываться въ безпросвѣтную тьму; вдругъ ему показалось, что изъ-за огромныхъ, старыхъ черешень, окружавшихъ домъ, послышалось конское ржаніе. Онъ началъ прислушиваться, напрягая слухъ и зрѣніе, стараясь что нибудь разсмотрѣть

въ темнотѣ; вѣтеръ колыхалъ верхушки деревьевъ, а шелестъ листьевъ заглушалъ какіе то далекіе, неясные отголоски. Чуткое ухо Саввы отличило какія то другіе звуки, смѣшанные съ шумомъ вѣтвей и листьевъ. Онъ отвернулся отъ окна, медленнымъ шагомъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ висѣвшіе на ней пистолеты, вынулъ шомполъ, опустилъ въ дуло, смѣрилъ, убѣдился, что они заряжены, поправилъ кремни и подсыпалъ свѣжаго пороху. Затѣмъ снялъ саблю, вытащилъ до половины, попробовалъ лезвея и снова вложилъ ее въ ножны; осмотрѣвши оружіе, онъ засунулъ за поясъ пистолеты и съ саблею въ рукѣ медленно подошелъ къ горѣвшему въ углу комнаты ночнику, задулъ его и, остановившись посреди хаты лицомъ къ окну, опершись на саблю, стоялъ въ грозномъ раздумьи и молча прислушивался.

Долго стоялъ онъ въ потьмахъ и чѣмъ дольше слушалъ, тѣмъ яснѣе различалъ сдержанный шопотъ человѣческихъ голосовъ; становилось ясно, что за деревьями скрывались люди, переговаривались, можетъ быть привязывали лошадей. Одну минуту онъ было подумалъ, что это обычная козацкая стража нашептываетъ прощальныя любезности рубанскимъ дивчатамъ и молодыцямъ, спѣшившимъ домой послѣ работъ,—но тревожная совѣсть подсказывала иное...

Онъ обождалъ еще немного, потомъ приблизился къ стѣнѣ, снялъ мѣдный рогъ и потихоньку вышелъ изъ дому, чтобы созвать стражу и справиться, что это за голоса. Непроглядная тьма охватила его на дворѣ, сколько ни напрягалъ онъ зрѣніе, пытаясь различить что нибудь,—все безуспѣшно, а вокругъ царила такая мертвая, наводящая ужасъ тишина. Савва поднесъ рогъ ко рту и затрубилъ призывный сигналъ. Обыкновенно десять голосовъ отвѣчало на знакомый призывъ полковника, теперь словно все вымерло во дворѣ, только эхо повторилось между деревьями и постройками и замерло далеко на левадѣ.

Савва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ къ группѣ черешень и уже приложилъ было снова трубу къ губамъ,

какъ вдругъ изъ-за деревьевъ раздался выстрѣлъ. Едва ступилъ онъ шагъ назадъ, какъ посыпалось еще нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ. Онъ понялъ, что означали эти выстрѣлы и почему стража не отвѣчала на его сигналъ. Впрочемъ, ни одна пуля не попала въ цѣль, но едва онъ тронулся съ мѣста, какъ нѣсколько человѣкъ бросились сзади, а одинъ слегка задѣлъ его саблею по лбу. Кровь потекла по лицу, онъ быстро поднялъ лѣвую руку и началъ утирать глаза, отбиваясь правою и отступая назадъ, а удары нападающихъ все чаще и чаще достигали его. Онъ чувствовалъ, что начинаетъ ослабѣвать и скоро не въ силахъ будетъ сопротивляться, а группа нападавшихъ наступала все настойчивѣе.

Вдругъ, на всѣхъ четырехъ углахъ дома вспыхнулъ огонь и обширный дворъ сразу освѣтился красноватымъ пламенемъ отъ горящей соломенной крыши. При свѣтѣ зарева дворъ оказался переполненъ людьми: одни бѣгали изъ конца въ конецъ съ горящими *вихами* и подкладывали ихъ подъ крыши конюшень, сараевъ и жилыхъ построекъ, другіе держали подъ уздцы осѣдланныхъ лошадей, наконецъ остальные нападали на отчаянно защищавшагося полковника, который, пользуясь темнотою, успѣлъ прислониться къ толстому стволу черешни, представлявшей для него родъ прикрытія. Во главѣ нападавшихъ былъ Игнатъ.

— А! зрадлыва гадюко!—кричалъ онъ, теперь не выскользнешь! Выкручивался ты отъ запорожцевъ и отъ москалей, а отъ меня не уйдешь! Не будешь больше продавать своихъ!

Савва былъ силенъ и хорошо владѣлъ саблею. Ежеминутно бросался онъ впередъ противъ нападавшихъ, но каждый разъ чья нибудь сабля доставала его и онъ отступалъ къ своему дереву. Игнатъ, отлучившійся на минуту, пробѣжалъ по двору съ копьемъ въ рукахъ, подскочилъ съ боку къ Чалому и ударилъ его подъ сердце съ такою силою, что остріе прошло насквозь и вышло черезъ пра-

вый бокъ. Савва упалъ, а древко копья переломилось подъ тяжестью его тѣла.

— Собакѣ—собачья смерть! крикнулъ Игнатъ, и не ожидая, пока Савва, смертельно раненый, окончитъ жизнь, вынулъ саблю и со всего размаху ударилъ его по шеѣ. Кровь хлынула ручьемъ на окружавшихъ его гайдамаковъ, руки конвульсивно подергивались, скорченные пальцы быстро царапали землю, а голова, на половину отрубленная, хрипѣла предсмертнымъ хрипѣніемъ. Все это продолжалось не больше нѣсколькихъ секундъ, Игнатъ размахнулся еще разъ,—схватилъ за волосы окровавленную голову, страшно мигавшую глазами при заревѣ пожара и, не безъ труда протискавшись къ лошади, поднялъ высоко надъ головою свой страшный трофей и крикнулъ во весь голосъ:

— Такъ кончаютъ предатели!

При звукахъ тревоги и выстрѣловъ Елена пробудилась въ испугѣ; ея комната была освѣщена яркимъ заревомъ пожара, а со двора доносились яростные крики гайдамаковъ. Она сразу поняла, въ чемъ дѣло, схватила сына и бросилась къ выходу, но въ открытую дверь повалили клубы бураго дыма съ огненными змѣйками; она бросилась къ окну, отперла раму, выскочила въ садъ и упала на траву, но холодъ, ночи страхъ и сознаніе неминуемой опасности—все это придало ей силы, она вскочила на ноги и стремглавъ пустилась къ левадѣ. На встрѣчу ей мчался Игнатъ, высоко поднявъ голову Саввы съ крикомъ:

— Смерть! смерть измѣнникамъ!

Елена невольно подняла глаза на окровавленную голову мужа, ей показалось, что голова эта все еще грозитъ, проклинаетъ.., и она безсильно упала подъ лошадь. Игнатъ, ничего не замѣчавшій въ своемъ увлеченіи, перешагнулъ черезъ безчувственную женщину и пришпорилъ коня. Вслѣдъ за нимъ неслись четверо товарищей.

— Ѣдемъ!—крикнулъ онъ имъ; пускай другіе хозяйничаютъ на пожарищѣ; у насъ самая богатая часть добычи!

Пришпорили лошадей, вихремъ промчались по узкимъ улицамъ Рубаня и исчезли въ степи. Погони за ними не было, стража, споенная гайдамаками, спала мертвецкимъ сномъ. Далеко уже на степи Игнатъ оглянулся назадъ; высоко на небѣ подымалось зарево пожара.

— Горитъ еще, замѣтилъ онъ.

— До утра кончится, отвѣчали ему.

По уходѣ гайдамаковъ, кормилица отыскала въ травѣ безчувственную госпожу и проводила ее въ ближайшую хату. Нужно было переждать до утра, чтобы дать знать въ Немировъ обо всемъ случившемся. Самое происшествіе отчасти было уже выяснено заревомъ, посланный могъ прибавить только нѣкоторыя подробности; онъ прежде всего явился съ извѣстіемъ къ Цалинскому, но кромѣ общихъ свѣдѣній о томъ, что гайдамаки сожгли домъ и убили полковника, не зналъ ничего опредѣленнаго. Цалинскій нахмурился, выслушавъ отчетъ, и замѣтилъ про себя:

— Слава Богу! съ козакомъ всѣ счеты кончены.

Однако приказалъ осѣдлать лошадь, поѣхалъ въ Рубань въ сопровожденіи нѣсколькихъ жолнеровъ. Въ селѣ не было ни души, всѣ жители разбѣжались, или попрятались гдѣ нибудь подальше, пока все не успокоится, боясь подвергнуться отвѣтственности; не къ кому было обратиться за свѣдѣніями, село словно вымерло. Всадники проѣхали опустѣвшую улицу, въ концѣ которой показалась усадьба Чалаго. Это было дымящееся пепелище, съ кучею безобразныхъ обломковъ балокъ, обугленныхъ печей и трубъ, а весь дворъ былъ заваленъ обгорѣлыми снопами. Надъ развалинами царила мертвая тишина оконченнаго пожара, вокругъ не было ни души.

Цалинскій медленно въѣхалъ во дворъ и осмотрѣлся по сторонамъ. Сердце его невольно сжалось, ему сдѣлалось жутко при видѣ такого опустошенія; вѣдь здѣсь, въ этомъ домѣ жила любимая имъ женщина и его сынъ. Тревожнымъ взглядомъ озирался онъ вокругъ; вдругъ лошадь споткнулась, Цалинскій посмотрѣлъ внизъ и уви-

дѣлъ обезглавленный трупъ—онъ узналъ Чалаго. Долго смотрѣлъ онъ на безжизненное тѣло соперника не безъ внутренняго удовлетворенія.

— Слишкомъ часто измѣнничалъ, подумалъ онъ, поворотилъ коня и поѣхалъ дальше, ища кого нибудь, чтобы распросить о судьбѣ Елены. Уже на улицѣ замѣтилъ онъ мальчика, который при его приближеніи пытался спрятаться въ *бурьяны* подъ плетнемъ.

— Эй! ты! вылѣзай-ка сюда, позвалъ Цалинскій. Мальчикъ еще глубже зарылся въ бурьянъ.

— Вылѣзай, не то вытащимъ тебя оттуда!

Дитя со страхомъ высунуло голову.

— А гдѣ тѣ, что ушли съ пожара?

Мальчикъ, ковыряя въ носу, указалъ на небольшую хатку, пріютившуюся между деревьями.

— Вонъ гдѣ...

Въ эту минуту дверь хаты отворилась и на порогѣ сперва показалась кормилица, за нею Елена съ малюткою на рукахъ, блѣдная, разстроенная. Узнавши Цалинскаго, она ступила нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу.

— Ахъ, Боже, какъ я несчастна! простонала она и громко заплакала. Цалинскій старался успокоить ее и побороть собственное волненіе, чтобы не уронить честь мундира.

— Конецъ уже.... говорилъ онъ нѣсколько утѣшенной женщинѣ; та поняла значеніе этихъ словъ и улыбнулась.

— Я уже думала, что умру здѣсь... что цѣлый адъ, со всѣми чертями, обрушился на нашъ домъ... Пусть отецъ сейчасъ же пришлетъ за мною лошадей, не хочу ни минуты оставаться здѣсь... И при воспоминаніи о пережитой ночи, страхъ охватилъ ее съ прежнею силою и она снова заплакала.

— Успокойся же, вацпани, не слѣдуетъ предаваться отчаянію... всѣ несчастья теперь кончились, а мертвецы не возвращаются съ того свѣта...

Цалинскій остался еще немного утѣшать Елену, а тѣмъ временемъ пріѣхали ея родители и взяли къ себѣ дочку съ внукомъ.

Игнатъ съ товарищами мчался впередъ, ни мало не заботясь о томъ, что дѣлалось въ Рубани; онъ достигъ своего: отомстилъ за всѣхъ и увозилъ голову предателя, въ видѣ трофея привязанную къ сѣдлу, которую спѣшилъ показать Верлану; ѣхали цѣлую ночь, днемъ отдыхали въ безопасномъ мѣстѣ, а на слѣдующую ночь Игнатъ былъ на Дабижиномъ хуторѣ. Было уже такъ поздно, что онъ не рѣшился идти въ хату, боясь разбудить больнаго, и легъ спать на дворѣ, подложивъ подъ голову сѣдло, а торока съ привязанною къ нимъ головою бросилъ на завалинку. Проснувшись по утру, онъ всталъ и вошелъ въ хату. Верланъ сильно измѣнился: похудѣлъ, осунулся, состояніе раны было самое безнадежное—начиналось воспаленіе, грозившее быстрою смертью, не было никакого спасенія, нужно было примириться съ мыслью о смерти, которая могла наступить съ каждымъ днемъ.

Какъ только солнце нѣсколько согрѣвало воздухъ и осушало росу, больнаго выводили изъ хаты и клали противъ солнца, подостлавши мягкой травы. Когда Игнатъ вошелъ къ нему, Верланъ встрѣтилъ его привѣтливымъ взглядомъ.

— Воротился?

— Чалаго уже нѣтъ, отвѣчалъ молодой козакъ.

Верланъ слегка кивнулъ головою.

— Пускай его тамъ Богъ разсудитъ! Погубилъ и насъ, и себя... ни за что пропалъ. Больной умолкъ, будучи не въ силахъ говорить дальше.

Матвій обратился къ прибывшему:

— Помоги-ка мнѣ вывести атамана на солнце.

Бережно поддерживая больнаго подъ плечи, его осторожно вывели изъ хаты и уложили на травѣ; затѣмъ Игнатъ началъ подробный разсказъ о томъ, какъ ему удалось пробраться въ Рубань и выполнить свое намѣреніе.

Молча выслушавши разсказъ до конца, Верланъ невольно бросилъ взглядъ въ ту сторону, гдѣ лежала привезенная голова. Струйки запекшейся крови, присохшей на блѣдномъ лицѣ, рядъ стиснутыхъ зубовъ, блестѣвшихъ сквозь полураскрытыя, зеленоватыя губы, торчащіе усы, забрызганные кровью,—все это придавало лицу какой то дикій, страшный видъ. Почуявъ запахъ свѣжей крови, трудолюбивые муравьи начали еще ночью съ разныхъ сторонъ стекаться къ мертвой головѣ и сновали по ней съ какою то лихорадочною поспѣшностью; одна партія бѣжала вверхъ ко лбу, къ глазамъ, другая возвращалась оттуда на шею, при встрѣчѣ останавливались на минуту, словно о чемъ то переговариваясь, что то сообщая другъ другу, и снова расходились. Когда засіяло солнце, налетѣли зеленыя мухи, садились на сомкнутыя вѣки, прохаживались по нимъ, словно отыскивая, гдѣ бы удобнѣе запустить жало, а по завалинкѣ медленно и осторожно, тяжело переступая, приползъ чорный жукъ, привлеченный запахомъ лакомой пищи.

Больной долго слѣдилъ за этою сценою, потомъ невольно отвернулся съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія о своихъ несбывшихся надеждахъ, и проговорилъ:

— Кружился, какъ вихрь... всего для тебя было мало, а теперь ты развѣ имѣешь больше? Успокоился на вѣки... Пройдетъ еще немного времени и останется только голый черепъ, никто и не догадается, что это остатки твоей буйной головы...

Рѣшено было, что Игнатъ отвезетъ голову Чалаго на Сичь въ доказательство того, что измѣнникъ наказанъ.

— Заѣдешь и въ Мошны, сказалъ Матвій, отдашь Марусѣ отцовскіе пистолеты, иззубренную саблю и сломанное копье; пусть знаетъ, что отецъ ея погибъ славною козацкою смертью.

Однако старикъ все удерживалъ Игната на хуторѣ: состояніе больнаго съ каждымъ днемъ ухудшалось и не было никакой надежды на сохраненіе жизни; всѣ знахари и знахарки твердили въ одинъ голосъ, что пуля, засѣв-

шая у него подъ сердцемъ, заклятая, иначе она давно бы уже вышла.

— Подожди немного, сынку,—видишь, Верлану очень плохо... кто знаетъ, долго ли онъ протянетъ?... Схоронимъ его по-христіански, да и поѣдемъ вмѣстѣ... Можетъ быть, и моя голова найдетъ тамъ покой... пора уже и мнѣ...

Предчувствіе не обмануло старика: больному, дѣйствительно, становилось все хуже и хуже; безпрерывная лихорадка отнимала послѣднія силы, а тревога и неизвѣстность о томъ, какъ устроятся дальнѣйшія судьбы Украины, держали его въ постоянномъ лихорадочно -напряженномъ состояніи. Какъ только наступало малѣйшее облегченіе, онъ немедленно начиналъ развивать ту же тему.

— Знаешь, Матвію, вѣдь старый Мазепа былъ правъ, говоря:

Ой бида, бида чайци небози,
Що вывела диты при бытій дорози ..

Мы стоимъ посрединѣ, все равно, какъ дерево между еврейскими домами; если низкое, козы его общипаютъ, а если высокое, до тѣхъ поръ будутъ тереться объ него, пока не усохнетъ. Знаешь, мнѣ уже недолго осталось жить на свѣтѣ, а передъ смертью умъ человѣка проясняется—онъ можетъ видѣть и понимать то, чего другіе не видятъ. Передъ смертью въ душѣ нашей гаснутъ всѣ личныя страсти, желанія, честолюбіе, человѣкъ уже ничего не желаетъ для себя и потому спокойнѣе можетъ думать о другихъ...

Больной останавливался передохнуть и, собравшись съ силами, продолжалъ.

— Служить кому нибудь, или работать для самихъ себя,—это отъ насъ зависитъ... Если человѣкъ умный и дѣятельный, онъ трудится для себя, если глупый и нерадивый, то его каждый можетъ запречь, какъ вола въ ярмо... Нерѣдко мятель заводитъ насъ на окольныя дороги и не потому, чтобы прямой путь былъ неизвѣстенъ, а потому, что снѣгомъ заметаетъ и хорошо знакомыя дороги... Та-

кая мятель свирѣпствуетъ теперь повсюду у насъ на Украинѣ... нечистый сѣетъ обманъ, предательство, лживыя обѣщанія и, словно снѣгомъ, засыпаетъ глаза...

— Ты, Матвію, пока живъ, старайся снимать людямъ эту завѣсу съ глазъ... Пусть ни на кого не полагаются—свою хату нужно строить самимъ по своему,—пусть ясно сознаютъ, что имъ нужно, и разсчитываютъ только на собственныя силы, чтобы не ошибиться въ разсчетѣ...

Къ вечеру больному сдѣлалось хуже, лихорадка усилилась; пока свѣтило солнце, онъ лежалъ на дворѣ, но передъ заходомъ его внесли въ хату и тутъ онъ продолжалъ бредить на тему изъ своей послѣдней бесѣды. Друзья не отходили отъ него, хотя присутствіе ихъ и не могло облегчить его страданій. Около полуночи больной крѣпко заснулъ; по утру Матвій подошелъ къ нему и взялъ за руку, но рука подымалась съ трудомъ и безжизненно упала на грудь.

— Скончался, помолимся за его душу! произнесъ старикъ и, обернувшись къ окну, началъ набожно креститься на востокъ.

XI.

Грицько сидѣлъ дома—все выжидалъ удобной минуты, чтобы присоединиться къ гайдамакамъ, но минута эта все какъ то не приходила. Первое одушевленіе миновало, охотники выступили въ поле и объ отрядѣ Гордія Грывы не было никакого извѣстія. Ему наскучило уже сидѣть дома, стыдно было и передъ людьми, и передъ самимъ собою, а вырваться въ степь, одному какъ птица, было бы безразсудствомъ. Нельзя же было ѣздить отъ села до села и разспрашивать по корчмамъ у проѣзжихъ, не проходилъ ли гдѣ отрядъ гайдамаковъ. Такъ недалеко уйдешь! Въ первомъ порядочномъ мѣстечкѣ закуютъ въ „кайданы“ и, какъ бродягу, бросятъ въ тюрьму.

Положеніе было безысходнымъ и тѣмъ сильнѣе расло въ немъ раздраженіе противъ жены, которая на первомъ шагу заставила его оступиться, сдѣлала смѣшнымъ въ глазахъ односельчанъ и теперь отымала всякую возможность выйти изъ фальшивой позиціи. Положеніе, дѣйствительно, было невыносимо тяжело; съ одной стороны немилая жена, съ которою каждый день былъ истиннымъ адомъ въ домѣ, съ другой—полная невозможность удовлетворить давно лелѣяннымъ стремленіямъ. Все то, что еще такъ недавно казалось ему счастьемъ, на самомъ дѣлѣ оказывалось тяжелымъ бременемъ, гнетущимъ его съ непреодолимою силою, а самъ онъ, разочарованный, ни въ чемъ не находилъ утѣшенія. Только теперь, когда судьба на вѣки связала его съ другою женщиною, легкомысленный молодой человѣкъ понялъ, какъ глубоко любилъ онъ Марусю.

Какъ тѣнь, бродилъ онъ изъ угла въ уголъ, погруженный въ собственныя мысли, отъ которыхъ никакъ не могъ избавиться, и такъ ему иногда становилось тяжело, такъ горько, что онъ готовъ былъ бѣжать, куда глаза глядятъ, хоть на край свѣта, лишь бы избавиться отъ нихъ. Тоска закрадывалась въ душу, какъ червь точила сердце: онъ не могъ простить себѣ, что такъ сгубилъ свою жизнь и собственное счастье, а той, кого любилъ дѣйствительно, принесъ только слезы и горе. Все это тѣмъ сильнѣе заставляло страдать, что въ немъ уже начинало пробуждаться сознаніе собственной несостоятельности; пока онъ ожидалъ, что со дня на день можетъ подойти изъ-за Днѣпра новый гайдамацкій отрядъ, къ которому можно было бы примкнуть, для него еще оставалась надежда среди тревожной военной жизни забыть свою любовь къ одной и ненависть къ другой женщинѣ. Между тѣмъ отрядъ не приходилъ, а время шло, и всѣ смотрѣли на Грыця такимъ взглядомъ, словно говорили: не пошелъ, побоялся... предпочелъ остаться съ молодою женою, нежели ночевать на сырой травѣ подъ открытымъ небомъ... Ему дѣлалось

стыдно передъ самимъ собою за свое малодушіе, приковавшее его къ дому въ то время, какъ другіе шли на бой.

Если случалось по дому оставаться одному, его начинала мучить совѣсть, сожалѣніе о потерянномъ счастьи и непоправимости своего положенія и нерѣдко приводили его въ отчаяніе.—Уйду отсюда, думалъ онъ, убѣгу на Сичъ, на Запорожье... лучше каждый день биться съ татарами и турками, нежели жить здѣсь въ постоянной тоскѣ, которая точитъ сердце, какъ ржавчина желѣзо. Зачѣмъ мнѣ сидѣть здѣсь, чего ждать? И такъ уже всѣ указываютъ на меня пальцами, говорятъ: ушелъ отъ своихъ! Пусть же лучше говорятъ: ушелъ къ своимъ! Но разъ принявши рѣшеніе, молодой человѣкъ отступалъ передъ нимъ и колебался.—Еще успѣю, времени довольно на все—твердилъ онъ самъ себѣ въ ночной тишинѣ. Что же удерживало его? Если для него не было безразличнымъ то, какъ посмотрятъ на него люди и что подумаютъ, то мысль, что и Маруся вмѣстѣ съ другими можетъ презирать его, становилась просто невыносимою.—Разскажу ей все, какъ есть, что думаю и чувствую, а тогда—будь здорова! думай себѣ, какъ знаешь...

Но и тутъ природная нерѣшительность удерживала его, да и не представлялось удобнаго случая. Правда, онъ видался иногда съ Марусею, но въ разговоръ не вступалъ и не потому, чтобы они сторонились, избѣгали другъ друга, а просто у обоихъ при встрѣчѣ какъ то сжималось горло и они спѣшили разойтись, едва обмѣнявшись нѣсколькими словами.

Однажды въ воскресенье тетка Ярына съ Марусею возвращались изъ церкви; уже миновали базаръ и своротили въ улицу, ведущую къ ихъ дому, какъ вдругъ неизвѣстно откуда, словно изъ-подъ земли выросъ Грыцъ и шелъ прямо на встрѣчу, къ большому неудовольствію Ярыны. Старуха обыкновенно старалась предупреждать встрѣчи между молодыми людьми, чтобы сельскія кумушки не точили языковъ на счетъ ея племянницы, и въ церкви

или на базарѣ всегда успѣвала во время скрыться въ толпѣ, или пройти между возами. Съ той минуты, какъ она увидѣла ихъ разговаривающими около перелаза, ее тревожило какое то дурное предчувствіе и она всячески оберегала дѣвушку. На этотъ разъ не было возможности избѣжать встрѣчи.

Грыць между тѣмъ подошелъ, поздоровался и остановился среди улицы съ очевиднымъ намѣреніемъ поговорить.

— Нѣтъ ли какого извѣстія отъ сотника? началъ онъ рѣшительно.

— Нѣтъ!... Люди говорятъ то—другое, а самъ онъ ничего не *переказывалъ*. Какъ уѣхалъ весною, такъ съ тѣхъ поръ и слуху о немъ нѣтъ... А ты не слыхалъ ли чего?

Грыцько зналъ то же, что и всѣ, но ничего болѣе опредѣленнаго; слышалъ, правда, что была битва, окончившаяся неудачно для гайдамаковъ, но какъ именно и что было дальше, никто не зналъ. Тѣ, кому удавалось спастись, обыкновенно долгое время скрывались по лѣсамъ и хуторамъ, избѣгая мѣстечекъ, гдѣ поиски за ними были усерднѣе. Такъ было и на этотъ разъ. Кто то видѣлъ того или другаго, что то слышалъ отъ него, но точныхъ свѣдѣній никто не имѣлъ. На вопросъ старухи Грыцько только пожалъ плечами.

— Ничего!... знаю только, что бились съ ляхами...

Ярына вздохнула.

— Если бъ хоть вѣсточку прислалъ!—сказала она и обернулась, услыхавши позади себя какой то шорохъ.

— А, вотъ и Гандзя!

Молодые люди обернулись въ ту сторону; прямо на нихъ спѣшила Гандзя изъ своей хаты и еще издали слышны были ея торопливые шаги. Поровнявшись съ бесѣдовавшими, она остановилась, даже не кивнувши головою, окинула всѣхъ горящимъ взглядомъ и остановила глаза на Марусѣ, ея быстрое, прерывистое дыханіе обличало трудно сдерживаемый гнѣвъ.

— О чемъ это вы разсказываете?

— О нашемъ горѣ, спокойно отвѣтила Ярына.

— Вотъ, не нашли лучшаго мѣста для разговоровъ! Видно, такъ торопитесь разсказать о своей бѣдѣ, что даже людей задерживаете на дорогѣ...

Старуха сдержала негодованіе и промолчала, но Грыцько бросилъ на жену взглядъ, полный гнѣва.

— Я самъ остановился и ихъ задержалъ, думалъ, не узнаю ли чего про дядька Гордія...

Этотъ отвѣтъ ни мало не успокоилъ Гандзю; ее душила злоба, ревность, гнѣвъ противъ мужа, который бросалъ хату, чтобы поговорить съ тою, которую раньше любилъ.

— Неправда!—крикнула она; стыдись... бросаешь жену, а самъ бѣжишь туда, гдѣ на тебя дивчата бровами моргають!

Ярына приняла это замѣчаніе полу-шутя, полу-сердито:

— Отсе! напасть на чыстий дорози! сказала она, глядя съ усмѣшкою на раскраснѣвшееся лицо Гандзи, но Грыця до глубины души оскорбила выходка жены.

— Ты! *навижена!* отвѣчалъ онъ съ презрѣніемъ, опомнись... люди смотрятъ и слушаютъ.

Но та уже не въ силахъ была сдерживать злости.

— Пусть смотрятъ! пусть слушаютъ! тебѣ стыдъ, а не мнѣ.

Тетка потянула Марусю за руку.

— Идемъ, дитя мое...

Казалось, спокойствіе старухи еще больше раздражало ея соперницу; стиснувъ кулаки, она погрозила въ слѣдъ уходившимъ женщинамъ и продолжала выкрикивать, обращаясь къ Марусѣ.

— На тебя пусть смотрятъ, на тебя!... Прежде манила парубковъ, а теперь чужихъ мужей манишь! Моргай, моргай, сколько хочешь!... теперь уже поздно, не отнимешь его, не отнимешь!... До слуха дѣвушки явственно долетѣли послѣднія слова, особенно рѣзко акцентированныя, и глубоко поразили ее въ самое сердце; она поблѣднѣла,

но не возражала и не оборачивалась, отвѣчая однимъ презрительнымъ молчаніемъ.

Грыць посмотрѣлъ въ разъяренное лицо жены, смѣрилъ ее презрительнымъ взглядомъ и плюнулъ съ отвращеніемъ.

— Пропади, ты, змѣя, съ твоимъ жаломъ!—Отвернулся и пошелъ въ мѣстечко, а Гандзя осталась одна посреди улицы, внѣ себя отъ бѣшенства, проклиная и Марусю, и мужа, и весь свѣтъ.

Поздно вечеромъ Грыць воротился домой мрачный и безмолвный.

Войдя въ хату, онъ даже не взглянулъ на жену, а прямо подошелъ къ вѣшалкѣ надъ кроватью и снялъ свитку. Гандзя возилась около печи.

— А куда это ты собираешься? спросила она заискивающимъ тономъ.

— На пашу съ лошадьми, въ степь...

— Въ степь? А ужинать? Погоди минуту—кулишъ готовъ уже, „*насыплю*" въ миску.

Грыць изъ подлобья взглянулъ на жену.

— Накормила уже, отвѣчалъ онъ.

Гандзя очевидно успѣла придти въ себя послѣ утренней сцены и теперь, видя мужа печальнымъ, ей сдѣлалось жалко, она рада былъ бы поправить дѣло, но Грыць совсѣмъ не былъ расположенъ мириться. Набросивъ на плечи свиту, онъ вытащилъ изъ подъ лавки лошадиныя пута и направился къ выходу. Гандзя отъ печи подскочила къ дверямъ и стала на порогѣ.

— Подожди, ужинъ готовъ... Никогда не скажешь мнѣ добраго слова... бѣжишь отъ меня, какъ отъ зачумленной...

Мужъ посмотрѣлъ на нее съ укоромъ.

— А ты сама? *стежку мени промітаешъ?* Погнался я за твоими поцѣлуями и попалъ, какъ муха въ паутину. . Отстань! произнесъ онъ съ гнѣвомъ, отстранилъ ее рукою и вышелъ, хлопнувъ дверью. Гандзя молча смотрѣла ему въ слѣдъ словно окаменѣлая; казалось, какая то сила при-

ковывала ее къ порогу,—она не могла двинуться съ мѣста, сердце ея замирало отъ какой то еще неизвѣданной боли; сухіе глаза жгло, какъ огнемъ, грудь сжималась будто въ тискахъ—а она все стояла неподвижно, опершись о притолку.

Въ хатѣ становилось темно, въ печи догоралъ огонь, только съ трескомъ вспыхивали по временамъ сухія вѣтки и сыпались искры, на мгновеніе озаряя слабымъ свѣтомъ темную внутренность пустой избы. Гандзя смотрѣла безсознательно въ глубь полуосвѣщенной хаты и грустно прошептала:

— Такъ вотъ мое счастье!

Очевидно, мысль о несбывшемся счастьи тяжело давила ей сердце, потому что вскорѣ среди глубокой тишины, прерываемой только трескомъ огня, послышались сперва чуть внятныя, потомъ все болѣе и болѣе громкія рыданія.

Между тѣмъ Грыцько вывелъ лошадей за хуторъ, спуталъ ихъ и погналъ въ степь, затѣмъ разостлалъ на землѣ свыту, вынулъ изъ кармана трубку, растеръ въ рукахъ листъ махорки, набилъ трубку, выкресалъ огня и, медленно покуривая, легъ на свытку. Протянувшись во всю длину, онъ безсознательно устремилъ глаза въ темное небо, искрившееся безчисленными звѣздами. Ночь была тихая, прохладная, онъ полною грудью вдыхалъ воздухъ, переполненный запахомъ различныхъ травъ. Со стороны села доносились неясные звуки, лай собакъ, въ степи раздавались острые тоны сопилки, на которой наигрывали пастухи, сторожившіе лошадей, да гдѣ то вдали раздавался протяжный стонъ пугача; все эта сливалось въ одну общую гармонію лѣтней ночи. Грыцько лежалъ неподвижно, вслушиваясь въ эти несложные звуки, а мыслью переносился въ вишневый садокъ Гордія, куда влекла его непреодолимая сила воспоминанія. Онъ снова перебиралъ въ умѣ все недавнее прошлое, снова размышлялъ о томъ безвыходномъ положеніи, въ какое самъ себя поставилъ. А между тѣмъ въ глубинѣ его совѣсти все громче и громче раздавался голосъ, упрекавшій его въ томъ, что онъ не

исполнилъ самаго священнаго долга, что онъ по легкомыслію и малодушіію не съумѣлъ преодолѣть каприза жены. Теперь онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ, одинокимъ.

Вдругъ онъ рѣшительно всталъ на ноги и проговорилъ про себя:

— Пойду! можетъ быть встрѣчу... Потомъ какъ будто опомнился и началъ раздумывать—природная нерѣшительность возвращалась снова.

— Зачѣмъ? думалъ онъ, теперь ужь ночь... поздно...

Ему и хотѣлось, и въ то же время становилось страшно пойти еще разъ въ тотъ садъ, гдѣ онъ такъ часто встрѣчался съ Марусею, куда и теперь влекла его непреодолимая сила глубоко затаенной любви. Видно, сила эта наконецъ взяла верхъ, онъ пошелъ. Въ саду никого не было. Ночной вѣтерокъ слегла колыхалъ густую листву, сквозь которую едва замѣчалось слабое мерцаніе звѣздъ.

Грыць остановился подъ тою самою вишнею, подъ которою обыкновенно поджидалъ Марусю, и задумался. Дворовый песъ встрѣтилъ его привѣтливо, какъ стараго знакомаго, и началъ ласкаться радостно, визжа и махая хвостомъ. Грыцько погладилъ его и задумчиво смотрѣлъ впередъ на тотъ домъ, гдѣ жила его милая. Тамъ еще не спали; въ окнѣ видѣнъ былъ ясно красноватый свѣтъ лучины и время отъ времени двигалась по хатѣ чья-то фигура. Молодой человѣкъ стоялъ неподвижно, не спуская глазъ съ окна, и съ замираніемъ сердца слѣдилъ за этою фигурою. Вдругъ въ сѣняхъ скрипнула дверь и на порогѣ показалась Маруся, словно руководимая какимъ то предчувствіемъ.

Въ хатѣ было душно и тоскливо, она вышла немного подышать свѣжимъ воздухомъ и, стоя на порогѣ, посматривала то на небо, то на свой садокъ, полный воспоминаній для нея. Вдругъ она начала прислушиваться; изъ саду явственно доносился радостный визгъ собаки.

— Къ кому это онъ тамъ ластится? подумала дѣвушка и пошла по направленію голоса, пристально вглядываясь

въ темноту. Вскорѣ она увидѣла собаку, а рядомъ съ нею какую-то тѣнь, прислонившуюся къ завѣтному вишневому дереву. Ее обхватила дрожь и сердце ея сильнѣе забилось при одной мысли, что это можетъ быть воротился милый... Въ эту минуту она забыла обо всемъ, что ихъ раздѣляло, а прежнее чувство охватило ее съ новою силою.

— Кто тамъ? спросила она въ полголоса, это ты?

— Я!... пришелъ къ тебѣ... не могъ дольше вытерпѣть... такъ мнѣ безъ тебя грустно, такъ тяжко...

Голосъ Грыця, мягкій и нѣжный, звучавшій неподдѣльнымъ страданіемъ, болѣзненно поразилъ ее.

— Ой, Боже мой! зачѣмъ ты пришелъ? Нельзя... что скажутъ люди? А Гандзя? Она глаза мнѣ выцарапаетъ, если узнаетъ. Иди... иди себѣ съ Богомъ—шептала Маруся, взволнованная, слегка отталкивая его руками,—между нами все кончено...—Иди себѣ, иди... самъ вѣдь захотѣлъ того, что случилось. Грыцько будто не слышалъ этихъ словъ, взялъ ее за обѣ руки и притянулъ къ себѣ.

— Что же могутъ люди говорить? А Гандзя? О, ради Бога не вспоминай о ней. Развѣ не она отравила нашу жизнь? Она, какъ волшебница, привязала меня къ себѣ, напоила *любысткомъ*... Лучше бы мнѣ умереть теперь, чѣмъ жить съ нею въ одной хатѣ!

Маруся искала въ своемъ умѣ какого нибудь утѣшенія для него и не находила.

— Она вѣдь любитъ тебя... прошептала она чуть слышно.

Слова эти поразили Грыцька въ самое сердце; онъ весь задрожалъ, глаза его гнѣвно сверкнули.

— Любитъ? Неправда! Какъ можетъ она любить, если не дорожитъ моимъ добрымъ именемъ! Развѣ не по ея винѣ подвергаюсь я теперь всеобщимъ насмѣшкамъ и презрѣнію? Развѣ можно мнѣ было оставаться здѣсь? Мое мѣсто тамъ, гдѣ твой отецъ, гдѣ Игнатъ и другіе... а я сижу здѣсь людямъ на смѣхъ... Ненавижу я ее за свой позоръ.

Маруся съ трудомъ удерживала слезы.

— Что жъ дѣлать? куда идти?

— Я знаю, что мнѣ дѣлать, знаю, куда идти! Здѣсь мнѣ оставаться нельзя!... Пришелъ проститься съ тобою...

Дѣвушка закрыла рукою глаза и припала къ его груди, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Подожди еще... просила она, конвульсивнымъ движеніемъ схватываясь за голову, какъ будто боролась съ какою то страшною мыслью,—подожди... но не въ силахъ была продолжать, слова замирали на устахъ. Вдругъ она подняла голову, глаза сверкнули, какъ у разъяренной волчицы.

— Не достанется ни тебѣ, ни мнѣ! восклинула она, обращаясь къ кому то невидимому.

Между тѣмъ тетка Ярына, встревоженная долгимъ отсутствіемъ Маруси, сама вышла изъ хаты узнать, что съ нею, и услыхала сдержанный шопотъ двухъ голосовъ. Она узнала эти голоса и уже хотѣла было подойти и увести племянницу, какъ вдругъ до слуха ея донеслась горькая жалоба Грыцька.

Въ его голосѣ была столько горя и правды, столько глубокой, безъисходной тоски, что въ сердцѣ старухи невольно проснулось состраданіе. Вспомнились свои молодые годы, своя давно забытая любовь и разлука—послѣднее прощаніе съ милымъ, который также отправился въ Сичъ искать славы и счастья и больше не возвращался, и жаль ей стало этихъ двухъ влюбленныхъ.

— Пускай хоть наговорятся, подумала она и, прислонившись къ стѣнѣ, дала волю собственнымъ воспоминаніямъ молодости, которыя, какъ пчелиный рой, зашевелились гдѣ то на днѣ души. Но вскорѣ холодный разсудокъ взялъ верхъ; старуха выпрямилась, махнула рукою, какъ бы отгоняя какое то видѣнье, и проговорила про себя:

— Одчепысь, маро!

Потомъ громко позвала Марусю въ ту самую минуту, какъ та произносила послѣднюю угрозу. Услыхавъ голосъ тетки, дѣвушка въ испугѣ отскочила отъ милаго.

— Иди уже... иди... тетка услышитъ!

А сама все еще не могла оторваться отъ него; одною рукою отталкивала его, другою держала за шею, еще минуту боролась съ какою то тайною мыслью, наконецъ отпустила его.

— Прощай! зайди къ намъ еще на Петра.

Голоса смолкли. Слышались только съ одной стороны тяжелая походка старухи, съ другой, со стороны сада, тихій шелестъ травы, чуть пригибавшейся подъ легкими шагами Маруси. Тетка Ярына не считала нужными дѣлать долгіе выговоры или замѣчанія.

— Не дури, не дури! сказала она рѣшительно; не накликай новаго несчастья, опомнись! Идемъ въ хату... холодно... ты вся дрожишь.

Вмѣсто всякаго отвѣта Маруся наклонилась и молча поцѣловала руку теткѣ; та поцѣловала ее въ голову и обѣ воротились въ хату, только слышно было, какъ щелкнулъ деревянный засовъ въ дверяхъ, затѣмъ свѣтъ въ окнахъ погасъ и въ домѣ воцарилась полная тишина. Однако ни та, ни другая не могла заснуть. Старая тетка размышляла о томъ, какъ бы отвратить висѣвшее надъ домомъ несчастье, между тѣмъ какъ Марусѣ ночная тишина вмѣсто успокоенія на шептывала новый планъ мести.

Въ мѣстечкѣ начали ходить глухіе слухи о томъ, что отрядъ гайдамаковъ, выступившій подъ предводительствомъ Гордія Грывы, былъ разбитъ гдѣ то въ степи между Шаргородомъ и Джуринымъ, но никто не зналъ, что сталось съ Гордіемъ. Слухъ этотъ сильно опечалилъ его домашнихъ—онѣ начали опасаться за свое хозяйство и вообще за будущее; что если походъ дѣйствительно окончился неудачею? Результатомъ легко могло явиться совершенно нежелательное посѣщеніе поляковъ. Къ прежнимъ тревогамъ прибавилась новая.

Все это особенно повліяло на Марусю; ее нельзя было узнать. Румянецъ сбѣжалъ съ лица, смѣнившись матовою блѣдностью глубокой, затаенной печали; ясные глаза впали и потускнѣли, а когда то быстрый, открытый взглядъ уступилъ мѣсто какому то стеклянному, неподвижному, какъ будто она перестала сознавать, что дѣлается вокругъ, даже самая мысль по временамъ какъ будто отсутствовала. Можно было догадываться, что кромѣ естественной печали, вслѣдствіе неизвѣстности о судьбѣ отца, ее мучило еще какое то тайное горе, котораго она никому не могла или не хотѣла довѣрить.

Ярына замѣтила ненормальное состояніе дѣвушки, встревожилась еще больше и послала ее къ знахаркѣ. Маруся ходила къ знахаркѣ, шепталась съ нею, о чемъ то совѣщалась, но здоровье не поправлялось.

— Приготовь себѣ *роману*, дитя мое; увидишь, какъ тебѣ станетъ лучше... и кашель пройдетъ, и повеселѣешь.

Маруся улыбнулась грустно, недовѣрчиво.

— Добре, титко, приготовлю роману.

Вечеромъ, когда начали варить ужинъ, она придвинула къ огню какой-то горшочекъ, закрытый покрышкою; но едва успѣла отвернуться, какъ любопытная старуха приподняла покрышку и заглянула въ горшокъ.

— Что жъ это ты варишь? спросила она съ удивленіемъ, вѣдь это совсѣмъ не ромашка?

Дѣвушка вспыхнула, захваченная врасплохъ.

— Должна быть ромашка... по чемъ я знаю? Знахарка говорила—поможетъ, если выпить...

Старуха недовѣрчиво покачала головою.

— Эй, дивчыно, бойся Бога! Ты еще, пожалуй, дурману какого нибудь напьешься!

Маруся не возражала. Тетка Ярына, сдѣлавши необходимое предостереженіе, отправилась хлопотать по хозяйству, а Маруся наблюдала за своимъ лѣкарствомъ, мрачная, какъ ночь, и глаза ея поминутно застилались слезами. Противъ воли приходили на память воспомина-

нія о недавнемъ еще прошломъ, полномъ беззаботнаго веселья, радостныхъ надеждъ, привязанностей, а потомъ все это измѣнилось такъ внезапно... Малѣйшіе оттѣнки мысли тотчасъ же отражались въ ея голубыхъ глазахъ: они то загорались отъ гнѣва или ревности, то снова потухали, будто подернутые какимъ то туманомъ, и грустно смотрѣли въ пространство. Въ хатѣ никого не было. Маруся запѣла тихимъ, сдавленнымъ голосомъ:

Не ходы, Грыцю, на вечорныци,
Бо на вечорныци дивкы чаривныци.
Котра дивчына чорнобровая—
То й чаривныця справедлывая...

Въ голосѣ слышалась глубокая скорбь о томъ, что прошло безвозвратно; видно, слова пѣсни какъ нельзя лучше гармонировали съ настроеніемъ пѣвицы, она продолжала:

Въ нодилю рано зилля копала,
А въ понедилокъ пополоскала,
А у вивторокъ зилля варыла,
А у середу Грыця струила...

Голосъ задрожалъ, оборвался и слезы, одна за другою закапали по блѣдному лицу. Но вотъ горшочекъ началъ закипать; дѣвушка утерла глаза, осторожно вынула его изъ печи, дала остыть немного и, когда вся пѣна осѣла, унесла горшокъ въ погребъ. Воротившись въ хату, Ярына уже не нашла его въ печи и начала безпокоиться. Черезъ полчаса вышла Маруся.

— Ну что? спросила тетка.

— Выстуживала въ погребѣ ромашку... выпила... Дѣвушка казалась нѣсколько встревоженною.

— Зачѣмъ же ты такъ поторопилась? Нужно было на ночь...

— Все равно...

Ложась спать, Ярына снова обратилась къ племянницѣ:

— Ну что? лучше тебѣ?

— Кажется, отвѣчала Маруся и прибавила, махнувъ рукою:—этъ! не стоитъ безпокоиться, все это пройдетъ...

Между тѣмъ Грыцько на этотъ разъ, повидимому, твердо рѣшился сдержать слово и серьезно собирался выѣзжать на Запорожье.

— Нечего дальше ждать, говорилъ онъ самъ себѣ; попробовалъ одного счастья и довольно, нужно еще изъ другой бочки пробовать.

Наканунѣ отъѣзда онъ зашелъ проститься съ семьею Гордія; съ его домомъ онъ сжился съ самаго дѣтства, старый сотникъ былъ для него какъ бы вторымъ отцемъ,— не годилось уѣзжать, не простившись съ тѣми, которые такъ долго были близкими для него людьми, тѣмъ болѣе что собирался онъ въ дальній путь, не зная даже, воротится ли оттуда. Сверхъ того онъ чувствовалъ потребнесть оправдаться въ глазахъ Гордія и хотѣлъ на прощаньѐ откровенно поговорить съ Ярыною, зная, что каждое слово его будетъ передано сотнику по его возвращеніи.—Все уже было готово и день выѣзда назначенъ сейчасъ послѣ Петра и Павла.

Грыцьку хотѣлось въ родномъ мѣстечкѣ встрѣтить годовой праздникъ: какое то неясное предчувствіе шептало ему, что это, можетъ быть, въ послѣдній разъ и что не видать ему больше ни старой матери, ни отцовской хаты.

Грыцько пришелъ домой уже передъ вечеромъ, въ невеселомъ настроеніи. Женѣ онъ не говорилъ ни куда ѣдетъ, ни когда возвратится, и на всѣ распросы отвѣчалъ одно:

— Ѣду къ своимъ... люди сражаются въ полѣ и мнѣ не слѣдуетъ сидѣть за печкою.

Дома онъ вдругъ почувствовалъ какую то особенную боль въ желудкѣ; въ теченіи ночи боль усилилась, онъ волею—неволею принужденъ былъ отсрочить выѣздъ и весь слѣдующій день пролежалъ на лавкѣ въ сильныхъ мученіяхъ. Испуганная Гандзя обѣгала всѣхъ знахарей и знахарокъ въ мѣстечкѣ—ничто не помогало. Всѣ твердили въ одинъ голосъ, что это *пороблено*, и никто въ Мошнахъ не умѣлъ отчитывать такого рода чаръ. Такъ прошло еще два дня. Больному становилось все хуже и хуже, боли

не прекращались, лице сдѣлалось желтое и прозрачное, какъ воскъ, наконецъ, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ двинуться съ мѣста. Въ домѣ Гордія ничего не знали о трудномъ положеніи Грыцька, слыхали только, что онъ не уѣхалъ—кажется заболѣлъ. Обѣ женщины приняли эту новость съ неподдѣльнымъ участіемъ, особенно Маруся; поглядывая на нее украдкою, тетка Ярына замѣтила, что съ нею творится что то необыкновенное, что переходитъ предѣлы обыкновенной человѣческой печали то она ходила, какъ убитая, то вдругъ ея блѣдное лице оживлялось выраженіемъ такой рѣшимости, глаза сверкали такимъ злобнымъ, дикимъ торжествомъ, на губахъ появлялась такая горькая, страдальческая улыбка, что старая тетка просто терялась въ догадкахъ и только просила Бога, чтобы Гордій возвращался скорѣе.

Дня черезъ три послѣ прощанія съ Грыцькомъ, обѣ женщины, передъ заходомъ солнца, сидѣли на *прызьбѣ* подлѣ хаты; старуха споласкивала пшено къ ужину, Маруся держала въ рукахъ какое то шитье и то больше для виду. Вдругъ изъ-за перелаза показалась тетка Луцька съ какимъ то озабоченнымъ лицемъ.

— Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ!

Обмѣнявшись привѣтствіями, женщины умолкли, бесѣда какъ то не клеилась. Гостья первая прервала молчаніе:

— Отсе! а вы ничего не знаете?

— Нѣтъ...

— Бѣдный... вчера умеръ... сейчасъ и хоронить будутъ, я вотъ какъ разъ спѣшила туда и къ вамъ зашла.

Слова эти какъ громомъ поразили ничего не подозрѣвавшихъ женщинъ; онѣ сразу догадались, кто умеръ, и въ то же время боялись повѣрить ужасной истинѣ.

— Кто умеръ? спросили онѣ въ одинъ голосъ.

— А Грыць же! вотъ такъ, Богъ вѣсть отъ чего, умеръ и только!

Снова наступило тяжелое молчаніе. Ярына поднялась съ мѣста, трижды перекрестилась, обратясь къ востоку и снова усѣлась на *прызьбѣ*. Еще нѣсколько времени всѣ молча поглядывали другъ на друга съ выраженіемъ страха, недоумѣнія и какого то тревожнаго любопытства, пробовали было заняться своимъ дѣломъ, но работа сама собою валилась изъ рукъ. Наконецъ Маруся подняла голову и устремила неподвижные, стеклянные глаза въ ту сторону, гдѣ стояла хата Грицька.

— Не натѣшилась... сказала она про себя; въ голосѣ ея слышалось какъ будто торжество побѣды, смѣшанное съ глубокою скорбью. Всѣ подняли головы и смотрѣли на Марусю, словно пробужденные изъ забытья этимъ голосомъ. Въ эту минуту послышался протяжный, жалобный, какъ стонъ, ударъ колокола, за нимъ другой, третій... Женщины машинально встали на ноги, обернулись въ ту сторону и начали креститься.

— Хоронятъ уже, отозвалась тетка Луцька.

Между тѣмъ колоколъ продолжалъ звонить; его жалобные звуки расплывались въ воздухѣ и повторялись эхомъ по степямъ и лѣсамъ. Далеко въ концѣ улицы показалась погребальная процессія. Пара сивыхъ воловъ медленнымъ шагомъ везли возъ, на которомъ стоялъ закрытый гробъ; волы шли печальные, не пережевывая обычной своей жвачки, и казалось, понимали, что оказываютъ послѣднюю услугу своему хозяину. На дубовой крышкѣ гроба, посерединѣ лежалъ большой пшеничный калачъ, рядомъ съ нимъ коровай ржанаго хлѣба, а по обоимъ концамъ стояли двѣ маленькія глиняныя мисочки: въ одной была *грудка* каши, въ другой нѣсколько кусочковъ темной, кристаллической соли. За гробомъ шли съ громкимъ плачемъ жена и мать покойнаго, окруженныя родственниками и друзьями.

Еще издали слышенъ былъ какой то глухой монотонный вой, въ которомъ, по мѣрѣ приближенія кортежа, можно было различить громкій плачъ провожающихъ, прерываемый по

временамъ рѣзкими, душу надрывающими причитаніями женщинъ. Когда кортежъ приблизился къ гордіевой усадьбѣ, всѣ три женщины встали, подошли къ воротамъ и ждали, облокотясь на *тынъ*; вскорѣ гробъ поровнялся съ ними, онѣ перекрестились и снова, скрестивъ руки на груди, слѣдили глазами за удаляющимся возомъ.

— Идемъ на *цвынтаръ*, предложила Луцька.

— Идемъ...

Ярына взглянула на Марусю и восклинула, пораженная:

— Сила Господня! Что съ тобою?

Дѣвушка стояла блѣдная и неподвижная, какъ мертвецъ, а горячечный, безпокойный взглядъ бѣгалъ, какъ у безумной. Она, повидимому, не слыхала обращеннаго къ ней вопроса.

— Что съ тобою? повторила старуха.

— Повезли уже... пробормотала Маруся безсознательно. Потомъ лицо ея искривилось какимъ то болѣзненнымъ раздраженіемъ; она потянула тетку за рукавъ.

— Пойдемъ! Тамъ еще разъ увидимъ его!... Ахъ, эти колокола чего то плачутъ!

Тетка Ярына, до крайности встревоженная такимъ состояніемъ дѣвушки, не знала, что сказать, только смотрѣла на нее со страхомъ и изумленіемъ, повторяя: „что съ тобою?"

Вмѣсто отвѣта Маруся нервнымъ движеніемъ потянула ее за собою.

— Титко! идемъ.

Возражать и сопротивляться было невозможно, всѣ переступили черезъ перелазъ и пошли вслѣдъ за процессіею. У воротъ кладбища гробъ сняли съ воза и понесли на рушникахъ. Маруся съ теткою слѣдовали за гробомъ, остановились недалеко отъ могилы, за кучкою родственниковъ, смотрѣли и слушали какъ священникъ читалъ послѣднія молитвы. Наконецъ онъ поднялъ руку и окропилъ святою водою стоявшій на краю могилы гробъ. Вокругъ ямы произошло движеніе, нѣсколько головъ на-

клонились къ землѣ, послышался шорохъ, потомъ что то глухо ударило въ дно могилы. Затѣмъ каждый бросилъ на гробъ горсть земли,—посыпались короткіе, отрывистые удары, глухо отдававшіеся въ глубинѣ ямы, и вмѣстѣ съ ними послышался отчаянный плачъ женщинъ, переходящій въ долгій, жалобный, безконечный вопль... Яма все больше и больше наполнялась землею и вскорѣ только небольшая насыпь свидѣтельствовала о томъ, что подъ нею покоится человѣческое тѣло.

Когда все было кончено и присутствующіе начали расходиться, вдова замѣтила Марусю. Злость и отчаяніе овладѣли Гандзею; она стиснула кулаки и подскочила къ соперницѣ. Обѣ противницы молча смѣрили другъ друга яростно сверкавшими глазами, наконецъ Гандзя разразилась:

— Ты... ты... ты, вѣдьма свѣтлоголовая, отравила его!

Тетка Ярына спокойнымъ движеніемъ заслонила Марусю. Дѣвушка молча, съ улыбкою пренебреженія оглядывала свою бывшую пріятельницу, которая металась передъ нею и выкрикивала, задыхаясь отъ злости:

— Ты отравила его! отравила!...

— Отравила! отвѣчала Маруся, глядя ей смѣло въ глаза;—ты отняла его у меня, я—у тебя.

Но вдругъ, пораженная, обезсиленная этимъ страшнымъ признаніемъ, она зашаталась и чуть не упала, тетка Ярына поддержала ее. Въ глазахъ у нея потемнѣло—только теперь она въ первый разъ ясно сознала весь ужасъ совершеннаго ею преступленія и не могла повѣрить, чтобы это была правда. Какъ она могла отравить того, кого любила больше всего на свѣтѣ, за кого готова была отдать собственную жизнь, кому даже простила измѣну? Какъ могло это случиться? А между тѣмъ все это было на самомъ дѣлѣ—и какой то непреодолимый страхъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ. Ей казалось, что умершій шлетъ ей съ того свѣта свое проклятіе, а рыданія и жалобы, раздававшіяся вокругъ, раздирали ей

сердце; несчастная готова была провалиться сквозь землю, лишь бы не слышать этихъ проклятій и стоновъ. Какъ испуганный ребенокъ прижалась она къ теткѣ и, закрывъ глаза руками, твердила:

— Бѣжимъ! бѣжимъ отсюда!

Ярына схватила ее за руку и тащила за собою въ почти безсознательномъ состояніи, а въ слѣдъ имъ сыпались проклятія.

— Вѣдьма! Отравила его! отравила!...

— ъ воротились они домой: Ярына, пораженная, убитая всѣмъ происшедшимъ; Маруся — утратившая всякое самообладаніе. Она сѣла у стола, но никакія просьбы, никакія убѣжденія тетки не могли заставить ее ни ѣсть, ни спать, а ея порывистыя рыданія то и дѣло смѣнялись не менѣе сильными припадками мрачнаго отчаянія.

Исчерпавши безуспѣшно всѣ средства успокоить Марусю, Ярына сидѣла молча, безсильно опустивши руки, раздумывая о несчастьи, посѣтившемъ спокойную хату Гордія, и старалась утѣшить себя тѣмъ, что такое горе не можетъ продолжаться цѣлую жизнь.

Рано утромъ, чуть только свѣтъ показался на небѣ, Маруся выскочила изъ хаты и побѣжала на леваду; въ сѣняхъ встрѣтила ее тетка Ярына.

— Куда ты идешь?

— Въ садъ, на леваду... мнѣ душно...

Тетка поцѣловала ее въ голову.

— Иди, моя дытыно, иди..., она была рада, что Маруся вышла на воздухъ.

— Пусть освѣжится немного, пусть пройдется; можетъ быть повеселѣетъ, скорѣе начнетъ поправляться... А то ходитъ, какъ стѣнка бѣлая!

Прошло больше часу, дѣвушка не возвращалась. Старуха начала безпокоиться, хотѣла уже идти разыскивать ее, какъ вдругъ услыхала со двора какой то шумъ, топотъ, собачій лай: вглянула въ окно—люди, лошади...

— О, Боже мой! можетъ быть, это Гордій пріѣхалъ, подумала она и въ одно мгновеніе была на дворѣ.

Тамъ дѣйствительно было два всадника, она сразу узнала обоихъ: это были Игнатъ и старый Матвій. При видѣ ихъ страхъ овладѣлъ Ярыною; она не рѣшилась спросить, гдѣ Гордій, боясь услышать страшную вѣсть. Пріѣзжіе не торопясь привязали лошадей и медленными шагами направились къ дому.

Зловѣщее предчувствіе старухи смѣнилось увѣренностью при взглядѣ на ихъ печальныя, блѣдныя лица, еще носившія слѣдъ недавно перенесенныхъ страданій.

— А гдѣ же Гордій? спросила она чуть слышно.

— Онъ уже не воротится, отвѣчалъ Матвій; велѣлъ передать вамъ свое послѣднее прощальное привѣтствіе... окончилъ жизнь въ сраженіи.

Ярына всплеснула руками и заголосила;

— Что же я теперь буду дѣлать, несчастная!

Долго стояли они молча, на одномъ мѣстѣ; старуха плакала, ломая руки, какъ вдругъ изъ саду послышался голосъ Маруси. Она шла въ вѣнкѣ изъ барвинку, какъ будто къ вѣнцу и пѣла свадебную пѣсню:

Ой, винку жъ мій, винку,
Хрещатый барвинку,
Куповала тебе рынку,
Замыкала тебе въ скрыньку.
Теперъ тебе рушу,
Заплакаты мушу...

Она прямо подошла къ группѣ стоявшихъ около хаты и, глядя на нихъ безсознательнымъ, помѣшаннымъ взглядомъ, совершенно не давая себѣ отчета во всемъ окружающемъ, спросила:

— А гдѣ же Грыць? Его нѣтъ еще? *Молода княгыня* совсѣмъ готова къ вѣнцу, а его нѣтъ! Вотъ это прекрасно!...

Обвела всѣхъ мутными глазами и продолжала:

— Не прійдетъ теперь, правда... я отравила его... не прійдетъ онъ больше... Дубовыя доски будутъ обнимать его, сырая земля прижметъ къ груди... По дѣломъ ему! Пускай не любитъ двухъ за разъ...

Она запѣла снова жалобнымъ голосомъ, какъ бы иллюстрируя свою мысль:

Ой, маты, маты, жаль ваги не мае—
Нехай Грыценько насъ двохъ не кохае...
Нехай не буде ни ій, ни мени,
Нехай Грыць найиться сырои земли...

— Титко! обратилась она къ Ярынѣ, не хочу Грыцька! Не пойду замужъ! Она подняла руку и сняла вѣнокъ съ головы.

— Барвиночку мой зелененькій! Жаль тебя, жаль! Росъ ты себѣ тихо, а я вырвала тебя изъ этой тишины, Богъ знаетъ зачѣмъ... А мнѣ ты на что? Уже не нужно!

Матвій съ Игнатомъ смотрѣли, слушали и ничего не могли понять, не зная предыдущихъ актовъ той драмы, какая разыгрывалась теперь у нихъ передъ глазами. Ярына въ отчаяніи всплеснула руками.

— Ой, Боже мой! Она помѣшалась!

Маруся продолжала свои жалобы, безсвязно и безпорядочно, а тетка Ярына объясняла ихъ присутствующимъ. Наконецъ, дѣвушка нѣсколько успокоилась, хотя по прежнему не приходила къ сознанію.

— Иди въ хату, иди... успокойся, убѣждала ее старуха и, взявши за руку, повела за собою.

Маруся покорно повиновалась, но, входя въ комнату, случайно взглянула на столъ и остановилась, какъ вкопанная. На столѣ подъ образами лежали пистолеты Горділя, его ружье, сабля и копье къ обломкомъ древка. Казалось, видъ этого оружія объяснилъ ей все и подсказалъ какую то предательскую мысль. Маруся подошла къ столу и долго не могла отвести отъ него глазъ, потомъ быстро обернулась, посмотрѣла въ упоръ на Игната, какъ будто узнала его и спросила:

— А отецъ? Гдѣ мой отецъ?

Игнатъ печально смотрѣлъ на нее, искалъ и не находилъ въ умѣ своемъ достаточно мягкаго отвѣта, чтобы

не огорчить дѣвушку. Маруся долго ждала, не спуская съ него глазъ, но, не получая отвѣта, снова лихорадочно повторила вопросъ;

— Гдѣ же отецъ? Не воротится? Говори... Ничего больше не осталось послѣ него?

— Осталась слава козацкая, отвѣчалъ молодой человѣкъ, и желѣзо, свидѣтельствующее о томъ, что умеръ онъ славною смертью...

Въ одно мгновеніе Маруся подскочила къ столу и схватила копье.

— Для меня и этого достаточно! вскрикнула она, размахнулась и, прежде нежели присутствующіе успѣли опомниться, вонзила себѣ въ грудь цѣлый наконечникъ и упала на руки Игната.

Дѣвушку положили на лавкѣ, осмотрѣли рану: не оставалось никакого спасенія—остріе прошло въ самое сердце и смерть послѣдовала мгновенно, безъ страданій.

Когда въ домѣ поднялся плачъ и суматоха, старый Матвій отозвалъ Игната въ сторону.

— Останься немного, сынъ мой... я вижу, твое присутствіе здѣсь необходимо... нельзя оставить ихъ однѣхъ, а я побреду дальше своею дорогою... нужно еще что нибудь дѣлать, нельзя сидѣть сложа руки, пока не все еще потеряно!...

К. М.

ОЧЕРКЪ
ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ МАЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ ВЪ XVII В. [1]).

(*Продолженіе*) [1]).

IV.

Черты малорусскаго нарѣчія, чуждыя нарѣчіямъ церковнославянскому и великорусскому.—Звуки гласные и согласные.—Глагольныя формы.

Намъ остается еще сдѣлать обзоръ звуковъ и формъ собственно малорусскихъ, входящихъ въ составъ книжной малорусской рѣчи XVII в.

Гласный і изъ о и е.

Самая рѣзкая особенность малорусскаго вокализма—это превращеніе въ извѣстныхъ случаяхъ основныхъ *о* и *е* въ *і*.

Объ этомъ явленіи мы въ свое время достаточно высказались [2]). Указавъ на связь его съ потерей глухихъ гласныхъ, мы обратили вниманіе на сѣверно-малорусскія замѣны основныхъ *о* и *е*, допуская три стадіи въ развитіи *і* изъ *о* и *е:* древнѣйшую—*оо*, *ее*, среднюю, на которой подъ вліяніемъ ударенія явились дифтонги *уо*, *юо* и стяженія ихъ *у*, *ю*, позднѣйшую—*уі*, *юі* и стяженіе ихъ *і*. Затѣмъ, сблизивъ сѣверно-малорусскіе дифтонги двухъ типовъ *уо*, *уо* съ дифтонгами *іе*, *іе* (изъ *ѣ*), мы сдѣлали вѣроятныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи изъ этихъ дифтонговъ ихъ великорусскихъ и малорусскихъ замѣстителей,—о времени появленія малорусскаго *і* изъ *о*, *е*,—наконецъ, по южнорусскимъ памятникамъ, начиная съ XIV вѣка, мы указали превращенія звуковъ *о* и *е*.

---

[1]) „Кіевская Старина“, 1888 г., августъ.

[2]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 107—123.

Противъ этихъ положеній высказано было нѣсколько замѣчаній, сущность которыхъ сводится къ вопросу о времени появленія въ малорусскомъ нарѣчіи той или другой количественной замѣны серединныхъ гласныхъ.

Такъ, г. Потебня полагаетъ, что въ малорусскомъ нарѣчіи возможно было одновременное существованіе серединныхъ глухихъ (*сън*) и удлинненіе чистыхъ (*коонь*). По его мнѣнію, „какъ замѣна глухихъ чистыми, такъ и удлинненіе чистыхъ въ среднихъ слогахъ суть вознагражденія не за потерю, а лишь за ослабленіе конечныхъ глухихъ“. Означая ступень паденія глухихъ, среднюю между нынѣшнею и древнею, посредствомъ значка', „я, говоритъ Потебня, представляю себѣ такую постепенность формъ: 1) *ко-нь, съ-нъ;* 2) *кōн*', *сън*' (т. е. *ō* еще далеко отъ двухъ явственныхъ *оо*, близкихъ къ дифференцированію въ *уо*, а *ъ* еще отличимо отъ *о; коон*', *сон*“ [1]). Мы получили такимъ образомъ не цѣлые звуки, а только дроби звуковъ, съ которыми, во всякомъ случаѣ, не легко справиться: въ словѣ, напримѣръ, *сън*' три гласныхъ звука, изъ которыхъ первый—полный, другой—отличимый отъ перваго (вѣроятно, половинный), а третій—неизвѣстно какой, такъ какъ онъ означаетъ „ступень паденія глухихъ, *среднюю между нынѣшнею и древнею*“... Все дѣло въ томъ, что почтенный изслѣдователь въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ отступилъ отъ прежняго мнѣнія своего о времени потери глухихъ гласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Прежде онъ думалъ, что они потеряны были въ XII в. и даже раньше [2]),—теперь онъ думаетъ, что „до полнаго уничтоженія глухихъ *дѣло не дошло и теперь*, если взять во вниманіе, что сохраненіе разницы въ малорус. между конечными звучными и отзвучными (*біб, піп*) невозможно безъ сохраненія нѣкотораго остатка глухаго звука“ [3]). Интересно, между прочимъ, сближеніе въ этомъ отношеніи малорусскаго нарѣчія съ польскимъ. „Фактъ въ томъ, говоритъ г. Потебня, что въ польскомъ литературномъ языкѣ въ

---

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

[2]) Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 14.

[3]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51.

среднихъ слогахъ предъ звучными стоитъ *ó* (изъ *oo*, *'уо*), а предъ отзвучными *ŏ*: *bób* и *pop*, *chód* и *kot*, *bóg* и *bok*. Объясненіе состоитъ въ томъ, что конечный глухой звукъ долѣе удерживается здѣсь послѣ отзвучныхъ (болѣе сильныхъ), требовавшихъ большаго напряженія дыханія, чѣмъ послѣ звучныхъ, почему предъ послѣдними появилось удлинненіе основнаго *о* въ то время, какъ предъ первыми нѣтъ" [1]). Для насъ кажется непонятнымъ, что въ польскомъ нарѣчіи конечный глухой звукъ долѣе удерживается послѣ отзвучныхъ, между тѣмъ въ малорусскомъ нарѣчіи предполагается слѣдъ глухаго звука даже и теперь—именно послѣ звучныхъ, которые отличаются (конечно, какъ и въ польскомъ нарѣчіи) меньшимъ напряженіемъ дыханія, слѣдовательно меньше обезпечиваютъ цѣлость глухихъ гласныхъ. Какъ бы мы, во всякомъ случаѣ, ни отодвигали потерю глухихъ гласныхъ отъ первыхъ вѣковъ древнерусской письменности, все таки едва ли можно утверждать положительно, что „два-три столѣтія назадъ такія слова, какъ *сон* (въ малорусскомъ нарѣчіи) были близки къ двухсложности, а между тѣмъ *о* изъ *ъ* въ нихъ уже существовало" [2]). Если среднее *о* въ словѣ *сон* уже тогда существовало, то не было необходимости въ *ъ*, потому что самое *о* могло быть вызвано не ослабленіемъ, а самой потерей *ъ*, слѣдовательно, слово *сон* не было тогда двухсложнымъ. Если же оно было двухсложнымъ, то средняго *о* не существовало, а былъ на его мѣстѣ глухой гласный звукъ. Если слѣдствіе допускается, то и причина должна быть принята, потому что слѣдствіе безъ причины, какъ извѣстно, не бываетъ. Что касается до тѣхъ соображеній, которыя основываются на положеніи, что во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ *ъ* въ словѣ *сон* (*сънъ*) звучитъ, какъ *о*, а не какъ *уо*, *у* или *і*, а это неизбѣжно должно было бы случиться въ малорусскомъ нарѣчіи, еслибы въ то время, когда начали говорить *куонь*, *кунь*, *кінь*, глухой *ъ* въ словѣ *сънъ* превратился въ *о*,—то на это можно замѣтить, что *о* въ такихъ словахъ, какъ *сон* не могло превратиться въ *уо*, *у* или *і* въ слѣдствіе краткости *о*, образовавшагося изъ *ъ*.

---

[1]) Къ исторіи звуковъ русскаго языка, 51—52.

[2]) Ibidem.

Недавно явилось въ наукѣ документальное подтвержденіе того положенія, что первоначальнымъ моментомъ въ образованіи *і* изъ основнаго *о* было *оо*, — именно въ южнорусскихъ памятникахъ XIII—XIV в. есть формы: *въ воовьця, воовьчихъ* (Галиц. еван. XIII в.), *воoца, воoци* (Поликар. еван. XIV в.) [1]). Такимъ образомъ долгое *о*, записанное въ одномъ изъ гродненскихъ говоровъ, существуетъ не менѣе шести вѣковъ. Но такъ какъ всякое звуковое явленіе возникаетъ и развивается раньше, чѣмъ появляется въ письменныхъ памятникахъ, то образованіе *оо* можно передвинуть съ XIII къ XII и даже XI в., т. е. къ начальной эпохѣ древнерусской письменности. Отсюда изъ *уо—у*, изъ *уі—і*. Кромѣ этого пути въ образованіи *у*, *і*, г. Соболевскій предполагаетъ и другой путь. Онъ думаетъ, что послѣ паденія глухихъ гласныхъ „долгое *о* сначала звучало открыто, потомъ стало звучать закрыто и приближаться къ *у*, въ которое оно и стало переходить еще въ XII вѣкѣ, и которое мы находимъ въ *ужасаються* 3. л. ед. ч. (Добр. еван. XII в.), *щюдръ, субутный* (Типогр. еван. № 6, XII—XIII в.). Въ современномъ малорус. это *у* изъ *о* долгаго сохраняется во многихъ говорахъ: *буг, кунь, муй*" и проч. [2]). Но *у* въ приведенныхъ словахъ есть ничто иное, какъ звукъ, стяженный изъ *уо*, какъ доказываютъ тѣ же говоры, въ которыхъ говорятъ *буг* и *буог*, *кунь* и *куонь, муй* и *муой*. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности осложнять вопросъ новой гипотезой, предполагая между *оо* и дифтонгами долгое *у*, когда это *у* въ народномъ произношеніи есть звукъ краткій, и когда предъ нами на лицѣ всѣ градаціи этого звука, какъ вверхъ, такъ и внизъ, изъ коихъ большая часть скрѣпляется свидѣтельствомъ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятниковъ. Не видимъ скачка въ развитіи *ů* изъ основнаго *о* и въ чешскомъ нарѣчіи: и здѣсь изъ основнаго *о* явилось долгое *о*, изъ этого послѣдняго *uo*, а изъ *uo*—позднѣйшее *ů*. Другое дѣло—образованіе краткаго *у* изъ краткаго (неударяемаго) *о*. Здѣсь нѣтъ условій для образованія дифтонга,

---

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 97.

[2]) Ibibem, 96—97.

поэтому въ словахъ: *яблуня, упйать, пужар* и т. п. *у* явилось прямо изъ *о*. Это явленіе, собственно говоря, общерусское, но оно не отмѣчено нами въ обзорѣ общерусскихъ звуковъ, между прочимъ, потому что намъ не встрѣтилось оно въ позднѣйшей малорусской книжной рѣчи. Первые слѣды этого явленія относятся къ XI в: такъ, уже въ Сбор. 1073 г. творит. пад. женск. р: *которивуѫ* вмѣсто *которивоѫ* [1]).

По аналогіи съ долгимъ *о* нужно допустить и долгое *е*, но этотъ предполагаемый архаизмъ не отысканъ въ народныхъ говорахъ, можетъ быть, потому что долгое *е* очень рано начало превращаться въ *јоо*, и отсюда обычнымъ путемъ чрезъ *јуо* въ *ју* (*ю*): *ѣдущомъ*, *мытаромъ* (Холмс. еван. XII—XIV в.), *июдѣюмъ* (Галиц. еван. XIII в.), *отрочищюмъ* (Холм. еван.) [2]). Безъ всякаго сомнѣнія, *е*, подъ вліяніемъ потери конечныхъ глухихъ гласныхъ, уже измѣнилось во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ мы видимъ *ѣ* вмѣсто *е*. Это явленіе рѣзко обозначилось въ XIII в: такъ, въ Добриловомъ евангеліи 1164 г. очень часто пишется *ѣ* тамъ, гдѣ прежде (напр. въ Галицкомъ евангеліи 1144 г.) стояло *е*: *знамѣнье, учѣные, камѣнье, корѣнья, ремѣнь, учитѣль, зѣлье, пѣщь, сѣдмь, шѣсть, въ нѣмъ, о сѣмь, въ нѣй, сѣй, будѣть* и проч. [3]).

Какъ звучалъ этотъ *ѣ*?

Г. Соболевскій называетъ его *новымъ* въ отличіе отъ древняго *ѣ*, который, по его мнѣнію, одинъ только изъ всѣхъ звуковъ „при распаденіи общеславянскаго языка перешелъ въ отдѣльныя славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ и въ русскій языкъ, въ качествѣ долгаго звука“ [4]). Въ древнѣйшее время онъ произносился, какъ мягкое *е*, и вмѣстѣ съ *е* имѣлъ способность

---

[1]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго яз. Колосова, 62.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 93. По наблюденію г. Потебни, предъ твердыми согласными и предъ *ј* основное *е* превращается въ *і* чрезъ *јо*: *вев* = *вјов* = *вјуов*, — *јеј* = *јој* = *јуој* и т. д., а предъ мягкими согласными *је* прямо превращается въ *јі* (*і*): *лебідь* изъ *лебедь*, *весілле* изъ *веселле*. (Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, 32, 33).

[3]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, Соболевскаго, 2, 3, 4.

[4]) Ibidem, 80. Въ послѣднемъ сочиненіи своемъ г. Соболевскій выражается объ этомъ съ большею осторожностью: „*ѣ*, говоритъ онъ, *какъ кажется*, былъ един-

сильно смягчать предшествующій согласный звукъ, но всегда имѣя склонность къ переходу въ *і*, съ теченіемъ времени онъ началъ отклоняться къ іотному *і*. Относительно новаго *ѣ* г. Соболевскій думаетъ двояко: съ одной стороны это было долгое *е*, которое однако же въ нѣкоторыхъ случаяхъ „не смотря на исчезновеніе глухаго или *и* въ послѣдующемъ слогѣ, не подвергалось измѣненію и осталось краткимъ“ [1]). Эта двойственность въ воззрѣніи на новый *ѣ* выступаетъ еще рѣзче въ слѣдующихъ словахъ: „новый *ѣ* первоначально отличался отъ *е* только количествомъ. Имѣя всѣ качества *е*, и въ ихъ числѣ склонность къ переходу въ *о*, которой не имѣлъ древній *ѣ*, онъ никогда не былъ тождественнымъ съ этимъ послѣднимъ“ [2]). Впрочемъ, въ этомъ новомъ *ѣ* сохранилась и еще черта, родняцая его съ древнимъ *ѣ*. Можно думать, говоритъ г. Соболевскій, что *ѣ* переходитъ въ *о* чаще, чѣмъ *е*, вѣроятно потому, что онъ сохранилъ древнюю мягкость“ [3]). Такимъ образомъ, новый *ѣ* есть отчасти долгій, а отчасти краткій звукъ; кое-что онъ сохранилъ изъ древняго *ѣ*, но не все, кое-что изъ основнаго *е*, но не все; въ немъ есть всѣ условія для того, чтобы сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ угодно. По нашему мнѣнію, удобнѣе говорить о видоизмѣненіяхъ основнаго *е*, которыя происходили подъ разными условіями, а также—объ этихъ самыхъ условіяхъ, которыя породили разные рефлексы звука *е*, выраженные, между прочимъ, и буквою *ѣ*,—а не о новомъ фиктивномъ *ѣ*, составленномъ изъ разнообразныхъ и отчасти несовмѣстимыхъ элементовъ. Но этого мало: въ изслѣдованіи г. Соболевскаго, кромѣ новаго *ѣ* изъ *е*, указаны по галицко-волынскимъ памятникамъ еще два новые *ѣ* [4]). Самъ по себѣ и старый *ѣ* представляетъ не малую загадку въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и въ разныя эпохи письменности въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій.

ственный долгій звукъ въ русскомъ языкѣ древнѣйшаго періода“ (Лекціи по исторіи русскаго языка, 40).

[1]) Очерки изъ исторіи русскаго языка, 89.

[2]) Ibiedem, 92—93.

[3]) Ibidem, 93.

[4]) Ibidem, 93—64.

Теперь же выступаютъ предъ нами нѣсколько *новыхъ ѣ* въ южнорусской письменности, и всѣ они представляютъ варіаціи стараго, въ наукѣ недостаточно выясненнаго, т. е. къ одной малоизвѣстной величинѣ присоединяется нѣсколько новыхъ, еще менѣе извѣстныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлались ли яснѣе самые звуки послѣ того, какъ обозначающая ихъ буква названа №№ 1, 2, 3? Такую нумерацію можно бы было примѣнить почти ко всякому звуку для обозначенія всѣхъ переходовъ его въ другіе звуки. Такъ, напримѣръ, *ы* въ малорусскомъ нарѣчіи переходитъ въ *у*, *о*, *е*, *і* [1]),—и вотъ изъ одного *ы*, со включеніемъ основнаго, можно было бы составить пять номеровъ, знаніе которыхъ имѣло бы интересъ болѣе орѳографическій, чѣмъ лингвистическій. Намъ кажется, что этотъ методъ изслѣдованія, отвлекая вниманіе отъ звука къ буквѣ, невольно располагаетъ къ *буквенному* представленію звука, т. е. ко внесенію въ это представленіе того, что намъ извѣстно не столько о звукѣ, сколько о буквѣ. А такъ какъ о значеніи буквы *ѣ* въ древнѣйшей русской письменности мы имѣемъ сравнительно немного данныхъ безспорныхъ и точныхъ, то отсюда неизбѣжно должна получиться неопредѣленность и сбивчивость и въ представленіи того звука, который послѣ паденія глухихъ гласныхъ образовался изъ основнаго *е*, и который со второй половины XII вѣка началъ обозначаться въ южнорусскихъ памятникахъ посредствомъ буквы *ѣ* [2]). Можно сказать только, что въ данномъ случаѣ основное *е* могло перейти въ растяженное, долгое *е*, и эта *позднѣйшая*, *секундарная* долгота могла быть выражена посредствомъ буквы *ѣ*. А такъ какъ *е* предъ мягкими согласными переходитъ въ *і* (*jі*), то позволительно думать, что буква *ѣ* уже въ XII вѣкѣ, послѣ паденія конечныхъ глухихъ гласныхъ, могла выражать и звукъ *і* (*jі*), сходный съ тѣмъ *и̇*, который въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ является въ XII и даже XI вѣкѣ на мѣстѣ основнаго *ѣ*.

---

[1]) Studien... Ogonowski, 39—40.

[2]) О другихъ недостаткахъ теоріи г. Соболевскаго, пріуроченной къ этнографическому распредѣленію древнерусскихъ племенъ, мы надѣемся поговорить въ другое время.

Считаемъ своею обязанностію отнестись критически и къ собственному мнѣнію о значеніи малорусскихъ дифтонговъ изъ основныхъ *о*, *е*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этихъ звукахъ мы считали ихъ первозвуками, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались стяженные гласные, какъ великорусскіе *о*, *е*, такъ и малорусскіе *у*, *ю*, *і*. Мы отодвигали ихъ къ общему моменту въ жизни русскихъ нарѣчій, который соотвѣтствуетъ идеѣ русскаго праязыка. Противъ этого мнѣнія съ особенною убѣдительностію высказано было нѣсколько замѣчаній г. Ягичемъ. „Что удобнѣе, говоритъ онъ, выводить ли великорус. *бог*, *стол* изъ *буог*, *стуол*, или же сказать, что и по паденіи конечнаго *ъ* великорусское *о* удерживаетъ тотъ же вѣсъ безъ всякой количественной перемѣны? Охотно можно согласиться съ тѣмъ, что въ великорусскомъ *бог* звукъ *о* нѣкогда произносился протяженнѣе, какъ и теперь въ сербскомъ *бôг*... Слѣдовало бы и ограничиться этимъ положеніемъ,—слѣдовало бы сказать, что въ великорусскомъ нарѣчіи *о* качественно осталось неизмѣннымъ, а количественно съ теченіемъ времени сократилось, а въ малорус. изъ *бôг*=*боог* явилось не только *буог*—*буг*, но и *буіг*—*біг*“ [1]). Не споримъ, что въ привлеченіи великорусскаго нарѣчія къ малорусскимъ дифтонгамъ изъ *о*, *е* была добрая доля преувеличенія, объясняемаго желаніемъ вывести великорусскій и малорусскій вокализмъ изъ одного первоисточника, но мы всегда считали мнѣніе свое не болѣе, какъ гипотезой, на смѣну которой должно придти другое болѣе вѣроятное объясненіе, поэтому мы охотно допускаемъ возможность движенія двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій не отъ дифтонговъ, сохранившихся въ подлясскомъ малорусскомъ говорѣ изъ *о*, *е*, а отъ удлиненныхъ, или же, какъ говоритъ г. Ягичъ, растяженныхъ гласныхъ (*оо*, *ее*), образовавшихся въ эпоху паденія *ъ* и *ь*.

Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. мы вовсе не встрѣчаемъ дифтонговъ, какъ нѣтъ ихъ и въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ. Что касается до стяженныхъ звуковъ, то они составляютъ въ ней обычное явленіе: **бȣль** вмѣсто *болъ*

---

[1]) Archiv für Slaw. Philologie, II, 251—255.

(Кир. Транк. 56), **хору̂мъ** вмѣсто *хоромъ* (ib. 61), **плу̂тъ** вмѣсто *плотъ* (Лекс. Бер. 198), **ру̂въ** вм. *ровъ* (ib. 216), **ру̂гъ** вм. *рогъ* (ib. 140), **гру̂мъ** вм. *громъ* (ib. 174), **намютъ** вм. *наметъ* (ib. 115), **к нюй** вм. *въ ней* (ib. 116), **своюй** вм. *своей* (Г. К. 218), *облюгъ* вм. *облегъ* (Хм. л.), **звычаюмъ, шпыталюмъ** вм. *звычаемъ, шпыталемъ* (Рад. Ог.). Стяженіе *у, ю* было популярно въ средѣ писателей въ теченіи всего XVII вѣка и, повидимому, распространено было далеко за предѣлами сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ: такъ, мы постоянно встрѣчаемъ эту старинную особенность малорусскаго вокализма въ перепискѣ Богдана Хмельницкаго: *свуй, поклунъ, мугъ, нугъ, попувъ, посланцувъ* и т. п. Что касается до *і* изъ *у, ю*, то оно—тоже не рѣдкость на всемъ пространствѣ XVII вѣка, при чемъ *і*, какъ изъ *ю* (*е*), такъ и изъ *у* (*о*), обозначается иногда буквою *ѣ*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—гласный *і* изъ *у*, *о* обозначается и буквою *ы*: **пійде** вм. *пойде* (Кир. Транк. 52 об.), **о̂укиръ** вм. *уборъ*, **зтѣкъ** вм. *зтекъ* = **сонмъ ко̂ный** (ib. 153), *горщикъ* вм. *горщокъ* (Кіев. л. 85), *о укрѣпляющимъ* вм. *щемъ* (Діар. А. Ф. 144), *въ козацкимъ* вм. *комъ* (Льв. П.), *килька, кѣлько* вм. *колько* (ib.), *въ еднѣмъ* вм. *въ едномъ* (ib.), **къ грецкимъ** вм. **комъ** (Г. Каз. 104). **о̂ чимъ** вм. **о чемъ** (ib. 122), **на весо́лымъ** вм. **ломъ** (Рад. Ог. 893), **по ты́мъ** вмѣсто **по томъ** (ib. 1083), **пѣчь** и на той же страницѣ: **к печѣ** (ib. 695), **кыкѣлъ** вмѣсто **выкелъ** (ib. 945), *на другій неделі* (Меж. л. 97).

Смѣшеніе основнаго и съ основнымъ ы.

Не мало затрудненій въ исторіи русскихъ нарѣчій представляетъ также звукъ *ы*. Въ изслѣдованіи своемъ объ этомъ звукѣ мы указали по народнымъ говорамъ и по памятникамъ древнерусской письменности звуковыя замѣны основнаго *ы* въ связи съ образованіемъ этого звука, что привело насъ къ заключенію о вѣроятномъ произношеніи *ы* въ древнерусскую эпоху, какъ *и*. Этимъ объяснили мы развитіе въ XIV в. секундарнаго *ы* вмѣсто основнаго *и*, а также вообще стремленіе малорусскаго вокализма къ губному порядку гласныхъ. Что касается до средняго украин-

скаго *и*, то оно, какъ результатъ смѣшенія основнаго *и* съ основнымъ *ы* и перехода того и другаго въ широкое *ы*, есть звукъ поздній, не получившій въ южнорусской письменности надлежащаго выраженія [1]).

Противъ этого мнѣнія высказано было не мало возраженій изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются крайнею неумѣренностію тона. Съ особенною рѣзкостію выразился по этому поводу г. Колосовъ [2]). По его мнѣнію, мы не обратили вниманія на губной характеръ звука *ы*. Это положеніе, установленное дедуктивно, Колосовъ защищаетъ прославленіемъ дедукціи, хотя бы она и не согласовалась съ очевидными фактами. „Если бы и не разъ, а много разъ встрѣтилось въ памятникахъ на мѣстѣ *ы* сочетаніе буквъ, которое не соотвѣтствуетъ природѣ этого звука, я бы, говоритъ онъ, попытался объяснить себѣ такое сочетаніе такъ или иначе, но не усумнился бы въ вѣрности сдѣланныхъ выше заключеній“. Но самъ Колосовъ, противъ воли своей, выводитъ наружу вредъ чистой дедукціи, указывая на то, что Шлейхеръ, желая подыскать соотвѣтствіе *ы* = *ъв*, допустилъ *и* = *ъј* (*бъюнъ*), тогда какъ здѣсь *и* сократилось въ *ъ*, слѣдовательно, нѣтъ здѣсь ничего похожаго на разложеніе *ы* въ *ъв*. Слѣдуя, однако же, дедуктивному методу, Колосовъ утверждаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ ряды звуковъ *а, і, у* будто бы никогда не смѣшиваются между собою,—будто бы, сверхъ того, находятся въ *полномъ* соотвѣтствіи между собою. Но въ данномъ случаѣ мы считаемъ болѣе убѣдительнымъ мнѣніе Шлейхера, который ставитъ примѣтой сѣверо-восточнаго семейства языковъ смѣшеніе, напримѣръ, ряда *і* съ рядомъ *а* [3]). Что касается до соотвѣтствія звуковъ, то оно, какъ видно изъ статьи самого Колосова, совсѣмъ *не полное*. Такъ, по его мнѣнію, *ы* (*ъв*) соотвѣтствуетъ *и*, но *и* не разлагается: гдѣ же тутъ *полное* соотвѣтствіе? Затѣмъ, съ тѣми же пріемами дедуктивнаго упрямства Колосовъ вступаетъ въ полемику не съ нами только, но и съ

---

[1]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, 124—143.

[2]) Загадочные звуки въ исторіи русскаго яз. Колосова, 1876 г.

[3]) Compendium, Schleicher, 126.

Миклошичемъ, Шлейхеромъ, Гатталой и Гейтлеромъ, которые не отрицаютъ, какъ извѣстно, небнаго элемента въ звукѣ *ы*. По его мнѣнію, изъ элементовъ *ъв* образовалось *ы*—„звукъ порядка губнаго, произношенія котораго мы навѣрно не знаемъ",—но при этомъ предполагаетъ, что въ древнеславянскомъ языкѣ *ы* звучало такъ, какъ звучитъ теперь въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и польскомъ [1]). „Было ли когда *ы* двоегласнымъ звукомъ, и это, говоритъ онъ, неизвѣстно" [2]). Итакъ, этотъ *неизвѣстный иксъ извѣстенъ* только тѣмъ, что онъ былъ *чисто губной* звукъ. Колосовъ упрекаетъ насъ за то, что мы, какъ и другіе, дали большое значеніе фрейзингенской замѣнѣ *ы* посредствомъ *ui*. Допустимъ, что это такъ, что *ui* въ данномъ случаѣ не выражаетъ дифтонга. Откуда же все-таки *i* въ томъ же фрейзингенскомъ памятникѣ вмѣсто *ы*, т. е. откуда небный элементъ въ *ы*? Случаи замѣны *ы* посредствомъ *i* въ памятникахъ русской редакціи, указанные нами, Колосовъ объясняетъ діалектическими наслоеніями. Допустимъ, что это черта не русская,—но откуда же небность въ *ы*, хотя бы и не русскомъ? И какимъ образомъ славянскія нарѣчія, утратившія *ы*, взяли для замѣны его звукъ изъ другой категоріи, т. е. именно звукъ *i*, если вѣрить Колосову, что въ нихъ категоріи гласныхъ звуковъ не смѣшиваются между собою? Колосовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сбивчиво. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „*i* нарѣчій, утерявшихъ *ы*, или непосредственно явилось изъ *ы*, равнаго великорусско-польскому *ы*, или чрезъ ту ступень, которую представляетъ среднее *и* на мѣстѣ *ы* въ малорусскомъ" [3]),—а въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ, что между основнымъ *ы*—(произношеніе котораго намъ невѣдомо) и современной его замѣной *i* посредствующимъ звукомъ было то *ы*, которое удержалось въ русскомъ и польскомъ нарѣчіяхъ по настоящее время" [4]). Но если *i* изъ *ы* явилось непосредственно, то въ *ы* заключался небный элементъ, выступившій въ *i*. Если же между *ы* и *i* былъ посредствующій звукъ, то ка-

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 2.

[2]) Ibidem, 19.

[3]) Ibidem, 19.

[4]) Ibidem, 15.

кой именно—великорусско-польское *ы* или малорусское среднее *и*? Одинъ разъ древнѣйшее произношеніе *ы* Колосову вѣдомо, въ другой разъ—невѣдомо. И если невѣдомо, то можно ли говорить о посредствующей ступени между величинами, изъ которыхъ одна совершенно неизвѣстна? Можно ли съ увѣренностію утверждать послѣ этого, что „въ эпоху появленія первыхъ письменныхъ славянскихъ памятниковъ *ы* произносилось такъ, какъ произносится теперь въ русскомъ и польскомъ?“ [1]) Нужно согласиться, что и это есть не болѣе, какъ гипотеза, можетъ быть, болѣе вѣроятная, чѣмъ наша гипотеза о древнерусскомъ произношеніи *ы*, какъ *и*. Нужно и то еще сказать, что въ нѣкоторыхъ малорусскихъ говорахъ есть слѣды дифтонга въ произношеніи *ы* [2]), и поэтому догадка г. Потебни объ образованіи нѣкоторыхъ современныхъ звуковъ изъ дифонга *ы* не лишена серіознаго значенія [3]). Въ виду всего сказаннаго можно вполнѣ согласиться съ г. Колосовымъ только въ томъ, что *ы* дѣйствительно одинъ изъ загадочныхъ звуковъ въ русскихъ нарѣчіяхъ. Что касается нашихъ соображеній о звукѣ *ы*, то для насъ они имѣютъ нѣкоторое значеніе лишь на столько, на сколько согласуются съ письменными памятниками. Остается несомнѣннымъ, что въ древнѣйшихъ памятникахъ русской редакціи нерѣдко встрѣчается замѣна основнаго *ы* буквой *и*, а въ южнорусскихъ памятникахъ XV—XVI в.—обратная замѣна основнаго *и* и даже *і* изъ *ѣ* буквой *ы*. Это именно тотъ моментъ смѣшенія *и* съ *ы*, который выразился въ преобладаніи этого послѣдняго звука надъ первымъ, и на которомъ стоятъ современные галицкіе, подольскіе и волынскіе говоры малорусскаго нарѣчія. Онъ отразился довольно рѣзко и въ книжной малорусской рѣчи XVII в: скоимы, надъ нымъ, о вѣры (Уч. ев.), *Володимеровы* (дат. ед. Пал. З. К. 1107), приспособлялы (Тр. п. 10), заправилы (ib. 131), прычыну, дшы, отыскъ, выражалы (Лям. Острожск.), въ *листы*

---

[1]) Загадочные звуки русскаго яз., 19.

[2]) Отчетъ о занятіяхъ славянс. нарѣчіями, Кочубинскаго, I, 45; II, 47. Grammatyka jezyka małoruskiego, Wagilewicza, 1845 г., предисловіе, стр. XVIII.

[3]) Отчетъ о 20 присужденіи наградъ гр. Уварова, 805—807.

вмѣсто въ *листь* (Діар. А. Ф. 63), *коло ныхъ* (Льв. П.), *пожи-выты* (Хм. л.), тыра́нъ (Г. К. 5), нечи́стоты (род. ед. Рад. Ог. 929), кро́вы (ib. 1079), къ вѣры вмѣсто *въ вѣрь* (ib. 115). Можно думать, что въ это время уже существовало и позднѣйшее украинское среднее *и*. Мы видимъ его тамъ, гдѣ встрѣчаемъ постановку *и* вмѣсто *ы*, которая къ концу XVII вѣка постепенно усиливается: ти́сяча (Уч. ев.), *владиками* (Пал. З. К. 1045), *пастирству* (ib. 1046), *подстаростимъ* (Хм. л.), сокри́вши (К. Х.), ри́бы (Рад. Ог. 433), и т. п.

Коренные согласные въ старинномъ малорусскомъ правописаніи.

Основная черта малорусскихъ согласныхъ—преобладаніе звучныхъ надъ отзвучными и твердыхъ надъ мягкими указана нами выше. Съ этой стороны малорусскіе согласные сравнительно съ церковнославянскими и великорусскими представляютъ различіе въ отношеніи количественномъ, а не качественномъ, поэтому мы и не могли причислить ихъ къ звуковымъ особенностямъ собственно малорусскимъ, т. е. безусловно чуждымъ тому или другому говору великорусскаго нарѣчія. Такъ, напримѣръ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи губные и гортанные произносятся твердо въ такихъ же случаяхъ, какъ и въ малорусскомъ [1]); звучные согласные устойчивѣе въ бѣлорусскомъ, чѣмъ въ сѣверно-великорусскомъ и южно-великорусскомъ [2]). Что касается до малорусской книжной рѣчи XVII в., то въ ней замѣтно стремленіе держаться словопроизводства, поэтому мы видимъ коренные согласные тамъ, гдѣ въ народномъ произношеніи имѣли мѣсто иные звуки, образовавшіеся путемъ ассимиляціи: *гадка*, а не *гатка*, *молодшии* а не *молотшии*, *отче*, а не *очче*, *коротшии*, а не *корочшии*, *лучшии*, а не *луччии*, *дочць*, а не *доцць*, *книжць*, а не *книзць*, *хвалишся*, а не *хвалисся*, *хвалится*, а не *хвалицця*, и т. п. Расположеніе къ сохраненію на письмѣ коренныхъ согласныхъ поддерживалось отчасти навыкомъ къ грамматическому сравненію словъ малорусскихъ съ церковнославянскими,

---

[1]) Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 67, 70.

[2]) Ibidem, 65, 66, 68, 73, 84.

отчасти твердой позиціей въ малорусскомъ консонантизмѣ звучныхъ согласныхъ, не подчиняющихся ассимиляціи съ отзучными, на что было указано выше. Впрочемъ, народный выговоръ часто оказывался сильнѣе всякихъ этимологическихъ соображеній. Особеннно охотно слѣдовали ему малорусскіе писатели, когда онъ совпадалъ съ коренными звуками въ словѣ, поэтому нерѣдко можно встрѣтить у нихъ такія формы, какъ **бѣгчѝ**, а не *бѣхчи* (Рад. Ог. 1112), **облєгтѝ**, а не *облехтѝ* (Г. К. 73)—формы, какъ извѣстно, позднѣйшія, возникшія путемъ народной этимологіи изъ стремленія къ этимологической ясности слова. Еще сильнѣе сказалось вліяніе народной фонетики въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные встрѣчались съ звучными: здѣсь ассимиляція отъ согласныхъ звучныхъ часто брала верхъ надъ коренными согласными: такихъ примѣровъ, какъ *дожчъ* (Г. М. 147), *збырання*, *збуты* (Сл. о безд.), можно было бы привести чрезвычайное множество.

Звуковыя особенности въ склоненіи именъ существительныхъ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ малорусское нарѣчіе сохранило, какъ мы видѣли, много старинныхъ окончаній, сходныхъ съ церковнославянскими. Есть въ галицкомъ говорѣ немногія оригинальныя формы, возникшія на древнерусской почвѣ: такова, напримѣръ, форма творит. падежа темы *a*, *ja* въ именахъ существит. женс. р: *рибоу*(*в*), *землеу*(*в*), отсюда и въ именахъ существительныхъ темы *i*: *костеу*(*в*). Объясняютъ эти формы потерей *j* между *о* и *у* [1]), но мы болѣе склонны думать, что онѣ образовались по аналогіи отъ именъ существительныхъ мужес. р: *домовъ*, *доловъ* (*домови*, *долови*), при чемъ произошло смѣшеніе падежей дательнаго съ творительнымъ. Форма *домовъ* встрѣчается уже въ XII в. въ одной смоленской грамотѣ [2]), *доловъ*—въ южно-русскихъ грамотахъ XIV в. [3]). Не менѣе оригинальна форма того же падежа въ нѣкоторыхъ галицкихъ разно-

---

[1]) Замѣтки о малорус. нарѣчіи, Потебни, 55. Studien Ogonowski, 124.

[2]) Изв. Ак. т. X, вып. 6, 602.

[3]) Приложенія къ Очерку звуковой исторіи малорус. нарѣчія.

рѣчіяхъ: *рибом, землем*. По нашему мнѣнію, здѣсь простой обмѣнъ однородныхъ согласныхъ *в* и *м*[1]). Тѣхъ и другихъ формъ мы не встрѣчаемъ въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, конечно, оттого, что онѣ и въ то время не были въ общемъ употребленіи.

Зато писатели малорусскіе не чуждались тѣхъ народныхъ особенностей во флексіяхъ именъ существительныхъ, которыя обусловлены малорусской фонетикой.

Такъ, мы уже приводили не мало примѣровъ переходнаго смягченія гортанныхъ въ шипящіе предъ *е* (зват. падеж.), въ свистящіе предъ *і* (дат. падеж. женс. р. и предложный всѣхъ трехъ родовъ).

Есть флексіи, сложившіяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ смягченно-удвоенныхъ согласныхъ, и при томъ съ превращеніемъ *е* въ *я*, свойственнымъ украинскому говору: **дука́** (имен. ед: Лекс. Бер. 200), **пѣрѧ**=слав. *пе́ріе* (ib. 102), **пе́рѧмъ** (твор. ед. ib.), **камѣнѧмъ** (твор. ед.), есть и **камѣнємъ** (Г. К. 63), **на́чинѧмъ** (Рад. Ог. 641). И въ наращаемомъ *дитя* звукъ *я* по аналогіи съ предыдущими именами въ творит. един. сохраняется: „**бꙋдꙋчи дитѧ́мъ ма́лимъ**“ (Г. М. 362).

Такъ же точно оставили свой слѣдъ на формахъ имени существит. и своебразныя особенности малорусскаго вокализма. Стяженные гласные встрѣчаются иногда въ родит. пад. множ. ч. въ именахъ существит. мужес. р., но замѣчательно, что это все то же старинное *у*, болѣе близкое къ дифтонгамъ, чѣмъ *і*, которое, какъ мы видѣли, тоже употреблялось, только не въ родит. множ. Впрочемъ, окончаніе *овъ* считалось болѣе умѣстнымъ въ книжной рѣчи. Рядомъ съ этимъ окончаніемъ встрѣчаемъ иногда послѣ гласныхъ и мягкихъ согласныхъ *јов*, послѣ шипящихъ *ов*: **напо́їовъ** (Г. Каз. 105), **когачо́въ** (Рад. Ог. 90), *дожчовъ* (Меж. л. 99),—а звукъ *јо* представляетъ, какъ извѣстно, одну изъ переходныхъ стадій въ развитіи малорусскаго *і* изъ *е*. Въ мягкомъ склоненіи именъ существит. сред. р. есть еще формы родит. п. множ. ч. особаго образованія:

[1]) Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова, 781—782.

ѹ҆шенѣ (Рад. Ог. 768), преслѣдованѣ (ib. 1073), неспанѣ (ib. 853). По видимому, формы эти образовались по аналогіи съ церковнославянскими *полѣ, морѣ*, но такъ какъ онѣ не встрѣчаются въ народной рѣчи, то самое образованіе ихъ нужно отнести къ разряду грамматическихъ насилій надъ языкомъ, возникшихъ въ средѣ литературной, а не народной. Въ современной галицкой литературѣ формы эти пользуются широкимъ употребленіемъ.

Особенно характерно въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшеніе мягкаго склоненія съ твердымъ въ именахъ темы *а, ја*—въ дат. падежѣ именъ существ. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ. Признаемъ совершенно справедливымъ замѣчаніе г. Потебни, что это явленіе нужно объяснить не притяженіемъ аналогіи, которая шла отъ мягкихъ окончаній, какъ объясняли мы, а простой фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *i* [1]). Той же фонетической замѣной *ѣ* посредствомъ *е* нужно объяснять смѣшеніе твердаго склоненія съ мягкимъ и въ великорусскомъ нарѣчіи. Съ этой точки зрѣнія—въ обоихъ русскихъ нарѣчіяхъ твердыя окончанія вытѣснены мягкими съ тою разницею, что въ малорусскомъ выразителемъ мягкости явилось іотное *i*, въ великорусскомъ—іотное *е*, при чемъ для обозначенія *i* въ малорусской письменности употреблялась та самая буква *ѣ*, которая на сѣверѣ означала звукъ *е*: матцѣ (Г. К. 162), прирѣзѣ (Г. М. 350), на мѣсцѣ (ib.), къ небѣ (ib.) и т. д. Иногда вмѣсто *ѣ* является *и*, а въ слѣдствіе смѣшенія *и* съ *ы*—эта послѣдняя буква: *въ повѣти* (Діар. А. Ф. 52), *въ Кіеви* (ib. 15), *на дорози* (ib. 91) и тамъ же: *въ дорозѣ* (58), по тѣли (Г. Каз. 118), *въ мѣсти* (Х. л.), *въ вѣры* (Пал. З. К. 1006), *въ листы* (Діар. А. Ф. 63). Это *и* въ соотвѣтствующихъ формахъ есть явленіе ана-

---

[1]) Отчетъ о 20 присужденія наградъ гр. Уварова, 781—782. Встрѣчается эта замѣна и въ сѣверномъ великорусскомъ говорѣ, но „она не часта, говоритъ Колосовъ, даже и въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ смѣшается на *и* почти каждое *ѣ*, принадлежащее корню слова“ (см. Обзоръ... 26).—поэтому *i* вмѣсто *ѣ* въ разсматриваемыхъ формахъ, какъ спорадическое явленіе въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ, не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для отчисленія самихъ формъ къ разряду общерусскихъ.

логическое съ *е* вмѣсто *ѣ* въ старинной великорусской книжкой рѣчи, напр: *жене* (дат. ед.), *на леднике* (Домост. Сильвест.) и проч. [1]). Въ мягкомъ склоненіи, какъ мы видѣли, удерживалось старинное *и*, но иногда и сюда вторгалось широко распространенное *ѣ*, проникая даже въ имена темы *і*: ѡтерпѣнїѣ (Сбор. ц. ар. м.), ѡмыслѣ (Рад. Ог. 428), есть и ѡмысли (ib.), ѡночѣ (ib.).

Звуковыя и морфологическія особенности въ спряженіи глаголовъ.

Въ спряженіи глаголовъ малорусское нарѣчіе представляетъ своеобразныя особенности не только звуковыя, но и морфологическія. Какъ тѣ, такъ и другія отразились въ книжной малорусской рѣчи XVII в.

1-е л. множ. ч. во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія удерживаетъ старинное окончаніе *мо*. Появилось оно еще въ XIII в. (*изгонимо* Галиц. еван. XIII в.) [2]) и затѣмъ не исчезало изъ малорусской письменности во всѣ вѣка ея существованія. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. оно составляетъ самое обычное явленіе, рѣшительно преобладающее надъ окончаніемъ *мъ* [3]).

Въ прошед. времени изъявит. наклоненія, которое выражается, какъ извѣстно, причастіемъ на *лъ*, коренные гласные звуки *о* и *е* въ закрытыхъ слогахъ обыкновенно удерживаются въ малорусскомъ правописаніи XVII в: *могъ* и *моглъ* (Льв. П.), *знеслъ* (ib.), но нерѣдко также, согласно съ народнымъ произношеніемъ, вмѣсто *е* является *ѣ* (*і*): пріѣлъ (Г. Каз. 106), *стерѣгъ* (Льв. П.).

Сложныя формы прошед. времени по своему составу напоминаютъ соотвѣтствующія церковнославянскія формы, поэтому

---

[1]) Историческая христоматія Буслаева, 838.

[2]) Къ исторіи древнерусскихъ говоровъ, Шимановскаго, 77.

[3]) Окончаніе *мо* встрѣчается и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи (Обзоръ звуковъ и и формъ бѣлорусской рѣчи, Карскаго, 143, 147, 150, 153),—но мы не имѣемъ достаточныхъ основаній считать эту форму коренною бѣлорусскою, потому что примѣры взяты изъ западныхъ бѣлорусскихъ говоровъ, сосѣднихъ съ сѣверными малорусскими. Въ примѣрахъ, приведенныхъ у Карскаго изъ сборниковъ Безсонова и Носовича (147, 153), вовсе не обозначены мѣстности. Самъ Карскій относится съ недовѣріемъ къ этимъ сборникамъ (стр. 8).

онѣ указаны нами выше въ обзорѣ малорусскихъ формъ, сходныхъ съ церковнославянскими. Что касается до ихъ фонетической окраски, то онѣ представляютъ такія особенности, которыхъ нѣтъ въ церковнославянскихъ формахъ: начальный звукъ корня *юс* послѣ согласныхъ удерживается, послѣ гласныхъ выпадаетъ; согласный *с* во всѣхъ лицахъ (1 и 2 един. и множ.) постоянно звучитъ мягко, при чемъ самый глаголъ вспомогательный большею частію ставится послѣ причастія на *лъ*, непосредственно съ нимъ сливаясь [1]). Какъ въ этомъ послѣднемъ видѣ, такъ и въ отдѣльности отъ причастія, сложныя формы прошед. времени составляютъ постоянную принадлежность книжной малорусской рѣчи XVII в. [2]).

Одна изъ сложныхъ формъ будущаго времени, распространенная во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія, своеобразно развита въ немъ и не повторяется ни въ одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Образуется она слѣдующимъ образомъ: къ неопред. наклоненію присоединяется глагольный корень *им* (отъ *ѩти*) съ личными окончаніями наст. времени, при чемъ два гласные звука *и* (конечный гласный суффикса *ти* и начальный корня *им*) стягиваются въ одинъ звукъ: *ходити(и)му*, *ходити(и)меш*, *ходити(и)ме*, *ходити(и)мемо*, *ходити(и)мете*, *ходити(и)муть* [3]). Въ горныхъ разнорѣчіяхъ галицкаго говора и въ нѣкоторыхъ

---

[1]) См. „Кіевская Старина", № 5, 180—181.

[2]) Въ галицкихъ грамматикахъ проводятъ обыкновенно сложныя формы прошед. времени по всѣмъ наклоненіямъ, при чемъ накопляются вспомогат. глаголы въ такомъ количествѣ, что самыя формы становятся положительно неудобными въ живой рѣчи. Таковы, напримѣръ, формы страдат. залога: *був бим похваленний був*, *зістав бим був похваленим* и т. д. (Грамматика руского языка, Осадцы, 181). Мы считаемъ эти формы логической фикціей, потому что онѣ не подтверждены примѣрами народной рѣчи.

[3]) Г. Карскій приписываетъ эту форму и бѣлорусскому нарѣчію (Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, 155), но не указываетъ мѣстностей, въ которыхъ она существуетъ. Такъ, онъ отнесъ говоръ пинчуковъ, въ которомъ встрѣчается эта форма, къ бѣлорусскому нарѣчію, между тѣмъ это одинъ изъ сѣверныхъ малорусскихъ говоровъ. Поэтому мы считаемъ сложное будущее съ корнемъ *им* въ слитной формѣ особенностью малорусскаго нарѣчія. Если же она и живетъ гдѣ нибудь въ подлинномъ бѣлорусскомъ говорѣ, то, полагать надобно, она проникла туда изъ сѣверо-западныхъ малорусскихъ говоровъ.

разнорѣчіяхъ сѣверно-малорусскаго говора глагольный корень *им* часто ставится впереди неопред. наклоненія, не сливаясь съ нимъ окончательно [1]). Этотъ болѣе архаическій видъ сложнаго будущаго составляетъ обычное явленіе въ памятникахъ XIV—XV в., какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ. Что касается до слитной формы, то, сколько намъ извѣстно, въ первый разъ она появилась въ южнорусскихъ письменныхъ памятникахъ только въ XVI в. [2]). Затѣмъ она встрѣчается уже довольно часто въ книжной малорусской рѣчи XVII в: **дїспꙋтова́тимꙋ** (Лекс. Бер. 159), **спира́тиме́тсѧ** (ib.), **мовитиметъ** (Г. К. 140), **ви́дѣтимꙋтъ** (ib. 139), **ба́читимꙋтъ** (ib. 140), **лежа́тимемъ**, **лежа́тимете** (Рад. Ог. 281), **мѣ́тимꙋтъ**, **ма́тимꙋтъ** (ib. 329).

Въ образованіи сложнаго прошед. времени условнаго наклоненія галицкій говоръ отличается отъ украинскаго присоединеніемъ къ корню *би* (*бы*) корня *ѣс*, отсюда получаются формы: *би-м*, *би-сь*, *би-сь-мо*, *би-сь-те*. Въ книжной малорусской рѣчи XVII в. галицкія формы не менѣе часты, какъ и украинскія.

Потеря суффикса *и* въ повелит. наклоненіи, при отсутствіи ударенія, перешла въ малорусскомъ нарѣчіи не только во 2 л. множ., о чемъ была рѣчь выше, но и въ 1 л. множ: *гляньмо*, *станьмо*. Эта форма болѣе употребительна, чѣмъ описательная: *глянем*, *глянемо*, *станем*, *станемо*, въ которой 1 лице множ. повелит. накл., какъ и въ великорусскомъ нарѣчіи, замѣняется 1 ли-

---

[1]) „Прийди, прийди, красный хлопче, щось ти *йму казати*" (Гол III, 160); „ступай, ступай, Бондарочко, ти *меш мати* муку" (ib. I, 66); „котрий иде у старости, *ме* горівку *пити*, лише най ся добре варуе, ледви не *мут бити*" (ib., III, 215); „идіть собі, люде, съ хати, бо ми *мемо спати*" (ib. I, 50); „ой чи *мете*, выбранчики, від насъ *утікати?*" (ib. I, 142). Въ этомъ видѣ, т. е. въ отдѣльности отъ неопред. наклоненія, и при томъ съ сохраненіемъ въ корнѣ *им* начальнаго *и*, форма эта существуетъ въ немногихъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ (Обзоръ, Колосова, 243).

[2]) „Не толко тыхъ, але других людей *иматиму*, *битиму* и вѣшати их буду" (1561 г. Луцк. кн. л. 159, об.); „то держу и вживаю, и *держатиму*" (1566 г. Луц. кн. л. 98, об.); „нехай мене у короля позываетъ, я ему *уметиму* отказать" (1567 г. Луцк. кн. л. 19). Примѣры выписаны изъ рукописей кіевскаго центральнаго архива и сообщены намъ О. И. Левицкимъ.

цемъ множ. изъявит. наклоненія. Подъ удареніемъ суф. *и* въ малорусскомъ нарѣчіи сохраняется въ 1 и 2 л. множ., какъ въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣютъ *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *хвалим*, *хвалите*, малорус. *хвалім*, *хваліте*,—такъ и въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ стоитъ *ѣ*, а не *и* въ церковнославянскомъ нарѣчіи: *несѣмъ*, *несѣте*, малорус. *несім*, *несіте* [1]). Полагать надобно, что это *и* съ давняго времени въ малорусскомъ нарѣчіи смѣшалось съ *і* изъ *ѣ*. Уже въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ во множ. ч. повелит. наклоненія вмѣсто ожидаемаго *и* мы встрѣчаемъ иногда *ѣ*: *осяжѣте*, *ищѣте*, *съвяжѣте* [2]). Тѣ же формы и въ галицкомъ евангеліи XIII в. [3]), а въ памятникахъ XIV в. *ѣ*, а не *и* даже въ глаголахъ IV класса: *отвалѣте* (Полик. еван.), *хранѣтеся*, *творѣте* (Луцк. еван.) [4]). Окончаніе 1 л. множ. ч. *мо* безусловно сохраняется, когда суф. повелит. накл. *і* превращается въ іоту или замѣняется смягченіемъ согласнаго: *даймо*, *стáньмо*; но когда суф. *і* удерживается, то окончаніе *мо* иногда сокращается въ *м*: *ходім*, *несім*. Окончаніе 2 л. множ. ч. *те* охотнѣе сокращается въ *ть*, въ особенности послѣ *і*: *беріть*, *несіть* (въ галицкомъ говорѣ: *берíт*, *несíт*), но всегда сохраняется при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ окончаніи *мо*: *дáйте*, *стáньте*. Слѣды сокращенія *те* въ *ть* можно уже видѣть въ XII в: *въпросить*, *пьцѣтьсе* (Добр. еван.) [5]). Всѣ эти формы повелит. наклоненія въ большомъ изобиліи встрѣчаются въ книжной малорусской рѣчи XVII вѣка, при чемъ суф. *і*, по преданію отъ древнѣйшихъ временъ, почти всегда

---

[1]) Уже въ церковнославянскомъ нарѣчіи суф. *и* во 2 л. един. ч. повелит. наклоненія представляетъ, по мнѣнію Миклошича, сокращенную форму, замѣняя *ѣ* (соединительная гласная *е*+и=*ѣ*), которое подъ защитой личныхъ окончаній сохранилось въ 1 и 2 л. множ. ч. Миклошичъ объясняетъ это явленіе необходимостью болѣе быстраго произношенія, соотвѣтствующаго самому характеру повелѣнія: *ид-и* вм. *идѣ*=*ид-е-и* (Vergleich. Formenlehre, 98),—Шлейхеръ — конечнымъ мѣстомъ дифтонга въ словѣ (Die Formenlehre der Kirch. Slav. Spr. 89). Одно объясненіе не исключаетъ другаго, хотя ни то, ни другое неубѣдительно.

[2]) Очерки изъ исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 7.

[3]) Ibidem, 20.

[4]) Лекціи по исторіи русскаго яз. Соболевскаго, 177-

[5]) Очерки... его же, 74.

обозначается посредствомъ буквы *ѣ*: **пла́чмо** (Г. К. 191), **ѹва́жмо** (Рад. Ог. 12), **кыгѹбмо** (ib. 822), **захова́ймо** (Г. К. 84), **не лѣнѹ́ймося** (Г. Каз. 121), **шанѹ́ймо** (Рад. Ог. 399), **напи́шѣмъ** (Г. Каз. 212), **и҆дѣмъ** (ib. 6), **пойдѣмъ** (Рад. Ог. 177), **прі́ймѣмо** (Г. Каз. 40), **молѣмося** (ib. 44), **глядѣмо** (ib. 269), **пришлѣте** (К. Х.), *чиньте* (Льв. П.), **згѹбѣте** (Рад. Ог. 861), **любѣтъ** (Лекс. Бер. 74), **носѣть** (ib. 98), *пріймѣтъ* (Льв. П.), **присмотрѣтъся** (Рад. Ог. 642).

V.

Сводъ наблюденій надъ грамматическими свойствами книжной малорусской рѣчи XVII в. Стилистическія особенности ея: проза историческая и ораторская.

Намъ не оставили малорусскіе писатели XVII в. ни одной замѣтки, изъ которой мы могли бы познакомиться съ техническими способами словоизраженія, которые они употребляли въ тѣхъ случаяхъ, когда хотѣли писать по малорусски. Каждый изъ нихъ участвовалъ въ созданіи литературной малорусской рѣчи по мѣрѣ своего умѣнья и таланта, независимо отъ той или другой готовой теоріи. Конечно, болѣе или менѣе они знакомы были съ грамматической теоріей Мелетія Смотрицкаго, но она служила для нихъ только исходной точкой, отъ которой далеко отступали они подъ вліяніемъ живыхъ потребностей мысли, давая предпочтеніе въ большинствѣ случаевъ звукамъ и формамъ общерусскимъ и малорусскимъ предъ церковнославянскими. Группируя разнообразные элементы рѣчи, они вырабатывали такимъ образомъ отчасти грамматическія, отчасти стилистическія требованія, которыя считались обязательными въ литературной практикѣ, хотя и не были возведены въ научную теорію.

Сведемъ всѣ данныя, которыя указываютъ на эти требованія. Для этого остановимся прежде всего на правописаніи, въ которомъ является предъ нами книжная малорусская рѣчь XVII в.

По всему видно, что малорусскіе писатели стремились найти такую норму рѣчи, въ которой книжное начало сохранило бы свою централизующую силу, безъ всякаго однако же

ущерба для народныхъ элементовъ ея, поэтому и въ самомъ правописаніи они старались примирить этимологическое начало съ фонетическимъ.

Въ сферѣ согласныхъ звуковъ малорусскіе писатели избѣгали звуковыхъ комбинацій, появившихся въ народной рѣчи подъ вліяніемъ качественной ассимиляціи согласныхъ (по органамъ произношенія). То же начало они старались выдержать и въ сферѣ количественной ассимиляціи (по способу произношенія). Они сохраняли звучные согласные, какъ въ срединѣ, такъ и въ концѣ словъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи послѣ нихъ слѣдовали глухіе гласные, и такимъ образомъ незамѣтно для самихъ себя переходили на почву народной фонетики, которая отклоняла ихъ отъ этимологическаго пути въ тѣхъ случаяхъ, когда отзвучные согласные предъ звучными сами переходили въ звучные. Та же двойственность въ принципѣ и то же господство народнаго, фонетическаго начала въ результатѣ замѣчается и въ отношеніи къ смягченію согласныхъ. Такъ, мы видимъ въ малорусскомъ правописаніи XVII в. твердые свистящіе вопреки народному произношенію, но рядомъ съ этимъ и твердые шипящіе, которые составляли принадлежность большинства малорусскихъ говоровъ,—видимъ также народное смягченіе гортанныхъ, совпадавшее съ церковнославянскимъ преданіемъ, и не совпадавшее съ нимъ народное смягченіе зубныхъ, наконецъ, смягченно—удвоенные согласные. Звукъ *л* предъ согласными и въ концѣ словъ большею частію выдерживается, не превращаясь въ *в*, зато этотъ послѣдній согласный нерѣдко смѣшивается съ *у* даже у такихъ писателей, которые обладали достаточными грамматическими познаніями.

Въ сферѣ гласныхъ звуковъ мы видѣли тѣ же два паралельныя теченія—этимологическое и фонетическое, съ преобладаніемъ послѣдняго. Такъ, въ закрытыхъ слогахъ принято было за правило возстановлять коренные гласные *о* и *е*, народное *і* вмѣсто *о* и *е* попадается очень рѣдко, но *у* и *ю*, какъ звуки, въ которыхъ основные *о* и *е* становятся болѣе различимыми, чѣмъ въ *і*, встрѣчаются нерѣдко. Можно полагать, что *і* вмѣсто *о* и *е* въ XVII в. не было еще такъ распространено, какъ въ

настоящее время, ибо малорусскіе писатели съ нѣкоторымъ выборомъ относились къ особенностямъ родной рѣчи, избѣгая такихъ звуковъ, которые не были во всеобщемъ употребленіи. Такъ, напримѣръ, они не вводили въ правописаніе перегласованія *а* въ *е*, особенно со второй половины XVII вѣка, избѣгали *у* въ глаголахъ на *ова*, потому что это были спорадическія явленія въ самомъ малорусскомъ нарѣчіи. Зато широкое мѣсто они дали въ правописаніи тѣмъ гласнымъ звукамъ, которые составляютъ органическую принадлежность всѣхъ малорусскихъ говоровъ. Сюда относятся 1) давнія черты общерусскаго вокализма, напримѣръ, обычное выраженіе юсовъ посредствомъ *у*, *ю*, *я*, замѣна глухихъ гласныхъ чистыми и полногласіе 2) спеціальныя черты малорусскаго вокализма, которыя проходятъ чрезъ всѣ говоры малорусскаго нарѣчія. Таково, напримѣръ, смѣшеніе *ы* съ *и*, при чемъ замѣтить можно, что къ концу XVII в. все чаще и чаще пишется *и* вмѣсто *ы*—знакъ, что среднее малорусское *и* достаточно созрѣло уже въ устахъ народа. Таково же употребленіе буквы *ѣ* для выраженія звука *і* не только тамъ, гдѣ въ церковнославянскомъ нарѣчіи было *ѣ*, что составляетъ, какъ мы видѣли, особенность и нѣкоторыхъ великорусскихъ говоровъ, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда *і* образовалось не изъ *ѣ*.

Эта послѣдняя черта, своеобразная въ старинномъ малорусскомъ правописаніи, наложила рѣзкую печать народной фонетики на формы имени и глагола, отмѣченныя въ XVII вѣкѣ. Мы видѣли, что буква *ѣ* писалась иногда 1) даже въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ, въ дат. пад. един. ч. женс. р. и въ предложномъ всѣхъ трехъ родовъ (вопреки церковнославянскому преданію); 2) въ мягкомъ склоненіи именъ существительныхъ женс. р., въ родит. един., именит. и винит. множес. ч., и мужеск. р. въ именит. и винит. множес. (тоже вопреки церковнославянскому преданію, но согласно съ древнерусскимъ преданіемъ); 3) въ 1 и 2 л. повелит. накл. (отчасти согласно, отчасти не согласно съ церковнославянскимъ преданіемъ). Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ буква *ѣ* произносилась, какъ *і*, смягчая предшествующій согласный звукъ. Независимо отъ всѣхъ этихъ формъ, связанныхъ съ произношеніемъ буквы *ѣ* и

употребленіемъ ея въ книжной малорусской рѣчи XVII в., мы видѣли въ ней самыя типическія формы малорусскаго глагола,—напр. 1 л. множ. ч. съ окончаніемъ *мо* и будущее время изъ неопред. наклоненія, слившагося съ глагольнымъ корнемъ *им*. Но съ особенною охотою пользовались малорусскіе писатели тѣми народными формами имени и глагола, которыя представляли большее или меньшее сходство съ церковнославянскими: въ нихъ они видѣли прочную опору для слiянія народной рѣчи съ книжными преданіями. Мы разумѣемъ слѣдующія формы: 1) звательный падежъ въ именахъ муж. и женс. р.; 2) дательн. един. ч. въ именахъ муж. р. на *ови* и *еви*; 3) именит. множ. ч. въ тѣхъ же именахъ на *ове* и *еве*; 4) неопр. накл. съ окончаніемъ *ти;* 5) передвижное *ся* при глаголахъ; 6) сложное прошед. изъ спрягаемаго причастія на *лъ* и глагольнаго корня *юс*; 7) условное прошед. изъ того же причастія и аориста *бих*. Впрочемъ, послѣднія двѣ формы напоминаютъ церковнославянскія только составомъ своимъ, а не способомъ сложенія.

Таковъ былъ грамматическій матеріалъ, изъ котораго выстроена была книжная малорусская рѣчь XVII в. Въ разныхъ пропорціяхъ и соотношеніяхъ онъ выступаетъ предъ нами въ разныхъ произведеніяхъ малорусскихъ писателей, но въ общемъ преобладаютъ народныя стихіи рѣчи надъ книжными, церковнославянскими. Эти послѣднія являются уже въ славянорусской редакціи, въ которую вплетаются черты мѣстныхъ нарѣчій. Въ первой половинѣ XVII в. замѣтны еще вліянія бѣлорусскія, которыя легко узнать можно по двумъ фонетическимъ признакамъ, если только встрѣчаются они въ одномъ и томъ же памятникѣ: это именно—*е* вмѣсто *ѣ* и перегласованіе *а* въ *е*, которое болѣе свойственно бѣлорусскому, чѣмъ малорусскому нарѣчію. Самымъ типическимъ памятникомъ этого рода можно считать знаменитый „Апокризисъ“ Христофора Филалета, напечатанный въ 1597 г. въ Вильнѣ. Здѣсь мы находимъ: **на то́мъ з’ездѣ**, **на сино́дѣ** и **на сино́де**, **оу роздѣлѣ** и **в’ роздѣле**, **о нау́це** и **вѣре**, **освецїе́ни**, **хо́течи** и т. п. Тѣ же особенности бѣлорусской рѣчи встрѣчаются въ Учительномъ евангеліи 1604 г., въ Казаньяхъ Леонтія Карповича 1615 г., въ Кіевской лѣтописи

1621 г., въ Панегерикѣ Петру Могилѣ 1632 г., въ Ляментѣ острожскомъ 1636 г. и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ. Но по мѣрѣ того, какъ центромъ просвѣщенія становился Кіевъ, особенности народнаго малорусскаго нарѣчія, и прежде сообщавшія главную окраску книжной малорусской рѣчи, выступаютъ съ большею рѣшительностію и опредѣленностію: какъ съ фонетической, такъ и съ морфологической стороны, въ теченіе всего XVII вѣка преобладаютъ особенности сѣверныхъ и западныхъ малорусскихъ говоровъ. Со второй половины XVII в. народныя вліянія становятся замѣтными даже въ произведеніяхъ, напечатанныхъ славянорусскою рѣчью, напр: хранѣмъ (Мечъ Б. 194), пришлѣте (Син. 27), прйзры (ib. 65), кѣрн (ib.), гвозды (Мечъ Б. 393), лжы (ib. 423) и т. п.

Что касается до церковнославянскихъ звуковъ и формъ, то они далеко не имѣли въ книжной малорусской рѣчи того значенія, какое имѣли въ славянорусской рѣчи. Къ нимъ обращались преимущественно въ текстахъ св. писанія. Такъ, І. Галятовскій, лучшій стилистъ своего времени, пишетъ: на ѡблокахъ и въ текстѣ: на ѡблацѣхъ (Г. М. 105), кꙋрѧчимсѧ и на той же страницѣ въ текстѣ: кꙋрѧщимсѧ (ib. 162), собѣ и въ текстѣ: себѣ (ib. 368), старшого, бжого и въ текстѣ: члвческаго (ib. 253). Мы уже упоминали о томъ, что прошедшія простыя встрѣчаются у этого писателя тоже исключительно въ текстахъ св. писанія. Большая также рѣдкость встрѣтить у Галятовскаго и у другихъ современниковъ его, писавшихъ книжною малорусскою рѣчью, причастія наст. вр. дѣйст. зал. съ окончаніемъ *щій* внѣ текстовъ св. писанія: всюду господствуетъ народная форма краткихъ причастій съ окончаніемъ *чи* и образованная отъ нея полная форма съ окончаніемъ *чий*. Впрочемъ, нужно сказать, что употребленіемъ причастій, какъ дѣйствительнаго, такъ и страдательнаго залога, книжная малорусская рѣчь больше всего сближалась съ рѣчью славянорусскою, подчиняясь въ то же время вліянію латинскаго синтаксиса, которое выразилось, напримѣръ, въ постановкѣ глагольнаго сказуемаго на концѣ предложенія и вообще въ симметрическомъ расположеніи предложеній, которое свойственно періодическому теченію рѣчи. Нужно

вспомнить при этомъ, что и въ народныхъ малорусскихъ думахъ глагольное сказуемое постоянно ставится на концѣ предложенія, а періодическое построеніе рѣчи составляетъ обычную принадлежность думъ. Полагать надобно, что оно не противорѣчило интеллектуальному настроенію народа, ибо не противно было народному вкусу, тѣмъ болѣе, что въ книжной малорусской рѣчи оно растворялось разговорнымъ теченіемъ ея и оживлялось сравненіями, поговорками, ироническими замѣчаніями, прямо выхваченными изъ жизни. Такими свойствами обладала не только историческая проза, но и ораторская[1]).

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Львовской лѣтописи и изъ „Огородка“ Антонія Радивиловскаго:

„(Потоцкій) досить анѣмушно строфовалъ до Хмельницкаго: хлопче, мовитъ, чимъ же такъ зацному рыцерству ордъ татарскихъ заплатишъ?“ Которому отповѣлъ Хмельницкій не глупо: „тобою и иншими съ тобою“.

„(Дорошенко) завелъ былъ ляховъ хорошенько, а не (sic) бити, мусѣли бо ся просити“.

„Небожата ляхи, повергши пыху, мусѣли пѣхотою ходити“.

„Ото жъ Унія... лежитъ Русь съ поляками“.

„Нѣмцѣ, якъ мухи погинули“.

„Жидовъ рѣзали, якъ куръ“.

„Не хочу я зъ Грицями воевати, нехай идутъ до ролѣ, або свинѣ пасти“ (слова гетмана Жолкевича о козакахъ).

„Умеръ панъ Лукашъ Жолкевскій, староста Переяславскій, що съ козаками орѣхи грызъ“.

„Скоро я встану съ той хоробы (слова канцлера Замойскаго), я тое поганство знесу, а ежели умру, на вѣки имъ нѣхто нѣчого не вчинятъ“. И такъ розгнѣвавшися, жебы пророчество его сполнилося, умеръ“.

„Не крычи̂ и не гда́чъ, ꙗ҆къ кꙋрка, зне́сши ꙗ҆йце крычи́тъ и и кꙋдкꙋда́четъ“ (Рад. Ог. 39).

„Е҆стъ да́вный звычай ꙋ посполи́тыхъ людей, же гды на сей праздни̂ з црквы прійдꙋ до до́мꙋ з ве́ркою, звыкли бючи̂ нею домо́вы свои̂ ѡ҆вого ꙋжива́ти присло́ва: не ꙗ҆ тебѐ бю, ве́рка тебѐ бе“ (1019).

„Пра́вда ва́мъ ко́летъ ѡ҆чи“ (390).

„На тебѣ Бе, что̀ мнѣ̀ него́же“ (637).

„Зажива́й свѣта, поки́ слꙋжа лѣта“ (849).

Приведенныя ниже поговорки и пословицы или прямо взяты проповѣдникомъ изъ устъ народныхъ, или слегка передѣланы имъ на книжный ладъ. Пріемъ этотъ съ точки зрѣнія современной проповѣди считается несовмѣстнымъ съ поучительно-религіознымъ содержаніемъ ея, поэтому южнорусская проповѣдь XVII вѣка вызвала въ наше время довольно рѣзкіе упреки въ безцѣльномъ пустословіи, въ излишествѣ риторическихъ украшеній, расчитанныхъ на то, чтобы доставить слушателю пріятное развлеченіе, а не душевную пользу. „Это было искусство для искусства“, говоритъ одинъ изъ современныхъ критиковъ старинной южнорусской проповѣди, „помимо всякаго практическаго приложенія. Слушатели могли безъ скуки присутствовать при замысловатыхъ, иногда веселыхъ, иногда печальныхъ разглагольствованіяхъ проповѣдника, могли посмѣяться, пожалуй поплакать, но практическаго вывода изъ церкви не выносили“ [1]).

„Искра лихая и поле выжигаетъ, и сама потомъ гинетъ“ (394).

„Тонучій хватаетсѧ и меча“ (404).

„Накладаетъ (тяжущійся), поки к калитѣ ставаетъ“ (563).

„Мовѧтъ посполите люде: якое одѣѧне, такое и пошанованє; як тѧ видѧтъ, так тѧ тежъ и пишутъ“ (382).

„ — : Праздник без лічника не бываетъ“ (382).

„ — : Трафила коса на камень“ (408).

„ — : Убитому тылко покажи кій, ажъ заразъ утекаетъ“ (473).

„ — : Смѣлшая далеко баба за стѣною, нежели рыцеръ в полю“ (537).

„ — : Палцемъ на него (обѣднѣвшаго человѣка) тыкати будутъ“ (393).

„ — : А ни на волосокъ заснути неможетъ“ (780).

„ — : гды кто утѣкъ, якъ десѧти побилъ“ (788).

„ — : — Оружіе приноситъ миръ“ (790).

„ — : — : З' силнымъ коротисѧ, смерть на умѣ“ (901).

„ — : Новый царь, новое и право“ (1023).

[1]) Южнорусское проповѣдничество XVI и XVII вв., Ф. Терновскаго, 75.

Дѣйствительно, по сознанію самихъ проповѣдниковъ, „много было в церкви такихъ учителей, что не такъ ся старают о живо прикладный, яко о слова пѣнкный и вымову риторичными фигурами оздобленую“ (Рад. Ог. 596). То было время, когда риторика казалась могущественною силою, ничуть не меньшею, какъ могущество власти: „що на свѣтѣ, сказано въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, могуство яко риторика, то въ церкви стои чини покора“ (Сб. ц. ар. М.). Могущество это сказалось прежде всего на самихъ проповѣдникахъ, которые, сознавая иногда непригодность риторическаго оружія, тѣмъ не менѣе охотно употребляли его при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ помощію этого оружія они добывали матеріалъ для своихъ поученій, извлекая его изъ источниковъ самыхъ разнообразныхъ: изъ апокрифическихъ сказаній, изъ средневѣковыхъ книгъ нетрезваго содержанія „о звѣрохъ, птахахъ, гадахъ, рыбахъ, деревахъ, зѣлахъ, камѣняхъ, и розмаитыхъ водахъ, которыи в морю, в рѣкахъ, в студняхъ, и на иншыи мѣстцахъ знайдуются“ (Г. Наука, 146),—наконецъ, изъ исторіи рода человѣческаго: „блукаючися по свѣту памятію моею, говоритъ одинъ изъ нихъ, „по веселомъ полю исторій свѣтовыхъ, яко межи цвѣтами, межи отважными царей и гетмановъ справами“, припомнилъ я... далѣе слѣдуетъ извѣстная исторія о пребываніи Θемистокла у Ксеркса, царя персидскаго. Собирая медъ краснорѣчія съ разныхъ цвѣтовъ, они предлагали его слушателямъ своимъ въ видѣ замысловатыхъ діалоговъ, аллегорій, параболъ и всякаго рода сравненій.

Все это такъ.

Но мы должны вспомнить при этомъ, какое назначеніе имѣла южнорусская проповѣдь по понятіямъ самихъ проповѣдниковъ. Апотеоза христіанскихъ добродѣтелей—вотъ въ чемъ заключалась главная цѣль ея, поэтому въ большинствѣ случаевъ южнорусскіе проповѣдники имѣли въ виду нарисовать своимъ слушателямъ свѣтлыя картины христіанской жизни, прославляя подвиги святыхъ, угодившихъ Богу. Они стремились увлечь слушателей въ этотъ идеальный міръ, не похожій на современную имъ дѣйствительность, чтобы найти тамъ, въ этомъ мірѣ,

нравственное успокоеніе отъ тревогъ и невзгодъ жизни и выйти изъ него обновленными и освѣженными, съ вѣрой въ правду и добро. Они старались ободрить своихъ слушателей на пути спасенія, не допуская ихъ до унынія и отчаянія: „стара́йся“, поучаетъ І. Галятовскій проповѣдника, чтобы ты словомъ своимъ „не привѣлъ людей до ѿчаянія, до роспачи, бо з роспачи... мнѡгіи задаютъ самі смерть себѣ, за и̃же бы ты не былъ тогѡ грѣха оучастникомъ, не приводи нѣкого до ѿчаянія“ (Г. Наука, 131). Этимъ объясняется многое въ южнорусской проповѣди: и риторическія краски ея, слишкомъ яркія, и *блуканіе* „по веселомъ полю исторій свѣтовыхъ“, посредствомъ которыхъ хотѣли „повабити людей до слуханя“ (Г. Наука, 243), и популярный, отчасти простонародный тонъ ея, объясняемый тѣмъ же побужденіемъ, и наконецъ, самый языкъ ея, близкій къ народному. Южнорусскіе проповѣдники не чуждались даже поговорокъ и пословицъ народныхъ. Они желали сдѣлать рѣчь свою удобопонятною для слушателей: „если будешъ, говоритъ І. Галятовскій, обращаясь къ проповѣднику, слово Бж҃ое проповѣдати, а нѣкто его не зрозумѣетъ, себе самого будешъ проповѣдати и выславляти, а не слово Бж҃іе“ (Г. Наука, 244). Вотъ почему онъ предпочиталъ малорусскую рѣчь всякой иной въ собственныхъ своихъ произведеніяхъ. Онъ не сомнѣвался въ литературной правоспособности малорусскаго нарѣчія и ставилъ его рядомъ съ польскимъ и латинскимъ, заявляя, что книгу свою „Месіа праведный“ написалъ „малороссійскимъ, полскимъ и латинскимъ діалектомъ, бо в малой Россіи и в кролевствѣ полскомъ и в панствахъ латинскихъ жиды... изъ Хр҃та праведного Месіи и зо всего народу христіанскѡ наругалися“ (Г. М. Предисловіе). Не нужно упускать изъ виду, что это говоритъ ректоръ кіево-могилянскаго коллегіума, первый составитель науки „ѡ зложеню казаня“, талантливый представитель малорусскаго литературнаго слова въ школѣ и въ жизни. Безъ сомнѣнія, понятія Галятовскаго раздѣляли въ его время многочисленные читатели и ученики его.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Галятовскій посвятилъ свое сочиненіе „Мессія Праведный“ Алексѣю Михай-

ловичу, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что „малороссійскій діалектъ“ будетъ принятъ въ Москвѣ доброжелательно. И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII в. еще не былъ поставленъ въ Москвѣ вопросъ о „малороссійскомъ діалектѣ“. Московское духовенство относилось съ недовѣріемъ къ югозападнымъ ученымъ по вопросамъ вѣры, а не языка. Такъ, въ 1696 году московскій патріархъ Адріанъ далъ свое дозволеніе митрополиту кіевскому переложить новоизданный полный переводъ православнаго исповѣданія на *малороссійское нарѣчіе* [1]).

Посвящалъ свои сочиненія тому же Алексѣю Михайловичу и другой малорусскій писатель, предпочитавшій славянорусскую рѣчь малорусской, покровитель І. Галятовскаго, Лазарь Барановичъ. И его труды встрѣчали въ Москвѣ полное радушіе.

Такимъ образомъ двѣ школы малорусскихъ писателей, которыя отличались одна отъ другой болѣе языкомъ, чѣмъ міровоззрѣніемъ, существовали въ теченіи всего XVII в. рядомъ, не сознавая, куда прибьетъ ихъ волна политической жизни.

Но прежде чѣмъ говорить о судьбѣ той и другой школы, считаемъ нужнымъ бросить обратный взглядъ на весь пройденный нами путь.

П. Житецкій.

[1]) Описаніе славянс. рукописей московс. синод. библ. Горскаго и Невоструева, отд. II, 597.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ САМОУПРАВЛЕНІЯ КІЕВА ПО МАГДЕБУРГСКОМУ ПРАВУ.

(Окончаніе) [1].

XI.

Сообщенныя нами выше данныя о хищеніяхъ послѣднихъ кіевскихъ войтовъ рисуютъ полный упадокъ городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ первой четверти XIX вѣка; но начался онъ однако же гораздо раньше этого времени и не былъ явленіемъ исключительнымъ, свойственнымъ только нашему городу, и порожденнымъ условіями, въ которыхъ находился послѣдній предъ окончательной отмѣной стараго права въ 1835 году. Напротивъ, мы замѣчаемъ, что послѣдовавшій за введеніемъ въ южно-русскихъ городахъ нѣмецкаго городскаго самоуправленія повсемѣстный упадокъ ихъ достигаетъ своихъ конечныхъ предѣловъ къ концу XVIII вѣка, и во всѣхъ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, обнаруживаются одинаковыя злоупотребленія мѣстныхъ властей; замѣчательно при этомъ, что въ городахъ съ менѣе ограниченнымъ правомъ, болѣе свободныхъ отъ контроля королевскихъ намѣстниковъ, злоупотребленія проявляются рѣже и въ болѣе слабой формѣ, чѣмъ въ городахъ, гдѣ право утвержденія выборовъ членовъ магистрата и надзоръ за ними находились въ рукахъ старостъ или намѣстниковъ; можно даже сказать, что въ этихъ послѣднихъ городахъ при самомъ введеніи магдебургіи отъ самоуправленія оставалась одна тѣнь. Мы не будемъ утруждать вниманія читателей пере-

[1]) См. „Кіевск. Старина“, т. XXII, 1888 г.

численіемъ примѣровъ изъ исторіи каждаго города въ отдѣльности въ доказательство сказаннаго нами и предлагаемъ всѣмъ интересующимся этой стороной жизни нашихъ городовъ обратиться къ извѣстнымъ изслѣдованіямъ профессоровъ М. Ф. Владимірскаго-Буданова [1]) и В. Б. Антоновича [2]); сами же мы теперь возвратимся къ Кіеву и напомнимъ о тѣхъ предшественникахъ Григоренка, Лакерды и комп., которые не менѣе послѣднихъ извѣстны своей убыточной для обывателей дѣятельностью.

Первыми нарушителями городскихъ интересовъ являются, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ документальнымъ даннымъ, войты Ходыки. Дѣятельность ихъ обстоятельно разобрана уже В. Б. Антоновичемъ [3]), и намъ остается только прибавить, что, несмотря на свое вліяніе въ городскомъ управленіи, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ былъ даже кіевскимъ „скарбникомъ" (т. е. казначеемъ), Ходыки не рѣшаются наложить руку на общественное хозяйство и пользуются лишь выгодами своего положенія для пріобрѣтенія богатства и значенія, какъ въ самомъ городѣ, такъ и внѣ его, не касаясь городской кассы. Съ переходомъ Кіева подъ власть московскихъ государей, пока условія самоуправленія его оставались еще безъ измѣненія, мы не видимъ, чтобы войты злоупотребляли довѣріемъ общества; по крайней мѣрѣ, сохранившіеся памятники ничего не говорятъ объ этомъ, хотя при разборѣ кіевскихъ магистратскихъ книгъ не можемъ не обратить вниманія на то, что въ концѣ XVII вѣка бургомистръ Иванъ Демидовичъ Быковскій, сдѣлавшійся потомъ войтомъ, скупилъ много хуторовъ, усадебныхъ мѣстъ и лавокъ въ городѣ [4]). Ясно, что, пользуясь вліяніемъ на дѣла магистрата и на гражданъ, Быковскій, подобно Ходыкамъ, дешево пріобрѣталъ недвижимое имущество, которое потомъ было продано обратно его сыновьями магистрату. Но

---

[1]) Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ. Спб. 1868.

[2]) Архивъ юго-западной Россіи: Акты о городахъ юго-западной Россіи. Часть V, томъ I. Кіевъ. 1874.

[3]) Кіевская Старина, 1882 г., февраль.

[4]) Книга Кіев. Центр. Архива № 3509, заключающая въ себѣ 30 актовъ, вся состоитъ изъ разнаго рода записей на пріобрѣтенное Быковскимъ имущество.

какъ свѣтлое явленіе на темномъ фонѣ стараго городскаго управленія выступаетъ личность войта Дмитрія Полоцкаго, человѣка, по выраженію лѣтописи Самуила Величка, „учоного и на правѣ знаючогося... до того зъ родичовъ въ славѣ доброй квитнучого," который „яко водлугъ добрыхъ своихъ поступковъ того уряду достойный", и который благодаря своимъ юридическимъ познаніямъ одинъ могъ „за упалыми цѣлостями мѣскими стояти и оныхъ боронити". На выборахъ Полоцкій „много спречался", отговариваясь „нездатностю до таковоrо поважного уряду", а особливо трудностію „взглядомъ нарушенныхъ цѣлостей мѣскихъ". Принявъ же на себя званіе войта, онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія согражданъ и все время своего управленія провелъ въ тяжбахъ за „цѣлости мѣскія". Въ дошедшихъ до насъ актахъ мы вездѣ встрѣчаемъ Полоцкаго отстаивающимъ на судѣ неприкосновенность городскихъ правъ и имуществъ противъ духовенства, и всегда онъ, какъ опытный юристъ, выигрываетъ процессъ. Ревность къ отысканію городскихъ земель, захваченныхъ монастырями, достигла, наконецъ, до того, что довела его до политическаго доноса на кіевск. митроп. Варлаама Вонатовича, хотя на этотъ шагъ Полоцкій рѣшился лишь тогда, когда Вонатовичъ обвинилъ его въ подлогѣ документовъ, представленныхъ на судъ [1]). Благодаря пріобрѣтеніямъ и сбереженіямъ Полоцкаго, городская касса стала богата, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали возможны и растраты, которыя послѣдовали по его смерти въ 1729 году. Это были первыя денежныя растраты, какія намъ извѣстны; онѣ относятся къ 1732 году и мимоходомъ только указываются въ изложенномъ нами раньше дѣлѣ о взысканіи излишнихъ податей. По поводу этихъ растратъ въ указахъ Правительствующаго Сената, присланныхъ изъ канцеляріи малороссійскихъ дѣлъ въ кіевскій магистратъ (первомъ 1739 и второмъ 1740 года) было предписано бывшимъ бурмистрамъ и райцамъ дать отчетъ и принести присягу „предъ старшими и знатнѣйшими съ посполъства", съ „неисправными въ сборахъ и въ расходахъ и въ отчетѣ" ма-

---

[1]) *В. Аскоченскій*, Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. Кіевъ, 1856 г., ч. II, стр. 34.

гистрату поступить по своимъ правамъ, а книги впредь держать въ порядкѣ; въ концѣ же подтверждались права и привилегіи магистрата.

Спустя около двадцати лѣтъ, въ 1750-хъ годахъ въ захватѣ и присвоеніи себѣ разнаго рода городскихъ имуществъ обвинялся войтъ маіоръ Сичевскій. Въ періодъ съ 1766 и по 1813 годъ мы не имѣемъ указаній на дѣятельность кіевскихъ представителей, но изъ отсутствія такихъ данныхъ все таки не рѣшаемся заключать, что растратъ, „издержаній“, не существовало. Скорѣе всего, что дѣла о нихъ находятся до сихъ поръ гдѣ нибудь въ подвалахъ и ждутъ счастливаго случая, который выведетъ ихъ на свѣтъ.

Гдѣ же лежали причины, обусловившія переданные нами печальные факты?

Главная причина ихъ, по нашему мнѣнію, заключалась въ усвоеніи городами чуждаго имъ управленія, возникшаго не изъ условій мѣстной жизни, а выработавшагося среди иныхъ обстоятельствъ, которыхъ не знало наше отечество. Если на западѣ сословное городское управленіе, какъ естественное слѣдствіе предшествовавшихъ ему событій, было умѣстно и поднимало значеніе городовъ, то перенесенное въ Литву и южную Русь, неправильно понятое и не вполнѣ примѣненное, какъ и весь вообще нѣмецкій строй, оно обнаружило тотчасъ же свои слабыя стороны. Къ числу этихъ слабыхъ сторонъ прежде всего слѣдуетъ отнести сословный характеръ управленія, такъ какъ магдебургское право создало въ городахъ самоуправленіе ремесленнаго и торговаго сословія, экономическое неравенство членовъ котораго ставило одну часть городскаго населенія въ зависимость отъ другой и давало въ результатѣ то, что власть въ городѣ испоконъ вѣка сосредоточилась въ рукахъ немногихъ богатыхъ семей и переходила отъ отцовъ къ сыновьямъ.

Слабой стороной въ самоуправленіи нельзя не признать также и постояннаго смѣшенія сферы дѣйствій рады и лавы, администраціи и суда, подчиненія ихъ обоихъ войту, участія членовъ магистрата въ разборѣ судебныхъ дѣлъ, права выбора ими лавниковъ и повышенія послѣднихъ въ должности радцевъ

и бургомистровъ. Такимъ образомъ выходило, что одни и тѣ же лица то чинили судъ и расправу, то завѣдывали доходами города. Естественно, что между обоими учрежденіями, радой и лавой, устанавливалась общность интересовъ и единство дѣйствія, приводившія въ концѣ концовъ къ возвышенію и обогащенію однихъ и къ обѣдненію и подчиненію другихъ.

Въ добавокъ къ этому власть членовъ магистрата еще болѣе усиливалась и выдѣляла ихъ, какъ мѣстную аристократію, изъ остальной массы горожанъ вслѣдствіе предоставленія имъ правъ шляхетства польскими королями; въ эпоху русскаго владычества они также пользуются этимъ правомъ и бургомистры носятъ поэтому чины бунчуковыхъ товарищей, а радцы, ратсгеры—войсковыхъ. Войты, въ свою очередь, причисляются къ тому или другому рангу, означенному въ петровской „табели“, такъ напр., Сичевскій былъ маіоромъ, Пивоваровъ—коллежскимъ совѣтникомъ, Рыбальскій—титулярнымъ совѣтникомъ; члены магистрата награждались кромѣ того орденами какъ напр. Кисилевскій, и титуловались вообще „магистратскими чиновниками“, „урядниками“ и „урядовыми людьми“. Въ дѣлѣ о растратѣ „частно-общественной“ суммы, Антонъ Лакерда, съ сознаніемъ своего достоинства и какъ бы намекая на свое потомственное дворянство, говоритъ о себѣ и своихъ товарищахъ: „мы-де урядовые происходимъ отъ урядовыхъ“. Какъ видно изъ упомянутыхъ нами раньше указовъ 1739 и 1740 годовъ, члены магистрата производились до того времени въ чины губернаторами, которымъ запрещается это на будущее время. При условіяхъ выборовъ, въ городскія должности, существовавшихъ въ эпоху польскаго владычества и послѣ присоединенія Кіева къ Москвѣ, эти причины содѣйствовали, какъ мы сказали уже, къ выдѣленію изъ среды городскаго сословія правящей касты, сосредоточившей въ своихъ рукахъ знатность, богатство, городское хозяйство и судъ надъ всѣми мѣщанами, и привели, наконецъ, къ тому, что члены магистрата смѣшиваютъ частные интересы съ общественными и потому считаютъ своей личной собственностью разныя доходныя статьи города, какъ напр. питейный откупъ, общественная коммиссія и проч.

При такихъ обстоятельствахъ гражданинъ, разъ избранный въ общественную должность (при чемъ служба его всегда начиналась съ низшихъ степеней), постепенно повышался въ должностяхъ, оставаясь у дѣлъ сколько хотѣлъ и могъ, такъ какъ служба была пожизненная. Эта пожизненность службы городскихъ представителей, въ свою очередь, въ сильной степени содѣйствовала ихъ злоупотребленіямъ, потому что она то главнымъ образомъ и обусловливала образованіе городскаго шляхетства, „почетнѣйшаго общества", порождая наслѣдственность городскихъ должностей, потому что благодаря только продолжительному пожизненному вліянію на городскія дѣла члены магистрата пріобрѣтали возможность, проводя на выборахъ своихъ сыновей, братьевъ и вообще родственниковъ, скрывать при ихъ содѣйствіи самыя вопіющія неправды, обнаруженіе которыхъ, какъ мы видѣли изъ изложенныхъ дѣлъ, всегда было сопряжено съ величайшими трудностями.

Всякаго рода злоупотребленіямъ и, въ частности, „сокрытіямъ", „издержаніямъ", растратамъ городскаго капитала содѣйствовала форма контроля отчетовъ, которые должны были ежегодно представляться членами магистрата городскому обществу. Сначала, до петровской реформы, отчеты были даваемы всему „посполитству" города, общему собранію горожанъ; послѣ реформы отчеты выслушивались только „почетнѣйшимъ обществомъ", а съ 1782 года повѣрялись сверхъ того контрольнымъ отдѣленіемъ казенной палаты. По недостатку точныхъ данныхъ мы не можемъ опредѣленно сказать, какое значеніе имѣла ревизія въ первый періодъ, но изъ того факта, что мѣщане могли разсчитаться по своимъ правамъ съ тѣмъ, кто явится „въ сборѣ и расходахъ не исправенъ", и въ виду того, что въ этотъ первый періодъ мы не находимъ „издержаній", можно заключить, что такая форма контроля сдерживала до нѣкоторой степени стремленіе городскихъ правителей къ присвоенію общественной собственности. Во второй періодъ члены магистрата, какъ мы видѣли изъ приведенныхъ дѣлъ, или совсѣмъ не даютъ обществу отчетовъ, не находя при этомъ нужнымъ даже хотя бы чѣмъ нибудь оправдать себя, или же отдаютъ ихъ только „старшимъ и

знатнѣйшимъ изъ поспольства". Впослѣдствіи, предъ старшими и знатнѣйшими члены магистрата могли отговариваться тѣмъ, что отчетъ находился въ контрольномъ отдѣленіи, отъ котораго они, въ свою очередь отдѣлывались, ссылаясь на общество, одно имѣвшее право признавать расходы правильными или неправильными. Нѣтъ необходимости, кажется, доказывать фиктивность чиновничьяго контроля, такъ какъ отчеты посылались спустя много времени по истеченіи отчетнаго года, а ревизовались еще позже, да и при томъ лицами, которымъ далеки были и чужды городскіе интересы и которые при томъ рѣдко бывали безкорыстны. Нечего говорить также и о почетнѣйшемъ обществѣ, которое, хотя и имѣло право слѣдить за правильностью городскихъ сборовъ и расходовъ, но не дѣлало этого, потому что въ составъ почетнѣйшаго общества магистратъ вводилъ только людей своего лагеря.

Такъ какъ форма городскихъ выборовъ есть одно изъ условій самостоятельности самоуправленія, условіе хотя и второстепенное, но тѣмъ не менѣе вліявшее на дѣятельность городскихъ представителей, то намъ необходимо остановиться и на выборахъ. Въ эпоху польскаго владычества, въ силу королевскихъ жалованныхъ грамотъ и магдебургскаго права, выборы бургомистровъ, радцевъ и лавниковъ происходили въ самомъ магистратѣ безъ всякаго участія поспольства [1]); послѣ реформъ XVIII-го вѣка, хотя въ выборахъ и стало принимать участіе городское общество, но только почетнѣйшее, которое весьма рѣдко проводило въ магистратъ новыхъ лицъ; по большей части оно баллотировало тѣхъ, которые занимали низшія городскія должности и принадлежали къ вліятельнымъ семьямъ. Такъ какъ войтъ пользовался наибольшимъ вліяніемъ, то и избраніе его было обставлено нѣкоторой торжественностью. Скажемъ объ этомъ подробнѣе. Обыкновенно, въ Кіевѣ, въ силу королевскихъ грамотъ, подтвержденныхъ потомъ московскими государями, въ выборахъ войта принимали участіе всѣ граждане; избирались четыре кандидата, по

---

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. — Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, стр. 181.

большей части изъ членовъ магистрата; имена ихъ представлялись королю, который утверждалъ одного изъ кандидатовъ въ должности войта на всю жизнь. Первая грамота, опредѣляющая такой порядокъ выборовъ, относится къ 28 февраля 1633 года; она подтверждается потомъ грамотами 20 мая 1644 года при утвержденіи въ должности войта Андрея Ходыки и, наконецъ, дѣйствіе ея возстановляется еще разъ 3 апрѣля 1659 года. Съ присоединеніемъ къ московскому государству, выборы въ Кіевѣ около полустолѣтія оставались безъ измѣненія; такъ, въ 1654 г. мѣщане, избравъ по своимъ правамъ въ войты Богдана Сомковича, ходатайствовали предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о выдачѣ ему грамоты на эту должность. Но болѣе подробно намъ извѣстенъ изъ этой эпохи одинъ только случай выборовъ. Разумѣемъ избраніе въ войты Дмитрія Полоцкаго 13 октября 1699 г. Вотъ какъ описываются эти выборы въ лѣтописи Самуила Величка [1]): представители магистрата и все поспольство, собравшись на выборы, опредѣлили прочесть сначала актъ избранія Андрея Ходыки въ 1643 г., потомъ прочтены были „право майдебурское,—въ порядку, на листѣ осмомъ и девятомъ, въ Саксонѣ—подъ титуломъ „сендзя“, на листѣ чтириста первомъ, и въ Саксонѣ, юсь муниципале, въ артикулѣ чотиридесятъ четвертомъ“, которое „учитъ на таковый урядъ выбирати“. Затѣмъ всѣми присутствующими была принесена присяга въ томъ, что новый войтъ будетъ ими избранъ „ни для пріятельства, ни для боязни, ни для позысканя ласки, ни для даровъ и иншихъ тому подобныхъ речей“, что при выборѣ они будутъ имѣть въ виду только общественные интересы. Но, конечно, вся эта формальность и торжественность оказывалась пустой и напрасной въ рукахъ ловкаго человѣка или его партіи, вслѣдствіе того, напр., простаго факта, что избирательные голоса подавались открыто по степенямъ сверху внизъ, а не обратно, т. е. голоса подавали прежде бургомистры, потомъ, одинъ за другимъ, радцы, лавники, цехмистры, цехи и только тогда уже поспольство. Что такой порядокъ выборовъ велъ къ злоупотребленіямъ, къ подавленію

---

[1]) Т. III, стр. 546.

свободнаго избранія, это сознавалось современниками и въ томъ случаѣ, о которомъ мы говоримъ. Съ протестомъ выступилъ бургомистръ Тихонъ Даниловичъ, который сказалъ, „абы тотъ былъ обранный войтомъ, кого собѣ люди посполитые улюбятъ и оберутъ за войта". Но Даниловичъ, какъ позже Кравченко, вынужденъ былъ замолчать. Слѣдуетъ замѣтить, что войтъ избирался изъ членовъ магистрата, изъ бургомистровъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ; избраніе въ войты лица, не принадлежавшаго раньше къ магистрату, не практиковалось. Избраннаго сажали „на мѣстцу призвойтомъ войтовскомъ" и вручали ему „весь мѣскій и майстратовый порядокъ"; обычная присяга при этомъ войта происходила, вѣроятно, по полученіи имъ отъ верховной власти грамоты на это званіе. При выборахъ 1699 г. присутствовали со стороны гетмана два значные войсковые товарища. Впослѣдствіи выборъ войта былъ измѣненъ, если не отмѣненъ совершенно, хотя мы не знаемъ точно, когда именно это случилось. Кажется, что несвободный выборъ войта слѣдуетъ отнести къ 1735 г., когда выданъ былъ указъ на эту должность Павлу Войничу. Мотивы такой перемѣны угадать не трудно; намъ кажется, съ одной стороны предполагалось уничтожить и предупредить на будущее время злоупотребленія, обнаруженныя въ 1732 г., съ другой имѣлось въ виду то вліяніе на городскія дѣла мѣстныхъ губернаторовъ, котораго можно было достичь, только держа въ рукахъ войтовскую власть, пользовавшуюся въ городѣ большимъ или меньшимъ почетомъ и силой. Второй мотивъ былъ, конечно, слѣдствіемъ начатаго еще Петромъ I слиянія сѣверной Руси съ южною путемъ отмѣны мѣстной автономіи въ послѣдней и введенія общихъ учрежденій. Несвобода выборовъ еще яснѣе обнаруживается въ 1753 г., когда избраннымъ въ войты оказался маіоръ Сичевскій изъ гренадеровъ лейбъ-кампаніи, т. е. человѣкъ, не подчинявшійся раньше магистрату и независимый отъ него. Само собою розумѣется, что выборы Сичевскаго были произведены такъ же, какъ и выборы Пивоварова, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ. Независимое положеніе войта отъ городской общины не замедлило дать прискорбныя послѣдствія. Сичевскій вскорѣ что то „удержалъ", „издержалъ" или

„присвоилъ" себѣ; мѣщане стали жаловаться; возникло дѣло и императрица Екатерина II 20 февраля 1766 г. послала кіевск. губернатору Глѣбову указъ, что надобно выбрать въ магистратъ новаго войта, а Сичевскаго, по окончаніи его дѣла, если оправдается, опредѣлить на другое мѣсто для спокойствія того же магистрата. „Извольте магистрату приказать, писала Екатерина, выборъ сдѣлать по ихъ привилегіямъ четырехъ кандидатовъ; а мы вамъ рекомендуемъ внушить имъ отъ себя, чтобы четвертымъ кандидатомъ поставили кіевской губернской канцеляріи прокурора Пивоварова". Глѣбовъ внушалъ, но, несмотря на его внушеніе, Пивоваровъ избранъ не былъ, и кіевскій оберъ-комендантъ Ельчаниновъ въ рапортѣ Глѣбову писалъ, что его увѣряли, будто передъ выборами призываны были въ ратушу старшіе и черезъ писаря Давыдовскаго запрещено имъ было подавать голоса за Пивоварова и за кого бы то ни было изъ великороссіянъ; въ противномъ случаѣ, чиновникъ будетъ лишенъ чина, а мѣщанинъ выгнанъ изъ города. Глѣбовъ былъ назначенъ сенаторомъ и на его мѣсто пріѣхалъ генералъ-аншефъ Воейковъ, который началъ тѣмъ, что собралъ магистратъ и все привилегированное мѣщанство, избирающее войта, и передъ ними изорвалъ ихъ прежній выборъ, приказавши собраться для новыхъ выборовъ. Въ назначенный день 3 августа генералъ-губернаторъ поѣхалъ самъ на выборы. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ между избирателями, всталъ одинъ магистратскій членъ и объявилъ имена новыхъ четырехъ кандидатовъ для общаго всего собранія разсужденія; но едва только онъ успѣлъ назвать имена, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, что выборомъ кандидатовъ довольны; этими кандидатами были: 1, Пивоваровъ; 2, секретарь графа Григорія Орлова Григорій Козицкій; 3, находившійся при великомъ князѣ камердинеръ Андріевскій и 4, кіевскаго магистрата медовый шафоръ Дмитровичъ [1]). Само собою разумѣется, что при такомъ выборѣ войта, онъ переставалъ быть представителемъ города, отвѣтственнымъ передъ гражданами и судимымъ ими по своимъ правамъ, а обращался въ начальника, которому

[1]) *С. Соловьевъ.* Исторія Россіи, т. XXVII, стр. 28 и 29.

всѣ были обязаны безпрекословнымъ подчиненіемъ и повиновеніемъ; что дѣйствительно отношенія сложились такъ, подтверждается словами многихъ членовъ магистрата на судѣ. Въ 1785 году реформа городскаго управленія по положенію Екатерины была произведена и въ Кіевѣ [1]); магистратъ былъ упраздненъ, какъ учрежденіе судебно-административное онъ сталъ теперь мѣстомъ исключительно судебнымъ по возникавшимъ въ городѣ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; администрація же перешла въ руки шестигласной градской думы, знавшей одно только городское хозяйство и ремесленной управы, вѣдавшей дѣла цеховъ. Первымъ градскимъ главой былъ избранъ въ 1785 г. бунчуковый товарищъ Василій Копыстенскій, потомъ Евфимъ Митюкъ (около 1787 г.) и Григорій Радзицкій (около 1790 г.), Мы не имѣемъ свѣдѣній о выборахъ въ этотъ періодъ, но естественно, что они должны были производиться согласно новому городовому положенію. Возстановленное по смерти Екатерины старое самоуправленіе по магдебургскому праву удержало формы выборовъ изъ предшествующей эпохи и для характеристики ихъ до сихъ поръ въ нашемъ распоряженіи находится только одно дѣло: это дѣло о выборахъ 20 декабря 1813 г., произведенныхъ магистратомъ для пополненія выбывшихъ членовъ своихъ и членовъ ремесленной управы. Тогда магистратъ долженъ былъ обратиться къ губернатору и просить у него разрѣшенія собрать почетнѣйшее общество. Разрѣшеніе было дано. Магистратскіе чиновники изготовили списки избирателей, составлявшихъ почетнѣйшее общество. Судя по спискамъ, приходится заключать, что это общество было весьма малочисленно: изъ 5517 душъ, числившихся по ревизіи (старожилыхъ—3608 и новоприписныхъ 1909 душъ) въ списки внесено было всего только 166 душъ, т. е. 3%, изъ которыхъ на выборы явилось всего лишь 104 чел.; всѣ избиратели были раздѣлены на шесть группъ; каждый изъ нихъ получалъ списокъ своей группы и въ немъ противъ своего имени

---

[1]) *А. Андріевскій*, Историческіе матеріалы, вып. 2-й, стр. 9; вып. 1-й, стр. 135. О томъ же свидѣтельствуютъ и неизданныя старыя дѣла кіевск. каз. палаты, хранящіяся теперь въ центр. архивѣ университета.

отмѣчалъ собственноручно: „видѣлъ“; потомъ въ назначенный день избиратели приносили присягу; въ 1813 г. къ присягѣ приводилъ священникъ Дмитрій Иванишевъ; выборъ производился шарами, а не голосами и избраннымъ считался тотъ, кто получалъ простое большинство. Такимъ образомъ мы видимъ, что при выборахъ бургомистровъ, ратсгеровъ и проч. были оставлены тѣ порядки, которые имѣли мѣсто въ эпоху господства магдебургскаго права. Такія же перемѣны должны были произойти и при избраніи войта. На выборахъ въ 1821 г. въ качествѣ представителя со стороны власти присутствовалъ полиціймейстеръ; конечно, онъ долженъ былъ присутствовать и на описанныхъ выше выборахъ 1814 г., хотя въ томъ дѣлѣ, изъ котораго мы заимствовали свои свѣдѣнія, объ участіи его не упоминается. Сравнивая теперь выборы 1814 г. съ выборами въ до-петровское время, можно было бы признать первые шагомъ впередъ, если бы избирателей на нихъ было не 104 чел., а всѣ 5000 правоспособныхъ кіевскихъ мѣщанъ; но, къ сожалѣнію, мы этого не видимъ, и потому приходится заключить, что въ началѣ XIX, какъ въ XVI и XVII вв., городскія должности были достояніемъ небольшаго кружка богатыхъ и вліятельныхъ мѣщанъ [1]).

Сказавъ о формахъ выборовъ въ должность войта, мы находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, какимъ пользовались войты въ городскомъ управленіи. Изъ разсказа В. Б. Антоновича о Ходыкахъ мы уже знаемъ, что общественное мнѣніе, окружая почетомъ личность войта и ставя высоко его власть, шло иногда наперекоръ его желаніямъ и жестоко расплачивалось съ тѣмъ, который осмѣливался нарушить интересы общины. При московскихъ государяхъ на власть войта было обращено большое вниманіе, особенно же она поднялась послѣ петровскихъ реформъ, когда бюрократизмъ проникъ всѣ сферы общественной жизни, а изъ среды мѣщанъ выдѣлено было почетнѣйшее общество и такимъ образомъ убито вліяніе массы

[1]) Изъ дѣла о взысканіи излишнихъ податей мы знаемъ, что, когда магистрату понадобились подписи мѣщанъ, то онъ увеличилъ составъ почетнѣйшаго общества сначала до 605, а потомъ и до 1000 душъ и увеличилъ бы его еще болѣе, если бы большее число мѣщанъ обнаружило готовность подписываться.

горожанъ на ея представителей, проявлявшееся въ чрезвычайныхъ случаяхъ; вслѣдствіе этого теперь о силѣ войтовской власти выработалось такое понятіе, какого мы не встрѣчаемъ раньше: на войта стали смотрѣть, какъ на единаго начальника города, которому всѣ обязаны безусловнымъ повиновеніемъ даже тогда, когда требованія и дѣйствія его противорѣчатъ предписаніямъ закона. Оттого то члены магистрата, привлекаемые къ суду и подвергавшіеся отвѣтственности, какъ члены коллегіальнаго учрежденія, за противозаконныя постановленія и дѣйствія магистрата, всегда оправдывали себя тѣмъ, что не смѣли будто бы противорѣчить волѣ начальника своего и по закону обязаны повиноваться ему безпрекословно. Конечно, при такомъ отношеніи общества и членовъ магистрата къ войту, онъ пользовался полнымъ произволомъ въ дѣлахъ, приводившимъ, какъ его, такъ и подчинявшихся ему городскихъ чиновниковъ, къ злоупотребленіямъ и въ конецъ убивавшимъ всякое проявленіе общественнаго мнѣнія.

Не менѣе вредно на самостоятельности городскаго самоуправленія отзывались, во 1-хъ, его столкновенія съ представителями центральной власти, сначала съ польскими воеводами, а потомъ съ русскими губернаторами, и во 2-хъ, реформы въ городскомъ управленіи, которыя, не отмѣняя совершенно стараго права, искажали его духъ и лишали магистратъ возможности „поступать по своимъ правамъ“ съ тѣми, „буде кто явится въ сборахъ и росходахъ и въ отчетѣ неисправенъ и противъ тѣхъ правъ виновенъ“, такъ какъ подобная возможность мѣщанскаго самосуда надъ своими представителями была единственной силой, сдерживавшей войта и бургомистровъ отъ крупныхъ хищеній. Уже въ силу жалованныхъ грамотъ мѣщане освобождались отъ всякаго подчиненія королевской администраціи и судамъ въ краѣ; но польскіе сановники, управлявшіе воеводствами и староствами, какъ полные хозяева, стремились распространить свои права и на города, свободные отъ ихъ юрисдикціи. Вслѣдствіе слабости королевской власти, это стремленіе воеводъ и старостъ къ господству было явленіемъ всеобщимъ, возроставшимъ вмѣстѣ съ возростаніемъ шляхетской вольности. Кіеву, въ свою очередь

пришлось испытать на себѣ общую судьбу всѣхъ южно-русскихъ городовъ, и борьба мѣщанъ за пожалованныя имъ льготы наполняетъ ихъ исторію отъ начала до конца. Первыя дошедшія до насъ указанія на столкновенія такого рода мы находимъ въ грамотѣ короля Сигизмунда-Августа отъ 30 сентября 1570 г., въ которой онъ запрещаетъ „справцѣ“ (подвоеводѣ, намѣстнику воеводы) кіевскаго воеводства Михаилу Мышкѣ-Варковскому причинять насилія мѣщанамъ, стѣснять торговлю Кіева съ Москвой и забирать у купцовъ товары за полцѣны. Изъ другихъ грамотъ мы видимъ, что воеводы стараются подчинить своей власти всѣхъ поселяющихся въ городѣ и пріѣзжающихъ купцовъ, между тѣмъ какъ по грамотѣ короля Стефана Баторія отъ 17 нояб. 1576 г. эти купцы были подсудны магистрату. Это право магистрата на разборъ дѣлъ пріѣзжихъ купцовъ подтверждаетъ и Сигизмундъ III въ грамотѣ 13 сент. 1621 г., а въ грамотѣ 1622 г. повелѣваетъ всѣмъ поселившимся въ Кіевѣ мѣщанамъ и пріобрѣвшимъ въ городѣ усадьбы нести какъ натуральныя, такъ и денежныя повинности. Грамотою короля Іоанна Казимира отъ 3 апрѣля 1649 года всѣ новопоселившіяся въ Кіевѣ лица, подчиняющіяся городскому суду, обязываются при этомъ дать присягу въ томъ, что главныя условія поселенія будутъ ими непремѣнно выполнены. Не прошло и года, какъ эта грамота была снова подтверждена. Постоянное подтвержденіе ея указываетъ на постоянное, въ свою очередь, стремленіе воеводъ къ распространенію своей власти надъ мѣщанами и вслѣдствіе того къ ограниченію правъ магистрата. Но послѣдній зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы все пожалованное ему строго соблюдалось, и король во всѣхъ спорахъ становился на сторону мѣщанъ; онъ не только не дѣлалъ такихъ распоряженій или реформъ, которыя сдерживали бы власть магистрата, а, напротивъ, издавалъ грамоты, предоставлявшія мѣщанамъ разнаго рода льготы. Какъ мало значили всѣ эти грамоты въ глазахъ воеводъ, видно, во 1-хъ, изъ принесенной въ 1618 г. въ житомирскій гродскій судъ жалобы кіевск. магистрата о томъ, что мѣщане замковой юрисдикціи уклоняются отъ исполненія разнаго рода городскихъ повинностей, взваливая

всю тяжесть ихъ на мѣщанъ „мѣстской“ юрисдикціи [1]), и, во 2-хъ, изъ словъ межигорскаго игумена Ѳеодосія Васьковскаго [2]), который въ своей, хотя и пристрастной, но имѣвшей все таки нѣкоторое основаніе, запискѣ говоритъ: „всѣ ремесники всякого ремесла кіевскіе належали не до ратушу, але до замку кіевского. Намѣстникъ воеводскій замку кіевскаго и судилъ ремесниковъ всякихъ кіевскихъ и владѣлъ онимы, яко подданними пана своего.“ Войны Хмельницкаго причинили, само собою разумѣется, много бѣды кіевскимъ мѣщанамъ. Воевода Янушъ Тишкевичъ, не особенно уважавшій въ мирное время права мѣщанъ, далъ полную волю своей почти неограниченной власти во время смутъ: многіе мѣста, дворы и усадьбы были захвачены разными лицами; корчемная аренда, испоконъ вѣка принадлежавшая мѣщанамъ, была отнята у нихъ и передана еврею; послѣдній пріобрѣлъ себѣ даже домъ на Подолѣ. Король Іоаннъ-Казимиръ требуетъ въ грамотѣ 20 марта 1652 года, чтобы всѣ дома и усадьбы, захваченные у кіевлянъ въ смутное время, такъ же какъ и еврейскій домъ были возвращены мѣщанамъ, но, конечно, это приказаніе осталось безъ исполненія, потому что тогда подоспѣлъ переходъ города подъ власть московскаго государя. Съ этихъ поръ Кіевъ находится подъ ближайшимъ покровительствомъ гетмановъ; послѣдніе, заботясь о сохраненіи правъ и привилегій всей Малороссіи, естественно, поддерживали и Кіевъ въ его ходатайствахъ оставаться при магдебургскомъ правѣ и старыхъ вольностяхъ, которыя такъ смѣло, какъ мы видѣли, отрицалъ Ѳеодосій Васьковскій въ своемъ показаніи. Борьба кіевлянъ и въ эту эпоху не прекратилась; они непрерывно вели ее съ монастырями, захватывавшими городскія земли, съ козаками и ратными людьми, старавшимися присвоить себѣ разныя доходныя статьи города, и съ представителями власти, привлекавшими ихъ къ платежу всякаго рода налоговъ. Отсюда цѣлый рядъ гетманскихъ универсаловъ, возстановляющихъ права и вольности мѣщанъ. На сколько трудна была борьба мѣщанъ, видно, между

---

[1]) Опись актов. книги Кіев. Центр. Архива № 13, № акта 354, за 1618 г.

[2]) Сборникъ матеріаловъ для историч. топографіи Кіева. К. 1874 г., стр. 114.

прочимъ, изъ того, что гетманъ Мазепа въ своей ревности о поддержаніи независимости городскаго управленія разрѣшаетъ даже самимъ мѣщанамъ ограбить того, кто осмѣлится учинить надъ ними и ихъ правами какое-либо насиліе. Во все это время мы видимъ, что условія, при которыхъ держалось магдебургское право въ Кіевѣ, остаются безъ перемѣны, и только Петръ В., положившій начало сліянію сѣверной и южной Россіи, коснулся отчасти и кіевскаго магистрата; произведенныя имъ измѣненія въ управленіи городомъ не были рѣзки, не бросались поэтому въ глаза, хотя впослѣдствіи постоянно давали себя чувствовать. До 1722 г. Петръ не нарушалъ вольностей Кіева по двумъ причинамъ: во 1-хъ, вслѣдствіе существованія еще въ Малороссіи порядковъ, созданныхъ Хмельницкимъ, во 2-хъ, вслѣдствіе близкаго сходства въ организаціи кіевскаго городскаго управленія съ устройствомъ городовъ, перенесенныхъ великимъ преобразователемъ въ сѣверную Русь съ запада. Остановимся на этомъ устройствѣ и посмотримъ на примѣненіе его къ Кіеву. По Регламенту, изданному 16 янв. 1721 г., въ С.-Петербургѣ учреждался главный магистратъ; ему были подчинены магистраты другихъ городовъ, раздѣлявшихся по числу жителей на пять разрядовъ (Кіевъ принадлежалъ къ первому разряду). Магистраты перворазрядныхъ городовъ состояли изъ президента (въ Кіевѣ—войта) четырехъ бургомистровъ (въ Кіевѣ—шести) и при каждомъ изъ нихъ по два ратмана (въ Кіевѣ—шесть радцевъ, ратсгеровъ). Въ 1724 г. опредѣленъ былъ штатъ губернскихъ магистратовъ, по которому въ нихъ надлежало быть: президенту, двумъ бургомистрамъ и двумъ ратманамъ, секретарю, канцеляристу, двумъ подканцеляристамъ, четыремъ копіистамъ и четыремъ сторожамъ. Въ особыхъ случаяхъ относительно дѣлъ о пользахъ городской общины магистратъ долженъ былъ совѣщаться съ первостатейными и средними „добрыми" и умными гражданами. Въ VII-ой главѣ Регламента главнаго магистрата сказано, что магистрату подчиняются только тѣ граждане, кои состоятъ въ двухъ гильдіяхъ (1-й и 2-й), купцы и ремесленники. „Прочіе же всѣ подлые люди, обрѣтающіеся въ наймахъ и черныхъ работахъ нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не-

считаются". Члены магистрата были несмѣняемы; по табели о рангахъ бургомистры числились въ X классѣ. Всѣ гражданскія и уголовныя дѣла горожанъ вѣдались магистратомъ. Горожане, какъ тяглая община, сами раскладывали между собой подати и повинности, но самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи была значительно ограничена участіемъ магистрата. Такимъ образомъ, если въ великорусскихъ городахъ появились президенты, бургомистры и ратманы съ правами дворянства, несмѣняемости, суда и администраціи, подобно кіевскимъ войтамъ, бургомистрамъ и радцамъ, то Кіевъ, въ свою очередь, позаимствовалъ изъ петровскаго регламента полный штатъ магистратской канцеляріи, а также, что болѣе всего важно, раздѣленіе горожанъ, прежняго „поспольства", на „почетнѣйшее общество", принимавшее участіе въ выборахъ, управленіи, раскладкѣ податей и повѣркѣ годичныхъ отчетовъ магистрата, и „подлыхъ людей", которые были лишены всѣхъ этихъ правъ. Отсюда мы видимъ, что въ организаціи Кіева, послѣ петровской реформы, было полное сходство съ организаціей самоуправленія великорусскихъ городовъ; но существовала и разница между кіевскимъ магистратомъ и магистратами сѣвернорусскими: въ то время, когда первый подчинялся сначала малороссійской коллегіи, наблюдавшей за денежными и хлѣбными сборами, которые находились прежде въ безотчетномъ распоряженіи войтовъ и бургомистровъ, а потомъ, съ уничтоженіемъ коллегіи,—Сенату, вторые подчинялись с.-петербургскому главному магистрату [1]). Изъ этого сравненія, намъ кажется, можно уже

---

[1]) Со введеніемъ новаго городскаго устройства въ сѣверно-русскихъ городахъ, тамъ стали обнаруживаться такія же злоупотребленія, какія мы замѣчаемъ въ городахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ: „когда учинены были магистраты по провинціямъ, и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны", пишетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи, „то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостинные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ разоренія безъочередными службами и постоемъ.... Если бы велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другаго притѣснять не могъ бы и купечеству была бы отъ этого ревность". (А. Пригара: „Опытъ исторіи состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи", ч. I. Спб. 1868, стр. 139—169).

вывести заключеніе, что реформа кіевскаго городскаго управленія въ основѣ своей совершена была Петромъ В. около 1724 г., хотя нѣкоторыя изъ старыхъ вольностей, не имѣвшія существеннаго значенія для характера управленія, продолжали еще сохраняться и подтверждались грамотами преемниковъ Петра I. Какъ ревниво мѣщане стояли за ихъ цѣлость, показываетъ слѣдующій примѣръ: въ 1749 г.[1]) кіевскій губернаторъ Леонтьевъ представилъ въ Сенатъ, что великороссійскіе купцы для всенародной пользы просятъ позволенія сидѣть въ Кіевѣ въ рядахъ, сообща съ кіевскими мѣщанами и врозь всякими товарами торговать; подати у себя въ великороссійскихъ городахъ будутъ они платить бездоимочно и кіевскому магистрату всякія повинности отправлять; по мнѣнію кіевской губернской канцеляріи, это слѣдовало бы позволить, ибо кіевскимъ мѣщанамъ отъ этого стѣсненія никакого не будетъ. Но Сенатъ, справившись, что въ грамотѣ Петра В. запрещено пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ сидѣть въ лавкахъ вмѣстѣ съ кіевскими мѣщанами и продавать товары въ локти, фунты и золотники, послалъ Леонтьеву выговоръ, что онъ объ отмѣнѣ существующихъ указовъ не долженъ былъ бы представлять. Еще раньше кіевскій магистратъ, ссылаясь на подтвержденныя Петромъ В. привилегіи, жаловался Сенату, что главный магистратъ привлекаетъ его подъ свое вѣдѣніе, тогда какъ онъ въ вѣдомствѣ главнаго магистрата никогда не бывалъ. Главный магистратъ объяснилъ, что онъ кіевскій магистратъ въ свое вѣдѣніе не привлекалъ, а посылалъ для извѣстія указы о пожалованіи разныхъ людей чинами и объ отставкахъ. Сенатъ приказалъ: „изъ главнаго магистрата въ кіевскій магистратъ никакихъ указовъ не посылать“. Сенатъ оберегалъ даже такое преимущество кіевлянъ, какого не имѣли другіе города; это—право городскаго общества требовать отчета отъ своихъ представителей и судить ихъ за злоупотребленія въ управленіи по своимъ правамъ. Такъ, напр., въ 1739 и 1740 годахъ это право мѣщанъ было возстановлено тогда лишь, когда слѣдствіе и судъ въ низшихъ инстанціяхъ были произведены и

---

[1]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XXIII, стр. 44.

приговоръ поступилъ на утвержденіе Сената. Въ 1820-хъ годахъ самосудъ мѣщанъ совершенно забытъ (да, пожалуй, едва ли онъ былъ и возможенъ уже). Ясно отсюда, что въ то время, когда высшая власть старалась упрочить за Кіевомъ неприкосновенность уцѣлѣвшихъ его правъ и преимуществъ, мѣстное начальство не признавало за городомъ его привилегированнаго положенія, и самъ магистратъ былъ постоянными столкновеніями настолько уже пріученъ къ этому, что не протестовалъ даже противъ нарушенія своихъ вольностей. Преемники Петра Великаго отмѣнили было въ сѣверной Россіи введенное имъ городовое положеніе; сначала магистраты были подчинены губернаторамъ и воеводамъ, затѣмъ главный магистратъ упраздненъ, а городовые магистраты замѣнены ратушами со смѣняемыми по выбору бургомистрами; но въ 1740 году петербургское гражданство ходатайствовало о возстановленіи магистрата и 21 мая 1743 года по докладу Сената велѣно было открыть снова въ С.-Петербургѣ главный магистратъ на прежнемъ основаніи. Намъ неизвѣстно, распространялись ли и на Кіевъ эти преобразованія [1]), но послѣдовавшія за тѣмъ измѣненія въ городскомъ управленіи касались и нашего города. Такъ, напр., главный петербургскій магистратъ, несмотря на приведенное выше опредѣленіе Сената, вводитъ въ Кіевѣ два новыя учрежденія: словесный судъ, въ которомъ принимаютъ участіе два великороссійскіе купца, и публичный нотаріатъ для протеста векселей. Какъ несочувственно встрѣчены были эти нововведенія въ Кіевѣ, можно заключить изъ того, что въ 1754 году гетманъ Разумовскій протестовалъ даже противъ этой реформы, когда было спрошено его мнѣніе по вопросу о словесномъ судѣ. Но, кажется, на его

---

[1]) Изъ указовъ 1739 и 1740 годовъ по поводу первыхъ кіевскихъ растратъ обнаруживается, что войтовъ въ Кіевѣ какъ бы не существуетъ; по крайней мѣрѣ они не упоминаются въ указахъ, точно не были причастны злоупотребленіямъ, чего, однако же, никакъ нельзя допустить въ виду того, что указы обвиняютъ весь тогдашній составъ кіевскаго магистрата. Это странное явленіе только и можетъ быть, по нашему мнѣнію, объяснено тѣмъ, что и въ Кіевѣ преемники Петра замѣнили ратушей учрежденный имъ магистратъ, возстановленный снова въ 1740 году Елисаветой Петровной.

протестъ не было обращено ни малѣйшаго вниманія, потому что мы весьма рано находимъ доказательства существованія въ Кіевѣ этого новаго суда [1]). Такимъ образомъ судъ лавниковъ былъ раздѣленъ: менѣе важныя уголовныя дѣла и иски на небольшую сумму перешли къ словесному суду. Сильнѣе же всего затронули городское управленіе реформы Екатерины Великой. Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году надзоръ за самоуправленіемъ Кіева распредѣленъ былъ между нѣсколькими новыми учрежденіями: казенная палата контролировала хозяйственную часть города; полицейская и распорядительная части возложены были на кіевскаго губернатора, военная—на коменданта печерской крѣпости, а судопроизводство и внутреннее управленіе предоставлено самимъ жителямъ [2]). Но это судопроизводство и управленіе не находилось уже въ рукахъ рады и лавы, такъ какъ и та и другая были преобразованы и замѣнялись теперь первая—шестигласной думой, завѣдывавшей хозяйствомъ города, и вторая—магистратомъ, какъ учрежденіемъ судебнымъ. Въ то время учреждена была и ремесленная управа, которой подчинялись цехи. Эти перемѣны произошли въ 1785 году, какъ свидѣтельствуютъ о томъ книги кіевской казенной палаты съ отчетами мѣстной думы и изданные г. А. Андреевскимъ „Историческіе матеріалы", которые онъ извлекъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія и на которые мы имѣли случай ссылаться раньше. По смерти Екатерины управленіе города по магдебургскому праву было возстановлено, но оно подчинялось уже мѣстной администраціи; собственно говоря теперь возстановлено было петровское городовое положеніе, сталкивавшееся съ новоучрежденными присутствіями и всегда имъ подчинявшееся. Въ началѣ XIX вѣка, вслѣдствіе ли тяжести новыхъ повинностей, или по другимъ причинамъ, мы не знаемъ,—обнаруживается превышеніе расходовъ надъ доходами, и правительство озабочивается уравненіемъ ихъ. Дефициты въ городскомъ бюджетѣ были тогда явленіемъ повсемѣстнымъ.

---

[1]) С. Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XXIV, стр. 245 и 246.

[2]) Статистическое описаніе кіевской губерніи, изд. сенаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ. Спб., 1852 г., т. I, стр. 323.

Вслѣдствіе этого вводятся новыя учрежденія, которыя, не замѣняя старыхъ, имѣютъ одинаковую компетенцію съ послѣдними. Отсюда постоянныя пререканія. Рядъ этихъ новыхъ учрежденій открылся въ 1803 году комитетомъ для приведенія въ равновѣсіе городскихъ приходовъ и расходовъ [1]); въ 1804 году комитетъ, при участіи начальника губерніи, представилъ нѣкоторыя соображенія объ уплатѣ городскихъ долговъ и предположилъ составить особую коммиссію при магистратѣ для управленія городскими доходами и расходами; она должна была состоять, подъ предсѣдательствомъ войта, изъ представителей отъ магистрата, гражданства, купечества и мѣщанства; выходило всегда такъ, что большая часть членовъ коммиссіи состояла изъ членовъ магистрата и ремесленной управы, и была такимъ образомъ тѣсно связана со всѣми этими учрежденіями. Коммиссія о городскихъ приходахъ и расходахъ имѣла опредѣленную смѣту расходовъ, и все, что выходило изъ смѣты, требовало разрѣшенія высшей власти. Коммиссія начала свои дѣйствія въ 1806 году, но, кажется, не удовлетворяла своему назначенію: дефицитъ продолжалъ возрастать, несмотря на введеніе новаго „обывательскаго" налога [2]). Поэтому, коми-

---

[1]) И. Варадиновъ „Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ". Спб. 1861 г., т. I—VIII.

[2]) Въ 1820 году, на основаніи мнѣнія Государственнаго Совѣта, открытъ былъ новый источникъ городскихъ доходовъ; это—право взимать съ горожанъ, не болѣе, впрочемъ, 100 рублей, за внесеніе имени горожанина въ „обывательскую книгу", которая дѣлилась на шесть частей: въ 1-ю вносились городскіе обыватели вообще (дворяне, разночинцы и проч.); въ 2-ю—купцы 3-хъ гильдій; въ 3-ю—цеховые мастера; въ 4-ю—иногородные и иностранные гости; въ 5-ю—именитые граждане и въ 6-ю—посадскіе. Отъ платежа не освобождались даже и дворяне, хотя по 6-й и 13-й ст. городоваго положенія они были уволены отъ всѣхъ другихъ повинностей: сборъ опредѣлялся соразмѣрно цѣнности имущества.

тетъ для уравненія городскихъ расходовъ съ доходами снова былъ учрежденъ сначала въ 1822, а потомъ въ 1828 году. Онъ состоялъ изъ начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, полиціймейстера, городскаго головы и депутатовъ отъ всѣхъ сословій, владѣвшихъ домами въ городѣ. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду, что города для покрытія расходовъ дѣлали сами раскладку сборовъ и, что на злоупотребленія при этой раскладкѣ подавались неоднократныя жалобы, предписалъ, чтобы въ сентябрѣ каждаго года дума составляла смѣту прихода и расхода и представляла бы ее начальнику губерніи; на казенныя палаты возложена была повѣрка исполненія смѣты, которая сверхъ того ревизовалась депутатами отъ города.

Такимъ образомъ, въ результатѣ всѣхъ указанныхъ выше реформъ и вызванныхъ ими столкновеній получалось то, что старое, хотя и слабое, но все же болѣе или менѣе дѣйствительное вліяніе городскаго общества при контролѣ отчетовъ и въ надзорѣ за членами магистрата съ каждымъ разомъ все болѣе устранялось и парализовалось, замѣняясь контролемъ чиновниковъ, преслѣдовавшихъ лишь одну внѣшнюю законность и аккуратное канцелярское веденіе приходо-расходныхъ книгъ. Можно подумать, пожалуй, что не будь городской реформы Петра I, Екатерины II и преемниковъ ихъ, не было бы и крупныхъ хищеній, но такое заключеніе было бы весьма ошибочнымъ. Мы уже сказали, что самыя начала самоуправленія города по магдебургскому праву были по природѣ своей таковы, что раньше или позже приводили къ господству немногихъ богатыхъ семей и къ подавленію общественнаго надзора и вліянія. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, изслѣдуя „нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“, говоритъ о г. Каменцѣ-Подольскомъ [1]), пользовавшемся

[1]) Стр. 240 и 241.

полнымъ магдебургскимъ правомъ и ближе другихъ подходившемъ къ положенію г. Кіева, что „онъ, Каменецъ, не имѣетъ ни самоуправленія, ни независимости. Онъ не имѣетъ самоуправленія, потому что управляется не лицами, выбранными изъ общества и самимъ обществомъ, а небольшимъ числомъ богатыхъ фамилій, членовъ рады. Онъ не имѣетъ свободныхъ судебныхъ учрежденій, потому что судебная коллегія составляется не изъ лицъ, избранныхъ обществомъ. Слабою опорою самоуправленія служатъ представительныя учрежденія города; но и эти учрежденія не имѣютъ ни широкой власти, ни достаточной силы. Городъ лишенъ независимости, потому что и староста и вообще замковое начальство и военное управленіе безнаказанно распространяютъ на него свою власть. Крайнее раздробленіе самоуправленія приводитъ къ праву сильнаго, къ праву дикихъ". Такую же непригладную картину состоянія городовъ въ южной Россіи рисуетъ и другой изслѣдователь, В. Б. Антоновичъ, въ предисловіи къ изданнымъ имъ актамъ о городахъ. Полный упадокъ ихъ къ концу XVIII вѣка вызвалъ необходимость измѣненія прежнихъ условій существованія третьяго сословія въ Рѣчи Посполитой. Отмѣна магдебургскаго права конституціей сейма 1776 года не улучшила положенія мѣщанъ; требовалась болѣе важная реформа; это поняла, говоритъ тотъ же изслѣдователь[1]), небольшая группа политическихъ дѣятелей, которая „при составленіи конституціи 1789—1792 гг. употребила всѣ усилія, чтобы возстановить политическое значеніе городскаго сословія. Результатомъ этихъ усилій былъ законъ „о вольныхъ королевскихъ городахъ въ Рѣчи Посполитой, изданный 18 апрѣля 1791 года". Онъ долженъ былъ, хотя отчасти, предупреждать повтореніе въ будущемъ тѣхъ недостатковъ, которые обнаружило магдебургское право.

---

[1]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, т. I, Кіевъ. 1874. Стр. 504 и слѣд.

Главными началами новаго закона были: неприкосновенность личности каждаго гражданина, на котораго распространялось теперь общее правило: „neminem coptivabimus, nisi jure victum“; признаніе всѣхъ городовъ вольными; возстановленіе ихъ территоріи, на основаніи старыхъ грамотъ; всесословность городовъ, въ силу котораго магистраты обязывались принимать въ городскую общину всѣхъ, желавшихъ вступить въ нее; признаніе ремеслъ и торговли свободными; далѣе, право участія въ выборахъ на городскія должности предоставляется всѣмъ домовладѣльцамъ, записаннымъ въ списокъ обывателей; допускается право участія представителей городовъ въ апеляціонномъ судѣ и въ коммиссіяхъ полицейской (гражданско-военной, какъ ее тогда называли), скарбовой (финансовой), ассесорской и друг., даже, что особенно важно, допускается право городовъ участвовать чрезъ своихъ избранныхъ депутатовъ въ засѣданіяхъ сеймовъ; право нобилитаціи всѣхъ лицъ, занимавшихъ городскія должности, если они не были уже шляхтичами; право горожанъ занимать должности въ гражданской и военной службѣ, быть канониками и прелатами и проч. Подъ вліяніемъ новаго закона города оживились и обнаружили лихорадочную дѣятельность въ приспособленіи себя къ новымъ условіямъ жизни; но жизнь вольныхъ городовъ была очень кратковременна, и мы не можемъ съ точностью указать на тѣ результаты, къ какимъ пришли бы города подъ дѣйствіемъ раньше указаннаго закона; думаемъ, однако же, что имъ совершенно было бы подавлено прежнее городское сословіе, и сильное шляхетство, не сливаясь съ нимъ, все доходное и выгодное захватило бы въ свои руки. Дѣйствіе этой городской реформы въ областяхъ Польши, какъ мы сказали уже, было непродолжительно, потому что вскорѣ началась шляхетская реакція, и постановленіемъ генеральной конфедераціи 29 октября 1792 года законъ о вольныхъ городахъ былъ отмѣненъ. Съ возвращеніемъ

южно-русскихъ городовъ къ Россіи въ 1796 году, наше правительство обратило вниманіе на ихъ положеніе и, пока не выработано было новое городовое положеніе, должно было ввести тотъ уставъ, который дѣйствовалъ въ городахъ сѣверной Россіи, и безпристрастная оцѣнка котораго принадлежитъ будущему, когда изслѣдователю доступно будетъ возможно большее количество матеріала.

Указавъ на размѣры, формы и причины злоупотребленій „магистратскихъ чиновниковъ" въ періодъ отъ XVI до XIX вѣка, намъ остается теперь въ заключеніе разрѣшить вопросъ, отчего же въ XVI и XVII столѣтіяхъ кіевскіе войты и бургомистры не нарушаютъ принципа неприкосновенности общественной собственности съ такою смѣлостью, какую мы видимъ въ слѣдующіе затѣмъ вѣка, XVIII-мъ и особенно XIX-мъ? Въ этомъ случаѣ мы можемъ отвѣтить только, что сказано было уже В. Б. Антоновичемъ въ своемъ чтеніи о „войтахъ Ходыкахъ" [1]), что сдерживающимъ началомъ въ два первые вѣка (XVI и XVII) служили старыя вѣчевыя традиціи кіевлянъ, имѣвшихъ право, „буде, кто явится въ сборахъ и расходахъ и отчетѣ неисправенъ", поступать съ тѣми „по своимъ правамъ". Вѣчевой духъ города, находившій себѣ сначала проявленіе въ политической жизни края, сталъ потомъ, благодаря содѣйствію цеховой организаціи, вліять, какъ общественное мнѣніе, во внутреннемъ управленіи города, сдерживая хищническіе инстинкты „урядовыхъ людей". Постепенное же выдѣленіе изъ массы горожанъ правящей касты еще въ эпоху польскаго владычества и петровская реформа, раздѣлившая „посполитство" на „почетнѣйшее общество"

---

[1]) „Кіевская Старина" за 1882 г., февраль, стр. 235.

и „подлыхъ людей", вмѣстѣ съ усиленіемъ значенія войтовской власти, съ назначеніемъ войтовъ, вмѣсто выбора ихъ, и съ контролемъ администраціи, вели къ подавленію общественнаго мнѣнія и протеста и дали въ результатѣ тѣ слѣдственныя дѣла, содержаніе которыхъ мы изложили выше.

И. Каманинъ.

КРИТИКА.

Юбилейныя изданія: 1) Въ память празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Составилъ В. Михайловъ. Москва 1888 г.; 2) Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Составилъ В. Д. Синовскій. Спб. 1888 года. 3) Родникъ. Журналъ для дѣтей Іюль 1888 года. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Юбилей 900-лѣтія крещенія Руси породилъ цѣлую литературу: множество брошюрокъ разныхъ видовъ, размѣровъ, и къ сожалѣнію, различнаго достоинства, появилось въ свѣтъ. Ихъ такъ много, что собрать всѣ вмѣстѣ и дать о нихъ общій отзывъ нѣтъ никакой возможности, но оставить ихъ безъ вниманія мы также не находимъ возможнымъ. Конечно критика не пойдетъ въ народъ, не повліяетъ на выборъ его чтенія, но она можетъ оказать посильную услугу тѣмъ читателямъ, которые имѣютъ возможность ознакомиться и съ разборомъ брошюръ, ибо эти брошюры пріобрѣтаются иногда и людьми интеллигентными и нѣкоторыя, надо сказать, вполнѣ этого заслуживаютъ; можетъ быть также посильныя критическія указанія послужатъ къ улучшенію подобныхъ популярныхъ изданій со стороны содержанія и обработки изложенія въ будущемъ.

Брошюрокъ съ разсказомъ о Владимірѣ св. вышла масса. Въ одной изъ газетъ мы находимъ, напр., такое объявленіе: „Получены при книжномъ складѣ NN газеты брошюры разныхъ *фирмъ*, относящіяся къ бывшему празднованію 900-лѣтія крещенія Руси. Отъ 5 до 40 коп.". Авторовъ не указывается, ибо и указать то ихъ въ большей части случаевъ нельзя: извѣстна только *фирма*, которая выпустила въ свѣтъ то или иное юбилейное произведеніе, какъ извѣстны фирмы чайныя и т. п., какъ будто въ книжномъ дѣлѣ *фирма* можетъ ручаться за доброкачественность содержанія. Въ нашемъ журналѣ разсмотрѣны далеко и далеко не всѣ эти юбилейныя изда-

нія *разныхъ фирмъ*, но мы имѣли случай видѣть и читать ихъ очень много. Кто только ознакомится хотя бы съ частью ихъ, то невольно подумаетъ, что не всѣ онѣ явились результатомъ стремленія принести посильную пользу дѣлу народнаго просвѣщенія, что можетъ быть появленіе въ свѣтъ нѣкоторыхъ изъ нихъ указываетъ на нѣсколько иной печальный фактъ—желаніе той или иной *фирмы* выпустить изданіе, сбытъ котораго обезпеченъ подходящими обстоятельствами. *Фирма* заботится выпустить брошюрку подешевле для себя, а насколько составитель ея можетъ быть годенъ для дѣла, это для фирмы вопросъ десятистепенный: для нея важно, чтобы и онъ былъ недорогъ. Между тѣмъ нѣкоторые изъ составителей подобныхъ статеекъ вполнѣ упускаютъ изъ вида, что писать для народа весьма трудно, и что на пишущаго ложится громадная отвѣтственность за то, что онъ даетъ народу. Прежде всего необходимо ясное, удобопонятное, правильное во всѣхъ отношеніяхъ изложеніе, которое давало бы читающему возможность легкаго усвоенія прочитаннаго. А это задача далеко нелегкая. Для ея выполненія нужно быть педагогомъ по натурѣ. Затѣмъ. Пища для ума должна быть свѣжая незалежалая. Факты сообщаемые читателю, должны быть передаваемы въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ наука даннаго времени. Намъ скажутъ, что многіе вопросы наукой не рѣшены, что существуютъ иногда самыя противорѣчивыя мнѣнія относительно одного и того же факта. Но не нужно забывать, что каждое изъ этихъ мнѣній все же основывается на тщательномъ изученіи источниковъ людѣми, привыкшими критически разработывать вопросъ, къ какой бы области знанія онъ ни относился. И лучше, гораздо полезнѣе для читателя усвоить фактъ въ томъ видѣ, какъ онъ представляется одной научной школой, чѣмъ въ томъ, въ какомъ его отрицаютъ всѣ школы. Полезнѣе сообщить народу какое угодно научное мнѣніе о происхожденіи Кіева или Москвы, чѣмъ говорить ему, что ихъ основали перевозчикъ Кій или Мосохъ Іафетовичъ. Не особенно трудно избѣжать этого. Составитель обязанъ ознакомиться лишь съ выдающимися учеными трудами, изслѣдующими факты, о которыхъ онъ хочетъ разсказывать народу. Возьмемъ хоть исторію Владиміра св... Составитель обязанъ ознакомиться съ работами Карамзина, Погодина, Соловьева, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина. Пусть составитель изложитъ исторію Владиміра Св. по сочиненію одного изъ нихъ, если не въ состояніи самъ критически отнестись къ ихъ мнѣніямъ и отыскать мнѣнія большинства,—это гораздо будетъ полезнѣе, чѣмъ

свои измышленія, чуждыя наукѣ, пичкать въ головы народа. Но, возразятъ намъ, не всѣ составители знакомы даже и съ этой литературой. Къ несчастью, это вполнѣ вѣрно. Однако, на такое возраженіе можно отвѣтить: 1) что добросовѣстный человѣкъ всегда можетъ обратиться за указаніями къ другому, болѣе свѣдущему, а 2) такіе составители сдѣлали ли бы лучше и для себя, и для другихъ, еслибы совсѣмъ не брались за народное просвѣщеніе.

Издательскія *фирмы* не имѣли этого въ виду совершенно, да и составители ихъ брошюрокъ не останавливались надъ подобными вопросами. Взять лѣтопись, и то иногда какую попало, переложить ея разсказъ на русскій языкъ, не понявъ и потому переврavъ нѣкоторыя ея мѣста, подбавить къ этому переложенію нѣсколько толкованій, явившихся Богъ знаетъ на основаніи чего въ головѣ, напустить туману въ видѣ примѣчаній или разъясненій въ самомъ текстѣ, которыя опять неизвѣстно для чего и почему *изобрѣтены* авторомъ,—вотъ трудъ составителей изданій разныхъ *фирмъ*. Къ несчастью, эти слова не есть преувеличеніе, а истина. Насколько нѣкоторыя изданія могутъ быть признаны вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію и производятъ самое отрадное впечатлѣніе, настолько другія заставляютъ сожалѣть о тѣхъ, кто ихъ будетъ читать.

Чтобы закончить нашъ отчетъ объ юбилейныхъ брошюркахъ, разсмотримъ три изданія, заглавія которыхъ мы выставили.

1) Поставленная нами первою брошюрка начинается небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ говорится о цѣли изданія, затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о праздновaніи 900-лѣтія крещенія Руси и о порядкѣ празднованія юбилея и наконецъ, слѣдуетъ уже исторія Руси до Владиміра св. и принятія христіанства. Историческій разсказъ помѣщенъ на 109 страницахъ довольно крупной, четкой печати и начинается съ разселенія славянъ въ Европѣ и по Россійской низменности. Трудъ автора представляетъ собою переложеніе лѣтописи, но нужно сказать, что съ нею авторъ знакомъ далеко не въ совершенствѣ. На это указываютъ нѣкоторыя неточности, пропуски, невѣрности въ изложеніи фактовъ. Напр., при перечисленіи русско-славянскихъ племенъ не указаны ни сѣверяне, ни уличи, ни тиверцы, а между тѣмъ это были одни изъ самыхъ культурныхъ племенъ. Олегу почему то приписывается построеніе городовъ Чернигова, Переяслава и др., тогда какъ та же лѣтопись называетъ ихъ древнѣйшими русско-славянскими городами. Критики у автора нѣтъ абсолютно, и потому онъ впадаетъ иногда въ интерес-

ныя ошибки, какъ напр. утверждая вмѣстѣ съ лѣтописью, что византійскій императоръ Константинъ Багрянородный плѣнился красотою княгини Ольги и предлагалъ свою руку, не расчитавъ, что наша княгиня была въ 957 г. уже старухой. Не будемъ говорить уже о томъ, что все это сказаніе лѣтописи подвержено сильному сомнѣнію въ своей достовѣрности. О древней этнографіи, о бытѣ нашихъ предковъ въ X в авторъ имѣетъ самыя смутныя понятія. Сказавъ о значеніи христіанской религіи, авторъ говоритъ, что она заставляетъ жить совершенно не такъ, какъ жили наши предки—язычники (это вѣрно), „заботившіеся только: о неправедной добычѣ, кровавомъ мщеніи и вѣчной непріязни ко всѣмъ народамъ иной вѣры". Здѣсь въ послѣднихъ словахъ страшное преувеличеніе, и наши предки язычники не были такими дикарями, какъ ихъ описываетъ авторъ, которому противорѣчитъ масса историческихъ и археологическихъ данныхъ, очевидно, совершенно неизвѣстныхъ составителю брошюры. Національная и религіозная нетерпимость, которую авторъ хочетъ навязать нашимъ предкамъ-язычникамъ, была имъ совершенно чужда. Напротивъ, національная терпимость была именно той силой, которая дала русскому славянству возможность ассимилировать съ собой массу финско-угрскихъ и тюркскихъ племенъ. Положительно непонятно также, почему авторъ счелъ нужнымъ сравнить хазаръ, печенѣговъ, половцевъ съ калмыками. Тутъ уже является отсутствіе всякаго представленія о древней нашей этнографіи. Языкъ брошюры неправильный. Какъ можно *„заботиться о вѣчной непріязни* ко всѣмъ народамъ"? Или вотъ еще такое мѣсто: „онъ (Владиміръ) *завоевалъ Ятвяговъ*, дик*аго*, но мужественн*аго* народ*а*". Такія неправильности языка у автора встрѣчаются довольно часто. Не можемъ также не указать на странность географическихъ опредѣленій въ разбираемой брошюркѣ. Оказывается, напр., что у Владиміра было 300 женъ *„въ нынѣшнемъ Бѣлгородѣ"*. Вѣроятно, курской губерніи?! Или: *„городъ Червень около Хелма"*. А Хелмъ гдѣ? Едва ли такія географическія указанія объяснятъ что нибудь читателю.

Намъ кажется, что нашъ выводъ не будетъ невѣренъ, если скажемъ, что трудъ автора при указанныхъ недостаткахъ едва ли можемъ считаться полезнымъ для читателя.

2) Небольшая брошюрка г. Сиповскаго, по нашему мнѣнію, отличается важными достоинствами. Не говоря уже объ изяществѣ самаго изданія, она хороша по своему содержанію и по изложенію

сообщаемыхъ фактовъ. Авторъ отступилъ нѣсколько отъ шаблоннаго распредѣленія матеріала и начинаетъ свой разсказъ не съ дѣтства Владиміра, а съ трагическаго момента его жизни съ убіенія варяговъ мучениковъ язычниками—кіевлянами. Принимая лѣтопись за главный источникъ, мы должны признать этотъ моментъ самымъ важнымъ въ исторіи Владиміра св., ибо онъ былъ переломнымъ въ его жизни. Это, такъ сказать, завязка драмы. Вслѣдъ за этой главой, которая озаглавлена: „Первые христіанскіе мученики на Руси", слѣдуетъ вполнѣ естественно разсказъ „О языческой вѣрѣ нашихъ предковъ". Затѣмъ только выводитъ авторъ главное дѣйствующее лицо князя Владиміра и рисуетъ его жизнь въ языческій періодъ княженія. „Гдѣ же истина, чему вѣрить и какъ жить?—вотъ вопросы, которые должны были мучить его. И сталъ Владиміръ сомнѣваться въ своей языческой вѣрѣ"..., говоритъ авторъ, указавъ на различныя религіозныя вліянія, дѣйствовавшія на князя, и переходитъ къ слѣдующей главѣ: „Иноземные послы у Владиміра". Затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ главы: 1) „Испытаніе вѣръ", 2) „Крещеніе Владиміра и дружины его въ Корсуни", 3) „Крещеніе народа въ Кіевѣ и другихъ городахъ" и, наконецъ, 4) „Христіанская жизнь Владиміра".

Единственное замѣчаніе, какое можно сдѣлать, относится къ отсутствію географическихъ указаній и, хотя бы маленькихъ, этнографическихъ разъясненій. Отчего бы не указать, гдѣ лежала Хазарская земля и кто были ея жители? Это можно было сдѣлать хотя бы въ выноскѣ подъ строкой, чтобы не нарушать цѣльности лѣтописнаго разсказа, который, надо сказать, передается г. Сиповскимъ просто, вѣрно и весьма изящно. Кромѣ того видно, что авторъ прекрасно знакомъ со всѣми необходимыми историческими матеріалами и пособіями, которые были ему необходимы при составленіи его труда. Г. Сиповскій не вдается въ большія подробности, но не упускаетъ изъ вида ничего, что необходимо сказать. Вообще трудъ г. Сиповскаго есть одинъ изъ лучшихъ юбилейныхъ популярныхъ трудовъ и всякимъ будетъ прочтенъ съ большимъ удовольствіемъ.

3) Хотя нѣкоторыя изъ юбилейныхъ брошюрокъ, какъ напр. г. Сиповскаго, могутъ смѣло и съ пользой быть даваемы въ руки дѣтей, тѣмъ не менѣе нельзя не отнестись съ сочувствіемъ къ изданію юбилейнаго номера редакціей дѣтскаго журнала „Родникъ". Здѣсь о великомъ событіи разсказано въ видѣ отдѣльныхъ историческихъ повѣстей, что дѣлаетъ разсказъ болѣе легкимъ и занимательнымъ для юнаго читателя. При составленіи этихъ повѣстей въ

„Родникѣ“ приняты въ соображеніе данныя этнографическія и археологическія, такъ что у читателя можетъ получиться довольно ясное представленіе о бытѣ и жизни нашихъ предковъ въ то отдаленное время. Самое изложеніе отличается легкостью, полною доступностью для пониманія ребенка.

Конечно, отъ повѣсти нельзя требовать полной фактической точности. Важно только, чтобы главные факты были вполнѣ достовѣрны, при чемъ могутъ быть вставлены нѣкоторые эпизоды и подробности, которые хотя и не упоминаются въ историческихъ источникахъ, но, не противорѣча имъ, служатъ къ болѣе яркой обрисовкѣ современной жизни и быта. Не можемъ не сказать, что нѣкоторыя сцены положительно дышатъ поэзіей. Однако всѣ эти подробности, въ видѣ отдѣльныхъ, созданныхъ авторомъ историческихъ сценъ и эпизодовъ, должны стоять какъ можно ближе къ исторической дѣйствительности. Для нихъ авторъ долженъ брать только лишь то, что могло дѣйствительно существовать по соображенію историческихъ фактовъ. Вымышленная сцена, разъ она вымышлена, не достовѣрна исторически, но она можетъ быть *исторически вѣроятна,* если ея детали будутъ вѣрны исторически, этнографически и археологически. Нельзя не указать, что разсказъ „Родника“ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ погрѣшаетъ противъ этого требованія: попадаются детали, которыя положительно не могли существовать и противорѣчатъ историческимъ фактамъ. Укажемъ на нѣкоторыя слабыя, по нашему мнѣнію, мѣста разсказа. Въ весьма интересной сценѣ, происходящей въ Вышгородѣ, въ теремѣ св. Ольги, авторъ выводитъ плѣннаго хазарина, который разсказываетъ княгинѣ о своей родной земли и о Византіи. И вотъ тутъ одна маленькая историческая неточность портитъ впечатлѣніе. Плѣнный хазаринъ не могъ сражаться противъ Олега, такъ какъ до похода Святослава войны между Русью и Хазаріей не было. Въ 914 г. Русь совершенно случайно была перебита хазарами и ужъ конечно не могла тогда набрать плѣнныхъ. Всѣ другіе извѣстные намъ походы на Востокъ не направлялись противъ Хазаріи. Изъ разсказа оказывается, что хазаринъ самъ не былъ въ Византіи, слѣд. онъ не принадлежалъ къ тому хазарскому отряду, который былъ на службѣ у византійскаго императора, а выведи его авторъ отсюда—историческая вѣроятность была бы соблюдена. Еще проще было бы сдѣлать этого хазарина плѣнникомъ Святослава, который дѣйствительно разгромилъ Хазарію. Точно также исторически невѣрно положеніе св. Ольги, незнавшей будто

бы, что въ Кіевѣ есть много христіанъ, тогда какъ христіанство существовало здѣсь еще при ея мужѣ Игорѣ. Нельзя не указать также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сгущены немного краски и существуютъ преувеличенія. Авторъ такими, напр., словами описываетъ дѣйствіе, произведенное смертью и словами варяга-мученика: „съ того дня, говоритъ авторъ, не стало въ Кіевѣ никакой вѣры. Христіане язычниковъ боялись, а язычники и христіанъ и другъ друга стыдились. Изрѣдка зайдетъ кто нибудь на требище Перуново, посмотритъ на старыхъ боговъ и уйдетъ домой, вспоминая варяговы рѣчи". Тутъ нѣтъ не только вѣрности, но и вѣроятности исторической. Укажемъ еще на одну подробность, которая какъ то рѣзко выдѣляется изъ всей картины жизни того времени своей несообразностью. Говоря о милосердіи Владиміра св. послѣ принятія христіанства, авторъ выражается: „И острога въ городѣ не было"... Да остроговъ и совсѣмъ тогда не было! Это археологическая крупная неточность, которая можетъ сбить съ толку юнаго читателя.

Ограничиваясь этими указаніями, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о приложенныхъ картинахъ. За исключеніемъ изображенія св. апостола Андрея Первозваннаго, всѣ остальныя плохо выполнены, а нѣкоторыя, какъ по выполненію, такъ и по сюжету, могли бы вполнѣ безъ ущерба для изданія и для юныхъ читателей совсѣмъ отсутствовать.

П. Голубовскій.

Edv. Jelinek. Ukrajinské dumy. V Praze 1888 г., ц. 30 кр.

Эта небольшая книжечка, посвященная „памяти русскаго подполковника Николая Матвѣевича Ендогурова", состоитъ изъ восьми небольшихъ разсказцевъ, заложенныхъ на народно-исторической украинской основѣ и долженствующихъ, по замыслу автора, быть художественными воспроизведеніями украинскихъ думъ. Замыселъ, пожалуй, недурной, но выполненъ онъ, на нашъ взглядъ, довольно неудачно. Можетъ быть, чехи, читая книжку г. Елинка, останутся отъ нея въ восторгѣ, благодаря образному и, такъ сказать, отборному языку, какимъ сложены всѣ разсказы, и воображая, пожалуй, что найдутъ въ ней въ самомъ дѣлѣ вѣрное дѣйствительности воспроизведеніе козацкой старины; но на русскаго читателя, ближе знакомаго, и при томъ сколько нибудь научно, съ этой стариною, знающаго дѣйствительный духъ и характеръ украинскаго народа и

понимающаго, какъ слѣдуетъ, смыслъ всей его исторіи, книжка эта произведетъ скорѣе всего отталкивающее впечатлѣніе чего то поддѣльнаго и даже фантастическаго. Читатель вполнѣ пойметъ нашу мысль, когда мы скажемъ, что вся книжка Елинка составлена въ условномъ сентиментально-идиллическомъ духѣ, и козацкая старина вызываетъ въ воображеніи читающаго представленія, напоминающія, пожалуй, какъ это ни странно, туманныя и нѣжныя изображенія Оссіана, но никакъ не закаленные въ борьбѣ, мужественно суровые, удаляющіеся отъ женщины образы могучихъ сыновъ Запорожья.

Этотъ характеръ разсматриваемой нами книжки легко объясняется тѣмъ общимъ состояніемъ, въ какомъ находится современная чешская словесность, все еще состоящая подъ вліяніемъ господствующей надъ нею нѣмецкой. Какъ и эта послѣдняя, чешская словесность въ значительной мѣрѣ чужда того здравомыслія и реализма, какіе давно уже царятъ въ русской литературѣ, и напротивъ склонна къ нѣкоторой вычурности и слащавости изображеній, къ заманчивой идилличности въ представленіи далекой, сѣдой древности и даже просто старины.

Въ книжкѣ г. Елинка содержится восемь такихъ историко-идиллическихъ картинокъ: 1) Atamanovo poslední vitání (привѣтъ) zelené stepi, 2) Bajda v osidlech (сѣтяхъ), 3) Pokutnik, 3) V milostném touženi (тоскѣ), 5) Hetmanův milaček (любимецъ), 6) Bohdanův mstitel, 7) Na zakletem jezeře, 8) Dědic (наслѣдникъ) atamanské šaule.

Что касается содержанія этихъ мелкихъ вещицъ, то оно до такой степени незначительно, что почти не поддается передачѣ, или, лучше сказать, сущность каждаго разсказца легко вмѣщается въ пять-шесть словъ. Ихъ нужно читать цѣликомъ, и тогда только незначительность содержанія можетъ окупиться красотою и извѣстнымъ изяществомъ изложенія.

Въ первомъ произведеніи разсказывается, напримѣръ, какъ столѣтній атаманъ, привыкшій ежегодно выѣзжать весною со своими козаками въ степь для привѣтствованія ея бросаніемъ шапокъ вверхъ и питьемъ меду, на этотъ разъ былъ до того слабъ и боленъ, что съ трудомъ сѣлъ на коня и умеръ на немъ во время самаго обряда привѣтствованія степи.. (?).

Изъ втораго разсказа мы узнаемъ, какъ молодой крестьянинъ Байда, попавши въ Сѣчь, презиравшую женщинъ, воспылалъ страстью къ прелестной Марысѣ (Марусѣ?) и какъ навсегда излѣчился, по-

добно прочимъ козакамъ, отъ подобныхъ преступныхъ въ Сѣчи приступовъ страсти: это случилось благодаря тому, что его оставили съ предметомъ его любви какъ разъ во время похода, и что по случаю возвращенія козаковъ, привѣтствованныхъ всѣми женщинами и въ томъ числѣ его Марысею, онъ почувствовалъ свое ничтожество предъ своими товарищами и рѣшился впредь во всемъ уподобиться имъ и хлопотать только о военной славѣ. .

Въ такомъ же родѣ содержаніе и прочихъ произведеній, и останавливаться на нихъ долѣе не стоитъ.

Что касается языка книжки, то, какъ мы уже замѣтили, онъ довольно изященъ и поэтиченъ, хотя, къ сожалѣнію, иногда не лишенъ нѣкоторой вычурности. Авторъ то и дѣло уснащаетъ свою рѣчь множествомъ русскихъ словъ, уподобленій и выраженій, каковы, напр., „богатырская грудь“, „батька“, „задумался атаманъ“, „яко снигъ билый вусъ“, „молодицы“ и пр. Кромѣ общерусскихъ книжныхъ выраженій, попадаются и чисто малорусскія: „ручницы“, „що заробляли, то пропивали, а якъ загуляли, музыки наймали“ и т. п.

А. Степовичъ.

Долопчевъ В. Опытъ словаря неправильностей въ русской разговорной рѣчи (преимущественно въ Южной Россіи). Одесса 1886 г.

Книжечки подобнаго рода могутъ быть очень небезполезны въ особенности, конечно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ русское населеніе вкраплены въ большомъ количествѣ разныя инородцы и иноплеменники, въ устахъ которыхъ русская рѣчь невольно извращается, что, въ свой чередъ, обратнымъ процессомъ дѣйствуетъ и на выговоръ самихъ русскихъ людей. Если инородцы, перемѣшанные съ русскимъ населеніемъ, состоятъ въ близкомъ племенномъ родствѣ съ нимъ, каковы, напр., поляки, чехи и пр., то искаженіе языка происходитъ главнымъ образомъ въ области удареній и, пожалуй, словосочиненія; въ другихъ же случаяхъ, когда инородцы принадлежатъ совсѣмъ къ иному племенному типу, искаженіе касается и наиболѣе важной стороны языка—звуковой.

Составителю разсматриваемой нами книжки пришлось имѣть дѣло преимущественно съ явленіями перваго порядка, такъ какъ наблюдаемая имъ русская рѣчь употребляется главнымъ образомъ въ краѣ, населеніе котораго издавна находилось подъ сильнымъ

вліяніемъ польскаго разговорнаго языка. Правда, что и тотъ польскій языкъ, какой приходится слышать въ южной Россіи, самъ въ значительной мѣрѣ подвергся, такъ сказать, обрусѣнію, подъ вліяніемъ мѣстнаго русскаго нарѣчія (малорусскаго); но тѣмъ не менѣе и его собственныя воздѣйствія были въ такой мѣрѣ дѣйствительны, что значительно отразились на русскомъ языкѣ, какъ мѣстномъ у сельскаго населенія (малоруссовъ), такъ и образованнаго класса, употребляющаго общерусскій книжный языкъ.

Со стороны исполненія мы должны признать книжку г. Долопчева довольно удачною, особенно въ смыслѣ перваго толковаго опыта. Нижеслѣдующія замѣчанія мы приводимъ съ цѣлію посильно содѣйствовать улучшенію книжки во второмъ изданіи, которое, конечно, не замедлитъ послѣдовать. На 12 стр. обликъ „вареній“ (родит. пад. мн. ч.) исправленъ на „вареньевъ“ (?) Такъ ли это? Ужели отъ словъ: соленье, чтеніе и. т. п. родительный падежъ будетъ: соленьевъ, чтеньевъ? Правда, въ книжномъ языкѣ прошлаго вѣка употреблялись еще подобные облики („сочиненіевъ“ и т. п.), но нынче они, сколько намъ извѣстно, уже вышли изъ употребленія. На стр. 1-й слово: *а́дѣ* поправлено: *аду́*. А между тѣмъ употребителенъ и этотъ первый обликъ. Такъ, напр., одна изъ „новогреческихъ пѣсенъ“ А. Майкова начинается: „Въ темномъ адѣ подъ землей“. На стр. 2 слово анти́теза исправлено также въ анти́теза. Очевидно, простой недосмотръ, который необходимо исправить въ слѣдующемъ изданіи книги. На 3 страницѣ также недосмотръ: слово *арба* стоитъ безъ всякаго ударенія. Мы бы могли отмѣтить и еще нѣсколько подобныхъ недосмотровъ [1]), но считаемъ достаточнымъ и вышеприведенныхъ: очевидно, составителю подобной книги придется много поработать, чтобы слѣдующее ея изданіе вышло безукоризненнымъ.

Этого слѣдуетъ требовать отъ всякой справочной книги, тѣмъ болѣе отъ такой, какъ словарь неправильностей рѣчи. Тутъ, какъ говорится, поставится въ строку каждое лыко, и это вполнѣ естественно и справедливо!

А. С—чъ.

---

[1]) Напримѣръ, на стран. 161 слово *шаровать* объяснево: мыть пескомъ и золой, тогда какъ оно означаетъ собственно: сильно *тереть* (преимущественно вокругъ чего нибудь, отъ слова шаръ); на стр. 161 слово *шалопай* поправлено *шалапай*, безъ сколько нибудь доказательнаго объясненія справедливости такого написанія.

„Збирнык творивъ" и „Наймычка" Карпенка-Карого.

Драма воспроизводитъ сложный психическій процессъ, который предполагаетъ въ дѣйствующихъ лицахъ извѣстный складъ убѣжденій, извѣстный подъемъ духа во имя этихъ убѣжденій, характеризующихъ живую личность.

Повидимому, этотъ родъ поэзіи не соотвѣтствуетъ этнографической почвѣ. на которой выросла малорусская беллетристика. Существуетъ мнѣніе, что въ народной жизни преобладаетъ непосредственное міровоззрѣніе, въ основѣ котораго лежатъ преданья старины глубокой, ограничивающія личную жизнь единицъ, принадлежащихъ къ народной массѣ.

Но вотъ передъ нами цѣлый сборникъ малорусскихъ пьесъ Карпенка-Карого. Всѣ онѣ построены на этнографической основѣ: Любопытно, однако же, знать, насколько авторъ сумѣлъ сладить съ этимъ этнографическимъ элементомъ и привесть его въ согласованіе съ развитіемъ психиче каго анализа, обязательнымъ въ драматическомъ творчествѣ?

Первая пьеса Сборника „Бондаривна"—не совсѣмъ удачная попытка изложить чисто драматическое дѣйствіе. Рѣчь звучитъ необычною въ разговорѣ ритмичностью и создана, очевидно, подъ вліяніемъ народнаго творчества, подчиняясь складу малорусскихъ думъ, и можетъ быть названа, по всей справедливости, мѣрною, ритмическою прозою.

Драма неудачна именно потому, что не авторъ осилилъ этнографическій элементъ, а матеріалъ его драмы, пѣсни о Бондаривнѣ, взяли верхъ и потопили въ себѣ весь драматизмъ картины: въ этой пьесѣ Карого нѣтъ почти никакого психическаго анализа, а все построено на эпическомъ началѣ разсказа и пѣсни. „Бондаривна",—скорѣе всего мелодрама съ комически-драматической фигурой сластолюбиваго старосты, убивающаго Тетяну въ виду развѣ необходимости кровавой развязки въ концѣ, но никакъ не по причинамъ, вытекающимъ изъ свойствъ его личнаго характера.

„Хто вынен"—вторая пьеса сборника Карпенка, какъ менѣе претенціозная драма, состоитъ изъ ряда драматическихъ картинъ, исполненныхъ съ немалымъ талантомъ; развитіе драматическаго дѣйствія идетъ рука объ руку съ этнографическимъ элементомъ; такіе же монологи, какъ монологъ Софіи въ 4-мъ актѣ (ст. 89) заставляютъ читателя призадуматься... Но искусственный, рѣз-

кій, неловкій конецъ, гдѣ Гнатъ убиваетъ Софію, принуждаетъ каждаго спросить себя, кто же виноватъ во всей этой драматической судьбѣ героевъ: сельскія ли вечорныци, или распущенность деревенскихъ дивчатъ, или, наконецъ, судьба, случай, нѣчто внѣшнее, давящее неизвѣстно изъ за чего, неизвѣстно зачѣмъ... Въ чемъ хотите, въ томъ и находите вину, авторъ вамъ не даетъ руководящей идеи,—мысль его неясна и неопредѣленна.

Рѣчь Карпенка не всегда чиста: пьесы страдаютъ массой не малорусскихъ оборотовъ. Мы замѣтили до сотни такихъ словъ, которыя съ удобствомъ могли бы быть замѣнены народными малорусскими реченіями, напримѣръ: море *мчало*, *начатее* дило, *продолжае* танець, *совитую, видáвъ, чудакъ, именне, безумный* и мн. др.

Не останавливаясь на послѣдней пьесѣ сборника—комедіи„ Розумный та дурень", упомянемъ развѣ о томъ, что она служитъ переходомъ къ безспорно лучшему произведенію автора—драмѣ „Наймычка", при чемъ въ комедіи „Розумный та дурень" языкъ чище, дѣйствіе выдержано искуснѣе, и типы, если не поражаютъ оригинальностію, то во всякомъ случаѣ являются живыми лицами, а отдѣльныя картины подкупаютъ отсутствіемъ излишнихъ затѣй со стороны автора.

Содержаніе драмы въ 5 актахъ „Наймычка" таково: Харытына, она же и наймичка, молодая дивчына, какъ безпаспортная, служитъ за ничто у шинкаря Боруха; жена Боруха безсовѣстно отягощаетъ ее работой. Какъ то разъ у еврея наймичку увидѣлъ богатый хозяинъ—Цокулъ и рѣшилъ ее добыть себѣ въ качествѣ слуги, а потомъ сдѣлать любовницей. За 5 четвертей овса Боруху Харытына была отпущена къ Цокулу. Она очень рада бросить ненавистнаго еврея, тѣмъ болѣе, что у Цокула служитъ и тотъ, кого Харытына любитъ—парубокъ Панасъ. Этого Панаса между тѣмъ бросила его любезная—Маруся ради какого то солдата; Панасъ ходитъ самъ не свой, проклиная весь женскій родъ. Цокулъ въ скоромъ времени роскошно одѣваетъ и назначаетъ ключницей Харытыну, выдавая ее за свою крестницу, въ надеждѣ, конечно, добиться своего. Помимо воли Харытыны, она становится любовницей Цокула. Онъ, спустя немного времени, убоялся пересудовъ и рѣшилъ выдать наймичку за Панаса; Панасъ не хочетъ ради дурной славы, которая идетъ о Харытынѣ, но убѣжденный завѣреніями Цокула, будто о наймичкѣ лгутъ, наконецъ, соглашается на свадьбу. Въ 5-мъ актѣ передается, какъ Харытына, убѣжавъ отъ Цокула, встрѣчаетъ Па-

наса и сообщаетъ о мимовольномъ своемъ позорѣ... Панасъ уходитъ, заявляя: „не судылась ты мени". Харытына топится. Панасъ возвращается къ прежнему мѣсту, уже примиренный съ позоромъ наймички и рѣшившись: „складсты два безталання до купы". Входитъ Цокуль, и при страшной вѣсти о смерти наймички, надъ трупомъ утопленницы, обращаясь къ окружающимъ, кается въ грѣхахъ и заявляетъ о недавно узнанномъ, что онъ, Цокуль, отецъ Харытыны. Картина.

Глубоко-страдающая, мягкая и нѣжная, привлекающая лучшія симпатіи сердца, Харытына будитъ въ душѣ читателя образы многихъ страдальцевъ, обездоленныхъ тѣми людьми, которые не знаютъ правды и, вѣдая, что творятъ, создаютъ такой порядокъ вещей, гдѣ нѣтъ отдыха измученной, но богатой лучшими силами и стремленіями душѣ. Авторъ стоитъ все время на реальной почвѣ изображаемой картины положенія беззащитныхъ, съ самаго появленія на Божій свѣтъ, людей и, благодаря этому, всѣ типы, какъ наймички, такъ и Цокула, и Маруси, и Боруха, и другихъ остаются вѣрными малорусской бытовой обстановкѣ и художественной правдѣ. Отмѣтимъ нѣкоторые мелочные недостатки, не портящіе, впрочемъ, изображенной въ пьесѣ трогательной картины. Такъ, въ пьесѣ есть сцены рѣшительно ненужныя и замедляющія ходъ дѣйствія (напр., во II-мъ актѣ 3-е явл.); что касается послѣдней сцены, то извѣстіе о томъ, что любовникъ Харытыны, Цокуль, къ тому же и ея отецъ, нарушаетъ истинно драматическій, волнующій до глубины души, конецъ пьесы.

„Наймычка", кромѣ художественныхъ достоинствъ, важна для насъ еще тѣмъ, что эта пьеса представляетъ одинъ изъ прекрасныхъ образцовъ положенія, въ какомъ находится малорусская драма. Въ „Наймычкѣ" на широкой этнографической основѣ, характеризуемой рядомъ прекрасныхъ бытовыхъ картинъ, строится весь психическій процессъ, опредѣляющій драматизмъ художественнаго произведенія. Въ народной жизни авторъ, при посредствѣ народнаго творчества, открываетъ сложную борьбу интересовъ, настроеній, даже убѣжденій, что позволяетъ раскрыть картину народной жизни въ драмѣ, не отрываясь отъ этнографической почвы и матеріаловъ народнаго творчества. Образцы разработки драмы въ такомъ направленіи являются лучшими произведеніями малорусскаго драматическаго творчества. Намъ именно кажется, что главная задача малорусскихъ драматурговъ—индивидуальнымъ творчествомъ и выясне-

ніемъ сложнаго психическаго процесса отдѣльной личности переработать матеріалъ народнаго эпическаго творчества, тотъ матеріалъ, на почвѣ котораго выросла малорусская беллетристика, не отступая отъ искренности и правды, свойственныхъ народному поэтическому творчеству. „Наймычка“ Карпенка-Карого служитъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ выполненій этой задачи малорусскихъ драматурговъ.

Иг. Ж.

Жизнеописанія русскихъ военныхъ дѣятелей подъ редакціею Вс. Мамышева. Томъ I. Вып. четвертый. С.-Пб. 1887. Изд В. Березовскаго.

Генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Андреевичъ графъ Милорадовичъ.

При жизни графа Милорадовича было издано нѣсколько его біографій: въ 1816 г. „Дѣянія“ въ 3 частяхъ, въ 1818 г. „Краткое обозрѣніе военной жизни“, написанное адъютантомъ графа Фед. Ник. Глинкою, въ 1822 г. въ „біографіяхъ генераловъ“, сост. Ушаковымъ, кромѣ того были воспоминанія о М. А. Милорадовичѣ Глинки, Михайловскаго-Данилевскаго, Зотова и другихъ и, наконецъ, статья М. И. Семевскаго въ „Военномъ Сборникѣ“ 1869 г. № 10 (октябрь). Прежнія біографіи графа Милорадовича не имѣютъ никакого значенія,—это ничто иное, какъ панегирики, написанные тяжелымъ слогомъ; біографическій очеркъ Семевскаго состоитъ весь изъ Высочайшихъ грамотъ, или рескриптовъ и даетъ развѣ незначительную долю новыхъ свѣдѣній.

Въ прошломъ году изданъ былъ г. Березовскимъ большой томъ жизнеописаній русскихъ военныхъ дѣятелей, и въ четвертомъ выпускѣ этихъ жизнеописаній помѣщена довольно обширная біографія графа Михаила Андреевича Милорадовича, составленная Вс. Ник. Мамышевымъ, который въ теченіи сорока лѣтъ занимается біографіями русскихъ военныхъ дѣятелей.

Біографія графа Милорадовича занимаетъ 202 стр.; при добросовѣстномъ изложеніи въ ней много новыхъ свѣдѣній, особенно о первоначальныхъ годахъ службы Михаила Андреевича, въ Л. Гв. Измайловскомъ полку. Тутъ помѣщены очень интересныя письма графа Завадовскаго 1786 и 1787 гг., адресованныя къ отцу графа, Андрею Степановичу Милорадовичу, съ которымъ Завадовскій былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

На страницахъ, касающихся итальянскаго похода 1799 г., мы находимъ совсѣмъ лишнимъ и ненужнымъ помѣщеніе стиховъ Державина, относящихся къ знаменитому Суворову. Кстати, жалко, что авторъ не руководствовался въ своемъ сочиненіи тѣмъ методомъ изложенія, съ помощью котораго такъ удачно г. Петрушевскій обрисовалъ великую фигуру Суворова. Во всякомъ случаѣ, хотя книга интересна и въ общемъ составлена недурно, однако читатель остается неудовлетвореннымъ, и Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ не вырисовывается, какъ ясная, опредѣленная личность, такъ что, несмотря на добросовѣстный трудъ Малышева, нужно ждать еще полной біографіи графа. При книгѣ приложенъ портретъ гр. Милорадовича (копія съ Дава) и рисунокъ Шарлеманя (1862) „Смерть графа", гдѣ онъ изображенъ раненымъ пулею Каховскаго на Петровской площади, возлѣ самаго монумента Петра I-го. **М.**

„Зъ згадокъ про дитячи лита". Васыля Чайченка. Кіевъ 1888.

Брошюрки и маленькія книжечки—обыкновенная форма изданій малорусскихъ произведеній. Въ нихъ въ настоящее время заключается вся современная малорусская литература, которая такимъ образомъ вся на виду и потому самое рѣшительное отдѣленіе плевелъ отъ пшеницы можетъ служить только къ установкѣ истинной точки зрѣнія на произведенія малорусскихъ писателей и къ развитію дѣла малорусской литературы. Особенно тщательно нужно отдѣлять хорошее отъ дурнаго среди массы издаваемыхъ брошюрокъ,—потому что много и прекраснаго, и безталаннаго печатается этими болѣе удобными формами изданія: книжечки почти что манухинскаго типа и перлы литературнаго малорусскаго творчества имѣютъ часто одинаковую внѣшнюю форму изданія. Ради этого мы такъ рѣшительно предостерегаемъ читателя малорусскихъ произведеній отъ бездарныхъ сочинителей балладъ, поэмъ, лирическаго нытья, фотографій и др. и съ большою радостью спѣшимъ указать на появленіе такой новой брошюрки, какъ В. Чайченка „Зъ згадокъ про дитячи літа".

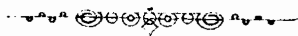
Васыль Чайченко одинъ изъ наиболѣе популярныхъ современныхъ малорусскихъ писателей, хотя онъ далъ только нѣсколько небольшихъ книжечекъ стихотвореній и разсказовъ и не написалъ ни одной большой вещи. Можетъ быть это свойство его таланта; Чайченко, видимо, серьезно относится къ своей литературной дѣя-

тельности и старается широко ознакомиться и усвоить себѣ литературное творчество другихъ писателей, вліяніе которыхъ замѣтно въ его произведеніяхъ (напр. Некрасова). Чайченко учится, захватываетъ много хорошаго въ другихъ литературахъ, но претворяетъ это въ свои образы, въ свои пѣсни, въ свои разсказы. Чайченка нельзя назвать подражателемъ, потому что сила его таланта при заимствованіи нѣкоторыхъ штриховъ изъ другихъ литературныхъ теченій, видоизмѣняетъ ихъ, придавая новыя оригинальныя черты, влагая новый смыслъ, новое выраженіе въ давно знакомые мотивы... Это новое свое, принадлежащее самому Чайченку вноситъ въ произведенія автора симпатичность, мягкость, трогающую душу, безконечную искренность и правдивость.

Передъ нами одна изъ послѣднихъ новинокъ малорусской литературы: „Зъ згадокъ про дитячи літа". Эти воспоминанія ясно указываютъ на то, откуда явилась отзывчивость автора и его сердечность по отношенію къ человѣческой скорби,—тамъ въ дѣтской памяти сохранился рядъ образовъ „маленькихъ и большихъ мучениковъ" Трофима, Ксени и др., которые натолкнули автора на много скорбныхъ думъ. Судьба Трофима Коваля, старика, погубившаго себя женитьбой на молодой женщинѣ, сироты—Ксени, единственной искренней любви автора., трогаетъ душу читателя и будитъ собственныя, подчасъ тяжелыя, болѣзненныя воспоминанія. Вы живо интересуетесь этими селянами и съ задумчивостью слѣдите за розсказомъ автора о тѣхъ ранахъ, которыя были нанесены его дѣтскому сердцу и теперь еще порою даютъ себя чувствовать томительною болью. Въ книжкѣ 56 страницъ, но талантливыхъ, правдивыхъ, прочувствованныхъ...

Только одно: зачѣмъ г. Гомолинскій издалъ и эту хорошую книжку съ такимъ же количествомъ опечатокъ, какимъ почти всегда отличаются его изданія?

И. Ж.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Къ столѣтію новгородсѣверской гимназіи.

Хотя со времени утвержденія „Правилъ народнаго просвѣщенія“, по которымъ среднія, или губернскія училища стали именоваться „гимназіями“ (Полн. Собр. Зак. т. XXVII, № 20598), еще не прошло полныхъ ста лѣтъ, но это не помѣшало нѣкоторымъ гимназіямъ уже отпраздновать свое столѣтіе, и въ такомъ же положеніи относительно возможности празднованія столѣтія находится новгородсѣверская гимназія. Чтобъ объяснить это, надо напомнить, что хотя упомянутыя „Правила“ были утверждены 24 января 1803 г., но среднія учебныя заведенія существовали и раньше этого времени, только подъ другимъ названіемъ, названіе же „гимназій“ въ то время думали присвоить не среднимъ учебнымъ заведеніямъ, а тому типу высшихъ учебныхъ заведеній. который послѣ стали называть „лицеями“ (какъ и былъ потомъ открытъ Нѣжинскій лицей подъ названіемъ „гимназіи высшихъ наукъ“). Именно, по уставу Императрицы Екатерины II, утвержденному 4 августа 1786 г. (Полн. Собр. Зак. т. XXII, № 16421), система училищъ была такая: въ уѣздныхъ городахъ должны были быть открываемы такъ называемыя „*малыя народныя училища*“, а въ губернскихъ кромѣ того—„*главныя народныя училища*; первыя, съ 2-хъ лѣтнимъ, курсомъ соотвѣтствовали позднѣйшимъ уѣзднымъ училищамъ, а послѣднія, съ 5-ти лѣтнимъ курсомъ, при 4-хъ классахъ (три первые класса имѣли годичный курсъ, а четвертый—двухгодичный) были замѣнены потомъ 4-хъ классными гимназіями. Такое *главное народное училище* было открыто 11-го февраля 1789 г. и въ Новгородсѣверскѣ, который былъ тогда губернскимъ городомъ. Первымъ попечителемъ его былъ правитель новгородсѣверскаго намѣстничества И. Б. Бибиковъ, а директоромъ—

И И. Халанскій (переписка котораго съ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Куракинымъ по вопросу объ учрежденіи университета въ Новгородсѣверскѣ была помѣщена мною въ „Кіевской Старинѣ“ 1882 г. № 3). Хотя въ 1797 г. новгородсѣверское намѣстничество было упразднено, но, благодаря представленіямъ и ходатайствамъ разныхъ лицъ, новгородсѣверское главное народное училище продолжало существовать. А когда въ 1804 г. былъ утвержденъ новый уставъ училищъ, съ присвоеніемъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ названія „гимназій“, это училище было преобразовано въ гимназію, директоромъ которой остался тотъ же И. И. Халанскій. Такимъ образомъ, если временемъ основанія новгородсѣверской гимназіи считать открытіе ея подъ именемъ главнаго народнаго училища, то столѣтіе ея исполнится 11-го февраля 1889 г., т. е. черезъ пять мѣсяцевъ, а если счетъ вести съ того времени, когда она стала называться гимназіею, то столѣтняя годовщина отодвинется значительно позже.

Старые воспитанники новгородсѣверской гимназіи полагаютъ, что правильнѣе будетъ первое, ибо сущность дѣла заключается не въ названіяхъ, которыя измѣняются и на нашихъ глазахъ; такъ, нынѣшнія „классическія гимназіи“ еще недавно назывались просто „гимназіями“; на нашей памяти кадетскіе корпуса были переименованы въ военныя гимназіи, а затѣмъ военныя гимназіи—въ кадетскіе корпуса; разумѣется, исторію этихъ учебныхъ заведеній надо начинать не съ того времени, когда въ послѣдній разъ измѣнены названія, а съ того, когда они дѣйствительно начали существовать. Равнымъ образомъ не даетъ основаній поступать иначе и измѣненіе программъ: онѣ мѣнялись много разъ, и не менѣе капитальное, чѣмъ въ 1803 г., измѣненіе гимназіи получили по уставу 1828 г., а также по позднѣйшему уставу, когда онѣ стали называться классическими, частныя же измѣненія въ программахъ дѣлаются безпрерывно, ежегодно, и если бъ исторію учебныхъ заведеній начинать съ того времени, когда получили утвержденіе послѣднія программы, то никакой исторіи ихъ и не было бы. А потому, въ виду того, что открытое 11 февраля 1789 г. новгородсѣверское главное народное училище было среднимъ учебнымъ заведеніемъ, соотвѣтствовавшимъ позднѣйшимъ гимназіямъ, а также въ виду того, что оно не переставало существовать вплоть до преобразованія въ гимназію, которая въ томъ же мѣстѣ, въ тѣхъ же стѣнахъ, подъ управленіемъ тѣхъ же лицъ, преемственно продолжала то же дѣло, которое вела и прежде подъ

фирмою главнаго народнаго училища,—казалось бы, и нѣтъ никакихъ основаній начинать исторію новгородсѣверской гимназіи съ какого нибудь другаго момента времени, кромѣ того, когда она начала существовать подъ именемъ главнаго народнаго училища, т. е. съ 11-го февраля 1789 г., и слѣдовательно, черезъ пять мѣсяцевъ гимназія эта будетъ имѣть возможность отпраздновать столѣтнюю годовщину своего существованія.

Изъ изложеннаго видно, что новгородсѣверская гимназія—одна изъ старинныхъ гимназій. Будучи въ первое время своего существованія удалена на большія разстоянія отъ другихъ существовавшихъ въ то время среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, она была тогда разсадникомъ просвѣщенія для огромнаго района мѣстности, въ нѣсколько разъ большаго чѣмъ тотъ, который теперь поставляетъ для нея воспитанниковъ. И благодаря своимъ первымъ директорамъ, поставившимъ въ ней дѣло преподаванія на надлежащую высоту, она настолько хорошо выполняла свое назначеніе, что, по свидѣтельству Вит. Я. Шульгина (см. объ этомъ въ его „Исторіи Университета Св. Владиміра, Спб. 1860, стр. 30), пріобрѣла въ старину славу лучшей гимназіи въ Малороссіи. Другой профессоръ университета св. Владиміра, посѣтившій гимназію въ 1875 г. и также засвидѣтельствовавшій въ своей статьѣ о Новгородсѣверскѣ, напечатанной въ „Кіевскомъ Телеграфѣ (1875 г., № 104), что новгородсѣверская гимназія фактически доказала, что она честно исполнила свое назначеніе и принесла большую пользу,—будучи очарованъ мѣстоположеніемъ Новгородсѣверска, въ самомъ положеніи города находитъ условія, которыя должны были благопріятствовать „тихому дѣлу воспитанія". Эта мѣстность, дѣйствительно живописная, и самая гимназія произвели на другаго посѣтителя ея, одного изъ бывшихъ министровъ народнаго просвѣщенія (не считаемъ себя въ правѣ называть по имени) такое пріятное впечатлѣніе, что, высказывая директору, какъ ему понравилась гимназія, онъ сказалъ: „еслибъ я не былъ министромъ народнаго просвѣщеія, то я хотѣлъ бы быть директоромъ новгородсѣверской гимназіи". Конечно, это была шутка, сказанная въ хорошемъ настроеніи, но шутка характерная для опредѣленія того, какое впечатлѣніе могла производить новгородсѣверская гимназія.

Разумѣется, не въ одномъ положеніи города, какъ бы оно ни было удобно для воспитанія, надо искать объясненія того, какимъ образомъ эта гимназія, далекая отъ всѣхъ большихъ центровъ, могла

когда то, по выраженію Шульгина, пользоваться славою лучшей въ Малороссіи гимназіи. Были между педагогами ея свѣтлыя личности, высоко державшія знамя науки и умѣвшіе внушать любовь къ ней въ своихъ ученикахъ.

Въ древнѣйшую пору существованія новгородсѣверской гимназіи таковъ былъ извѣстный въ свое время педагогъ Илья Ѳедоровичъ *Тимковскій*, второй по времени директоръ ея (съ 1825 по 1838 г.). Уроженецъ с. Турановки, глуховскаго уѣзда, онъ перешелъ на должность директора изъ профессоровъ харьковскаго университета, перешелъ потому, что хотѣлъ служить ближе къ родинѣ и хотѣлъ быть полезнымъ любимой имъ гимназіи. Онъ оставилъ послѣ себя записки, не касающіяся впрочемъ времени директорства его въ Новгородсѣверскѣ, которыя были напечатаны въ Москвитянинѣ 1852 года. Не имѣя подъ рукою этихъ книгъ, отсылаемъ желающихъ ближе познакомиться съ этимъ педагогомъ къ означеннымъ запискамъ.

Изъ педагоговъ болѣе близкаго къ настоящему времени, а именно пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, самыя благодарныя воспоминанія бывшіе воспитанники гимназіи сохраняли объ учителѣ исторіи покойномъ Ѳедорѣ Лукьяновичѣ *Метлинскомъ*, родномъ братѣ извѣстнаго собирателя малорусскихъ пѣсенъ, писавшаго подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы.

Въ высшей степени оригинальный, всегда серьезный, вдумчивый, вѣчно надъ чѣмъ нибудь трудящійся, онъ умѣлъ и ученикамъ своимъ внушать любовь къ труду, умѣлъ будить ихъ мысль, а предметомъ, который онъ преподавалъ, такъ заинтересовывалъ ихъ, что не заниматься этимъ предметомъ считалось между учениками дѣломъ постыднымъ. Ни къ кому изъ своихъ наставниковъ они не относились съ большимъ уваженіемъ, какъ къ Ѳ. Л. Метлинскому. И не потому онъ пользовался ихъ симпатіями, чтобы дѣлалъ поблажки ихъ слабостямъ, или искалъ бы между ними популярности, какъ дѣлали въ его время другіе, напротивъ, строгій къ самому себѣ, онъ былъ строгъ и къ слабостямъ и порокамъ другихъ, но въ то же время былъ такъ справедливъ, что ученики готовы были считать его чуть не олицетвореніемъ справедливости. И будучи строгъ и серьезенъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ такъ доступенъ, что никто не стѣснялся обращаться къ нему за разрѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ и сомнѣній. Квартира его была всегда открыта для учениковъ; его книгами, его свѣдѣніями, его уроками по другимъ пред-

метамъ, напримѣръ, по иностраннымъ языкамъ—безвозмездно пользовался всякій, кто хотѣлъ. Много разъ приходилъ въ эту квартиру искать разрѣшенія занимавшихъ юную голову вопросовъ и самъ пишущій эти строки, бывши когда то школьникомъ этой же гимназіи; и никогда не забыть ему этой одинокой квартиры, въ которой чувствовалось всѣмъ такъ легко, въ которой молодымъ сердцамъ внушалось столько добраго и хорошаго. Замѣчателенъ былъ пріемъ, который употреблялъ Ѳ. Л. Метлинскій въ бесѣдахъ съ учениками по занимавшимъ ихъ вопросамъ. Никогда не навязывая своихъ мнѣній, онъ въ такихъ случаяхъ, казалось, въ совершенствѣ усвоилъ себѣ тотъ методъ, который великій мудрецъ древности сравнивалъ съ искусствомъ повивальной бабки, говоря, что онъ только помогаетъ разрѣшиться отъ бремени истиной. Когда, бывало, ученики обращались къ Ѳ. Л. Метлинскому за разрѣшеніемъ какихъ нибудь общихъ вопросовъ, никогда они не слышали отъ него отвѣта, который былъ бы сказанъ докторальнымъ, не допускающимъ возраженій тономъ: нѣтъ, становясь на ихъ точку зрѣнія, заговоривъ съ ними тономъ старшаго товарища или брата и поставивъ вопросъ еще шире, Ѳедоръ Лукьяновичъ начиналъ наводить на разрѣшеніе занимавшаго ихъ вопроса.—„Такъ вотъ *мы* и рѣшили вопросъ", скажетъ бывало въ заключеніе Ѳедоръ Лукьяновичъ; и дѣйствительно выходило, что „*мы*" рѣшили, потому что, ведя бесѣду съ ученикомъ, онъ умѣлъ заставить его работать головою и при помощи умнаго собесѣдника придти къ тому или другому рѣшенію вопроса. Но еще больше, чѣмъ въ умственномъ, Метлинскій вліялъ на учениковъ въ нравственномъ отношеніи, вліялъ—самымъ характеромъ своимъ, въ которомъ ученики не могли разсмотрѣть никакихъ слабостей и недостатковъ, и тѣмъ высокимъ идеаломъ человѣка, который онъ носилъ въ себѣ. Потому его всѣ любили, всѣ хотѣли ему подражать. Потому слово его имѣло для учениковъ большое значеніе: что бывало скажетъ Ѳедоръ Лукьяновичъ, то казалось святой правдой; а его упрека достаточно было, чтобы самый легкомысленный ученикъ серьезно призадумался, а подчасъ—и расплакался.

Въ сохранившемся у насъ письмѣ, которое въ 1862 г. писалъ Ѳ. Л. Метлинскій въ отвѣтъ на письмо трехъ бывшихъ учениковъ его, въ то время студентовъ московскаго университета, онъ, задавая себѣ вопросъ, все ли онъ дѣлалъ, что слѣдовало на его мѣстѣ, говоритъ дальше: „Если я будилъ мысль, то достаточно ли вмѣстѣ съ тѣмъ будилъ и чувство и вкусъ, достаточно ли укрѣплялъ волю

и характеръ, достаточно ли сдѣлалъ съ своей стороны для того, чтобъ развить въ своихъ ученикахъ ту упорную энергію, которая не только начинаетъ съ увлеченіемъ, но и оканчиваетъ съ желѣзнымъ терпѣніемъ; ту предусмотрительность, которая берется за дѣло съ тѣмъ, чтобы кончить, разсчитавши свои силы, взвѣсивши всѣ обстоятельства; ту твердость духа, которая оставляетъ человѣка вмѣстѣ съ жизнію, не смущается никакими невзгодами; ту любовь къ труду буденному, чернорабочему труду, безъ которой и великіе таланты далеко не все дѣлаютъ, что могли бы сдѣлать; наконецъ, тотъ инстинктъ здоровья и истины, который угадываетъ болѣзнь и ложь подъ самой обольстительной и блестящей оболочкой,—однимъ словомъ, сомнѣваюсь, всегда ли былъ я вѣренъ девизу моего ученія: будьте чисты какъ голуби и мудры какъ зміи".—Изъ приведенныхъ строкъ видно, какой идеалъ учителя былъ у Ѳ. Л. Метлинскаго, и если въ этихъ строчкахъ онъ самъ сомнѣвался въ себѣ, то благодарные его воспитанники могутъ сказать, что онъ былъ вѣренъ этому идеалу.

Характерно также окончаніе письма, въ которомъ Метлинскій, заговоривъ на родномъ ему и любимомъ имъ языкѣ, дѣлаетъ своимъ бывшимъ ученикамъ такое напоминаніе: *„не забувайте матери,* вона васъ годувала и доглядала, якъ то ви ій оддячете? Чи пійдете въ найми до чужини, понесете свої сили чужині на працю, чужу ниву пахати, чужи тини заплітати, чужи дирки латати? И то добре діло! Аби добри були, а світъ не безъ добрихъ людей. Чи мало вже й такъ Украіна вистачила людямъ добрихъ робитникивъ и люде дякують, може й ій хто зъ чужихъ за те попрацюе. Прощавайте, мої соколята. Однисуйте, та не прописуйтесь".

Прибавимъ еще одну черту для болѣе полнаго представленія о личности Ф. Л. Метлинскаго. Когда онъ навсегда покидалъ новгородсѣверскую гимназію и городъ Новгородсѣверскъ, то, прощаясь съ нѣсколькими изъ своихъ учениковъ, которые въ послѣдній разъ пришли къ нему на квартиру, онъ, какъ *послѣдній урокъ* свой имъ, далъ имъ совѣтъ неизмѣнно слѣдовать нѣкоторымъ правиламъ, которыя онъ считалъ главными правилами жизни. Именно, онъ продиктовалъ имъ слѣдующее:

„Любите Бога — старайтесь быть совершенными, какъ Онъ. Любите ближняго, какъ самого себя. Будьте чисты какъ голуби и мудры какъ зміи. Берегитесь закваски Фарисейской и Саддукейской.	Завѣтъ Христа.

Будьте мудры — ищите истины. Будьте умѣренны — рѣшайтесь на то, что по вашимъ силамъ и средствамъ. Будьте мужественны — рѣшившись исполняйте. Будьте справедливы.	Четыре добродѣтели Сократа.
За правду — въ огонь и въ воду! Людей слухай, а свій розумъ май.	Завѣтъ моего отца.

Этотъ выборъ правилъ чрезвычайно характеренъ для Метлинскаго (почему мы ихъ и выписали), и тѣ, которые его хорошо знали, могутъ сказать, что истины, заключающіяся въ этихъ правилахъ, онъ дѣйствительно ставилъ выше всѣхъ другихъ и всегда старался быть имъ вѣрнымъ. Добавимъ, что и отъ должности учителя новгородсѣверской гимназіи ему пришлось отказаться именно потому, что онъ не могъ примириться съ тѣмъ, что считалъ неправдою, расходясь съ дирекціей гимназіи во взглядахъ на разныя мѣры, которыя въ то время принимались относительно учениковъ. Послѣдніе годы жизни своей онъ занимался воспитаніемъ дѣтей своихъ бѣдныхъ родственниковъ и умеръ на своей родинѣ — въ гадячскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Такова была личность любимѣйшаго учениками учителя новгородсѣверской гимназіи, по воспитанію — человѣка сороковыхъ годовъ, въ воззрѣніямъ — идеалиста, по симпатіямъ — щираго украинца, по отношеніямъ къ ученикамъ — представлявшаго собою рѣдкій типъ учителя, нѣсколько напоминавшій учителей древности и едва ли существующій между современными педагогами. Въ тишинѣ уѣзднаго захолустья онъ творилъ доброе дѣло, стоившее ему подчасъ тяжелой борьбы, которая роковымъ образомъ отзывалась на его здоровьѣ и въ концѣ концевъ довела до необходимости отказаться отъ любимаго имъ занятія, — творилъ это дѣло невѣдомый читающей публикѣ. Но мы знаемъ — много сердецъ встрепенется при имени Ѳ. Л. Метлинскаго, а тѣ, которые живо вспомнятъ его, можетъ быть, подъ вліяніемъ этого воспоминанія горячѣе, чѣмъ въ какую нибудь другую минуту, пожелаютъ быть хорошими, добрыми, честными...

Въ долгіе годы своего существованія новгородсѣверская гимназія выставила не мало работниковъ на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Не только трудно, но и невозможно ихъ всѣхъ перечислить (сколько намъ извѣстно, въ архивѣ гимназіи не сохранилось списковъ всѣхъ окончившихъ курсъ въ ней, такъ что и сама гимназія, къ сожалѣнію, хорошенько не знаетъ, кто въ ней воспи-

тывался). Для примѣра можно упомянуть слѣдующихъ воспитанниковъ новгородсѣверской гимназіи: перваго ректора университета св. Владиміра М. А. Максимовича, бывшаго попечителя кіевскаго учебнаго округа П. А. Антоновича, братьевъ Андрея и Павла Парфен. Заблоцкихъ-Десятовскихъ, извѣстнаго педагога Ушинскаго, писателя П. А. Кулиша и другихъ. Пишущему эти строки, во многихъ переѣздахъ его по Россіи, отъ Петербурга до Одессы и Закавказья и отъ Варшавы до Волги, приходилось всюду встрѣчать бывшихъ воспитанниковъ новгородсѣверской гимназіи, разсѣявшихся по разнымъ городамъ и весямъ Россіи. Большею частію это—не громкія имена, а скромные, усердные труженики, честно выполняющіе то дѣло, которое они взяли на себя въ жизни. Случалось между ними встрѣчать старыхъ воспитанниковъ, выпуска тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, и съ какой любовью опи относились къ новгородсѣверской гимназіи, какъ тепло вспоминали о ней!

Если въ настоящее время трудно собрать всѣ данныя, которыя были бы нужны для того, чтобъ оцѣнить пользу, принесенную гимназіей, и охарактеризовать ея дѣятельность въ разные періоды ея существованія, то, разумѣется, чѣмъ дальше—тѣмъ будетъ труднѣе. Еще не такъ давно живы были старѣйшіе воспитанники гимназіи (какъ напримѣръ П. А. и Н. А. Антоновичи, А. П. и П. П. Заблоцкіе-Десятовскіе, В. И. Тимковскій), которые изъ своихъ личныхъ воспоминаній могли бы доставить драгоцѣнный матеріалъ для исторіи гимназіи; а теперь этихъ людей уже нѣтъ, и тотъ матеріалъ, который они могли бы доставить, безслѣдно исчезъ; того, что еще можно собрать теперь, нельзя будетъ собрать послѣ.

Желательно поэтому, чтобъ истекающее столѣтіе не кануло въ Лету, не вызвавъ въ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, заботу о приготовленіи исторіи гимназіи. Составленіемъ и выпускомъ въ свѣтъ такой исторіи гимназія самымъ достойнымъ образомъ отпраздновала бы свою столѣтнюю годовщину.

Сѣверянинъ.

Императоръ Александръ I и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ.

Послѣ неудачнаго сраженія подъ Аустерлицомъ 20 ноября 1805 г. генералъ Кутузовъ получилъ Высочайшее повелѣніе доставить полныя свѣдѣнія объ этомъ сраженіи и прислать въ непродолжительномъ времени Государю двѣ реляціи: „одну, въ коей по чистой совѣсти и совершенной справедливости, были бы изложены дѣйствія и поведеніе, какъ лично генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, такъ и вообще полковъ, которые въ сей день отличили себя, въ честь или поношеніе ихъ; а другую для публикованія, въ коей, между прочимъ, должны быть помѣщены и тѣ обстоятельства, кои были намъ препоною къ удачѣ". Нѣкоторые изъ начальниковъ войскъ были отданы подъ военный судъ и подверглись разнымъ взысканіямъ. Генералу Ланжерону приказано подать въ отставку,—по приказанію Имп. Александра, ему написанъ слѣдующій отзывъ: „послѣдствія сраженія 20 ноября были особенно гибельны для колонны, состоявшей подъ вашимъ начальствомъ. Государь недоволенъ вашими распоряженіями, но щадя вашу чуствительность, дозволяетъ вамъ просить объ увольненіи отъ службы." Генералъ Прибышевскій, обвиненный въ сдачѣ въ плѣнъ, при самомъ началѣ сраженія, былъ отданъ подъ судъ по возвращеніи въ Россію. Генералъ-аудиторіатъ оправдалъ его, но государственный совѣтъ, въ который перенесено было это дѣло, признавъ Прибышевскаго виновнымъ, приговорилъ его „отставить отъ службы, разжаловавъ на мѣсяцъ въ рядовые",—приговоръ этотъ Высочайше утвержденъ. Шефъ Галицкаго полка, генералъ-маіоръ Лошаковъ также былъ преданъ суду и разжалованъ въ рядовые „за то, что безъ спроса и позволенія уѣхалъ послѣ сраженія въ вагенбургъ и потомъ въ Лембергъ" [1],—Галицкій полкъ до похода въ Австрію стоялъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ и незадолго до выступленія въ походъ генералъ Лошаковъ женился на молоденькой и красивой кіевлянкѣ, въ которую страстно влюбился, желаніе послѣ сраженія видѣть жену, сопровождавшую его въ походѣ, было причиною ею проступка по службѣ, повлекшаго для него такую строгую кару: его разжаловали въ рядовые того полка, что

---

[1] Богдановичъ, Истор. Царств. Имп. Александра I и Россія въ его время Т. II стр. 105 106.

стоялъ въ Кіевѣ; здѣсь онъ жилъ на свободѣ и пользовался всѣми удобствами жизни; объ этомъ узнало высшее начальство, объ этомъ довели до свѣдѣнія Государя, и послѣдствіемъ всего этого вышло слѣдующее распоряженіе военнаго министерства.

„Государь Императоръ извѣщенъ будучи, что лишенный по суду чиновъ и разжалованный въ рядовые за преступленія въ примѣръ другимъ ноября въ 17 день 1807 года бывшій Генералъ-маіоръ Лошаковъ, проживая на свободѣ въ городѣ Кіевѣ, бываетъ принятъ во многихъ благородныхъ и почетныхъ домахъ съ неприличнымъ его нынѣшнему званію уваженіемъ, каковую благосклонность къ преступнику судомъ обличенному въ трусости противъ непріятеля, сказываемую пріемлющими въ общества свои особами не предполагая какому либо оскорбленію законной и самодержавной власти, но приписывая неусмотрительному разпоряженію Государственной Военной Коллегіи во исполненіи ея обязанности, ибо естьлибъ оный Лошаковъ по званію его назначенъ былъ въ какой-либо полкъ то отправляя въ ономъ службу не могъ бы подобно описанному праздно шататься, въ случаѣ-же таковаго замѣчанія можно бъ было строго взыскать за понаровку и съ шефа его или командира. И для того нынѣ повелѣть изволилъ опредѣлить его Лошакова въ Ряжской Мушкатерской полкъ и предписать Кіевскому Коменданту отправить его въ оной полкъ съ нарочнымъ офицеромъ, а въ полкъ и дивизію объявить волю Государя Императора, что взыскано будетъ по строгости всѣхъ на оной случай существующихъ законовъ, есть ли примѣчена будетъ въ полку къ сему рядовому какая понаровка по службѣ противу другихъ его товарищей или онъ будетъ принятъ въ обществѣ офицеровъ. А что бъ впредъ въ подобныхъ случаяхъ Государственная военная Колегія во исполненіи своихъ обязанностей была осмотрительнѣе и не взирая ни на какое лицо, полагаемое вышнею властію взысканіе или наказаніе было исполняемо во всей его силѣ повелѣлъ здѣлать ей замѣчаніе и обо всемъ ономъ объявить цирку-

лярно по всей арміи." Подлинный подписалъ военный Министръ Графъ Аракчеевъ № 1402 въ С. П. Бургѣ Іюня 14 дня 1808 года въ Государственную военную Коллегію.

Дальнѣйшая судьба Лошакова для насъ неизвѣстна.

Нѣкоторые остатки старины въ Херсонщинѣ.

Во время разъѣздовъ моихъ по херсонской губ. (въ 1886 и 1887 гг.) мнѣ пришлось въ трехъ селахъ натолкнуться на нѣкоторые остатки старины. Несмотря на ихъ незначительность, свѣдѣнія о нихъ все же, мнѣ кажется, имѣютъ нѣкоторый интересъ.

Александрійскаго уѣзда большое с. *Петрово* на р. Ингульцѣ населено теперь государственными крестьянами, бывшими военными поселянами. Крестьяне называютъ осадчимъ села запорожца *Пѣтрыка*, который сидѣлъ сперва на рч. Зеленой (притокъ Ингульца), а затѣмъ перешелъ къ Ингульцу и сѣлъ хуторомъ на мѣстѣ теперешняго села. Ингулецъ былъ тогда глубокъ и рыбенъ; по берегамъ его, гдѣ теперь ряды хатъ, росли лѣса, а въ нихъ было множество дичи. Поэтому мѣсто было очень удобно для поселенія, и на него начали постепенно переселяться выходцы изъ Запорожья. Начало заселенія, по разсказамъ стариковъ, можно отнести къ половинѣ XVIII ст. Вскорѣ поселеніе сдѣлалось значительнымъ селомъ, ибо въ 1774 г. уже имѣло—какъ то будетъ видно ниже—церковь, построенную, очевидно, еще раньше. Поселеніе имѣло непосредственныя и очень близкія связи съ Запорожьемъ, что видно хотя бы изъ копіи рапорта священника с. Спасова [1]) отъ 22 апрѣля 1774 г., сохранившейся при спасовской церкви. Тамъ сказано: „прихода моего роты Спасовой прихожанъ въ Запорожскіе села бѣжало 30 семей, кои изъ числа наличныхъ людей исключены, которые бѣжавшіе христіанскія требы себѣ тамо *отъ опредѣленнаго коша войска Запорожскаго въ сл. Петровой находящагося священника* получаютъ".

Сохранилось преданіе, гдѣ разсказывается, что жители села Петрова участвовали нерѣдко въ военныхъ подвигахъ козаковъ и брали въ плѣнъ татаръ, которыхъ и держали у себя нѣкоторое время въ своихъ хатахъ—впредь до обмѣна плѣнныхъ.

---

[1]) Того же уѣзда, при рч. Верблюжкѣ, притокѣ Ингульца.

Въ церкви и теперь хранятся вещи, бывшія когда то въ Запорожской Сичѣ. Эти вещи слѣдующія: а) фелонь малиноваго бархата съ вышитыми на оплечьѣ изображеніями апостоловъ съ греческою подписью подъ каждымъ; б) двѣ скрыньки изъ кипарисного дерева, прочно окованныя желѣзомъ, одна длиною 5 четв., шириною 3 ч. и вышиною 3 чт., а другая нѣсколько меньше; в) икона пресв. Тройцы въ золоченой рамѣ, недурной работы, съ четкою надписью на оборотной сторонѣ славянскими буквами киноварью: „Сию Икону Куплено Вцерковъ Сѣчовую Атаманомъ Корсунскимъ Павломъ Куделею Заденги Покойного Сорокопуда. Року 1765 мѣсяца декабря 15“.

Вещи эти, принадлежавшія Сѣчевой церкви, перешли въ село Петрово, вѣроятно, послѣ уничтоженія Сѣчи. На это указываютъ воспоминанія старика Елевферія Свынострыги, разсказанныя имъ еще въ 1869 году священнику мѣстной церкви о. А. Менжелею, гдѣ онъ говорилъ, что нѣкій воевода Оболенскій воспользовался во время разрушенія Сѣчи какъ вышеназванными, такъ и многими другими, очень цѣнными, вещами, въ числѣ которыхъ разсказчикъ припоминалъ два литыя изъ серебра паникадила, которыя будто бы цѣнили еще тогда одно въ 40, а другое въ 17 тысячъ рублей.

И дѣйствительно, тогда, когда, по выраженію разсказчика, „у Січі усе розжакувалы“, ловкимъ людямъ легко было воспользоваться львиною частью добычи, представляемой сокровищами Запорожья.

Но изъ всего взятаго Оболенскій передалъ въ петровскую церковь только вышеназванныя вещи, а куда дѣвались остальныя—неизвѣстно (этотъ Оболенскій, по словамъ крестьянъ, поселился въ 17 верст. отъ с. Петрова на р. Зеленой).

Выше Петрова, на той же рѣчкѣ находится тоже бывшее военное поселеніе, теперь село государственныхъ крестьянъ, *Чечелѣевка* (Чѐчеливка); здѣсь въ церкви тоже сохранилась вещь запорожскаго происхожденія, именно, чаша серебряная, на которой надпись: „Сей келѣхъ наданъ отъ козаковъ сѣчи запорожской куреня минского отъ Микити Самбока да Михайла всело чечелѣвку до храму покрова пресвятыя Богородицы 1760 року фе: л: 4“.

Третье село *Шестерня*, уже херсонскаго уѣзда, лежитъ по лѣвой стор. р. Ингульца. Первоначальное образованіе поселенія необходимо отнести къ началу XVII ст. (если не ранѣе), когда, по словамъ старожиловъ, козакъ запорожецъ Шестерня, получившій свое прозваніе отъ того, что у него на рукѣ было шесть пальцевъ, сѣлъ здѣсь хуторомъ.

Къ нему вскорѣ присоединились другіе козаки—запорожцы, какъ то утверждаютъ старожилы, между прочимъ двѣ древнія старухи, Домаха Козыренкова и Параска Орлова, теперь уже умершія, но передававшія бывшему священнику даже фамиліи запорожцевъ. На сельскомъ же кладбищѣ на двухъ крестахъ вырѣзаны надписи, на первомъ: „1784 году мѣсяца Априля 21 дня приставился рабъ Божій Иванъ велыкій, полтавского куриня полковый Отаманъ", а на второмъ „1785 году Іюня 27 дня Здѣшь почиваеть рабъ Божій Андрей Кнукѣнь Дядькивского куриня козакъ, поживе лѣтъ ρк (120)". Говорятъ, что въ годъ разоренія Сѣчи основатель Шестерни и козаки Нарепа, Бурсакъ и др. ушли въ Турцію.

Но когда Потемкинъ исходатайствовалъ у Екатерины II указъ съ правами и привилегіями для желающихъ селиться въ краѣ и потомъ въ 1780 г. другой указъ о продленіи срока для явки бѣглецовъ, тогда многіе козаки возвратились назадъ въ Шестерню (Нарепа, Пыхно, Бурсакъ и др.). Явились и выходцы изъ Бѣлоруссіи и Малороссіи, поселившіеся здѣсь же. Однако характерно то, что бывшіе запорожцы сторонились отъ этихъ новопришельцевъ и составляли отдѣльную громаду, нося и отдѣльное названіе. Такъ, въ 1793 г. по исповѣднымъ книгамъ они писались отдѣльно отъ прочихъ жителей, а именно такъ: „черноморскіе козаки военные и ихъ домашніе", а прочіе жители назывались поселянами.

По словамъ старожиловъ, Екатерина II была во время своего путешествія по югу въ Шестернѣ съ „Потемкою" и „нимецькымъ цисаремъ", какъ то говорили двѣ вышепоименованныя старухи. Для нея устроили въ Шестернѣ временный деревянный дворецъ и обсадили деревьями на скорую руку. Екатеринѣ здѣсь представлялись нѣсколько человѣкъ бывшей запорожской старшины, изъ которыхъ нѣсколькихъ она возвела въ дворянское достоинство и подарила нѣсколько тысячъ десятинъ земли, напр. Сидору Билому, Сичовану.

До 1829 г. Шестерня находилась въ вѣдѣніи казенной палаты государственныхъ имуществъ, а въ этомъ году перешла въ вѣдомство военныхъ поселеній. Объ этомъ переходѣ сохранилось преданіе, что предъ нимъ „наихали въ село чыновныкы (пал. госуд. имущ.) и збиралы сороковыны",—т. е. по 40 руб. асс. съ души, а кто не охочъ былъ платить, того знакомили съ „московською закуціею".

В. Ч.

Три лекціи Ал. Перовскаго.

Къ литературной характеристикѣ Алек. Перовскаго (Погорѣльскаго), представленной нами въ очеркѣ, посвященномъ этому писателю, надо прибавить сообщеніе объ одномъ трудѣ его, составляющемъ большую библіографическую рѣдкость и который намъ удалось достать только по составленіи нашей замѣтки. Это брошюрка, вышедшая въ Москвѣ въ 1808 году, носящая названіе „Три пробныя лекціи, на нѣмецкомъ, французскомъ и Россійскомъ языкахъ, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ, при полученіи докторской степени Алексѣемъ Перовскимъ". Книжка посвящена гр. Льву Кирил. Разумовскому и издана въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Лекціи читаны въ силу существовавшаго тогда въ учебномъ мірѣ правила и всѣ три касаются вопросовъ естествознанія—спеціальности лектора. Нѣмецкая лекція трактуетъ вопросъ о разницѣ между растеніями и животными и отношеніи тѣхъ и другихъ къ минераламъ (Wie sind Thiere und Gewächse von einander unterchieden, und welches ist ihr Verhältniss zu den Mineralien?). Касаясь соотношенія двухъ высшихъ царствъ природы, она группируетъ выводы ученыхъ и обличаетъ въ авторѣ знакомство съ идеями французскихъ предшественниковъ дарвинизма. Во второй лекціи, французской, рѣчь идетъ о задачѣ и пользѣ Линнеевой классификаціи растеній. (Sur le but et l'utilité du systeme des peantes de Linné). Изложеніе и критика системы Лннея сопровождаются оговоркой о томъ, что предложенія свои дѣлаетъ не записной ученый, а новичокъ въ наукѣ, страстно любящій ботанику и желавшій бы облегчить изученіе ея. Предмету ботаники посвящена послѣдняя русская бесѣда „О растеніяхъ, которыя бы полезно было размножать въ Россіи". Извѣстно, съ какою любовью предавались садоводству и агрономіи лица семьи Разумовскихъ. Въ научной номенклатурѣ остались цвѣты, окрещенные ихъ именемъ и выращенные впервые въ ихъ теплицахъ. Перовскій наслѣдовалъ ту же страсть отъ родственной ему семьи. Въ своей лекціи онъ называетъ нѣсколько растеній (сарачинское, горное, китайское пшено, сибирская или татарская гречиха, большая рѣпа—Knekelrübe,—новозеландскій ленъ, американскія растенія для хлопчатой бумаги и др.), которыя съ пользой можно было бы разводить въ Россіи, и указываетъ мѣстности, пригодныя для ихъ культуры. Разсуждая о садоводствѣ, онъ отмѣчаетъ странность стараній заниматься имъ на сѣверѣ и

какъ на единственную область садоводства, указываетъ на русскій югъ,—отмѣчаетъ необходимость развитія винодѣлія и обращенія вниманія на корнеплоды и развитіе лекарственныхъ растеній. Русскій языкъ начала нашего вѣка представлялъ матеріалъ порядочно неуклюжій и бѣдный для научнаго изложенія, но Перовскій, съ помощью талантливости своей, искусно справляется съ этими трудностями. Въ общемъ всѣ три лекціи, если не обличаютъ замѣтнаго спеціалиста, то показываютъ блестящее общее образованіе, съ какимъ особенно въ ту пору на литературную дорогу выступали не часто.

В. Г.

Въ очеркѣ нашемъ о Перовскомъ („Кіевск. Стар.“, № 4) вкралась ошибка, которую поправляемъ. Ботаникъ, насадившій петербургскій садъ, былъ не Фишеръ фонъ Вальдгеймъ, а просто Фишеръ.

Еще нѣсколько словъ о горѣ Киселевкѣ.

Въ августовской книжкѣ „Кіевской Старины“ мной помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ „Слѣды великокняжеской эпохи на горѣ Киселевкѣ“. Въ этой замѣткѣ я сдѣлалъ предположеніе о существованіи какой то постройки и вообще объ обитаемости горы Киселевки въ великокняжескую эпоху. Основаніемъ этого предположенія послужили находки различныхъ предметовъ, относящихся къ той эпохѣ.

Вотъ еще одна находка, подтверждающая мое мнѣніе. На юго-западномъ склонѣ горы, въ почвѣ, состоящей изъ смѣси золы, углей, черепковъ, костей и кусковъ тонкихъ кирпичей, 25 іюля настоящаго года мной найдена вислая византійская печать. Печать эта свинцовая, величиной немного болѣе 20-ти к. Сохранность ея очень плоха: она чѣмъ то побита и разрѣзана почти что до половины.

На одной сторонѣ печати находится погрудное изображеніе Богоматери съ Спасителемъ на лѣвой рукѣ. Голова Спасителя окружена нимбомъ. Правая рука Богородицы съ отставленнымъ большимъ пальцемъ покоится на груди.

Нижняя часть этого изображенія сохранилась довольно хорошо, такъ что видны всѣ складки на одеждѣ Богоматери, за то въ верхней части можно различить только контуръ лица и остатки нимба вокругъ головы. Изображеніе обведено ободкомъ.

На другой сторонѣ помѣщена надпись въ 5-ти строкахъ.

Въ первой строкѣ, послѣ византійскаго крестика, находятся 3 буквы: ΘΚΕ; надъ Θ и К стоитъ титло въ видѣ палочки; строка эта заключаетъ въ себѣ сокращенное Θεοτοκῃ (Богородица). Это единственная строчка, которую можно прочесть.

Во второй строкѣ видны слѣды двухъ буквъ, изъ которыхъ вторая—О; остальныя буквы уничтожены разрѣзомъ.

Третья строка состоитъ изъ 6-ти буквъ: первая неясна, затѣмъ слѣдуетъ ΝΝΙ, остальныя двѣ также неясны.

Въ четвертой строкѣ сохранились 3 буквы: первыя двѣ—СІ, третья неясна.

Что касается пятой строки, то здѣсь видна только одна буква— что то въ родѣ О, хотя, можетъ статься, что это и не буква, т. к. сверху, съ правой стороны ея, видны какъ бы двѣ ленточки.

На гуртѣ печати замѣтны слѣды дырочекъ для шнурка.

Въ виду дурной сохранности печати и за неимѣніемъ подъ руками другихъ образцовъ для сравненія, трудно сказать что нибудь положительное о времени и о лицѣ, которому эта печать принадлежала. Но во всякомъ случаѣ она относится къ глубокой старинѣ.

Н. Бѣляшевскій.

Для справокъ.

—— **Невышедшая книга.** Лѣтомъ 1887 года извѣстная всѣмъ библіоманамъ московская антикварная фирма П. Шибанова въ одномъ изъ своихъ періодическихъ каталоговъ напечатала о поступленіи въ продажу книги „Украинскія народныя преданія. Часть первая: преданія историческія. Собралъ П. Кулѣшъ. Москва 1847 г.“. Запросы на эту рѣдкость, о которой не слыхали даже самые завзятые книголюбцы, полетѣли въ Москву со всѣхъ сторонъ, но были предупреждены покупателемъ, не знающимъ соперниковъ: книгу пріобрѣла Императорская Публичная Библіотека.

Будучи изданіемъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и относясь къ тому времени, когда надъ редакторомъ изданій Общества О. М. Бодянскимъ стряслась бѣда по поводу изданія Флетчера, книга эта есть, очевидно, уцѣлѣвшій отъ уничтоженія экземпляръ оттиска изъ имѣвшаго выйдти тома „Чтеній“, который уничтоженъ былъ весь. Хотя по содержанію своему книга Кулиша не могла сама по себѣ подать повода къ инкриминаціямъ, но кара, постигшая изданія Об-

щества, отразилась и на ней. Уцѣлѣвшій экземпляръ составляетъ, дѣйствительно великую библіографическую рѣдкость, такъ какъ, сколько извѣстно, до сихъ поръ онъ, повидимому, единственный.

Матеріалъ этой книги цѣликомъ вошелъ въ „Записки о Южной Руси", изданныя восемь лѣтъ спустя (въ 1855 и 56 годахъ). Изъ сравненія текстовъ оказывается, что въ первомъ, московскомъ изданіи нѣкоторымъ изъ нихъ оставленъ болѣе непосредственный, первоначальный видъ. Подъ всѣми разсказами отмѣчены фамиліи разсказчиковъ и мѣсто записи. Изслѣдованій и описаній странствій собирателя въ московскомъ изданіи нѣтъ. Принимая во вниманіе огромное значеніе, которое имѣютъ въ южнорусской этнографіи „Записки о Южной Руси", мы думали, что будетъ имѣть интересъ и ихъ литературная исторія. Къ тому же, къ этому источнику будутъ обращаться еще столь многіе, что справки о мѣстѣ записи и о личностяхъ разсказчиковъ могутъ пригодиться еще для разныхъ соображеній. Вотъ почему представляемъ составленное по экземпляру Публичной Библіотеки описаніе этой рѣдчайшей книги, со всѣми отмѣтками, сопровождающими текстъ.

„Украинскія народныя преданія. Собралъ П. Кулѣшъ. Москва 1847 г. въ Университетской типографіи. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ". 8°. Предисловіе и 63 страницы текста.

„По опредѣленію Общества 29 марта 1847 года. Москва. Секретарь О. Бодянскій".

Эпиграфъ. „Разговорный языкъ простаго народа, не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на французскомъ языкѣ, достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій".

Предисловіе. „Изучая источники исторіи южно-русскаго народа, я не разъ объѣзжалъ обитаемыя имъ губерніи для собиранія народныхъ пѣсенъ и преданій. Со временемъ надѣюсь представить любителямъ исторіи и народной поэзіи свой сборникъ пѣсенъ; теперь издаю только преданія. Предоставляя судить каждому объ ихъ исторической важности и поэтическихъ достоинствахъ, считаю долгомъ сказать только, что я записывалъ ихъ стенографически, какъ пѣсни, дорожа каждымъ оборотомъ и словомъ народной рѣчи. Я позволялъ себѣ исправлять нѣкоторыя фразы только въ тѣхъ преданіяхъ, которыя доставлены мнѣ моими пріятелями, но и объ этомъ жалѣю: гораздо лучше бы было напечатать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они были мнѣ доставлены." П. К.

Отдѣлъ первый. Преданія историческія

Золотые Кіевскіе ворота.—Разсказывалъ одинъ старикъ нищій въ Кіевѣ. Жидовскіе откупы.—Хмельницкій и Барабашъ.—Царь Петръ и Палій.—Р. Климъ Билыкъ въ Кумейкахъ, Кіевской губерніи.—Козаки и жолнѣры.—Дмитро Погорѣлый въ Звенигородкѣ, Кіевск. губ.—Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи.—Юрій Хмельницкій, и плата Хмельницкаго за плѣнныхъ.—Омелько Каплаухій, въ Суботовѣ, Кіевск. губ.—Хмельницкій надъ Случью.—Одинъ старикъ въ Корсунѣ. Степанъ Плаха.—Доставилъ П. Е. Чуйкевичъ, а ему разсказывалъ поселянинъ въ степу около Новой Басани, въ Переяславскомъ уѣздѣ. Съ историческими примѣчаніями

издателя о судьбѣ польскаго владычества въ лѣвобережной и правобережной Украинѣ.

Чупрына и Чортоусъ.—Вольный переводъ съ польскаго рукописнаго матерьяла. Шелестъ, Лусконигъ, Гныда и Зализнякъ.—Иванъ Курдунъ, въ Александровкѣ, Кіевской губерніи.

Максымъ Шыло—Наймытъ Гайдамака—Васыль Судденко, въ Черкасахъ.

Гайдамаки въ Черкассахъ—Максымъ Зализнякъ—Бѣгство гайдамакъ (съ историческимъ примѣчаніемъ издателя о Гайдамакахъ и Коліивщинѣ)—Цехмыстеръ. Разсказывалъ Харко Цехмистеръ въ Черкасахъ.

Войны Хмельницкаго.—Мазепа и Палій.—Вовчокъ.—Швачка (съ пѣснею).—Благочестіе.—Ярмарки.—Жолнѣры.—Урочища въ Смѣлой.—Прежнія времена въ Украинѣ.—Р. Кондр. Тарануха, въ Смѣлой, Кіевской губ. Подъ послѣднимъ разсказомъ дата 1843 г. августа 12.

Месть за имя жида.—Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ.—Гайдамаки въ Жаботинѣ.—Гайдамаки въ Умани.—Очаковская бѣда.—Разсказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.

Гайдамака и пасичникъ (пріятель Таранухи въ Смѣлой).—Золотая Грамота (старикъ въ Корсунѣ).—Гайдамаки въ Каневѣ.—Гладкій (Климъ Билыкъ, Кумейки).—Неживый (Омелько Каплаухій, Суботово).—Базиліяне.—Урочища въ Звенигородкѣ (Дмитро Погорилый, въ Звенигородкѣ).—Козаки 1790 годовъ.—Война съ Польшею (Сем. Юрченко, въ Мартыновкѣ).—Харко (безъ отмѣтки).—Разсказы о Татарахъ (три разсказа изъ Звенигородки, Кіева и Черкасъ).

Разсказы о запорожцахъ. Двѣнадцать разсказовъ разнаго объема. Первый разсказъ,—о томъ, какъ пріѣзжали въ Кіевъ щеголи-запорожцы, и объ обычаѣ „прощанья съ свѣтомъ“ передъ поступленіемъ запорожца въ монастырь сопровождается подписью „Слышалъ отъ Т. Шевченка“. Этотъ разсказъ послужилъ матеріаломъ для извѣстной картины, которою открывается глава „Чорной Рады“, а эта глава, въ свою очередь, вызвала стихотвореніе Шевченка „Чернецъ“, посвященное П. А. Кулишу. Остальные 11 разсказовъ записаны въ Мотренинскомъ монастырѣ, въ Александровкѣ, кіевской губ., Смѣлой, Звенигородкѣ (р. пасичникъ изъ Кременчуга), Мартыновкѣ, черниговск. губ., въ Корсунѣ и въ Кумейкахъ.

Матеріалъ „Записокъ о Южной Руси“, до появленія своего въ этой книгѣ, помѣщенъ былъ еще разъ въ журналѣ „Ruhon“, издававшемся М. Грабовскимъ.

Желательно было узнать исторію выхода и погибели перваго собранія драгоцѣнныхъ народныхъ преданій, напечатаннаго П. А. Кулишомъ въ Москвѣ, и всего интереснѣе были бы въ этомъ случаѣ разъясненія самаго уважаемаго собирателя.

W.

—— Въ предисловіи къ Наказамъ малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. сказано, что наказъ Коллегіи въ первый разъ появился въ печати въ 43 т. Сборника русскаго историческаго Общества. Это неточно.

Въ первый разъ Наставленіе Малороссійской Коллегіи было напечатано въ Отечественныхъ Запискахъ, изд. Свиньинымъ 1830 г., ч 41 и 42, мартъ и апр.

Второй разъ было напечатано въ 3-й книгѣ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1858 года и отпечатано отдѣльными оттисками. М. 1858, стр. 54. При этомъ было напечатано и возраженіе на оное наставленіе депутата Григорія Политики, мною сообщенное О. М. Бодянскому.

Графъ **Милорадовичъ.**

—— **Акафистъ преподобному Антонію Печерскому. Кіевъ, въ тип. К.-П. Лавры, 1888, изданіе первое.** Въ первыхъ числахъ іюля этого года Кіево-Печерская Лавра издала новый акафистъ преподобному Антонію Печерскому, составленный Андреемъ Өедоровичемъ Ковалевскимъ съ благословенія Святѣйшаго Синода.

А. Ѳ. Ковалевскій, землевладѣлецъ харьковской губ., зміевскаго уѣзда, въ своемъ имѣніи селѣ Высочиновкѣ, недавно основалъ Казанскій Богородичный монастырь, пожертвовавъ свое имѣніе на содержаніе монастыря; онъ извѣстенъ въ духовномъ мірѣ, какъ составитель службъ и акафистовъ въ честь русскихъ святыхъ, двадцать семь такихъ книжечекъ уже изданы съ разрѣшенія Синода.

Преподобный Антоній Печерскій, какъ извѣстно, родился въ городѣ Любечѣ, и здѣсь въ молодыхъ лѣтахъ ископалъ себѣ пещеру, въ которой и подвизался до удаленія своего на Аѳонъ. Возлѣ этой пещеры бываетъ ежегодно крестный ходъ съ молебствіемъ, водоосвященіемъ и чтеніемъ акафиста. Такъ какъ до нынѣшняго года не было отдѣльнаго акафиста, то читался акафистъ общій пр. Антонію и Ѳеодосію Печерскимъ. Ежегодная служба съ 1870 г. побудила владѣльца Любеча графа Григорія Александровича Милорадовича просить А. Ѳ. Ковалевскаго, чтобы онъ составилъ отдѣльный акафистъ, что было Ковалевскимъ исполнено съ благословенія кіевскаго митрополита Платона.

Казалось бы, что лавра кіевская, существующая болѣе восьми сотъ лѣтъ, должна была бы имѣть давно акафистъ пр. Антонію и Ѳеодосію Печ. Служба же пр. Антонію, помѣщенная въ іюльской Минеѣ, была напечатана въ Анѳологіонѣ 1619 г. кіевскаго изд., и въ Трефологіи 1626 и 1638 г.

Между тѣмъ общій акафистъ началъ печататься въ лаврѣ съ 1865 г. при митрополитѣ Арсеніѣ. Въ библіотекѣ лавры нашелся единственный экземпляръ стариннаго акафиста въ 4 долю листа, напечатанный въ концѣ прошлаго вѣка въ лаврской типографіи безъ означенія года, который и былъ перепечатанъ митрополитомъ Арсеніемъ съ разрѣшенія Синода. На печатномъ акафистѣ сдѣланы измѣненія неизвѣстно чьей рукою; въ такомъ видѣ акафистъ и перепечатанъ. Къ этому акафисту приложенъ канонъ, будто бы написанный Димитріемъ, митрополитомъ ростовскимъ.

Ни въ одномъ библіографическомъ указателѣ церковно-славянскихъ книгъ акафистъ не упоминается. Ни Императорская Публичная Библіотека, ни Румянцевскій Музей, ни одна частная библіотека не имѣютъ этого стариннаго, напечатаннаго въ концѣ прошлаго столѣтія акафиста; и, слѣдовательно, кіевская лавра обладаетъ въ этомъ случаѣ большою библіографическою рѣдкостію.

Обращаемъ на это вниманіе нашихъ библіографовъ, не удастся ли имъ узнать, когда былъ изданъ этотъ акафистъ, и кто былъ его авторъ. Г. М.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Журн. Мин. Нар. Просв. (№№ 5—7). *Вѣстникъ Европы* (6—8). *Русская Мысль* (6—8). *Прав. Обозр.* (2—7). *Русскій Филолог. Вѣстникъ* (2). *Извѣстія С.-Петербур. Славянск. Благот. Общества* (3—5). *Сѣверный Вѣстникъ* (6—8). *Пантеонъ Литературы* (6). *Русскій Вѣстникъ* (5—8). *Русская Старина* (6—8). *Русскій Архивъ* (6—7). *Историческій Вѣстникъ* (6—8). *Юридическій Вѣстникъ* (5—8). *Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права* (5—6). *Военный Сборникъ* (1—8). *Морской Сборникъ* (1—8). *Странникъ* (4—7). *Христіанское Чтеніе* (5—6). *Экономическій Журналъ* (4 5). *Новь* (13—18). *Bibliotekа Warszawska* (6). *Kwartalnik Historyczny* (3). *Труды Кіев. Дух. Академіи* (1—8). *Revue politique et litteraire* (1—20). *Русскій Паломникъ* (20—33). *Недѣля* (20—31). *Сѣверъ* (19—32). *Иллюстрированный Міръ* (1—25). *Нива* (17—32) *Живописное Обозрѣніе* (1—33) *Русское Судоходство* (16—28). *Церковный Вѣстникъ* (29 - 33). *Kłosy* (1177—1207). *Gazeta Polska* (1—190). *Зоря* (11—15). *Кіевлянинъ* (141—167). *Кіевское Слово* (427—453). *Кіев. Епарх. Вѣд.* (15—26). *Волынь* (55—88). *Волын. Епарх. Вѣд.* (20—22) *Волын. Губ. Вѣд.* (43—62). *Подол. Епарх Вѣд.* (28—32). *Полтавск. Епарх. Вѣд.* (1—14). *Черн. Епарх. Изв.* (1—10). *Черн. Губ. Вѣд.* (49—64). *Земскій Сборникъ черн. губ.* (1—5). *Харьковскія. Губ. Вѣд.* (159—209). *Южный Край* (2567—2618). *Екатеринославскія Губ. Вѣд.* (50—62). *Крымъ* (44—65). *Одесскій Листокъ* (134—173). *Херсонскія Губ. Вѣд.* (1—58). *Сборникъ Херсонскаго Земства* (1—7). *Бессараб. Губ. Вѣд.* (8—70). *Донъ* (57—68). *Донская Рѣчь* (69—81). *Литовск. Епарх. Вѣд.* (1—32). *Червоная Русь* (70—90).

Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1888 г. №№ 5—7. *Паденіе Польши въ исторической литературѣ. Н. И. Карѣева* (№ 5, стр. 1—73; № 6, стр. 350—395; продолженіе слѣдуетъ). Первыя три главы, помѣщенныя въ № 1 и 3 текущаго года, познакомили читателя съ мнѣніями по вопросу о паденіи Польши польскихъ публицистовъ 18 и 19 вѣка и съ воззрѣніями западно-европейской публицистики прошлаго вѣка. Новыя двѣ главы (4-я—въ № 5, и 5-я въ № 6) представляютъ обзоръ сочиненій западно-европейскихъ 19-го вѣка (гл. 5-я), а также историческіе взгляды на польскій вопросъ въ русской публицистикѣ (гл. 6-я).

Мелкіе замѣтки къ былинамъ. Александра Веселовскаго. (№ 5, стр. 74—90). Это составляетъ продолженіе замѣтокъ, начатыхъ авторомъ еще въ 1885 г. (см. № 12); настоящія замѣтки касаются: 1) легенды о золотыхъ воротахъ въ Кіевѣ и Царьградѣ; 2) сумочки Микулы Селяниновича и византійской *акакіи* т. е. мѣшкѣ, наполненномъ перстью, что напоминаетъ о бренности человѣческой славы; 3) сочиненія проф. Гейнцеля (Ueber die Hervararsaga. Wien 1887.), которое, между прочимъ, въ разборѣ древней саги касается нѣкоторыхъ географическихъ отношеній древней Руси.

Евгеній митрополитъ кіевскій. Е. Ф. Шмурло (№ 5, стр. 91—193; № 6. стр. 257—278). Это окончаніе обширнаго труда, начатаго еще въ прошломъ году. Новыя двѣ главы, 8-я и 9-я, знакомятъ читателя съ петербургскимъ періодомъ служебной и литературной дѣятельности Евгенія Болховитинова (1800—1804 гг.), а также съ общей характеристикой его, какъ человѣка и ученаго.

Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ. В. Васильевскаго (№ 7, стр. 121—150). Признавая, что торговыя сношенія русскихъ съ Германіей существовали въ очень давнія времена (съ 9-го вѣка), авторъ отмѣчаетъ нѣкоторыя данныя этой торговли, случайно собранныя имъ при такихъ занятіяхъ, которыя собственно не имѣли въ виду русской исторіи, почему онъ и не имѣетъ притязанія на совершенную полноту или же цѣльное изслѣдованіе о древней русской торговлѣ.

Некрологъ Я. Ф Головацкаго (№ 6, стр. 110—113).

Въ отдѣлѣ критики помѣщены статьи и замѣтки по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Лекціи по исторіи русскаго языка А. И. Соболевскаго (№ 5, стр. 250—251); 2) Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, по актамъ 16 стол. Якова Головацкаго (№ 5, стр. 254); 3) Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. Пыпина, напечатан. въ Вѣстникѣ Европы за 1885—86 г. Якова Головацкаго (№ 5, стр. 255); 4) О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ. А. Завитневича—реценз. А. Соболевскаго (№ 6, стр. 396—403); 5) Волынь. Историч. судьбы юго-западн. края. П. Н. Батюшкова (№ 6, стр. 460—463); 6) Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси (№ 6, стр. 464—465); 7) Archiw książąt Lubartowiczów Sanguszków (№ 6, стр. 465—466); 8) Великорусскія былины кіевскаго цикла. М. Халанскаго—реценз. Ор. Миллера (№ 7, стр. 175—191).

Вѣстникъ Европы 1888 г. №№ 6—8. *Донецкіе углекопы. С. Русовъ.* (№ 6, стр. 493—515). Статья знакомитъ съ условіями жизни русскихъ углекоповъ, на основаніи статистическаго сборника по славяно-сербскому уѣзду екатеринославской губ.

Русскій эпосъ и новые его изслѣдователи. Александра Веселовскаго (№ 7, стр. 144—165). Статья написана по поводу двухъ изслѣдованій: «Великорусскія былины кіевскаго цикла. Халанскаго» и «Versuch einer Geschihte der russischen Hjasage. Damberg'a», изъ которыхъ критикѣ перваго отведено почти все мѣсто, а объ изслѣдованіи втораго упоминается только въ концѣ статьи по поводу нѣкоторыхъ очень смѣлыхъ выводовъ Дамберга о богатырѣ Ильѣ.

Современные русскіе беллетристы. К. Арсеньевъ. (№ 7, стр. 245—261). Первая часть статьи посвящена разбору произведеній г. Мачтета, изъ которыхъ иныя написаны на темы изъ малорусскаго быта.

Иванъ Куцый и жена его Феська. Разсказъ изъ южно-русскаго народнаго быта. В. Лѣсницкой. (№ 8, стр. 603—621). Этотъ, яко бы бытовой, очеркъ представляетъ очень мало характернаго, а по части малорусскихъ выраженій страдаетъ такими неправильностями, что подчасъ нельзя и догадаться, что это малорусская рѣчь.

Въ литературномъ обозрѣніи помѣщены статьи по поводу слѣдующихъ книгъ, касающихся юга Россіи: 1) Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городскаго общественнаго управленія за 16 лѣтъ, съ 1872—88 г. (№ 6, стр. 866—867); 2) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій. Т. XV-й. Кролевецкій уѣздъ. П. Червинскаго (№ 8, стр. 838—841).

Русская Мысль. 1888 г. №№ 5—8. *Въ научномъ обзорѣ* помѣщена статья П. Милюкова «Русская историческая географія и атласъ проф. Замысловскаго». Въ статьѣ этой, написанной по поводу 3-го изданія атласа Замысловскаго, говорится сначала о современномъ состояніи науки русской исторической географіи, а за тѣмъ дѣлается разборъ историко-географическихъ данныхъ, находящихся въ изданіи, при чемъ они сопоставляются съ такими же данными атласа Павлищева, явившагося въ свѣтъ еще въ 1845 году. (№ 8, стр. 126—143).

Во внутреннемъ обозрѣніи нѣсколько страницъ посвящено размышленіямъ о значеніи и роли Малороссіи въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія; написано по поводу 900-лѣтія крещенія Руси и открытія памятника Богдану Хмельницкому (№ 8, стр. 152—162). Тутъ же, далѣе, находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ вопросу о современныхъ правахъ у насъ языковъ разныхъ національностей, и между прочимъ говорится и о языкахъ малорусскомъ и бѣлорусскомъ. (№ 8, стр. 164).

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. А. Лазаревскаго. Т. І-й Полкъ Стародубскій. Вып. І-й (№ 5, стр. 226—228); 2) Русская Правда. Текстъ,

изданный по тремъ спискамъ съ предисловіемъ и краткимъ объяснительнымъ словаремъ, составленнымъ А. Б. Гинцбургомъ. Изд. Е. Гаршина (№ 6, стр. 293—294).

Православное Обозрѣніе 1888 г. №№ 2—7. *Историческое разсмотрѣніе дѣятельности православнаго русскаго духовенства въ отношеніи къ расколу отъ его возникновенія до учрежденія свят. Синода. М. Чистякова.* Въ этой статьѣ, составляющей продолженіе обширной работы автора, начатой еще въ 1887 году, находимъ нѣсколько страницъ о дѣятельности Димитрія Ростовскаго (№ 5—6, стр. 78—80), о «Жезлѣ Правленія» Симеона Полоцкаго (тамъ же, стр. 92—103), о «Знаменіяхъ пришествія антихриста» Стефана Яворскаго (тамъ же, стр. 124—126), о «Розыскѣ» Димитрія Ростовскаго (тамъ же, стр. 127—140) *Слово надъ гробомъ Іакова Ѳеодоровича Головацкаго, сказанное Протоіереемъ Іоанномъ Котовичемъ.* Отмѣчается здѣсь значеніе дѣятельности покойнаго для дѣла національнаго самознанія въ Галичинѣ. (№ 5—6, стр. 478—484). Въ этомъ же номерѣ помѣщенъ и некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго, перепечат. изъ Литовск. Епарх. Вѣд. (стр. 493—496).

Русскій Филологическій Вѣстникъ 1888 г. № 2. *Въ библіографическихъ замѣткахъ* есть небольшая рецензія о книгѣ *Я. Головацкаго.* «Черты домашняго быта русскихъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней сѣдлецкой и гродненской губ. по актамъ 16-го вѣка». (стр. 233—234).

Извѣстія С.-Петерб. Славян. Благотвор. Общества 1888 г. № 3—5. *Я. Ф. Головацкій.* Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Славян. Благотвор. Общества *Ѳ. Истоминымъ,* представляетъ краткую біографію съ указаніемъ научныхъ и литературныхъ заслугъ покойнаго Я. Головацкаго (№ 4—5, стр. 239—243).

Письмо изъ закордонной Руси, въ которомъ сообщается о нѣкоторыхъ текущихъ вопросахъ въ жизни Австрійской Руси.

Сѣверный Вѣстникъ Спб 1888 г. № 6—8. № 6. Изъ провинціальной печати: Переселенцы въ минусинскомъ округѣ (стр. 84—87) и Самобытныя народныя школы (стр. 93—95).

7—8. Большой свѣтъ въ Козловицахъ—переводная повѣсть польскаго писателя Яна Ляма—про жизнь въ Галиціи.

7. Областной отдѣлъ: а) право представительства и платежъ въ земствахъ смоленской губерніи—В. Крыленка (стр. 41—47) Деревенскія письма. 1. Погоня за рублемъ—Берендѣева (стр. 47—56). Описаніе деревенской дѣйствительной жизни с. Мануйловки екатеринослав. губерніи.

— Изъ провинціальной печати: Мальцевское торгово-промышленное общество (стр. 56—64). Луганскій литейный заводъ (стр. 64—65).

8. Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца, 1. Міровое значеніе каменнаго угля и донскаго бассейна, проф. Д. Менделѣева.

— Областной отдѣлъ. Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ Я. Абрамова (стр. 78—93). Памяти Богдана Хмельницкаго (стр. 93—96).

— Изъ провинціальной печати: Стачка хлѣботорговцевъ въ ю. з. краѣ, мясопромышленниковъ въ Одессѣ, мукомоловъ въ Керчи (стр. 97—109) и весеннее движеніе рабочихъ на югъ и наемъ на сельско-хозяйственныя работы (стр. 105—114).

Пантеонъ Литературы 1888 г. № 6. № 6. Рецензія на книгу г. П. Батюшкова «Волынь».

Русскій Вѣстникъ 1888 г. № 5—8. № 5. Земство и Статистика— А. Роштока (стр. 137—176). Статья написана съ цѣлью доказать, что сочиненіе г. Вернера «Курская губернія. - Итоги статистическаго изслѣдованія», изданное курск. губ. зем. стат. бюро, исполнено грубыми недостатками съ точки зрѣнія земско-утилитарной и неудовлетворительно въ научномъ отношеніи.

Критика 1. Новыя страницы русской исторіи. Родъ Шереметева. А. Барсукова. Кн. V. Спб. 1888.—И. П. Хрущева.

Сообщенія и извѣстія: III Кіевскій кладъ—Проф. Покровскаго.

6 Въ отдѣлѣ *Новости литературы*: рецензія на книгу П. Н. Батюшкова «Волынь».

7. Въ отд. *Новости литературы*: рецензія на «Письма гр. Е. М. Румянцевой къ мужу ея» изд. гр. Д. А. Толстаго (стр. 259—263).

7—8. М. Н. Катковъ; главы VII—X. Любимова.

8. Каменноугольный кризисъ М. Л. З—ва.

Русская Старина 1888 г. №№ 6—8. № 6 и 7 *А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь*. Девять писемъ Смирновой къ Гоголю, писанныхъ между 1844 и 1851 г. изъ Парижа и Петербурга большею частью о предметахъ религіознаго содержанія. Сообщилъ и снабдилъ ихъ подробными примѣчаніями В. И. Шенрокъ.

7. *Николай Васильевичъ Гоголь* (въ неизд. отрывкахъ его писемъ къ П. А. Плетневу 1846—48 гг.). Мѣста изъ писемъ Гоголя къ Плетневу, пропущенныя въ изданіи г. Кулиша. Письма эти относятся къ ходу предпринятаго Плетневымъ изданія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Сообщилъ и снабдилъ краткимъ предисловіемъ В. И. Шенрокъ.

6. *Николай Васильевичъ Гоголь* 1841. Письмо Гоголя къ Праск. Ив. Раевской, относящееся къ воспитанію его сестры Елисаветы Васильевны. Сообщила изъ рукоп. Румянц. музея Е. С. Некрасова.

7. *Изображеніе св. равноап. князя Владиміра* Ө. Г. Солнцева.

Откуда родомъ была княгиня русская св. Ольга? Сообщ. архим. Леонидъ. Небольшая статейка эта представляетъ огромный научный интересъ. Арх. Леониду удалось открыть въ б-кѣ гр. А. С. Уварова, въ лѣтописномъ отрывкѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ XV в. извѣстіе о происхожденіи св. Ольги изъ болгарскаго городка Плескова (который преданіе отождествило съ Плесковымъ русскимъ, т. е. Псковомъ), что даетъ возможность удовлетворительно объяснить многіе вопросы въ русской исторіи.

Марья Ивановна Гоголь. По поводу статьи Н. А. Бѣлозерской. Сообщилъ Трахимовскій. Цѣль статьи измѣнить ту характеристику личности Н. В. Гоголя, какая сдѣлана г-жею Бѣлозерскою при оцѣнкѣ отношеній Н. В. къ матери и сестрамъ.

Письмо Н. В. Гоголя къ В. Г. Бѣлинскому 1847 г. Сообщилъ В. И Шенрокъ. Отвѣтъ Гоголя на извѣстное письмо Бѣлинскаго.

Михаилъ Кирилловичъ Бобровскій. Историко-біографическій очеркъ 1784—1848 г. П. Б.

7—8. Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біограф. изслѣдованіе. Очеркъ 2-й. Н. Бѣлозерской.

8. Повѣсть о самомъ себѣ. Посмертныя записки и дневникъ академика и профессора А. В. Никитенка.

6. *Библіографическій листокъ.* Рецензіи на 1) Волынь изд. П. Н. Батюшкова, 2) Архивъ юго-зап. Россіи ч. VII, т. I, 3) Святыни и древности холмскаго края.

Русскій Архивъ 1888 г. №№ 6—7. Изъ дневника и записной книжки графа П. Х. Граббе. Кіевъ. Деревенская, семейная и кабинетная жизнь въ Малороссіи.

Историческій Вѣстникъ №№ 6—8. № 6. Лѣскова. «Первенецъ богемы въ Россіи» — автобіографическія замѣтки Бурнашева, служившаго нѣкоторое время у насъ на югѣ.

Павлищева. «Изъ семейной хроники» — продолженіе.

Трачевскаго. «Пруссія въ крымскую войну» — продолженіе.

Кутейникова. «Колыбель христіанства въ Россіи».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на книги: Пѣтухова — «Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в.»; Е. В. Барсова — «Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ кіевской дружинной Руси»; Kwartalnik Hystoryczny. Rocznik II. Zeszyt 1. 1888; Головацкаго — «Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, по актамъ XVI ст.» Вильно. 1888 г.; графа Д. А. Толстаго — «Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу, фельдмаршалу П. А. Румянцеву-Задунайскому (1762—69)».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: «Отчетъ одесской городской публичной библіотеки за 1887 г.»

7. Павлищева—«Изъ семейной хроники»—продолженіе.

Трачевскаго—«Пруссія въ крымскую войну»—окончаніе.

П. П.—«Покорная и вѣрная жена» (графиня Румянцева)—на основаніи ея писемъ.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго—«Миѳологическое значеніе нѣкоторыхъ преступленій, совершаемыхъ по суевѣрію».

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» интересны рецензіи на книги: «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Томы: LIX, LXI, LXIII, LXIV и LXV. Спб. 1888 г.; «Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ». Томъ сорокъ второй. Спб. 1888 г.; А. П. Барсукова «Родъ Шереметевыхъ.» Кн. V. Спб. 1888 г.; Н. И. Костомарова «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ.» Томъ II, выпускъ седьмой. Спб. 1888 г.; Н. Д. «Девятисотлѣтіе русской іерархіи.» 988—1888. «Епархіи и архіереи.» Составлено по оффиціальнымъ и историческимъ даннымъ. М. 1888 г.; Лазаревскаго «Описаніе старой Малороссіи». Томъ I. Полкъ Стародубскій (выпускъ первый). Кіевъ. 1888 г.; «Харьковскій Сборникъ». Литературно-научное прибавленіе къ харьковскому календарю на 1888-й годъ, подъ редакціей Касперева; Соболевскаго «Лекціи по исторіи рускаго языка». Кіевъ 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: Археологическое общество (есть свѣдѣнія о роскопкахъ на югѣ Россіи); Музей г. Поля (археолого-историческій) въ Екатеринославлѣ; некрологъ Я. Ѳ. Головацкаго.

8. Павлищева—«Изъ семейной хроники»—продолженіе.

Эварницкаго—«Какъ въ старину передѣлывали старыхъ людей въ молодые» (народное южно-русское преданіе).

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» для насъ интересны рецензіи на книги: Ѳ. Успенскаго—«Русь и Византія въ X в. Одесса. 1888 г.; П. Н. Ѳирсова—«Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. Казань. 1888 г.; Wisla, miesięcznik geograficzno—etnograficzny. Tom I, Warszawa, 1887; tom II, Warszawa, 1888; Любовича: «Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ въ XVI в.» Варшава. 1888 г.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь»: Археологическое общество—замѣтка о рефератѣ В. Г. Васильевскаго: «О торговыхъ сношеніяхъ Кіева съ придунайскими землями».

Въ видѣ приложенія «Девятисотлѣтняя годовщина крещенія Руси».

Юридическій Вѣстникъ №№ 5—8. №№ 5—8. *Сеймъ въ польской Рѣчи Посполитой.* Н. И. Карѣева (не окончено).

6—7. *Краткій некрологъ Н. И. Зибера.*

— *Курскіе старозаимочники и однодворцы.* П. Звѣрева.

Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права Спб. №№ 5—6. № 6. Критика и библіографія: рецензія на книгу С. Л. Птащицкаго «Описаніе книгъ и актовъ Литовской метрики».

Военный Сборникъ 1888 №№ 1—8. № 6. Библіографія. Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884—85 г. А. М. З.

Морской Сборникъ Спб. №№ 1—8. № 8. Въ библіографіи: Осадки юго-запада Россіи, ихъ распредѣленіе и предсказаніе. Проф. новорос. университета Клоссовскій. В. Иванова.

Странникъ №№ 4—7. №№ 4—7. *Св. равноап. кн. Владиміръ, просвѣтитель Руси.* И. Н. Матченко.

4. *Мои воспоминанія объ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ.* И. У. Палимпсестова.

5. Къ вопросу о южно-русскомъ сектантствѣ. Д. Попова.

6—7. *Іаковъ Мнихъ о крещеніи русской земли.* Отрывокъ изъ Іакова Мниха.

Древнѣйшее житіе—чтеніе о св. Владимірѣ (по рукоп. XIII в.). Текстъ проложнаго житія съ краткимъ предисловіемъ.

Похвала Владиміру св. митроп. Илларіона и его молитва къ Богу. Перепечатка текста памятника.

Канонизація св. князя Владиміра и службы ему по памятникамъ XIII—XVII вѣковъ.

Служба св. равноап. князю Владиміру. Изъ Минеи праздничной XIII в. по рукоп. новгор. софійской библіотеки № 382 л. 67—71.

Древне-русская редакція славянскаго перевода евангелія. Проф. Г. А. Воскресенскаго.

Какъ въ простотѣ живутъ люди. Разсказъ прот. И. Г. Наумовича (продолженіе).

Въ обзорѣ журналовъ рядъ небольшихъ замѣтокъ по поводу юбилейныхъ статей въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Рецензіи на житія св. Владиміра И. И. Малышевскаго и Г. С. Дебольскаго и на популярныя книжки о св. Владимірѣ Де-Витте и М. Рубцова.

Извѣстія и замѣтки. Иконописное изображеніе св. княгини Ольги и св. князя Владиміра (перепечатано изъ «Кіевской Старины»). Мѣсто крещенія Владиміра св.—Херсонисъ и таврическій монастырь (переп. изъ «Тавр. Епарх. Вѣд.»). Новый храмъ въ Кіевѣ во имя св. равноап. князя Владиміра.

Христіанское Чтеніе 5, Май—Іюнь, 6, Іюль—Августъ. № 5. О профессорахъ богословскаго факультета виленскаго университета въ настоящемъ столѣтіи (оконч.) П. Жуковича.

5—6. Къ вопросу о времени крещенія св. Владиміра и Руси (по поводу предстоящаго 900-лѣтняго юбилея).

5. Греческія школы (преимущественно средневѣковыя) и наши братскія и церковно-приходскія, архим. Сергія.

— Каталогъ старопечатныхъ книгъ библіотеки Спб. духовной академіи, А. Родосскаго (въ приложеніи).

6. Разборъ апокрифическихъ сказаній о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, особенно распространенныхъ въ древней Руси, и вліяніе ихъ на народ. произведенія (прод.), В. Сахарова.

Экономическій Журналъ № 4 (Апр.) № 5 (Май и Іюнь). № 4. Статистическій сборникъ орловскаго земства съ податной точки зрѣнія—*Н. Благовѣщенскаго.*

— Въ чертѣ еврейской осѣдлости (отъ Бѣлостока до Полоннаго, волынская губернія) А. С.

Въ библіографіи нѣкоторыя замѣтки относятся къ югу Россіи.

5. Статистическій сборникъ воронежскаго земства съ податной точки зрѣнія—Н. Благовѣщенскаго.

Въ торговомъ обозрѣніи и хроникѣ нѣсколько замѣтокъ относятся къ югу Россіи.

Новь 1888 г. Спб. №№ 13—18. № 13. О новыхъ книгахъ. Сообщено о книгѣ Ф. Щербины «Крестьянское хозяйство по острогожскому уѣзду».

13—18. *И. П. Потапенко* «Деревенскій романъ» (изъ хроники южно-русской деревни).

15—17. Д. Л. Мордовцева—Н. И. Костомаровъ. По моимъ личнымъ воспоминаніямъ.—Цѣнный матеріалъ для будущей біографіи талантливаго южно-русскаго историка.

Biblioteka Warszawska. Іюнь. Краткій некрологъ извѣстнаго знатока древностей и исторіи южной Руси Э. Руликовскаго. Приводимъ этотъ некрологъ въ полномъ видѣ:

«Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца текущаго года скончался на 79 году жизни въ селѣ Геленовкѣ (васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи) Эдуардъ Руликовскій, членъ антропологической коммиссіи краковской академіи наукъ, бывшій уѣздный предводитель дворянства. Покойный былъ человѣкъ обладавшій выдающимся образованіемъ и потому имѣлъ весьма благотворное вліяніе на окружавшее его общество. Въ теченіе всей жизни онъ неутомимо занимался наукою; труды свои онъ посвятилъ исключительно научной разработкѣ исторіи, статистики, этнографіи и археологіи Украины. Онъ составилъ большое сочиненіе «Описаніе по уѣздамъ Украины въ отношеніяхъ: историческомъ, статистическомъ и этнографическомъ».— Въ полномъ видѣ это сочиненіе не издано, напечатаны

только его отрывки въ Библіотекѣ Варшавской 1852 г. т. IV и въ отдѣльной книжкѣ: «Описаніе васильковскаго уѣзда—Варшава 1853 г.».—Въ трудахъ краковской академіи покойный помѣстилъ слѣдующія статьи: 1) Этнографическія записки изъ Украины, 2) Отчетъ о раскопкѣ могилы въ селѣ Геленовкѣ, 3) О каменныхъ бусахъ, находимыхъ на правой сторонѣ Днѣпра.—Сверхъ того Э. Руликовскій помѣщалъ съ 1876 года въ варшавскихъ повременныхъ изданіяхъ многочисленныя статьи серьезнаго научнаго содержанія. — Воздадимъ должную честь памяти заслуженнаго труженика».

Прибавимъ къ перечню научныхъ трудовъ Э. Руликовскаго рядъ многочисленныхъ монографій, содержащихъ историко-статистическія описанія городовъ и мѣстечекъ кіевской губерніи, помѣщенный въ Географическомъ словарѣ Сулимирскаго, Хлебовскаго и Валевскаго.—Монографіи эти, какъ по количеству матеріала, такъ и по строго критической научной обработкѣ составляютъ лучшее донынѣ описаніе данныхъ мѣстностей.

Kwartalnik Historyczny. № 3. *В. Лозинскій.* «Львовскій торговецъ XVII столѣтія». Это весьма мѣткая характеристика львовскаго торговца средней руки, составленная на основаніи рукописной записной книги Петра Кунащака, жившаго во Львовѣ въ XVII столѣтіи. Рукопись Кунащака хранится въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ подъ № 2111. Характеристика Кунащака представляетъ картину его торговой дѣятельности; онъ торговалъ по преимуществу полотномъ, но сверхъ того продавалъ самые разнородные предметы: русскія богослужебныя книги, издѣлія литейныя:—колокола и пушки и, наконецъ, занималъ деньги въ ростъ, подъ залогъ вещей, на весьма крупные проценты.—Затѣмъ собраны черты семейной жизни Кунащака: онъ является весьма заботливымъ отцемъ, выдаетъ замужъ, снабжая приданымъ, дочерей и, несмотря на большую разсчетливость и скупость, затрачиваетъ значительныя средства на воспитаніе сыновей.—Петръ Кунащакъ не принималъ никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ и вовсе ими не интересовался. По происхожденію онъ русинъ, въ значительной мѣрѣ ополяченный; книга его писана частью по русски, частью по польски, начинается она сентенціею, которая довольно точно опредѣляетъ кругозоръ узкій и чисто личный львовскаго коммерсанта: «Нигды о тую ричъ не покушайся, которую доступыты не можешъ. Нигды ричы прешлои не жалуй. Ричи неподобнойи николы не вирь. Тыйи тры науки заховай, а добре ся зъ тобою дийаты буде».

Въ № 3 «Kwartalnika» помѣщены слѣдующія рецензіи сочиненій, относящихся къ исторіи южной Руси:

Лиске «О судопроизводствѣ въ Червоной Руси»—рецензія на статью Губе, подъ заглавіемъ «Приговоръ Львовскій 1421 года».

Коперницкій—Брикчинскаго—Этнографическія записки изъ волынскаго полѣсья.

Линниченко—Лазаревскаго.—Описаніе старой Малороссіи.

Линниченко—Стороженка.—Западно-русскіе провинціальные сеймики во второй половинѣ XVII в.

Ив. Франко—Кіевская Старина 1888 кн. 1—3.

Ив. Франко—Потебня.—Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсень—II. Колядки и щедровки.

И. А. М.—Васильевскаго.—Записки о поставленіи русскихъ епископовъ въ Ватиканскомъ греческомъ сборникѣ.

И. А. М.—Нарвова.—Папскія буллы по греко-уніатскому вопросу.

И. А. М.—Замысловскаго.—Сношенія Россіи съ Польшей въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича.

И. А. М.—Хотковскаго.—Изъ исторіи уніи (Кс. Хотковскій издалъ записки уніатскаго священника Григорія Мицевича 1834—1869).

А. Прохаска—Пуласкій.—Очерки и изслѣдованія (Въ сочиненіи Пуласкаго есть монографіи: 1) объ управленіи королевою Боною имѣніями ея на Руси: Баръ, Кременецъ и Ковель, 2) объ Адамѣ Киселѣ, 3) объ Евстафіи Дашкевичѣ, 4) о князьяхъ Гольшанскихъ).

А. Левицкій—Дубецкій.—О началѣ Сѣчи Запорожской.

Труды Кіевской Духовной Академіи 1888 г. №№ 1—8. № 1. *В. Завитневичъ*: О мѣстѣ и времени крещенія св. Владиміра и о годѣ крещенія кіевлянъ (стр. 126—152).

— (стр. 153—162), № 2 (стр. 365—368), № 4 (стр. 365—368), № 7 (стр. 617—618), № 8 (стр. 772—778). Н. И. Петрова: Извѣстія церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи за октябрь, ноябрь и декабрь 1887 года и по 1-ое іюля 1888 года.

2. *С. А. Булатовъ:* Рѣчь въ день поминовенія кіевскою академіею ея основателей, благодѣтелей и всѣхъ въ ней учившихъ и учившихся (стр. 206—216).

— *Н. И. Петровъ:* Археологическія замѣтки. Древнѣйшія руководства по философіи въ кіевской академіи.

3. *В. Завитневичъ:* Великій князь кіевскій Святославъ Игоревичъ и историческое значеніе его богатырскихъ подвиговъ (стр. 369—391).

4. *Д. Протасовъ:* Разборъ вѣроученія русскихъ штундистовъ (стр. 583—643).

— Письмо митрополита кіевскаго Евгенія къ Кириллу, епископу подольскому и брацлавскому.

6. *П. Глазуновъ:* Храмы, построенные св. Владиміромъ и другими въ его время (стр. 167—253).

— *Н. П.*: Обозрѣніе сдѣланнаго кіевскою академіею по изученію эпохи св. Владиміра (стр. 254—299).

— *Малышевскій И И.*: Сказаніе о посѣщеніи русской страны св. апостоломъ Андреемъ (стр. 300—350).

— *В. Завитневичъ*: Владиміръ святой, какъ политическій дѣятель (стр. 351—441) и въ № 8 (стр. 635—755).

7. *Н. П.*: Древнія изображенія св. Владиміра (стр. 443—462).

— *В. Калинниковъ*: Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ (стр. 463—593).

— *Н. П.*: Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ (стр. 594--616).

8. *И. И. Малышевскій*: Рѣчь, сказанная въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 14-го іюля 1888 года по случаю исполнившагося 900-лѣтія со времени крещенія Россіи (стр. 756—771).

— Въ приложеніяхъ къ Трудамъ академіи находимъ: Извлеченіе изъ протоколовъ совѣта кіевской духовной академіи съ 12-го іюля по 1-ое декабря 1887 года и отчеты о состояніи и дѣятельности Богоявленскаго братства при кіев. духов. академіи для вспомоществованія нуждающимся студентамъ ея за 1886 и 1887 годъ.

Revue politique et littéraire (Revue bleue) №№ 1—20. № 15. Causerie littéraire. Замѣтка о книгѣ: Histoire d'une grande dame au XVII siècle, la comtesse Hélène Potocka, par. M. Lucien Percy.

20. Revue bibliographique. Краткая замѣтка о 4-мъ изданіи книги Français et Russes, Moscou et Sévastopol, 1812—1854. Par Alfred Rambaud.

Русскій Паломникъ №№ 20—33. № 21. *Васильевская церковь въ г. Владимірѣ Волынскомъ* съ рисункомъ этой церкви, построенной, по преданію, Владиміромъ св.

22. *Свѣнскій монастырь* (1288—1888) въ г. Брянскѣ, основанный въ 1288 г. черниг. княземъ Романомъ Михайловичемъ. Съ нѣсколькими рисунками.

— *Святыни кіевскаго края*. IV—V. Пустыни Китаевская, Голосѣевская и Ѳеофаніева.

25. *Св. Аѳанасій патріархъ цареградскій*, мощи котораго покоятся въ Преображенскомъ храмѣ лубенскаго монастыря.

— *Святыни кіевскаго края*. VI—VII. Здѣсь описаны: дѣвичій Преображенскій монастырь въ м. Ржищевѣ, с. Скитокъ-Липянскій, уроч. Кладово, села Лѣсники и Ходосовка.

26. *Святыни кіевскаго края.* VIII. Братская Борщаговка. Церкви селъ Гореничъ и Вольшки.

27—31. *Св. равноап. княгиня Ольга.* Съ портретомъ. Ѳ. Ч—на.

— *Святыни кіевскаго края.* М. Бѣлгородка, села Макарово, Дмитровичи, г. Радомысль.

— Заря христіанства на Руси (Историч. повѣсть временъ св. вел. княгини Ольги).

28—30. *Св. равноап. князь Владиміръ.* Съ его изображеніемъ.

— *Херсонесъ Таврическій.*

— *Древнія фрески.* О недавно открытыхъ фрескахъ кіев. Михайловскаго монастыря.

29. *Гимнъ св. равноап. вел. князю Владиміру — просвѣтителю Руси.* Н. Случевскаго.

— *Русская церковная архитектура.* Ист. очеркъ Гр.

30. *Крещеніе Руси.* Стихотв. О. Чюминой.

— *Кіевскіе памятники крещенія Руси* (Изъ записокъ кіев. паломника). И. Совѣтова. Съ рисунками.

— *Владимірскій соборъ въ Кіевѣ.* И. С. Съ рисункомъ.

30—33. *Торжественное празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.*

31—33. *Торжество 900-лѣтія крещенія Руси* (Замѣтка паломника).

— *Любечъ и его святыня* (Замѣтка). Съ рис.

— *Отецъ русскаго иночества, преп. Антоній Печерскій.* Съ его изображеніемъ.

32—33. *Кіево-Печерская Лавра.* Съ рис.

32. *Видѣніе жреца* (Старинное преданіе). Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ Кіева, въ до-христіанское время.

33. *Святыни кіевскаго края.* XII. С. Старосельцы, Кочеровъ, Гуменики, Чернобыль, Корыстышевъ, Чоповичи, Денисовичи, Заньки, Волчковъ, Ладыжинъ и Крымская Рудня.

— *Узникъ* (Ист. этюдъ). Разсказъ изъ временъ Владиміра св.

Недѣля №№ 20—31. № 21. *Примѣненіе лѣснаго закона.*

27. *Большая барыня XVIII в.* (Графиня Е. М. Румянцева по ея письмамъ).

31. *Неудержимый потокъ* (Переселенческій вопросъ). Статья имѣетъ отношеніе и къ югу.

Сѣверъ №№ 19—32. Прачка (южнорусскій типъ), рисунокъ К. А. Трутовскаго (№ 20).

Малороссіянка, рисунокъ К. А. Трутовскаго (№ 24).

Ланжеронъ (близъ Одессы) и его купанья. Съ двумя видами (№ 26).

Ночь на Ивана Купала. Рисунокъ (къ повѣсти Гоголя). Нестерова (№ 27).

Г. А. Лишинъ. Некрологъ. Съ портретомъ (№ 28).

Гурзуфъ. *П. Васильева*. Съ двумя видами (№ 29).

Бронзовые кони. *К. К. Случевскаго*. Разсказъ изъ времени крещенія кіевлянъ (№ 30).

Девятисотлѣтіе нашего православія. Съ двумя рисунками: а) «Владиміръ—язычникъ и греческій монахъ», рис. К. Брожа и б) «Сватовство византійскаго императора Константина», рис. С. Соломко (№ 30).

Древній Кіевъ. *П. В.* Съ шестью рисунками: а) Гробница Ярослава въ Кіево-Софійскомъ соборѣ,—б) Аскольдова могила,—в) Рождественская церковь,—г) Развалины Десятинной церкви до срытія,—д) Памятникъ св. Владиміру и е) Памятникъ крещенія Руси (№ 30).

Кіевское торжество (№№ 31—32).

А. Р. Дрентельнъ. Некрологъ. Съ портретомъ (№ 32).

Иллюстрированный Міръ №№ 1—24. Въ № 22 помѣщены статьи: а) 900-лѣтіе крещенія Руси, б) Первые зачатки христіанства на Руси, в) Принятіе христіанства княгиней Ольгой, г) Князь Владиміръ язычникъ, д) Исканіе вѣры, е) Рѣшеніе принять вѣру, ж) Крещеніе Владиміра и его сыновей, з) Крещеніе Руси, и) Порядокъ празднованія девятисотлѣтія крещенія Руси въ г. Кіевѣ, і) Памятникъ св. Владиміру, к) Крещатикъ (памятникъ крещенія), л) Десятинная церковь, м) Кіево-печерская лавра и ея святыни, н) Церковь Спаса на Берестовѣ, п) Братскій монастырь, р) Златоверхо-Михайловскій монастырь, с) Трехсвятительская церковь и т) Китаевская пустынь. Статьи эти сопровождаютъ слѣдующіе рисунки: 1) Крещеніе кіевлянъ, 2) Св. равноапостольный князь Владиміръ, 3) Памятникъ св. Владиміру, 4) Общій видъ города Кіева, 5) Памятникъ крещенія, 6) Десятинная церковь, 7) Кіево-печерская лавра, 8) Церковь Андрея Первозваннаго, 9) Церковь Спаса на Берестовѣ, 10) Братскій монастырь, 11) Златоверхо-Михайловскій монастырь, 12) Трехсвятительская церковь и 13) Китаевская пустынь.

Въ № 23 помѣщены: а) рисунокъ къ «Полтавѣ» Пушкина, изображающій Мазепу—б) рецензія книги «Историческое описаніе начала Руси и ея крещенія» и в) корреспонденція: «День 15 іюля въ Кіевѣ».

Нива 1888 г. №№ 17—32. № 19. *Рисунокъ* — Праздничная бесѣда (малороссійская сцена). Съ картины академика К. А. Трутовскаго.

23. За водяною мельницею (изъ малороссійскаго быта) — *рисунокъ Оболенскаго*.

28. 1) Рисунокъ Панова Золотыя ворота Ярослава I-го въ Кіевѣ, 2) рисунокъ Лебедева — Кіевляне, принимающіе св. крещеніе въ Днѣпрѣ, 3) Кіево-

печерская лавра (съ фотографіи де-Мезера), 4) Виды Кіева по рисункамъ Животовскаго, 5) Андреевскій спускъ и Андреевская церковь, 6) Подолъ—Фроловскій монастырь и гора Щекавица.

— Статья—900-лѣтіе крещенія Руси.

Живописное Обозрѣніе №№ 1—33. № 5. *Картины Лосева:* Князь Михаилъ черниговскій въ ордѣ.

15. *В. М. Гаршинъ*—Біографическій очеркъ съ его портретомъ.

28. По поводу открытія памятника Богдану Хмельницкому,—Богданъ Хмельницкій, съ иллюстраціею его, воспроизведенною съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.—Рисунокъ памятника Богдану Хмельницкому въ Кіевѣ.—Рисунки пированія во время рады и козакъ былыхъ временъ—послѣдней работы Іосифа Брандта.

29—30. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Изображеніе св. равноапостольнаго князя Владиміра по рисунку князя Гагарина.—Статья: 900-лѣтіе крещенія Руси съ рисунками: 1) Первые проповѣдники христіанства въ Кіевѣ (съ картины профессора Верещагина), 2) Убіеніе Аскольда и Дира на берегу Днѣпра (съ оригинальнаго рисунка Топоркова), 3) Послы Владиміра слушаютъ обѣдню въ Царьградѣ (съ рисунка И. Жакевича), 4) Князь Владиміръ разсматриваетъ изображеніе страшнаго суда (съ рисунка Лебедева), 5) Крещеніе князя Владиміра (съ рисунка Кропота), 6) Первыя жертвы христіанъ въ Кіевѣ (съ рисунка Топоркова), 7) Крещеніе кіевлянъ при князѣ Владимірѣ (съ рисунка В. Полякова), 8) Богомольцы предъ Кіевомъ (съ рисунка И. Карпенка), 9) Одежда и вооруженіе кіевлянъ при князѣ Владимірѣ, 10) Монеты временъ князя Владиміра, 11) Сыновья князя Владиміра—Ярославъ Мудрый, Борисъ и Глѣбъ, 12) Развалины Десятинной церкви, построенной при князѣ Владимірѣ и эта церковь въ настоящее время, 13) Виды Кіева: а) Церковь Андрея, б) Десятинная церковь, в) памятникъ князю Владиміру на горѣ, г) Святое мѣсто и памятникъ крещенія, д) Софійскій соборъ, е) общій видъ Кіево-печерской лавры, ж) общій видъ на Подолъ, з) Печерская лавра и пещеры, і) памятникъ крещенія, и) Аскольдова могила и церковь св. Николая и к) Выдубецкій монастырь. Статья: Кіевъ—мать русскихъ городовъ.

31. Рисунокъ: Въ лѣтній зной—художника Глобо.

33. Рисунокъ г-на Зиновьева—Близь родимой хатки.

Ежемѣсячное литературное прибавленіе къ журналу Живописное Обозрѣніе №№ 1—7.

4—5. *Вѣчный праздникъ*. Романъ І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Дѣйствіе романа происходитъ въ одномъ изъ южныхъ губернскихъ городовъ. Оставляя на совѣсти автора правдивость въ изображеніи личной жизни героевъ этого романа, позволяемъ себѣ замѣтить, что къ оцѣнкѣ общественной дѣятель-

ности ихъ слѣдовало бы приступить съ большимъ знаніемъ земскаго дѣла и съ большею широтою въ понимания общественныхъ явленій жизни.

Русское Судоходство, торговое и промысловое на рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Спб. 1888. № 16—28. **№ 19**. Какъ искоренить злостныя аваріи на Азовскомъ морѣ. Р.

— О работахъ въ одесскомъ портѣ по 1-е янв. 1888 г.

20. Рейсы общества пароходства по Дону, Азовскому и Черному морямъ.

21. Наше судоходство (Дунай, Днѣстръ).

— Работы на водныхъ путяхъ Россіи въ 1887 г.

22. Возраженіе на докладъ М. И. Каза «Добровольный флотъ и русское общество пароходства и торговли передъ государствомъ» —Фанъ-деръ-Флитъ.

23. Наше судоходство (Днѣпръ, Бугъ).

24. Неутѣшительная лоція на Азовскомъ морѣ—И. Г. Куртумели.

25. Внутренніе рейсы рус. общ. пароход. и торговли.

— Общество пароходства по Днѣпру и его притокамъ.

26. О расширеніи предпріятія общества черноморско-дунайскаго пароходства.

— Наше судоходство (Черное море).

27. Къ вопросу о русск. общ. пароходства и торговли М. Ар.—дъ.

— Правит. извѣстія къ пароходству по р. Днѣпру.

28. Отвѣтъ на возраженія г. Фанъ-деръ-Флита—М. Каза.

Церковный Вѣстникъ №№ 29—33. № 29. *Торжество девятисотлѣтія крещенія Руси*. Передовая статья по вопросу о важности предстоящаго торжества. Авторъ указываетъ на то громадное значеніе, какое имѣло введеніе христіанства на Руси, какъ въ культурномъ ея развитіи, такъ и въ историческихъ судьбахъ русскаго государства.

Памяти святаго равноапостольнаго и великаго князя Владиміра (Историческій очеркъ).

30—32. *Достопримѣчательности Кахетіи* (Изъ дневника поѣздки высокопр. экзарха Грузіи для обозрѣнія церквей и монастырей грузинскаго экзархата).

33. *Изъ Волыни* — корреспонденція о переходѣ чеховъ въ православіе.

Kłosy №№ 1177—1207. № 1188. Народныя увеселенія въ Малороссіи во время Пасхи. Рисунокъ, изображающій пляски крестьянской молодежи, и краткое объясненіе къ нему.

1205. Статья, посвященная 900-лѣтію крещенія Руси. Въ началѣ статьи краткій разсказъ о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, составленный по лѣтописнымъ сказаніямъ, а затѣмъ слѣдуетъ описаніе кіевскихъ юбилейныхъ празднествъ.

1207. Рисунокъ, изображающій крестьянку подольской губ. въ подвѣнечномъ платьѣ.

Gazeta Polska №№ 1—190. №№ 130, 148, 169—171. Корреспонденціи изъ Кіева о праздновані юбилея крещенія Руси и объ открытіи памятника Богдану Хмельницкому.

Зоря №№ 11—15. №№ 11—15. Старосвѣтскіе батюшки и матушки Пов. Ив. Левицкаго (продолженіе).

11. Свѣчечка. Оповѣдане на пародній мотивъ. З. Петруся.

11, 12, 14, 15. Історія литературы рускои. Написавъ Омелянъ Огоновскій. Періодъ новый. 10. Осипъ Федьковичъ. 11. Володимиръ Шашкевичъ. 12. Васиаь Куликъ. 13. Володимиръ Маслякъ.

13—14. Новый кожухъ. Оповѣдане Н. Спôлки.

— Рецензія на книгу А. Я. Ефименко. «Изслѣдованія народной жизни» Д-ра Костя Левицкаго.

— Дежь наша робота. Б. Вôльхôвскаго.

15. Зъ ранку до ночи. Риски справжнього житя. Н. Е. Шукая.

Кіевлянинъ №№ 141—167. № 142. Новооткрытыя фрески Михайловскаго монастыря.

144. Проектъ учрежденія общеславянской академіи наукъ въ Кіевѣ.

— Обращеніе Имп. московск. археологич. общества къ г. начальнику кіев. губерніи о сообщеніи свѣдѣній объ имѣющихся въ кіевск. губ. археолог. коллекціяхъ и доисторич. древностяхъ.

Библіограф. замѣтка. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ В. Д. Бублика.

153. Владимірскій соборъ въ Кіевѣ.

153, 154, 157. Первыя времена христіанства на Руси.

153, 154. Крещеніе Руси. Поэтич. лѣтопись въ 3 частяхъ А. Д. Львовой.

154. Изображеніе св. Владиміра по рис. Васнецова.

— Сказаніе о посѣщеніи Россіи св. апостоломъ Андреемъ.

155. Некрологъ А. Р. Дрентельна.

156. Краткая рецензія на книгу г. Захарченка «Кіевъ теперь и прежде».

159. Объ энколпіонѣ изъ коллекціи барона Шодуара.

160. Крестьянское хозяйство въ кременчуг. уѣздѣ. По поводу VII т. Сборника по хозяйств. статистикѣ полтавск. губ.

Рядъ замѣтокъ по поводу іюльскихъ торжествъ въ разныхъ номерахъ.

Кіевское Слово №№ 427—453. № 430. Юбилей немировской гимназіи. Объ окончаніи реставраціи Кирилловской церкви.

432. Находка фрески въ Михайловскомъ м-рѣ.

179 я годовщина полтавской битвы.

430, 432—435. 437, 439. Звониміра. Картина изъ нашего языческаго быта. Написалъ Вас. Дим. Залозецкій. Переводъ съ галицко-русск. нарѣчія.

435. Легенда о хожденіи св. апостола Андрея.

438. Библіографич. замѣтка о брошюрѣ «Notice sur l'eglise cathédrale s-te Sophie de Kiew».

440, 442—446, 448, 449. Крещеные побѣдили. Разсказъ изъ времени св. Владиміра. М. Доброво.

440. О фрескахъ Михайловскаго монастыря.

441. Некрологъ А. Р. Дрентельна-

443. Къ исторіи памятника Б. Хмельницкаго.

446. Объ открытыхъ въ главной церкви Михайловскаго м-ря склепахъ.

447. Объ обнаруженіи проф. Праховымъ въ Михайловскомъ м-рѣ подземной стѣны.

450. Объ открытіи въ г. Переяславѣ древняго фундамента.

— Колесничество въ с. Ситникахъ, радомысльск. уѣзда Мих. Огіевскаго.

452. О праздкованіи дня 1 августа въ Кіевѣ 50 лѣтъ тому назадъ.

— Обращеніе Имп. моск. археол. общества къ г. кіев. губернатору о сообщеніи свѣдѣній объ имѣющихся въ кіев. губ. археол. коллекціяхъ и доисторич. древностяхъ на территоріи кіев. губ.

153. Славяне на Днѣпрѣ.

Въ разныхъ номерахъ рядъ замѣтокъ по поводу іюльскихъ торжествъ.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. №№ 15—26. №№ 15—16. О присоединеніи 133 душъ колонистовъ-чеховъ римско-католическаго вѣроисповѣданія къ православной церкви.

18, 20. Отчетъ о состояніи Богоявленскаго братства при кіев. духовной академіи за 1887 г.

25—26. Церковныя юбилейныя празднества въ Кіевѣ.

Волынь №№ 55—88. № 55. Корреспонденція изъ с. Закусилъ овручск. у. о найденномъ кладѣ польскихъ монетъ времени Сигизмунда III.

56. *Некрологъ Я. Ѳ Головацкаго.*

57, 59, 60, 62, 64, 65, 67, 69, 71, 72, 74, 76, 77. *Къ чествованію 900 лѣтія крещенія Руси.*

60. *Н. А Ригельманъ*. Некрологъ.

— *Карпатскій фельетонъ*. Жизнь крестьянъ въ Галиціи. Галичанина.

63. *Библіографич. замѣтка* о книгѣ «Волынь» изд. П. Н. Батюшкова.

66. *Горные промыслы на Волыни.*

67—68. *Евреи въ нашей деревнѣ.* Корреспонденція изъ ровенскаго уѣзда. Ѳ. З-ча.

68—70. *Состояніе церковно-приходскихъ школъ заславскаго и острожск. уѣздовъ.* Соломоновскаго.

73. *«Курортъ» Славута.* Перепечатка изъ «Новостей».

75. О кладѣ, найденномъ въ Кіевѣ на Флоровской горѣ.

76—78. О первыхъ правительственныхъ училищахъ на Волыни.

80—81. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Житомирѣ.

81. Некрологъ А. Р. Дрентельна.

81—82. Кіевское торжество 15 іюля.

87. *Бильчанское городище.* В. Б. Описаніе городища, находящагося въ дубенскомъ у., волын. губ. на берегу р. Стыри.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 20—22. № 20. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Ровенскій уѣздъ. С. Великое-Вербче, с. Головинъ, с. Янкевичи, с. Золотолинъ, с. Тростенецъ, с. Крычильскъ, с. Королость, Князь-село, с. Великая-Любаша (стр. 697—704). № 21. с. Космачевъ, с. Мидзскъ, с. Моквинъ, с. Песковъ, с. Поляны (стр. 725—729). № 22. с. Сельце, с. Ставокъ, м. Степань, (стр. 757—754).

20—22. Митрополиты и епископы при св. Владимірѣ.—В. Калинникова.

22. Празднованіе 900-лѣтн. юбилея крещенія Руси въ г. Кременцѣ 15 іюля 1888 г.

22. Принятіе св. равноап. вел. кн. Владиміромъ христіанства и крещеніе Руси.

Предметный указатель содержанія неофиц. части Вол. Еп. Вѣд. за первые двадцать лѣтъ ихъ существованія № 20 (стр. 191—198), № 21 (стр. 199—202) № 22 (стр. 203—206).

Въ отдѣлѣ, «Лѣтопись текущихъ событій» и «Разныя извѣстія» нѣсколько замѣтокъ по поводу празднованія 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси.

Волынскія Губернскія Вѣдомости №№ 43—62. № 48. Братчиковъ: сообщенія о существующей въ городѣ Житомирѣ школѣ для полицейскихъ урядниковъ.

51—53. Его же: по поводу чествованія 900-лѣтія крещенія Руси.

54. Его же: къ житомирской хроникѣ происшествій (подземные ходы въ Житомирѣ).

56. Празднованіе въ городѣ Владимірѣ-Волынскомъ крещенія Руси.

57. Братчиковъ: по поводу чествованія 900-лѣтія крещенія Руси.

56. Открытіе Свято-Владиміро-Василіевскаго братства въ городѣ Житомирѣ, при волынскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости №№ 28—32. № 28. 10 и 11-е іюня въ кам.-под. мужской гимназіи (актъ)—свящ. Ал. Оп—въ.

29. Какъ предположено праздновать и чѣмъ рѣшено увѣковѣчить въ Кіевѣ 900-лѣтіе крещенія Руси.—Его же.

30. Празднованіе 900 лѣтія крещенія Руси въ г. Каменецъ-Подольскѣ 15 іюля 1888 г.—А. Г.

Полтавскія Епарх. Вѣдомости 1888 г. № 10. Свѣдѣнія о преобразованіи въ 1817 г. полтавской духовной семинаріи и открытіи уѣздныхъ духовныхъ училищъ переяславскаго и полтавскаго, извлеченныя изъ дѣлъ архива полтавской духовной консисторіи.

— Записки объ учрежденіи роменскаго духовнаго училища въ періодъ съ 1874 по 1888 г., читанныя на актѣ по случаю освященія новоустроенной училищной церкви 23 февраля 1888 г.

14. *Матеріалы относящіеся къ первымъ временамъ историческаго существованія переяславской полтавской семинаріи (продолженіе)* В. Д--скаго. Рѣчь идетъ преимущественно о мѣрахъ начальства къ предупрежденію несвоевременныхъ явокъ учениковъ въ семинарію послѣ лѣтнихъ вакацій, въ началѣ второй полов. XVIII в.

Черниговскія Епархіальныя Извѣстія 1888 г. №№ 1—10. № 5. 50-ти лѣтній юбилей протоіерея Петра Огіевскаго-Охотскаго 1837—1887 г.—священника Т. Стефановскаго.

Протоіерей Огіевскій въ теченіи своей долголѣтней службы напечаталъ много бесѣдъ, словъ и рѣчей на разные случаи отдѣльными изданіями въ разное время, съ посвященіемъ ихъ черниговскимъ архипастырямъ Павлу, Филарету и Веніамину. Кромѣ сего изъ подъ пера его вышло много разныхъ духовно-нравственныхъ статей, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, епархіальныхъ извѣстіяхъ и въ другихъ изданіяхъ; переложилъ на малороссійскій языкъ болѣе 10 басенъ Крылова, съ нравоученіемъ для читателей; составилъ и напечаталъ прочувствованную элегію въ стихахъ на малороссійскомъ языкѣ въ память дочери своей Ирины, скончавшейся въ 16 лѣтъ своей жизни.

10. Описаніе Любецкаго синодика.—Нельзя не благодарить почтенную редакцію за напечатаніе сего замѣчательнаго историческаго памятника.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости №№ 49—64. № 49. Стихотвореніе Н. В. Перекрестова: Къ 900-лѣтію крещенія Руси.

54. Программа празднованія 900-лѣтія крещенія Руси въ Черниговѣ 15 іюля 1888 года.

55. Къ исторіи края: Образцы обликовъ, А. Тищинскаго.

56. Памяти 900-лѣтія крещенія Руси 15 іюля 1888 г. Стихи Л. И. Глѣбова: Въ день празднованія 900-лѣтія крещенія Руси.

57. Некрологъ Александра Романовича Дрентельна.

Къ празднованію 900-лѣтія крещенія Руси 15 іюля 1888 года.

58. Къ исторіи края: изъ архива графа Г. А. Милорадовича: документы, относящіеся къ 1693—1698 г. № 60 отн. къ 1698 году, № 60 отъ 1698 по 1607 г. № 61 отъ 1607 по 1608 г.

63. Некрологъ скончавшагося надзирателя черниговской гимназіи А. И. Барскаго.

84. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ—перепечатано изъ Кіевской Старины за 1888 г. № 8-й.

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи 1888. 1—5. № 1—2. Наша земская деревенская школа Н. Н. К—В.

— О стремленіяхъ къ сокращенію смѣты въ нашихъ земствахъ. М.

— Протоколы съѣзда земскихъ врачей черниговской губерніи, состоявшагося 1 сентября 1887 года—въ приложеніяхъ.

3—5. Записка объ осушеніи болотъ въ нѣжинскомъ уѣздѣ ген.-маіора Жилинскаго.

— Письмо изъ деревни (объ условіяхъ и улучшеніи нашего сельскаго хозяйства) Н. Н. К. Волка.

— Движеніе народонаселенія въ черниговской губерніи за 1884, 85 и 86 г. Глава 1. Козелецкій уѣздъ—Е. В. Святловскаго.

— О земской медицинѣ въ глуховскомъ уѣздѣ (матеріалы для исторіи земской медицины) С. Л.

— Журналъ сельско-хозяйственнаго общества 15 декабря 1887 г., въ приложеніи.

— Журналъ XXIII очереднаго черниговскаго губернскаго земскаго собранія 1887, въ приложеніи.

Харьковскія Губернскія Вѣдомости №№ 159—209. № 159. Библіогр. замѣтка о книгѣ А. В. Маценка «Прилукщина, историч. и статистич. описаніе прилукскаго уѣзда».

160. Проф. А. Стоянова. Памяти В. Г. Лашкевича.

161. Передовая статья о проектѣ соединенія Дона съ Волгою каналомъ.

169. Актъ въ харьков. епарх. женскомъ училищѣ въ настоящемъ году.

172. Корреспонденція изъ Купянска о первомъ собраніи недавно устроеннаго тамъ общества сельскихъ хозяевъ.

181. Сказаніе о великой княгинѣ Ольгѣ (перепеч. изъ Моск. Вѣд.)

182—183. О юбилейныхъ торжествахъ въ Харьковѣ въ день св. Владиміра.

184. Богданъ Хмельницкій (перепеч. изъ Од. В.)

901. Краткій некрологъ уроженца курской губ. тайн. сов. В. И. Дорогобужинова.

190, 207. Замѣтка о сзываніи змѣй. Т.

191. Извѣстіе о смерти харьков. дѣятеля С. Н. Булацеля.

207. Исторія Херсонеса и его древностей.

Южный Край №№ 2567—2618. № 2567. Объ учрежденіи стипендіи Н. Н. Сверчевскаго при харьковскомъ университетѣ.

2571. Передовая статья объ отчетѣ харьковскаго общества сельскаго хозяйства.

2572. Корреспонденція изъ грайворонскаго уѣзда курской губ. о народныхъ школахъ.

2573. Въ мѣстной хроникѣ о судьбѣ пожертвованнаго капитала И. А. Тихановымъ въ 40 тысячъ рублей для постройки ночлежнаго пріюта.

2575. М. Свѣтухинъ. Памяти В. Г. Лашкевича.

2580. Въ корреспонденціи изъ Зміева харьков. губ. находимъ нѣсколько интересныхъ данныхъ о суевѣріяхъ. Въ Зміевѣ очень многіе изъ крестьянъ вмѣстѣ съ пасхой и другими съѣстными припасами, освящаемыми для разговѣнья, освящаютъ еще и другіе, совершенно не подходящіе предметы, напримѣръ, макъ, перецъ, ладонъ, брусокъ точильный, иголки и проч. Каждый предметъ имѣетъ какое нибудь суевѣрное назначеніе: макъ, вѣроятно, какъ символъ плодородія, дается домашнимъ птицамъ и другимъ животнымъ, назначаемымъ на расплодъ; перецъ дается людямъ и птенцамъ индѣйки для предупрежденія болѣзней; ладонъ употребляется для подкуриванія, а брусокъ для придавливанія больнаго вымени коровъ и, по мнѣнію хозяекъ, спасаютъ корову отъ порчи ея вѣдьмами, о похожденіяхъ которыхъ, какъ извѣстно, вездѣ разсказываютъ самыя фантастическія исторіи. Иголки служатъ для леченія «куриной слѣпоты»: больной долженъ стараться смотрѣть вдаль сквозь игольное ушко, а потомъ закинуть иголку и т. п. Можетъ быть, между упомянутыми болѣзнями и средствами, употребляемыми противъ нихъ, существуетъ какая нибудь причинная физіологическая зависимость, но, во всякомъ случаѣ, непріятно видѣть смѣшеніе христіанскихъ религіозныхъ обрядовъ съ какими то суевѣрными фокусами, имѣющими происхожденіе отъ древняго язычества, побѣжденнаго христіанствомъ 900 лѣтъ назадъ, но, повидимому, еще до сихъ поръ очень привлекательнаго для православнаго мірянина. И священнику, какъ бы то ни было, слѣдовало бы путемъ разъясненій изгонять эти суевѣрные обычаи и повѣрья, а также и подобныя имъ какъ, напримѣръ, хотя бы упомянутыя мною прежде повѣрья объ излѣченіи лихорадки посредствомъ купанья въ рѣкѣ 17 марта (на «теплаго» Алексѣя). Извѣстенъ также всѣмъ удержавшійся до сихъ поръ языческій обычай «Купала», соединяемый съ празднованіемъ въ честь св. Іоанна Крестителя (24 іюня); на Рождественскихъ праздникахъ обычай «колядокъ», не имѣющихъ ничего общаго съ прославленіемъ Христа родившагося; понятіе, что Пантелеймонъ значитъ — «палій», т. е. палящій, сожигающій, что онъ па-

литъ хлѣбъ, наказывая за грѣхи, и тому подобныя повѣрья и понятія, не согласныя и даже противныя ученію христіанской церкви»...

2582, **2598**. Корреспонденція изъ Полтавы о приготовленіи къ празднованію 15 іюля.

2585. Кореспонденція изъ Зміева: О новооткрытомъ Высочиновскомъ Казанскомъ монастырѣ.

Корреспонденція изъ посада Клинцовъ, черниг. губ. о нѣсколькихъ здѣшнихъ старообрядцахъ, обвиняемыхъ въ устройствѣ купола и постановкѣ креста на своемъ молитвенномъ зданіи безъ надлежащаго разрѣшенія.

2589. Днѣпръ (по случаю празднованія 900-лѣтія крещенія Руси) Д. Никольскаго.

— Корреспонденція изъ Полтавы. Краткій некрологъ Д. А. Трощинскаго.

2590. Заря христіанства на Руси.

2592. Два стихотворенія Василія Иванова $^{1}/_{15}$ іюля 988—1888 годъ Кіевъ.

Великій князь Владиміръ и крещеніе Руси. Херсонесъ—купель святаго Владиміра.

2593. Дѣти славы (стихотвореніе). К.

Празднованіе въ Харьковѣ 900-лѣтія крещенія Руси. О выходящей въ Одессѣ брошюрѣ «Матеріалъ для біографіи композитора Г. А. Лишина».

2595. Корреспонденція изъ города Зміева. Описаніе городскихъ окрестностей.

2597. Корреспонденція изъ Херсонеса о юбилейномъ торжествѣ.

2599. Библіографическая замѣтка о вышедшей въ Одессѣ біографіи харьковскаго профессора Ценковскаго, составленной Бучинскимъ.

2600. О переселенческомъ движеніи въ изюмскомъ уѣздѣ харьков. губ.

2602. Корреспонденція изъ Севастополя о празднованія 900-лѣтняго юбилея 15 іюля 1888 года.

2604. Корреспонденція изъ Святыхъ горъ харьков. губ. объ изображеніи св. иконы Благовѣщенія, находящейся въ семъ монастырѣ.

2606. Извлеченіе изъ корреспонденціи Новаго Времени о положеніи каменно-угольнаго дѣла въ Донецкомъ бассейнѣ.

2608. Передовая статья о старозаимочныхъ земляхъ.

2610. Корреспонденція изъ Керчи: о торгово-промышленномъ состояніи города.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости №№ 50—62. **№ 50**. Изъ годоваго отчета екатеринославскаго старшаго губернскаго ветеринарнаго врача.

— Выдающіяся лица екатеринославской губерніи, автобіографическая записка Петра Ивановича Хицунова, занимавшагося въ 40—50-хъ годахъ

этого столѣтія статистикою, исторіею, географіею, древностями и естеств. исторіею на Кавказѣ и югѣ Россіи, сообщена И. Чайкинымъ.

51—52. О задолженности дворянскихъ имѣній въ государственный дворянскій земельный банкъ.

Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. Я. П. Новицкаго *№ 52.* Изъ времени татарскихъ набѣговъ.

53. Пѣсни козацкаго вѣка. Набѣгъ орды на Донщину. *№ 61—62.* Изъ недавняго прошлаго, два документа, относящіеся ко времени управленія кр. обществами палаты госуд. имуществъ и окружныхъ начальниковъ: а) о порядкѣ замѣщенія волостныхъ писарей и б) предложеніе сельскимъ властямъ носить болѣе приличныя шляпы и шапки.

53—54. Брянцевская соляная копь въ бахмутскомъ уѣздѣ.

54. Библіогр. замѣтка о выходѣ 7 кн. «Кіев. Стар.» *№ 58.* Такая же замѣтка о выходѣ книги «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа» Эварницкаго, Шмакова.

54—55. Святый Владиміръ, благовѣрный равноапостольный князь кіевскій (лѣтописное сказаніе) изъ «Кіев. Стар.».

60—62. Перепечатана изъ «Сѣвернаго Вѣстника» статья Берендѣева «Деревенскія письма,—погоня за рублемъ».

61. Фабричная и заводская промышленность въ екатеринославской губ.

Крымъ №№ 44—65. *Путевые замѣтки.* II по Черному морю. Н. Кук--скаго.

46, 47, 49. *Къ чествованію 900-лѣтія крещенія Руси.*

47—48. *Перекопскій каналъ съ государственной точки зрѣнія.* Субботина.

48. *Археологическія раскопки въ Херсонисѣ—Таврическомъ.*

50, 52, 55, 56. *Цыгане* (Опытъ историко-этнографич. очерка) Николая Святскаго. Есть данныя о цыганахъ въ южной Россіи.

53. *Крещеніе Руси въ 988 году.*

54. *Старый богъ.* По поводу крещенія Руси.

55. Корреспонденція изъ Севастополя о торжествѣ 15 іюля.

61—62. Безземельные въ Крыму.

65. Сивашъ, или Гнилое море.

Одесскій Листокъ №№ 134—173. №№ 137, 138, 143—146, 149, 152, 153, 155, 157—159, 165, 168, 169—171, 173. Къ 900-лѣтію крещенія Руси.

131. Археологическія раскопки въ Херсонисѣ.

147. О состояніи начальныхъ народныхъ училищъ въ Одессѣ.

Замѣтка по поводу письма одного изъ членовъ Одесск. Общ. Ист. и Древн.

ръ «Русск. Вѣд.», въ которомъ доказывается неосновательность притязаній Археологич. Коммиссіи на подчиненіе себѣ археол. обществъ въ отношеніи къ производимымъ ими раскопкамъ.

150. Замѣтка о работахъ по сооруженію памятника Хмельницкому.

153. Замѣтка о майскомъ выпускѣ Сборника херсонскаго земства.

154. Замѣтка о брошюрѣ Маркова «Вел. кн. Владиміръ».

156. Гимнъ Случевскаго въ честь 900 лѣтія крещенія Руси.

158. Перепечатка изъ «Кіев. Старины» разсказа о высылкѣ въ Сибирь цѣлой деревни крестьянъ Кочубея при Николаѣ Павловичѣ.

162. Къ столѣтнему юбилею Одессы.

168. Некрологъ С. П. Голубцова.

173. Анекдотъ объ Иринеѣ Фальковскомъ, еписк. чигиринскомъ.

Замѣтка о подчиненіи археологич. обществъ Имп. Археол. коммиссіи.

Херсонскія Губернскія Вѣдомости 1—58. № 54. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ городѣ Херсонѣ 15 іюля 1888 года.

Сборникъ Херсонскаго Земства 1888. №№ 1—7. № 1. *Приложенія.* Обзоръ состоянія медицинской части въ херсонскомъ уѣздѣ.—Н. А. Часовникова.

— Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Прод. II отдѣлъ: §§ 15—16). Формы крестьянскаго землевладѣнія и сельско-хозяйственной жизни крест. обществъ. Размѣры засѣянной площади и способы обработки земли.

2. *Приложенія.* Обозрѣніе состоянія медицинской части въ тираспольскомъ уѣздѣ. (Общія свѣдѣнія объ уѣздѣ. Денежныя средства и организація медицинской части. Общее обозрѣніе и частное описаніе больницъ и медицинскихъ участковъ. Приложенія). Вирановскаго.

— Описаніе александрійскаго уѣзда. (Окончаніе II отдѣла: §§ 17—24). Системы полеводства у крестьянъ. Положеніе земледѣльческихъ хозяйствъ разныхъ группъ населенія. Сельско-хозяйственные рабочіе. Обезпеченіе хозяйствъ орудіями и способы обработки почвы. Сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Эмиграція.

3. О состояніи начальныхъ школъ въ г. Херсонѣ въ 1887 году. В. Г. Терещенко.

— *Приложенія.* Описаніе херсонской губернской земской больницы (съ 4-мя планами). М. Уварова.

— Евгеньевская волость (тираспольскаго уѣзда херсонской губерн.). Статистико-экономическое описаніе. Предисловіе. I. Территорія. II. Исторія заселенія волости. III. Населеніе. IV. Землевладѣніе. V. Сельское хозяйство. Грамотность. Приложенія. Карта евгеньевской волости съ показаніемъ черезполо-

сицы между землями евгеньевской и розенфельдской волостей. Планъ передѣла земли въ джугастровскомъ товариществѣ.

4. Обзоръ состоянія земской медицины въ херсонской губерніи съ приложеніемъ свода постановленій херсонскихъ губернскихъ земскихъ медицинскихъ съѣздовъ. М. Уварова.

— *Приложенія*. Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Начало III отдѣла: §§ 25—27. Виды земельныхъ угодій и пространство ихъ. Воздѣлываемыя растенія; относительное количество посѣвовъ разныхъ хлѣбовъ. Густота посѣва и урожайность разныхъ хлѣбовъ по дачамъ и полосамъ уѣзда за послѣднія 13 лѣтъ. Враги земледѣлія. Производительность толоки и сѣнокоса.

5. *Приложенія*. Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Окончаніе III отдѣла: §§ 28—30). Роды разводимаго скота и способы скотоводства. Лѣсъ, усадьба, выгонъ, огородъ, садъ, плавни и камышъ. Эксплоатація неудобныхъ земель, глинища, каменоломни. Рыболовныя угодья.

6. Краткій статистико-экономическій отчетъ по губерніи за 1887 г.

— *Приложенія*. Сельско-хозяйственное описаніе александрійскаго уѣзда (Отдѣлъ IV. Сводъ оцѣночныхъ данныхъ, §§ 31—36. Сдаточныя платы, платы за выпасъ скота, арендныя платы, продажныя цѣны (съ картою). Платы за квартиры и за пользованіе усадебной землей).

7. *Приложенія*: Матеріалы для оцѣнки земель александрійскаго уѣзда (Окончаніе). VI. Вѣдомость о пространствѣ земли въ дачахъ, принятыхъ за единицы изслѣдованія (по угодьямъ). VII. Конкретныя записи урожаевъ. VIII. Время начала посѣвовъ.

Бессарабскія Губ. Вѣдомости №№ 8—70. № 8. *Былые и новые лѣса въ южныхъ степяхъ* (перепечатка изъ «Нов. Врем.»).

11. Народное преданіе объ уступкѣ русскимъ царемъ острова Хортицы запорожцамъ (перепечатка изъ «Екат. Губ. Вѣд.»).

21. *Православіе на западной окраинѣ* (перепеч. изъ «Моск. Вѣд.»).

— *Горныя лечебныя станціи въ Крыму* (изъ «Правительственнаго Вѣстника»).

39. *Изслѣдованіе виноградныхъ садовъ бендерскаго уѣзда* (изъ «Правит. Вѣстника»).

— *Движеніе народонаселенія г. Одессы* (статистическая замѣтка).

40. *Выставка произведеній искусствъ и рѣдкихъ вещей* въ Одессѣ.

63. *О домикѣ Петра Великаго въ Дербентѣ* (историческая замѣтка, перепеч. изъ «Свѣта»).

69—70. *Бессарабское табаководство*. Весьма интересная статья, въ которой авторъ на основаніи собранныхъ за два года оффиціальныхъ данныхъ и личныхъ наблюденій приходитъ къ тому грустному выводу, что въ Бессара-

бiи 70% табачныхъ плантацiй находится въ рукахъ евреевъ—арендаторовъ, которыхъ способъ культуры табака преимущественно спекулятивный, что весьма вредно отзывается на производительности почвы; чтобы освободить мѣстныхъ поселянъ-плантаторовъ отъ экономической зависимости въ дѣлѣ табаководства отъ еврея-спекулянта и сдѣлать табачное хозяйство болѣе рацiональнымъ, авторъ предлагаетъ открыть для плантаторовъ не-евреевъ казенный кредитъ и устроить казенные склады табаку.

Донъ №№ 57—78. № 59. Замѣтка о раскопкахъ, производящихся въ г. Полтавѣ.

78. *Степановъ.* Стихотворенiе «Въ память 900-лѣтiя крещенiя русскаго народа».

Донская Рѣчь №№ 69—81. №№ 78—81. *Сизякина.* Залозный путь. По поводу 900-лѣтiя крещенiя Руси. Статья интересна по нѣкоторымъ, приводимымъ въ ней даннымъ, но не имѣетъ никакого научнаго значенiя.

Литовскiя Епархiальныя Вѣдомости №№ 1—32. №№ 6, 8, 11—16, 23—29 и 32. Унiатскiе церковные соборы съ конца XVI вѣка до возсоединенiя унiатовъ съ православною церковью.

17. *М. Кояловичъ.* Старое и новое русское понимание латинства и отношенiе къ нему Россiи.

18. *С. Лобовичъ.* Латинскiй полонъ (изъ церковно-приходской жизни). — Два интересныя описанiя пасхальнаго стола у богатыхъ людей въ «старопольское» время.

19. Iаковъ Θеодоровичъ Головацкiй. Некрологъ, погребенiе его и сказанныя рѣчи.

20. Къ чествованiю 900-лѣтiя крещенiя Руси.

26, 27 и 30. Юбилейные дни въ Кiевѣ и въ Петербургѣ.

31. Юбилейныя торжества 900-лѣтiя крещенiя Руси въ литовской епархiи.

Червоная Русь №№ 73—90. №№ 73—78, 82, 86, 87, 88 и 90. Унiатскiи церковныи синоды.

74, 77. Къ чествованiю 900-лѣтiя крещенiя Руси.

76. Общеславянская академiя наукъ. По поводу проекта проф. А. И. Маркевича объ учрежденiи общеслав. акад. наукъ въ Кiевѣ.

78. Библiографiя. Рецензiя на юбилейную книжку «Кiевской Старины» (№ 7, 1888 г.).

80. Статья по поводу юбилея крещенiя Руси.

80, 81. Въ память 900-лѣтiя крещенiя Руси. Перепечатка брошюры И. И. Малышевскаго.

80—86. Корреспонденціи объ юбилейныхъ торжествахъ въ Кіевѣ.

90. Въ якомъ видѣ могутъ быти изображены св. равноап. кн. Владиміръ и св. княг. Ольга (По статьямъ П. Л., В. Б. Антоновича и г. Бѣляшевскаго, напечатаннымъ въ «Кіев. Старинѣ»).

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Аристовъ Г. Первыя времена христіанства въ Россіи по церковно-историческому содержанію русскихъ лѣтописей. Спб. 1888 г. 188 стр.

Барбашевъ И. А. Лѣтописные источники для исторіи Литвы въ средніе вѣка. Спб. 1888 г., 8 д., 29 стр.

Барвинокъ Г. Молотники. Бытовой разсказъ. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 24 стр.

Бахметева А. Н. Начало христіанства въ Россіи и крещеніе Руси при великомъ кн. Владимірѣ. Москва, 16 д., 32 стр.

Бестужевъ-Рюминъ К. О крещеніи Руси, о Владимірѣ св., о сыновьяхъ его и монастырѣ печерскомъ. 7-ое изд. Спб. 1888 г. 8 д., 56 стр.

Блюменфельдъ Г. Ѳ. Крымско-татарское землевладѣніе (Ист.-юрид. очеркъ). Од. 1888. 8°. 112 стр.

Бобржинскій М. Очеркъ исторіи Польши. Т. I. Перев. съ 3-го польск. издан. подъ редакціей Карѣева. Спб. 1888 г., 8 д., II+II+27+291+4 стр. +III табл. +1 карта.

Бубликъ, В. Д. Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 183+80 ненум. стр.

Бѣлявскій П. Е. Донскія гирла. 2-е изд. Спб. 1888. 8°. XIV+336 стр.

Вадимъ. Къ крещенію Руси. 900. 988—1888. Спб. 1888 г. Часть 1-я 16 д., 64 стр.; часть 2-я, 16 д., 35 стр.

Великій кн. Владиміръ. Крещеніе Руси 988—1888. Извлечено изъ «Исторіи государства россійск.» Карамзина. Въ память 900-лѣтія. Спб. 1888 г., 8 д., 16 стр.

Голубовскій П. Болгары и хазары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ св. Историко-этнограф. очеркъ. Кіевъ. 1888 г., 8 д., 43 стр.

Горчакова, Е. С. кн. Херсонесскій монастырь въ Крыму. Въ память 900-лѣтней годовщины крещенія св. равноап. кн. Владиміра. Москва 1888 г., 8 д., 24 стр.

237-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 29 марта 1888 г. Одесса, 8 д., 8 стр.

Добролюбовъ В. А. О положеніи каменноугольной промышленности Донецкаго басейна и объ отношеніи къ ней ея руководителей и руководимыхъ. Спб. 1888. 8⁰. 224 стр

Дорошкевичъ В. М. Тарасъ Бульба. Повѣсть изъ козачьей жизни запорожцевъ. Москва 1888 г., 12 д., 108 стр.

Дуванинъ Ѳ. Климатъ Одессы. Одесса. 1888 г., 8 д., 22 стр.

Жгенти И. Родословныя царей и князей русскихъ, литовскихъ, и монгольскихъ хановъ, съ присоединеніемъ хронологической таблицы. Тифлисъ. 1888 г., 2 листа.

Житіе св. равноапостольнаго кн. Владиміра. Въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Изд. Козлова.

Занковъ М. О крещеніи Руси, въ память 900-лѣтія. Спб. 1888 г., 8 д.

Иванъ Николаевичъ Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критическія статьи 1837—1887. Изд. А. Суворинъ. Съ факсимиле и 2 портр. Спб. 1888. 8⁰. XVII+750 стр.

Каманинъ И. Богданъ Хмельницкій, гетманъ. Краткій очеркъ его дѣятельности. Кіевъ. 1888 г., 16 д., 18 стр.

Карговольцевъ И. Н. Путеводитель по р. Днѣпру и его порогамъ. Съ приложеніемъ карты Днѣпровскаго бассейна. Екатеринославъ 1888 г., 16 д., 8V+367 стр.

Карскій С. Народныя бѣлорусскія свадьбы въ ошмянскомъ у. виленск. губ. (Обычаи, обряды, пѣсни и пр.) Вильно. 1888 г., 12 д., 72 стр.

Картина «Крещеніе Руси» Изд. журнала «Родина».

Каталогъ русскихъ удѣльныхъ, великокняжескихъ, царскихъ и императорскихъ монетъ и цѣна ихъ. Кіевъ. 1887 г., 8 д., 28 стр.

Кіевское дворянское собраніе. Первое пятидесятилѣтіе. 1838—1888. Кіевъ 1888 г., 8 д., 13 стр.

Козловскій П. Е. Гласный. Малоруська пьеса въ одному акти. Кіевъ 1888 г., д., 36 стр.

Котовичъ І. Памяти Іакова Ѳедоровича Головацкаго, предсѣдателя виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ. Вильно, 1888 г., I д., 35 стр.

Крещеніе русскаго народа. Изд. Чиркова. Казань, 1888 г., 16 д., 19 стр.

Левицкій Ѳ. И. Опись актовой книги кіевскаго центральнаго архива, № 2044. Кіевъ, 1888 г., 8 д, 67 стр.

Le Feld-Maréchal Prince Paskévitsch. Sa vie politique et militaire d'apres des documents inédits par le general prince Stcherbatov de l'état-major. Tome I, 1782—1826. Traduit par une russe. Spb. 1888. 8⁰. 280 стр.

Л. П. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены св. равноапостольный кн. Владиміръ и св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ, 1888 г., 8 д., 6 стр.

Л. П. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанства при св. Владимірѣ. Кіевъ, 1888 г., 8 д, 19 стр.

Л. П. Святой Владиміръ, благовѣрный и равноапостольный великій князь кіевскій. Лѣтописное сказаніе. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 16 стр.

Менделѣевъ Д. О мѣрахъ для развитія донецкой каменноугол. промышленности. Спб. 1888. 8° 2+44 стр.

Наканунѣ христіанства. 988—1888. Два сказанія изъ жизни св. равноапостольнаго великаго кн. Владиміра. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе». Спб 1888. 8 д., 16 стр.

Наумовичъ І. Сочиненія для народа. Кн. III. «Завѣтные тополи». Разсказъ изъ галицко-русской жизни. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 32 стр.

Некрасовъ И. Ю. Великій князь Владиміръ святой, равноапостольный. Разсказъ изъ русской исторіи. Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Москва, 1888 г., 16 д., 64+8 стр.

Николай Васильевичъ Гоголь, какъ учитель жизни. Москва, 1888 г., 12 д. 71 стр.

Нордовъ В. Житіе св. равноапостольн. кн. Владиміра, съ приложеніемъ бесѣды о святыхъ въ православной церкви. Спб. 1888 г., 8 д., 16 стр.

Овчинниковъ М. В. Первые христіане на Руси. Сказаніе о жизни св. равноапостольн. кн. Владиміра и крещеніи Руси. Москва, 1888 г., 8 д. 30 стр.

О крещеніи русскаго народа и о святомъ равноапостольномъ кн. Владимірѣ. Москва, 1888 г., 8 д., 32 стр.

П. А. А. Екатеринославскій календарь на 1888 годъ, 8 д., 74 стр.

Палеографическій снимокъ текста «Русской Правды» по новгородской кормчей книгѣ XIII вѣка, скопированный съ подлинника студентами историко-филолог. факульт. Импер. спб. университета, подъ руководствомъ И. Срезневскаго. Спб. 1888 г., 4 д., III+26 стр.

Памятники древней письменности и искусства. Посмертныя чудеса святителя Николая, архіепископа Мvръ-Ликійскаго чудотворца. Памятникъ древней русской письменности XI вѣка, трудъ Ефрема, епископа переяславскаго. Сообщ. архимандр. Леонидомъ. Спб. 1888 г., 8 д., XV+74 стр.

Памятникъ Богдану Хмельницкому. Историч. очеркъ его сооруженія. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 12 стр. +1 рис.

Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу фельдмарш. гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому 1762—1779 г. Съ портр. и факсимиле. Изд. гр. Д. А. Толстой. Спб. 1888. 8°. XVI+259 стр.

Протоколы засѣданій общества одесскихъ врачей № 5. 1888 г. Одесса, 8 д., 26+2 стр.

Протоколъ засѣданія одесской филоксерной коммиссіи 24 марта 1888 г. Одесса, 8 д., 16 стр.

Протоколы засѣданій харьковскаго медицинскаго общества №№ 2—6. Харьковъ, 1888 г., 8 д., 11 стр.

Протопоповъ Д. И. Св. Владиміръ равноапостольный, великій князь кіевскій и всея Руси. Москва, 1888 г., 8 д., 38 стр.

Разсказъ о святомъ равноапостольномъ князѣ Владимірѣ и о крещеніи русскаго народа. Москва, 1888 г., 8 д., 16 стр.

Ронталеръ Э. Отчетъ о состояніи новгородсѣверской гимназіи на 1887—8 уч. г. Кіевъ, 1887 г., 8 д., 56 стр.

Р. С. Разсказы про Кіевъ и его прошлое. Херсонъ, 1888 г., 61 стр. +1 рис.

Святый равноапостольный кн. Владиміръ. Къ 900-лѣтію крещенія Руси. Москва, 1888 г., 16 д., 16 стр.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изд. 3-е. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 44 стр. +1 рис.

Случевскій К. Гимнъ св. князю Владиміру.

Сочиненія *П. П. Артемовскаго-Гулака.* Оттискъ изъ «Кіевской Стар.». Кіевъ, 1888 г., 8 д., 26 стр.

Спилка П. Байкы. Харьковъ, 1888 г., 16 д., 18 стр.

Стагнеліусъ I. E. Владиміръ великій. Поэма въ 3 пѣсняхъ. Пер. со швед. Вл. Головина. Спб. 1888. 8°. 168 стр.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинскій. Опытъ посмертной характеристики. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 29 стр.

Сумцовъ, Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Россію грегоріанскій календарь. Кіевъ, 1888 г., 8 д., 38 стр.

Труды одесскаго городскаго общества. Т. III. Одесса, 1888 г., 8 д., 248+II+ съ 249—301+176+IV стр.

Труды VI археологическаго съѣзда въ Одессѣ. Т. II. Одесса, 1888 г., 2 д., 437 стр. +9 табл.

Успенскій Ѳ. Русь и Византія въ X в. Рѣчь, произнесенная 11 мая 1888 г. въ торжеств. собраніи одесскаго славянскаго благотворит. общества, въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Одесса, 1888 г., 8 д., 38 стр.

Ѳ. Г. Крещеніе Руси. Москва, 1888 г., 16 д., 26 стр.

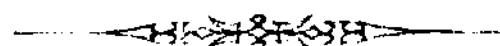
Chlebowski B. i Walewski W. Słownik geograficzny królewstwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Zeszyt 101. 321—400 стр., Zeszyt 102, съ 401 по 480 стр. Варшава, 1888 г., 4 д.

Черневъ Н. Замѣтки о древнихъ русскихъ монетахъ. Спб. 1888 года, 8 д. 111 стр.

Шимановскій М. В. О мѣстныхъ законахъ Бессарабіи. Вып. II Одесса 1888 г. 8 д. IV+175 стр.

Шмурло Е. Библіографическій списокъ литературныхъ трудовъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова. Вып. I Спб. 1888 г., 8 д., 76 стр.

Ящурэжинскій Х. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1888 г., 8 д., 10 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1888 г.

инако невозможно сдѣлать имъ льготы, какъ только сами хозяева принуждены за нихъ производить платежъ.

4.

Нѣтъ почти никакой многотрудной въ государствѣ работы, гдѣ бы Малороссійскіе козаки впотреблены не были. Какъ то: и нынѣ болѣе уже десяти лѣтъ дѣлаютъ по границѣ съ Польшею засѣку; строятъ редуты, расчищаютъ въ лѣсныхъ мѣстахъ дорогу, мостятъ притомъ многіе болотистыя и низкія мѣста и прочія исправляютъ работы; а матеріалы къ тому возятъ на собственныхъ лошадяхъ. Хотя сперва велѣно было для сихъ работъ высылать и мужиковъ, однакожъ въ скоромъ времени они отъ того увольнены, а осталось все то на однихъ козакахъ. Сверхъ того, высылаются Малороссійскіе козаки отъ нѣсколько лѣтъ ежегодно на Донъ къ строенію крѣпости. Сего ради Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйше просимъ устроить насъ въ такомъ порядкѣ, дабы мы въ работу, повозки и ни къ чему другому употребляемы не были, какъ къ настоящей воинской и Вашему Императорскому Величеству должной службѣ такъ, чтобы оная прямо исправною и полезною, безъ отягощенія притомъ нашего, быть могла.

5.

Издавна Малороссійскіе козаки какъ во внутреннихъ, такъ и въ заграничныхъ походахъ службу Всероссійскому Престолу, не щадя имѣнія и живота своего, отправляли, не получая изъ казны жалованья, только что въ недавнемъ времени въ прошлую войну оное имъ было выдаваемо. А понеже, въ случай дальнихъ походовъ на службу Вашего Императорскаго Величества, будучи въ заграничныхъ мѣстахъ, козакамъ содержать себя во всей воинской исправности изъ собственнаго капитала весьма трудно, паче когда таковы походы бываютъ продолжительны; для того Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше просимъ: во время заграничныхъ внѣ Малой Россіи козакамъ походовъ, всемилостивѣйше установить изъ казны Вашего Императорскаго Величества производить будущимъ

въ оныхъ походахъ козакамъ денежное жалованье, такожъ провіантъ и фуражъ противъ другихъ [1]) легкихъ Вашего Императорскаго Величества войскъ.

Мы же, всеподданнѣйшіе Вашего Императорскаго Величества рабы, во всемъ, что къ службѣ Вашего Императорскаго Величества касается, полагаемся на премудрый и милосердый Вашего Императорскаго Величества промыслъ и не сумнимся, что онымъ въ лучшее состояніе приведены будемъ.

XV.

1767.

1) Наказъ козаковъ прилуцкаго полка.

Наказъ полку Прилуцкого выбранному отъ козаковъ всего полку, въ силѣ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества манифеста, въ коммиссію о сочиненіи проэкта нового уложенія депутату, козаку полку Прилуцкого, сотни Ичанской, Петру Романовичу.

Всевысочайшимъ Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшей нашей Монархини, манифестомъ и приложеннымъ при немъ обрядомъ повелѣно: отъ всей Имперіи Ея Императорскаго Величества, въ томъ числѣ и отъ войскъ козацкихъ, прислать въ городъ Москву депутатовъ въ оную коммиссію и имъ поручить прозьбы въ общественныхъ недостаткахъ и нуждахъ для представленія въ Коммиссію.

По такому Всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества позволенію, козаки полку Прилуцкого общественные нужды и недостатки представляютъ чрезъ оного депутата тако:

1.

Въ Малой Россіи первой недостатокъ, что не имѣется гетмана. Того ради просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества, дабы

---

[5]) Т. е. такъ же, какъ и для другихъ.

повелѣно было въ Малой Россіи избрать гетьмана вольными голосами; а о выборѣ въ полковники, полковую старшину, сотники и сотенную старшину осѣдлыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда надобно будетъ старшины, вольными жъ голосами, по поста(но)вленнымъ прежнимъ гетманскимъ статьямъ,—подтвержденія прежнихъ постановленій.

2.

По заключеннымъ гетманами договорамъ поста(но)влено и привилегіями утверждено, во время подданства гетмана Богдана Хмельницкого зъ городами и землями, войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ подъ Всероссійскую державу 1654 года состоявшимся, въ подтвержденіе королевскихъ привилегій подтверждено по статьямъ гетмана Юрія Хмельницкого: чтобъ государевымъ ратнымъ людемъ у козаковъ не становиться, а становится у другихъ жителей опрочь козаковъ; и въ козаковъ подъ посланниковъ и гонцовъ подводъ не брать, а взимать въ случаѣ въ городскихъ и деревенскихъ жителей. Да и 709 году на пункта гетмана Скоропадского царскимъ указомъ подтверждено—у козаковъ, безъ крайней нужды, въ домахъ постою не быть, и чтобъ они въ подводы и проводники и въ протчіе крестьянамъ приличные повинности употребляемы не были и, пользуясь своими свободами и преимуществами, исправляли службу государеву. Да и после того тоже, при постановленіи каждого гетмана, отъ Всепресвѣтлѣйшихъ Всероссійскихъ Монарховъ подтверждено. А нынѣ въ козачихъ домахъ служивыхъ постой имѣютъ, и козаки въ подводы, проводники и работы землянныя употребляются, яко то: на засѣки, на Донъ и на Бѣловѣжскій степъ. Того ради всеподданнѣйше просятъ козаки, дабы Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшимъ милосердіемъ подтверждено прежнія постановленія, чтобъ въ домахъ козачихъ постою не было, и въ подводы, проводники и работы козаковъ не употребляемо, и поборовъ на нихъ не накладывано, а отправляли бъ за то посполитые по постановленіямъ гетманскимъ, дабы козаки состоятельны были къ войсковой козачей службѣ.

3.

Какъ прежде, при соединеніи Малороссійского народу гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ подъ Всероссійскую Державу, Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ заслуженныхъ козаковъ честію дворянскою и всѣми свободами и преимуществами, такъ и за гетмана Демяна Многогрѣшного подтверждено и пожаловано: въ недостаткѣ реестрового войска въ Малой Россіи велѣно гетману наб(и)рать въ козаки изъ мѣщанскихъ и поселянскихъ дѣтей, и какъ прежде того козаки заслуженные честію дворянскою пожалованы были, то чтобъ при томъ же чину и чести пробывали, и отъ козаковъ ни подъ какіе посланники и гонцы въ подводы проводниковъ не требовали и въ домахъ козацкихъ постоевъ не ста(но)вили, а отводить въ постой дворы у мѣщанъ и другихъ крестянъ для военныхъ Россійскихъ людей. И въ 708 и 709 годахъ отъ Великого Государя-Императора Петра Перваго, Самодержца Всероссійскаго, въ грамотахъ, къ Малороссійскому народу присланныхъ, тако изображено: „Народъ Малороссійскій, подъ высокодержавною Нашею рукою въ такомъ довольномъ и изрядномъ состояніи, при вѣрѣ благочестивой, при правахъ и вольностяхъ своихъ живущій, день отъ дня умножался, понеже Мы, Великій Государь, ниже пенязя въ казну съ него не брали и не требовали: ибо Мы всѣхъ подданныхъ своихъ при правахъ и вольностяхъ содерживаемъ, а особливо Малороссійскому народу все обѣщанное по принятіи ихъ подъ Высокодержавную руку Отца Нашего, блаженныя памяти Великого Государя, Его Царского Величества, свято содерживали, и впредь содерживат будемъ, и они при правахъ своихъ и вольностяхъ вѣчно въ покоѣ и тишинѣ благополучно жительствовать могутъ“. То предки козаковъ Малороссійскихъ тоею милостію и честію дворянскою пользовалися безъ всякаго отягощенія. А чрезъ нѣсколько прошедшихъ годовъ козаки, названные подпомощиками, къ дателямъ привернены обще съ мужиками и нынѣ дачею въ годъ по рублю и по двѣ копѣйки съ каждой хаты обложены; съ чего они отягощены, потому что и малые и великіе

жилища, и бѣдные и можнѣйшіе и подсусѣдки, въ козачіихъ домахъ живущіе, не различены, въ иного же козака почти и худобы нема болѣе рубля, но и на того такъ положено по рублю съ хаты грошей, а они и всякую государеву службу, сверхъ окладу, отбуваютъ, за чѣмъ уже часъ отъ часу и военной службы отправлять не въ состояніе приходятъ. Въ такихъ будучи отягощеніяхъ, козаки полку Прилуцкого всеподданнѣйше просятъ Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества благопризрѣнія, дабы козаковъ, по прежнимъ постановленіямъ зъ гетманами и грамотамъ Высокомонаршимъ, отъ дателей освобождено и подтверждено имъ дворянское достоинство и честь, чтобъ они въ томъ въ вольности козацкой пользовались и пребывали не нарушно, понеже и нынѣ, при выборѣ депутатовъ изъ козаковъ, имъ чинятъ выборъ въ Малой Россіи не противъ шляхетства, но противъ однодворцевъ.

4.

Въ Малой Россіи прежде по государственнымъ указамъ, а именно по указу 1734 года блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоановны, ревизія чинена по дворамъ и хатамъ; а теперъ подъ видомъ ревизіи сочиняется по душамъ такъ мужеска, яко и женска полу генеральная опись, и все козачее имущество, отъ мала до велика, переписывается Великороссійскими чинами. Того ради всенижайше просятъ козаки у Ея Императорскаго Величества милосердія, дабы сія подушная перепись въ Малой Россіи отставлена, а повелѣно бъ сочинять ревизіи Малороссійскимъ комендирамъ, по прежнему обыкновенію и указамъ, по дворамъ и хатамъ.

5.

По прежнимъ Малороссійскимъ правамъ и вольностямъ свободна была купля и продажа козачихъ имѣній, яко шляхетскихъ. Того ради и теперъ всеподданнѣйше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ подтверждено имъ между собою имѣть куплю и продажу всякихъ имѣній, а посполству до козачихъ имѣній недвижимыхъ не вступать никакими здѣлками.

6.

До сего опредѣленные шесть полковъ армейскихъ на довольство Малороссійское состояли равномѣрно по ассигнаціямъ капральствами во всѣхъ мѣстахъ, и произвожденіе чинено на наличное число. А нынѣ въ Малой Россіи имѣютъ непремѣнные квартиры и состоятъ въ однихъ мѣстахъ по одному и по два эскадрона, и съ чего однихъ тѣхъ мѣстъ жители и козаки утѣснены. Того ради всеподданнѣйше Высочайшея Ея Императорскаго Величества милости козаки просятъ, чтобъ армейскіе полки въ Малой Россіи расположены по прежнему капральствами не въ однихъ мѣстахъ, но съ перемѣною, и производство имъ чинить по наличеству людей и лошадей натуральное.

7.

Отъ начала присоединенія подъ Всероссійскую Державу гетмана Богдана Хмельницкого съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, козаки однимъ шляхетскимъ правомъ отъ своихъ старшинъ суживалися, и службу войсковую отправляли въ одноконъ подъ командою Малороссійского гетмана и старшины, и имѣли промыслы свободные, по ихъ козачей вольности. Въ томъ и теперъ Всевысочайшея Ея Императорскаго Величества матернея милости козаки просятъ подтвердить прежніе Малороссійскіе права, вольности и обыкновенія, съ которыми гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ пришли подъ Всероссійскую Державу, и промыслы бъ имъ имѣть всякіе было свободно и безпошлинно внутрь Малой Россіи, съ чего бъ они могли себе снабдѣть къ войсковой козачей службѣ, и когда случится козакамъ быть въ походѣ, чтобъ они состояли при своемъ старшинѣ.

8.

Малороссійскими козаками и протчими людьми въ Малую Россію ввозилась изъ Крыму соль съ небольшою тарифою, и тогда дешевыми цѣнами въ Малой Россіи соль продавалась; а теперъ соль съ Крыму вывозится съ великою на таможняхъ тарифою, отъ чего и

соль въ Малой Россіи въ продажу дорогими цѣнами, отъ сорока до пятидесяти копѣекъ, возвысилась. За тѣмъ всенижайше козаки просятъ у Ея Императорскаго Величества Высочайшаго благопризрѣнія, чтобъ повелѣно было съ вывозимой съ Крыму соли въ Малую Россію тарифу брать по прежнему.

9.

Всенижайше просятъ Вашего Императорскаго Величества козаки Прилуцкого полку, чтобъ выслуженные предками ихъ у королей Польскихъ и царей Всероссійскихъ преимущества и вольности и владѣнія наслѣдными добрами, купленными и занятыми, при нихъ ненарушно оставлено.

И во всѣхъ вышепредставленныхъ нуждахъ козачихъ всенижайше Ея Императорскаго Величества козаки просятъ, чтобъ благоволили, призрѣвъ на знатные государству оказанные предковъ козачихъ услуги и ихъ самыхъ къ престолу Ея Императорскаго Величества вѣрное рабское усердіе, пожаловать козаковъ въ Императорской милости содержать и представленные прошенія утвердить и дать Всевысочайшую на потомное время привилегію. О подтвержденіи всѣхъ сихъ прошеній и благополучіи на вѣки несумнѣнно надѣятся козаки на Всевысочайшую Ея Императорскаго Величества къ нимъ, вѣрнымъ подданнымъ Ея Императорскаго Величества, милость.

Полку Прилуцкого козачіе повѣренные: сотни Иваницкой Куренный Атаманъ Иванъ Лисенко. Сотни Сребранской Андрей Василенко, Хведоръ Харченко, да Второ—Варвинской сотни Иванъ Мошикъ, за которыхъ неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе Второварвинской же сотни повѣренный козакъ Иванъ Потапенко подписался.

Козакъ сотни Ичанской Иванъ Тарара подписался. Козакъ сотни Полковой Матвѣй Петруша, а вмѣсто его неграмотного, по его прошенію, и за себе оной же сотни Полковой козакъ Алексѣй Козаковъ подписался. Козакъ сотни Переволочанской Омельянъ Тернѣцкій. Козакъ тойже сотни Переволочанской Алексѣй Сорока подписался. Козакъ сотни Монастыриской Іосифъ Головко подписался.

Козакъ сотни Монастыриской Василь Никитинъ сынъ Плиска подписался. Козакъ сотни Первоварвинской Трохимъ Ивановъ сынъ Андрущенко, за коего, яко неумѣющаго грамоты, по его самоперсональному прошенію, и за себе тоейже сотни Первоварвинской козакъ Иванъ сынъ Рубанъ руку приложилъ. Козаки: сотни Журавской—Максимъ Григорієвъ сынъ Якименко, да сотни Иваницкой Осипъ Семеновъ сынъ Сакунъ, за коихъ, яко неумѣющихъ грамотѣ, по ихъ самоперсональному прошенію, и за себе я, сотни Журавской козакъ Климъ Стефановъ сынъ Дараганъ руку приложилъ. Козакъ сотни Корибутовской Лука Чернышевъ. Козакъ сотни Красноколядинской Григорієвъ сынъ Мойсей Тетухъ, за коего, яко неумѣющаго грамотѣ, по его самоперсональному прошенію и за себе, я, тоей же сотни козакъ Стефанъ Ивановъ сынъ Иваненко руку приложилъ.

---

2) Прошеніе козаковъ прилуцкаго полка.

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государиня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, Государиня Всемилостивѣйшая!

Бьютъ челомъ Малороссійского Прилуцкого полку выбранные отъ сотень козачіе повѣренные, и въ чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Высочайшій Вашего Императорскаго Величества манифестъ съ приложеніемъ обряду о выборѣ депутатовъ въ Коммиссію сочиненія проэкта нового уложенія, состоявшійся 14 числа декабря 1766 года, мы, всенижайшіе, слушали; и что Ваше Императорское Величество—по Высочайшей матерней милости позволили, выбравъ депутата, прислать его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества и поручить ему ко представленію челобитья и представленія, такожъ недостатки и нужды,—мы, всенижайшіе Вашего Императорскаго Ве-

личества рабы, показанную Высочайшую Вашего Императорскаго Величества милость чувствуя, чрезъ сіе всеподданнѣйшее наше челобитье приносимъ Вашему Императорскому Величеству благодарность съ непоколебимою нашею вѣрностію.

2-е.

И по такому Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшему позволенію, мы, всенижайшіе, по даннымъ намъ отъ сельскихъ повѣренныхъ повѣреніямъ, выбрали зъ между себе депутатомъ въ показанную коммиссію козака полку Прилуцкого Ичонской сотни Петра Яковлева сына Романовича и, поручивъ ему сіе наше челобитье и наказъ о общенародныхъ недостаткахъ и нуждахъ ко представленію, гдѣ надлежитъ, изъ симъ нашимъ челобитьемъ отправили его въ Сенатъ Вашего Императорскаго Величества.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе наше всеподданнѣйшее челобитье въ Сенатѣ Вашего Императорскаго Величества принять и по представляемымъ отъ нашего депутата по данному ему наказу о недостаткахъ и нуждахъ прошеніямъ учинить всемилостивѣйшее Вашего Императорского Величества разсмотрѣніе и рѣшеніе.

Всемилостивѣйшая Государыня! просимъ Вашего Императорскаго Величества въ прошеніяхъ оного нашего депутата о недостаткахъ и нуждахъ Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить. Къ подачѣ надлежитъ въ Сенатъ. Писана сія челобитная на простой бумагѣ, за неимѣніемъ въ городѣ Прилукѣ въ продажѣ гербовой бумаги; писалъ оную козакъ сотни Корибутовской Лука Чернишевъ. 1767 года, априля 14 дня.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе рабы, полку Прилуцкого козачіе повѣренные: *(слѣдуютъ подписи тѣхъ же лицъ, что и на стр. 161—162).*

XVI.

1767.

Прошеніе козаковъ миргородскаго полка.

Экстрактъ, сочиненъ зъ прошеній козачихъ полку Миргородского, къ представленію оныхъ прошеній въ учрежденную въ Москвѣ Коммисію для сочиненія проэкта нового уложенія.

Въ прошеніяхъ сотень Перво и Второ-Миргородской, Потоцкой, Устивицкой, Шишацкой, Городиской, Хоролской и Богацкой нижеслѣдующіе пункта означены.

1.

Чтобъ въ силу прежнихъ узаконеній и волностей, ни воеводы, ни бояринъ, ни стольникъ въ суда воисковые не вступалися, но отъ старшинъ своихъ товариства суженны были; гдѣ три козаковъ, то два третего бъ судили, кроме криминалу; а чего по статямъ недоставатиметь для судовъ, тѣ недостатки дополненно бъ съ права Малороссійского книги Статута; и всякъ бы свободенъ свое имѣніе кому хотя продать и даровать.

2.

О подтвержденіи вольностей и шляхетской чести всѣмъ козакамъ къ вѣчному содержанію.

3.

О утвержденіи занятыхъ предками козачіими земель, на кои никакихъ крѣпостей не имѣютъ, и со всѣхъ оныхъ о невзыманіи никакихъ пошлинъ и платежей.

4.

О подтвержденіи прежнихъ по привилегіямъ и указамъ вольностей, и о невзыманіи съ Малороссійского народа никакихъ податей, и о сложеніи положенного нынѣ въ Малой Россіи съ хатъ на козаковъ рублевого оклада; равно и доправляемыхъ за прежніе года денежныхъ доимокъ, оставшихся за удовольствомъ консистентовъ,— безъ взысканія.

5.

О оставленіи чинимой въ Малой Россіи генеральной всѣмъ по душамъ зъ женами описѣ и мѣры козаковъ и земель.

6.

О дозволеніи козакамъ промислу и торговать всѣмъ вездѣ въ Малой Россіи.

7.

О убавки съ привозимой съ Крымской области въ Малую Россію соли—пошлины.

8.

О неотводѣ по прежнимъ Высочайшимъ указамъ въ постои козачіихъ домовъ и о невзыманіи подъ разныхъ ѣздаковъ лошадей, по статямъ гетмановъ Хмельницкого, Самойловича и изьмѣнника Мазепи, съ прошеніемъ утвержденія.

9.

О увольненіи женъ козачіихъ, коихъ мужѣ въ походахъ, командираціяхъ померли, а они въ сыротствѣ съ малолѣтними дѣтьми остались,—до совершенного возраста сыротъ, либо до выхода въ замужъ, отъ всѣхъ постоевъ и службъ.

10.

О перемѣнѣ опредѣленныхъ въ Малой Россіи для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ.

11.

О благопризрѣніи въ заплатѣ взятыхъ въ бывшіе походы Крымскіе и другіе, такъ и во время Пруского по указу въ армію въ козаковъ: воловъ, возовъ и выборныхъ лошадей на немалую сумму—по оцѣнки.

12.

О подтвержденіи вольностей, чтобъ по прежнему въ Малой Россіи выборъ былъ всѣхъ старшинъ вольными отъ общества голосами.

13.

О неисключеніи выбранного отъ козаковъ и отправленного въ Москву депутата съ числа шляхетскихъ, яко Малороссійскіе козаки имѣютъ равное участіе въ шляхетствѣ со всѣми Малороссійскими старшинами.

Сверхъ того добавлено въ нижеписанныхъ сотняхъ: во Второ-Миргородской—о уволненіи отъ наряду козаковъ къ дѣланію крѣпости и редутъ.

Въ Потоцкой—объ отдачи по прежнему во владѣніе грунтовъ, находячихся подъ новою Сербіею, тѣмъ, кому оныя принадлежали.

Въ Омельницкой—о учиненіи заплаты за продовольство Молдавского гусарского полку фуражемъ по справочнымъ торговимъ цѣнамъ.

Въ Остаповской, Бѣлоцерковской, Яресковской и Голтвянской противъ протчихъ сотенъ въ прошеніяхъ одинъ пунктъ, о перемѣнѣ для постою Великороссійскихъ полковъ непремѣнныхъ квартиръ—не написанъ, а протчіе сходны.

IV.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ и ПРОШЕНІЯ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

XVII.

1768.

1) Представленіе лубенскаго дворянскаго депутата.

В Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія

Представленіе.

Сограждане мои, малороссійскаго лубенскаго полку шляхетство, по примѣру прочих полковъ и повѣтовъ, почитая за первую и главнѣйшую свою нужду цѣлость правъ, привилегій и заключающихся во оных преимуществъ, волностей и свободъ малороссійскаго шляхетства и народа, в данномъ мнѣ наказѣ предписали просить Ея I. В. всемилостивѣйшую Государыню нашу о утвержденіи оныхъ. Не безизвѣстно же вамъ, почтеннѣйшее собраніе, что Малая Россія во время бытности своей под Полшею имѣла и ползовалась тѣми же самыми правами и привилегіями, которыми ползовались и другіе того королевства и великаго княжества Литовскаго жители, а при доброволномъ своемъ под державу россійскаго Монарха Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича подданствѣ, какъ в договорных статьяхъ, так и в данных всѣмъ чинамъ оныя жалованныхъ грамотах испросила, чтоб ей при тѣхъ же правах и привилегіяхъ содержимой быть безъ всякаго нарушенія в вѣчныя времена, и то ей

подтверждено какъ от всѣхъ Его величества преемниковъ всероссійских государей, такъ и от нынѣ благополучно державствующей, всемилостивѣйшей Монархини нашей, на милосердіе и справедливость которой несомнѣнную полагаемъ надежду, что она и впредь на всегда при тѣхъ же своих правах и привилегіяхъ содержана и сохранена и утверждена будетъ. А какъ порядокъ требуетъ, чтобы при нынѣшнемъ законоположеніи оныя права, привилегіи, преимущества и свободы Малороссійскаго шляхетства такъ, какъ россійскаго и лифляндскаго, вамъ, почтеннѣйшее собраніе, извѣстны были, то я оныя собравъ, при семъ представляю и прошу, чтоб пред вами прочтены были. А при семъ за нужно нахожу увѣдомить васъ, что правъ и привилегій, данных малороссійскому шляхетству и прочимъ чинамъ от королей Полскихъ и великих князей Литовских изѣстность столъ велика и силна, что оныя не токмо всему свѣту изданіемъ в разных печатныхъ книгах и на разныхъ языках извѣстны, но и Ея І. В. всемилостивѣйшая Государыня наша тѣж самыя права и привилегіи имѣя основаніемъ, и слѣдуя природному своему великодушію и человѣколюбію, единовѣрную братію нашу, шляхетство и прочих жителей россійскаго народа, обрѣтающихся в Полшѣ под именемъ диссидентовъ, приняла въ свое охраненіе, защитила и привела ихъ въ первое достояніе, и тѣмъ нынѣ и в предбудущія вѣки пред цѣлымъ свѣтомъ приобрѣла справедливую и безсмертную славу.

Впрочемъ, остъли что в прибавленіе к симъ правамъ и привилегіямъ служить можетъ, а мною здѣсь упущено, то я впредь, когда нужда потребуетъ, почтеннѣйшему собранію сообщить не премину.

Маія „ дня, 1768 года.

XVIII.

Выписка изъ привилегій, правъ и договорныхъ статей, на какомъ основаніи состоитъ малороссійское шляхетство и чемъ оное доказывается.

Въ привилегіи полскаго короля Сигизмунда Августа Іюня 7 дня 1563 года между прочимъ написано:

По совѣту и согласію всѣхъ господъ сенаторовъ нашихъ духовныхъ и мірскихъ приговариваемъ и имѣть хощемъ, дабы отнынѣ

не только тѣ господа шляхетство и потомки ихъ, всѣхъ земель всего нашего государства, кои послушны церкви римской и коихъ предки принимали въ коронѣ полской клейноты и гербы шляхетскія, но также и прочіе рыцерскаго и шляхетскаго литовскаго и рускаго народов чины, хотя бы предки ихъ клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской и не брали, а были бы только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и данными волностьми и правами земскими въ вѣчныя времена равномѣрно ползовались, и оныя употребляли, и хотя бы чьи предки клейнотовъ или гербовъ въ коронѣ полской не брали, то однако все вышеписанное вѣчными временами равномѣрно употреблять и волностьми своими ползоваться имѣють такъ, какъ прежде сего чинъ рыцерскій и шляхетскій обоихъ народовъ литовскаго и рускаго то употребляли и ползовались. Также чтобъ отнынѣ ко всякимъ достоинствамъ и началствамъ, въ чины сенаторскія, придворныя и земскія были избираемы и поставляемы не только римской церкви повинующіеся, но равномѣрно всѣ рыцерскаго чина и шляхетскаго рода литовскаго и рускаго народовъ чины, только бъ были люди вѣры христіанской, и мы Господарь по заслугамъ и достоинству каждаго изъ нихъ будетъ брать и изъ милости нашей опредѣлять въ знатныя мѣста и возводить на высокія достоинства, и никто изъ рыцерскихъ и шляхетскихъ чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ христіанской вѣры, отлученъ и отдаленъ отъ того не будетъ.

Въ привилегіи тогожъ короля іюля 1 дня 1568 года написано:

По совѣту и согласію сенаторовъ нашихъ и по соизволенію всѣхъ чиновъ, приводя въ равенство народы, опредѣлили и, привилегіею нашею подтвердивъ, объяснили, желая, дабы отнынѣ не только тѣ господа шляхетство и бояре или потомки ихъ, всѣхъ земель, всего нашего государства великаго Княжества Литовскаго, кои повинуются церкви римской и коихъ предки клейноты и гербы въ коронѣ полской принимали, но также и прочіе рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины, хотя бы нѣкоторыхъ изъ нихъ предки клейнотовъ и гербовъ отъ короны полской не взяли, а были бъ только вѣры христіанской, всѣми тѣми жалованными привилегіями и дан-

ными всѣми волностьми и правами земскими равномѣрно въ вѣчныя времена ползовались, и оныя употребляли такъ, какъ отъ древнихъ временъ оные рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и рускаго народовъ чины по нынѣшнее время безпрепятственно всегда всѣмъ тѣмъ ползовалися и употребляли. Равномѣрно чтобъ во всѣ началства и достоинства, въ сенаторы наши и въ чины придворныя и земскія избираемы и производимы не только римской церкви повинующіеся, но и всѣ рыцерскіе и шляхетскіе литовскаго и русскаго народовъ чины, и отъ насъ короля по заслугамъ и достоинству своему во оныя знатныя достоинства и началства жалуемы были. И никто изъ рыцерскаго и шляхетскаго чиновъ, по причинѣ своего закона, только бъ былъ вѣры христіанской, отдаленъ или лишенъ того не будетъ. Сверхъ сего объявляемъ, естьли кто нибудь изъ князей, господъ, шляхетства литовскаго римской или руской, только бъ христіанской вѣры былъ, при королѣ Ягеллѣ и великомъ князѣ Витолтѣ въ Гроднѣ гербовъ не принималъ, ибо при семъ дается знать, что не многихъ домовъ и родовъ тамъ были люди, но только извѣстныя особы посланы были изъ великаго княжества Литовскаго, или тѣ, кои призываны были отъ своихъ государей, королей полскихъ и великихъ князей литовскихъ,—чтобы таковые пріѣзжали и гербы принимали, и то не для другой какой либо причины и нужды, но единственно только для заключенія дружбы и утвержденія общаго согласія и любви. Будучи же предъ тѣмъ отъ давнихъ лѣтъ при древней уже чести и знатности таковой, какову почтенному шляхетству и сего рода людямъ имѣть надлежить, пріѣзжали туда вишеписанныя особы, оставя однако въ домѣхъ не послѣднихъ, но таковыхъ же, собратію свою, и гораздо болшее число, нежели тамо вь Гроднѣ ихъ было, и отъ которыхъ они сами отправлены были, какъ то въ началѣ привилегіи Ягелловой описано и засвидѣтелствовано, съ кѣмъ точно въ то время и съ какими именно людьми учинили они братскій союзъ и соединились; и потому никто возноситься и возвышаться не долженъ, и одинъ народъ предъ другимъ знатнѣйшимъ дѣлать себя и быть не можетъ. Для чего сею привилегію нашею мы все то на вѣчныя времена изъясняемъ, постановляемъ и утверждаемъ, что какъ

Высокій розумъ—мудрованіе.

Высокодишкурую—великомудрствую, велерѣчую.

Высокои мысли—высокоумный.

Высоко о себѣ розумѣю—высокомудрствую, любопочитаюся.

Высокость—преимѣтелство, величество.

Высокость—выспрь, высота, явленіе.

Высокоуміе—гординя.

Выспа—отокъ морскій.

Выставность—ухищреніе.

Выставный—ухищренный.

Выстерегаюся—уклоняюся, сопрятаюсь, прятаюсь, испрятаюсь.

Выстигаюся—ристаю.

Выступокъ—кривина, грѣхъ.

Выстя—исходище.

Выстя съ плачу—мычаніе.

Высушую—изсякную (sic).

Вытучую—истощеваю.

Вытѣчка конная—ристаніе.

Выхваленіе—любочестіе, величаніе.

Выхваляю—восхваляю.

Выхованецъ—питомецъ.

Выхованя—жизнь.

Выховаю—выкормляю.

Выходка—проходка.

Выхоженя—исходъ, распущеніе.

Выхожу противу кого—стрѣтаю, срящу, влекуся.

Выцвичоный—ухищренный.

Вышпотитель або зрадливый—навѣтникъ.

Выясняюся—озаряюся.

Вѣданіе—свѣденіе.

Вѣдаю—вѣмъ, свѣмъ, разумѣю.

Вѣдомство—вѣжство.

Вѣдомость даю—возвѣщаю.

Вѣдомца—свѣдитель.

Вѣдро—черпало, почерпало, водоносъ.

Вѣйка...—повѣка (sic).

Вѣкъ долгій—долгота дней, долгоденствіе.

Вѣлґотность—влага.

Вѣно—посагъ, прика (sic).

Вѣншую—молюся, благовѣствую, привѣтствую, привѣтъ творю.

Вѣра—уставъ, веленіе, преданіе, доґлятъ (sic).

Вѣра правдивая—православіе, благовѣріе, благочестіе.

Вѣршъ—ґранесъ, ґранесловіе, стіхъ, рекловѣсть (sic), сословіе.

Вѣтръ—духъ, вѣтръ, трусъ.

Вѣщій—прозорливецъ, пророкъ, прозряй.

Вѣщованіе—баліство, волшебство.

Вѣщокъ—балій, волшебникъ, волхвъ.

Вѣялница—трусъ.

Вязаніе—юза, уза, хранило, хранилище, узница, узилище.

Вязанка—уза або юза.

Вязень—плѣнникъ, юзникъ або усвязень.

Вяну або присвядаю.

Г.

Гадаю—належу, насилую, насилствую, насиліе творю, принуждаю, пакоцу.

Гадина—змія.

Гадка, гаданіе или-и притча—стязаніе, возисканіе, вопросъ, предложеніе.

Гай, гай—словоужасіе (sic),—оль, огъ.

Гайворонъ—вранъ.

Гакъ, гачокъ—вилица.

Гальръ—мѣдница, лепта, сикль.

Галюбарда або рогатина—дреколь.

Гамую—сопрятоваю (sic).

Гамъ або мисурка—шлемъ.

Ганба—безчестіе, гажденіе, поносъ, поношеніе, укореніе, укоръ, злохуленіе, обличеніе, смущеніе, съмѣшеніе.

Ганблю—злословлю, обличаю.

Ганю—хулю, порицаю, посрамляю, укоряю, соменьшаю, попираю, пятвю, постиждаю, досаждаю, поемлю.

Гарфа—бряцало, гусль.

Где—идеже, камо.

Гербъ—знаменіе.

Герстникъ—изящникъ, съоружникъ, подвижникъ, страдалецъ, оружникъ.

Гетманство—игемонія, владычество, самодержство.

Гетманъ — стратигъ, воевода, тисящникъ, вождъ.

Гимнъ—пѣснь, пѣніе.

Гину — изнемагаю, истаеваю, погиблю.

Гинучій—погибающій, гиблемій, гиблющій.

Гипокрисую—лицемѣрствую.

Гипокрита — лицемѣръ, лицемѣритель, притворитель, притворникъ.

Глина—бреніе, скудель.

Глиняный — бренный, скуделничій.

Глубокость — бездна, глубина, пучина.

Глупій—безуменъ або буй.

Глупство—безумство, безуміе, неистовство, неразуміе, безсовѣтіе, юродство, глупство, щапство

Гнѣваюся—кручиняюся, недугую.

Гнѣваются на мене—отмѣтають мя.

Гнѣвливе—неистове.

Гнѣвливый—яровидный, сердовидный.

Гнѣвъ—ярость, гнѣвъ, вражда, кручина, напасть, бѣда.

Гнѣвъ застарѣлый—злопомнѣніе.

Гнѣвъ з горячой милости—ревнованіе.

Гнюснимъ чиню—огнюшаю.

Гюснимъ ся ставлю—огнюсаю.

Гнюсно—унило, щапственнѣ.

Гнюсность — униніе, небрежеженіе, щапство, нечистота.

Гнюсный—унилый, немощный, небрегій, малодушный, мягкій, небрежникъ.

Гнюснѣю — униваю, огнюсаю, стужаюсь.

Говорю—глаголю, вѣщаю.

Годилося—достояше, лѣпо бѣ.

Година—часъ, годище.

Година—часецъ.

Годинникъ—часословъ.

Годится—достоитъ, подобаетъ, лѣпо есть, лѣть есть, мощно.

Годне—достойно, изрядне, влѣпоту, врѣсноту, изящнѣе.

Годнимъ чиню—сподобляю.

Годность—достояніе, достоинство.

Годность отримуючій—удостоеваемый, вѣнчаемый, убѣждаемый.

Годный—достоенъ, праведенъ.

Годный вѣры — подобовѣрный, достовѣрный.

Годный ся стою — сподобляюся.

Гожу—разсмотряю.

Гожу до целю—измѣряю.

Гойный—любоподателный, любопочитатель, обилный, изобилный, преизобилный, изобилованъ, щедръ, храбрій.

Гойный на гость—страннолюбецъ.

Гойнѣдарования — любочестіе, любопочитаніе.

Гойнѣ дарую—ущедряю, щедру, любопочитаю.

Гойнѣ почитаю—любопочитаюся, любезнѣ прилежу, нещаднѣ даю.

Голий—нагий, худий.

Головный—соборный.

Головнѣйшій—роднѣйшій (sic).

Головы болѣніе — головоболіе, главостяжаніе, тажкоглавіе.

Голодность—алканіе, алчба.

Голодный естемъ—алчу.

Голодомъ мрю (sic) — гладомъ таю, гладствую.

Гололедица—голоть.

Голопупокъ—птенецъ.

Голосу неспособнаго—худогласенъ.

Голосъ—гласъ.

Голосъ вдячный -- благогласное вѣщаніе.

Голца адо гулка — з листвіемъ вѣтвь, розга, ваия, вѣія.

Голубка—голубица.

Голю—брію, брю або рену (sic).

Голюнка---голенъ, глезно.

Гомоню—молвлю, плищую, вопію.

Гомонъ—молва, плищъ, вопль, мятежъ.

Гоненіе—изгнаніе.

Гонитва — уристаніе конское, подвигъ, страданіе, бой.

Гоноръ—прагненіе, любочестіе.

Гончарскій—скуделничій.

Гончаръ—скуделникъ.

Гоны — поприще, стадій, стадіонъ.

Горбатый—слякъ, сляченъ.

Гордость–гордыня, презорство.

Гордый—кичливъ.
Горжу—гнушаюся, презираю, отмѣтаюсь, отмѣщуся, неражу, унедостояю, пренебрегаю.
Горкій—горекъ.
Горливость—рвеніе, ревнованіе, ревность.
Горло—гортань.
Горнецъ—медяный конобъ, глиняный скудель.
Горожа—плотъ, оплотъ, градежъ (sic).
Горохъ моченый—ляща (sic).
Горохъ рогатый або крупи—ногутъ (sic), слонутокъ.
Горсть чого—рукоятіе.
Горчица—горушица.
Горячость слонечная—жаръ, пекъ.
Господа—виталница.
Господарный—строителный.
Господарство—мшелоимство.
Господаръ—строитель домовый.
Господою стою—гощу, витаю.
Гостинный домъ—виталница, всеприятелище, гостинница.
Гость пріймуючій—странопріимецъ.
Гость—иноплемененъ, страненъ.
Готую—належу, съоружаю, съустрояю.
Граница—предѣлъ.
Гризеніе в животъ—стуженіе болесное.
Гризуся—ухапляюся.
Гробъ—жупище, гробъ.
Грожу—плещу.
Грозба—запрещеніе, прещеніе.
Громада—сонмище, сонмъ, соборище, толпа, чета.
Громъ або перунъ—тутно, трѣсновеніе, молнія.
Гроши—имѣнія.
Грошъ сребрный—дидрахма, цата.
Гроши любячій—сребролюбецъ.
Грубость—толща, дебелство, дебелость.
Грубянъ—дебелохудожникъ, препростъ.
Грудь—сосецъ
Грузность—тина.
Грязь—бреніе, тина, тименіе (sic).
Губа—уста, устна.
Губка—морская губа.
Гублю—погубляю, растлѣваю.
Гугнивый—медленноязычный, косноязычный.
Гуденіе—воскликновеніе.
Гуканіе—воскликновеніе.
Гукъ—звукъ, кличъ, плищъ, вопль, мятежа молва, щукъ (sic).
Гултяй—прелестникъ, лстецъ.
Гумно—житница.
Гунка—милотаръ (sic).
Гуня—милоть.
Гусеница—усеница.
Гуфецъ—стояніе.
Гуфъ або войско—полкъ, полчище.
Гучу—зри гомоню.
Гуща—чащъ, чаща.
Гущевина—густиня, частиня.

Ґ.

Ґанокъ—предверіе, дворъ, сѣнь.
Ґвалтовне—зѣло.
Ґвалтовный—зѣлный нуждный, насилствующъ.
Ґвалтъ—насиліе, нужда, напрасноство, устремленіе, зѣлность.
Ґвалчу—насилую, насилствую, принуждаю, напраснствую.
Ґдижъ—и, убо.
Ґды—егда, когда, внегда, елма.
Ґезъ—скоктаніе.
Ґеометрія—землемѣріе.
Ґжуся—скоктаюся.
Ґиґантъ—исполинъ.
Ґмазъ—закровъ (sic).
Ґнюсный—зри гнюсный.
Ґраблюся або чешуся—копошаюся.
Ґрифъ—ногъ, ногнатка (sic).
Ґроно—гроздъ, пародокъ, отрасль.
Ґрубянъ—зри грубянъ.
Ґрунтъ—основаніе, фемеліонъ.
Ґузи на рукахъ—ствердѣлы, упорпилны (sic).
Ґузъ—пугва.
Ґусля що на шіи носятъ—узлоношеніе или узоношеніе.

Д.

Давно—древле.
Давнодавный—мимошедшій, ветхій, предваршій (sic).
Далей—болей, болшей, множае, проче, вящшей.
Далекій—долгій.
Далеко—камо, далекъ.
Далеко болшей—колми паче, множае паче.
Дамо—дамы.
Дань или поборъ—урокъ.
Дарда—дреколь, сулица.
Дарды носячій—дардоносецъ.
Даремный—напрасный.
Дармо—всуе, туне, без ума.
Даръ—даръ, корванъ.
Дахъ—здо, кровъ, покровъ.
Даю—подаю, дарствую, дарую.
Даю достатокъ—удовляю.
Даю до схованія—предаю.
Дбай—ради.
Дбалость—радѣніе.
Двакротъ—дващи, дажды.
Двери—врата, дверы.
Дворность—ухищреніе.
Дворскіи жарты—шутовнаа, радостворная.
Двоуменъ—двоедушенъ, близнецъ.
Двѣ точки або пункти—двоточіе, двоеточіе.
Дебръ—лѣсъ, дебрь, ... стремнина.
Декретъ—судъ, судба, уставъ, преданіе, совѣтъ.
Делькатъ—пренасищникъ.
Делькацтво—сластолюбіе, гортанобѣсіе.
Делья—опона, одежда, тирта.
Депозитъ—покладъ.

Дерево—древо.
Дерево на пнѣ—стебль.
Деревяный—древяный.
Державца—стяжатель, обятель.
Державца свѣта—миродержитель.
Держаніе — стяжаніе, содержаніе, держава.
Держу—съдержу.
Держуся кого—гоню.
Держуся запевне або упевняю—извѣствую.
Дерзкій—напрасный.
Дерзко—дерзостнѣ, дерзко.
Деспектую—безчещу, укоряю.
Деспектъ—укоризна, укореніе, безчестіе, оклеветаніе, хула, хуленіе, глумленіе.
Дешевость—суета.
Дешевый—трекуплный (sic), суетный.
Дзенкъ—гласъ, брменіе.
Дзвенкъ красный—благогласное вѣщаніе.
Дзвенкъ чиню—шатаюся.
Дзвонокъ—звонецъ.
Дзвукъ—звяцаніе.
Дивакъ — самогодный, дерзкій, презорный, гордостенъ, стропотный, яростенъ, напрасный, сверѣпяйся.
Дивно чиню—удивляю.
Дивный—чудный, удивляемый.
Дивъ якій—дивъ, чудо, дівство, щудъ.
Дигнитарство — санъ, достоинство.
Дикій—дивий, сверѣпъ, прудкій.
Дикое що—животное безсловесное.
Диханіе—духъ, диханіе.
Дичаю — свѣрѣпѣю, развсерѣпѣваю.
Дичъ—свѣрѣпѣніе или сверѣпство.
Для—ради, за, дѣля, дѣлма.
Для него—его ради.
Для того—за еже, сего ради, таче, убо, яко, во еже.
Для чего—воскую, чесо ради.
Дмухаю—дму.
До—къ.
Добре—благо, прямо, право.
Добре терплю—благостражду.
Доброволне — волею, изволеніемъ, произволеніемъ, произволителнѣ, барзо.
Добродѣй—благодѣтель.
Добродѣйство—благодѣтелство.
Добродѣйство показую—ублажаю.
Добродѣйство заживать—благопострадать.
Добрый—благій, добрый, цѣлъ, правый, говѣнный, благовѣнный.
Добрый день або поводженіе доброе—благоденствіе.
Добрый часъ—время благопріятно.
Добрая вѣра—благочестіе, зри вѣра добрая.
Добрая воля—благоволеніе, произволеніе, угожденіе.
Добрая вѣсть — благовѣстіе, благовѣщеніе.

Добрая мисль—благодушіе.

Добрая слава—благоискутство (sic).

Доброе—благое.

Доброе здоровіе—благоимство.

Доброе любячій—благолюбецъ.

Доброе мовлю—благословлю.

Доброе розумѣніе — благоимѣніе, благоразуміе.

Доброи мислы заживаю—благодушествую.

Доброи славы—благоискусный, благоискуствуемый.

Доброго сердца—благосердій.

Добротливость — благостиня, благодѣтелство, благость.

Добротливый — благоувѣтливый, благоволителный, благодѣтелный, благочестивый.

Доброть—благость, благостиня.

Добѣгаю—достизаю.

Довбаю—ваяю.

Доводнѣ — прителнѣ, подоболѣпно, подобовѣрно, достойнѣ, праведнѣ, по достоянію, в лѣпоту, в рѣсноту.

Доводъ — указаніе, умышленіе, извѣтъ.

Довоженіе—извѣствованіе.

Довожу—произношу.

Довцѣпный—коварный, умный, благоумный.

Довцѣпъ—благоразуміе, благоуміе, остроуміе, благоухищреніе, коварство.

Довѣдатися—навикнути, увидѣти.

Довѣдуюся—навѣцаю, навикаю.

Догаданіе — удобство (sic), домышленіе.

Догажаніе—сохожденіе, съниcхожденіе, угодіе, упокоеніе.

Догажаю—благоугождаю, угождаю, доброблажу, сохожду, соисхожду, догадуюся.

Догажаючій — снисходителный.

Доганяю — постизаю, ухапую, понуждаю.

Доглядую—блюду, храню, соблюдаю.

До дня—(sic)—совершеннѣ, даже, опасно.

Додѣваю—нужу, насилую, удручую, стужаюся, озлобляю, возмущаю.

Доеждаю—зри доганяю.

Дожчъ идетъ—дождитъ.

Дозорца—смотритель.

Дозрѣваю—совершеннѣ расту, дозрѣваю.

Дозрѣлость—съзрѣніе.

Дозрѣлый—достилый, зрѣлъ.

Доконченіе—кончина,скончаніе, наканчеваніе, совершенство.

Докторъ—врачъ.

Докука—стуженіе.

Докуль—доколѣ.

Докучаю—зри додѣваю.

Докучникъ — стужитель, насиловникъ, насилствующій, нудитель, притужный.

Долгое — протяженное, долгое, зѣлное.

Долгость—часу растояніе.

Долготерпячій — долготерпеливъ, долготерпеливый.

Долегливость—скорбъ, искушеніе, треволненіе.
Долина—удолъ, удоліе, разлой.
Долъ викопанный — ровенникъ или истуденецъ, ровъ.
Доля—случай нужный.
Домашнывый—намѣстный, домашный.
Домнѣманіе—умишленіе.
Домнѣмаю — мню, непщую, вмѣняю, умышляю.
Домовство—зри мшелъ.
Домовый—домашный.
Домовый рядъ — домостроителство.
Домокъ—храмина, хлѣвина.
Домокъ с пѣску—нирище.
Домышленіе—разсмотреніе, умышленіе, допущеніе, изволеніе.
Домышляюсь—разсмотряю, разсмотрѣваю, разумѣваю.
Домъ—жилище, храмъ, кровъ, домъ.
Дорога—путь.
Дорогость — многоцѣнность, честность.
Досвѣдчаюсь — навыцаю, навыкаю.
Досвѣдченіе — искусъ, искушеніе, напасть, разумѣніе.
Досвѣдченный—искусный.
Доситъ—довлѣетъ, доволнѣ.
Доситъ чиненія—достотвореніе.
Доска златая—петалъ златъ.
Досконале — всесовершеннѣ, всеконечнѣ, опасно, извѣстнѣ, всяко, весма, всячески, всѣцѣло.
Досконалость — совершенство, исполненіе, цѣлость.
Досконалый — опасный, всесовершенный, всецѣлый, истинный, цѣлъ, цѣлый.
Достатечне—зри досконале.
Достатечный—зри досконалый.
Достатокъ — преизобиліе, лишеніе, удовленіе, обиліе, нескудость.
Достаю — стяжаваю, стяжаю, держу.
Достойность—величествіе, достоинство.
Доступую—получаю, улучаю.
Дотиканіе—касаніе, прикосновеніе, озязаніе.
Дотикаюся—прикасаюся, касаюся.
Дохожу — достизаю, умышляю.
Дочасный—привременный, временный.
Дочка—дщерь.
До шкоди привожу—напраснствую.
Доцenту — опасно, всесовершеннѣ.
Доцка—доска, дщица.
Драбина—лѣствица.
Драбъ—оруженосецъ, дардоносецъ, дароносецъ.
Дражню—раздражаю, подражаю, посрамляю.
Драґаръ—кровъ.
Драпачинный—драчивъ.
Драница—доска, дска.
Драпѣжство—хищеніе.
Драпѣжца—хищникъ.

Дрижаніе — шатаніе, трепетъ, колѣбаніе, утерпяніе, страхъ, ужасъ, говѣніе.

Дрижу — трепещу, колѣблюся, утерпаю.

Дрижу як конь на вытьчки— шатаюсь.

Дрождь—тина.

Другій разъ — вторицею, другойци.

Друкарня—типоґрафія, печатня, штанчва.

Друкаръ—типоґрафъ.

Друкую—ваяю, изваяю, печатую, типомъ издаю.

Друкъ—до двиганія носило.

Дручу—борю, належу, сражаю, озлобляю, ополчаюсь, пакощу.

Дуда—пречудница, сопль, сопѣль.

Дударъ—пречудникъ.

Дудокъ—вдодъ (sic).

Дуже — крѣпко, доблѣ, зѣло, доблественнѣ, юношески.

Дужественъ есмь—ни знемагаю (sic), не немоществую, неослабѣваю, крѣплюся.

Дужій—доблій, доблественный, жилищный, твердый, крѣпкій, силный, зѣлный, храбрый, ратный.

Дужость — храбрость, мужество, крѣпость, мужедоблестіе.

Дума о себѣ—мудрованіе, высокоуміе, гордость.

Дуреніе—луженіе.

Дурень—безуменъ, буй, юродъ или уродъ, несмысленъ, зродословъ.

Дуру—лужду.

Дурѣю — неистовлюся, юродствую.

Дурячій—лядячій.

Дуфаніе — дерзновеніе, необиновеніе, отрада.

Духовный человѣкъ — внутрный человѣкъ, мысленный, умный.

Дую—дму.

Дѣвка—дѣвица.

Дѣвчина—юнота.

Дѣдицтво—отчество, достояніе, наслѣдіе, жребій.

Дѣдичъ—наслѣдникъ.

Дѣлитися не могучій — несѣкомый, нераздѣлный.

Дѣлицій заживаю — гобзую, пресыщаюсь.

Дѣлне справую — мужаюсь, храбрствую.

Дѣлный — шумный, юношескій.

Дѣлъ—участіе, дѣлъ.

Дѣтей множство — многочадіе.

Дѣра—скважня.

Дякованіе—благодареніе.

Дякую—благодару, *дякую тебѣ*—вѣмъ (sic) ти благодать, имамъ ти благодать.

Дякъ — дѣтоучитель, грамотникъ.

Е.

Едвабъ—шолкъ, ...
Единакъ—инокъ.
Единецъ—инокъ, монахъ.
Единомыслно—инодушно, обще.
Единороженецъ—инорогъ, единорогъ.
Единостайно—единодушне.
Единочадый—единородый, иночадый.
Еднакъ—и убо.
Еднаніе-ходатайство, смиреніе.
Едначъ—посредникъ, ходатай.
Еднаю—ходатайствую, крощу, укрощаю, молю, смиряю, приповѣдаю, кратю (sic).
Еднаючій—смирителный.
Едно—точію, кромѣ.
Едность—единостайность, соединеніе, община.
Ездный—сънузникъ.
Ей—слушне, истинно.
Елементъ—стихій.
Елита—утроба.
Енгалоґія—родословіе.
Епатида—рыза верхняя.
Если—аще.
Еслиже—ежели, ащеже.
Еслижъ—теди, ащеже.
Естемъ—есмъ.
Еще—паки, еще.
Еще не стался—не у бысть.
Еще бо вѣмъ не—не убо.

Ж.

Жаґель—парусъ, вѣтрило, ядрило.
Жадаю—желаю.
Жадною мѣрою—никако же, ничимъ же.
Жакъ або студентъ—тщатель, спудей.
Жалоба—вретище, власяница.
Жалобу отправую—сѣтую.
Жалую—плачиве окаяваю, щажу, пекуся, сѣтую, ревную.
Жаль—жалость, болѣзнь, рыданіе, ревность, ревнованіе, образіе.
Жаль ми на кого—недугую.
Жарливость маю—ревную.
Жарлокъ—гортанобѣсецъ, ласкосердій.
Жартливый—кощунникъ, смѣхотворца.
Жартовнии рѣчи—шуточныя, радостворная.
Жартую—кощунствую, блядословлю, смѣхословлю, любезно и радостно вѣщаю.
Жду—терплю.
Же—во еже.
Жебракъ—нищій.
Жебы—да.
Жело—жало, стрицало.
Желѣдба—печаловенъ, желѣнъ, укоризна, укореніе, оклевета-

ніе, безчестіе, пороченіе, сѣтованіе.

Жельзной шіи—жестоковыйный.

Жемчугъ—перла, бисеръ, маргарита.

Женитва—бракъ.

Женюся—брачуся, посягаю.

Жертовникъ—очистилище, требище.

Живность—пища, жизнь.

Живностю опатрую — питаю, ухлѣбляю.

Животъ—духъ, жизнь, животъ, требухъ, утроба, матица, ложесная.

Живу—обитаю, живу.

Жилки маленкіи—стежки духа, огорненіе духа, жилище, артиріи, живіолъ, стихій, составъ.

Жило—жилище.

Жиловатый—жилищный.

Жировный—паственный.

Жито—пиро.

Жмуреніе—мженіе.

Жмуру—мжу, смѣжаю.

Жнецъ—жатель.

Жниво—жатва.

Жолвъ морскій—червленица.

Жолнѣрская шата—хламысъ.

Жолнѣрскою ся бавлю (sic),—воинствую.

Жолнѣръ—воинъ.

Жоломѣйка—сопль.

Жолудокъ — животъ, трибухъ, сирище, стомахъ.

Жолудь—желудь, жиръ.

Жона—жена, супружница.

Жона отгнаная—пущеница.

Жоночій обычай наслѣдую—женсвую.

Жорна—жерновъ.

Жродло—источникъ.

Журавель—у студнѣ водоважца.

Журба—печаль, скорбъ.

З.

За—внѣ, внѣудъ, возъ.

Забава—закоснѣніе, замедленіе, коснѣніе, неудобство, упражненіе.

Забавляюсь—закоснѣваюсь, медлю, замедлѣваю, коснію, упражняюсь.

Забавно—косню (sic).

Забиваю—зарѣзую, заколюю.

Забитіе—забвеніе.

Заборона—препона.

Заборонитель — возбранникъ, возбранитель.

Забороняю—возбраняю.

Забѣгаю—предпріймую.

Завада—реть.

Заверненіе головы—бѣснованіе, неистовство, изумленіе.

Завертаю въ сторону—уклоняюсь.

Завижу—ревную.

Завистникъ доброму — ревнитель, ревностенъ, ревнивый.

Зависть добрая — ревнованіе, рвеніе.

Заводныкъ—ристатель.

Заводи (sic)—страдалчество, подвизаніе, борба.
Заводъ (sic)—бѣжу, страдалчествую, подвизаюся, боруся.
Завоеваніе—плѣнъ, плѣненіе.
Завоеванный — смлемый, плѣнникъ.
Завой—сударъ.
Заволай—вопій.
За волею Божею—волею Божіею.
Заволую—вопію.
Завора—верія, развора.
Завстыжаю—обличаю, изобличаю.
Завтра—утро, утрѣ.
Завтреніе—утреня.
Завтрешный—утречный, заутреный.
Завше—всегда, выну, присно.
Завше учуся—глумлюся (sic).
Завѣси—верія.
Загадка—заданіе, притча, прикровеніе, прикровенъ глаголъ.
Загадую—гадателствую, назнаменовую.
Загамовую—престати творю(sic).
Заглохаю—оледенѣваю.
Заглядую — сматряю, назираю, приничу, приницаю.
Загорода—ограда.
Загорожаю—ограждаю.
Загороженіе—огражденіе.
Загроженіе — прещеніе, запрещеніе.
Загрожую — запрѣщаю, призапрѣщаю.
Загубляю — истребляю, испразняю, упразняю.
Задаваю кому що—належу.
Задатокъ—залогъ.
Задеваю—задѣваю.
Задержаюся—удерживаюся, отступую.
Задерженіеся — терпеніе, воздержаніе.
Задержую—восприемляю, удержую, утоляю.
Задокъ—задняя.
Задуманіе—изумленіе.
Заживаю—пріемлю.
Зажмуреніе—зри жмуреніе.
Зажмурую—смѣжаю.
За зле маю—недугую, стужаюся.
За зле мя маютъ—имѣютъ мя тяжко, стужаютъ ми.
За зле маючій—недугователь.
Зазираніе—наблюденіе.
Зазираю — назираю, смотряю, пренебрегаю, преобыжаю.
Зазросливый—зависный.
Зазрю—ревную.
Зайзрость — зависть, ревность, ревнообразіе (sic).
Заикаючійся—косноязычный.
Заикуючійся — косноязычный, косногласенъ, зри гугнивый.
Заисте—явѣ, ей.
Заказъ — прещеніе, завѣтъ, заповѣдь.
Закалъ—порокъ.
Закаменѣлость до покути — умиленіе (sic).
Закаменѣлый—жестокъ.
Закаменѣлого сердца—жестокосердій, закаменѣлѣйшій, жестоковыйный, жесточайшій.

Заклепленіе—камара.
Закликаю—воззиваю.
Заклиначъ — волхвъ, волшебникъ, обаватель, обованникъ.
Заклинаю—обаваю.
Заключаю—затворяю.
Заколоченіе — смущеніе, соклащеніе (sic).
Заколочую — мяту, наваждаю, поемлю, смущаю.
Заколюю—закалаю.
Законъ подаю—возаконяю.
Законъ пріймую—возаконяюсь.
Закритіе—закровъ.
Закрито—покровенно, невѣдомо, неявленно.
Залеценіе—врученіе, составленіе
Заледвѣ—едва, негли, аще, простѣ.
Залицаю—составляю.
Заложеніе — сложеніе, основаніе, ѳемеліонъ.
Замешканіе—зри забава.
Замешкиваю—закоснѣваю.
Замикаю—запираю, заставляю.
Замкни—затвори, зеклпи верія.
Замкненіе—заключеніе.
Замовляю—обавляю.
Замужъ иду—посагаю.
Замучую—мяту, молвлю, наваждаю, поемлю, возмущаю, восплищаю.
Замшникъ або римаръ—усмошвецъ.
Замѣна—залогъ.
Замѣшаваю—зри возмущаю.
Замѣшеніе—зри гукъ, бунтъ.
За мя—мене ради.
Заневоленіе—плѣнъ.
Занедбаваю—зри взгоржаю, пренебрегу.
Заночовую—облегаю.
Запалчивость—ярость,реть.
Запалчивъ—яростенъ, яръ.
Запалююсь гнѣвомъ—ярюся.
Запасникъ—подвижникъ.
Запасництво—зри битва.
Запахъ хорошій—благоуханіе.
Запахъ шпетный—зловоніе.
Запевне — извѣстно, известнѣ, явѣ, твердо, истинно.
Запираю—затворяю, заключаю.
Запираюсь—отвергаюсь, отмѣщуся, отмѣтаюся, отскакую.
Заплата—дань, мзда, наимъ.
Заповѣдаю—завѣщеваю.
Заповѣдь—завѣщаніе, заповѣдь, завѣтъ.
Запомогаюся—приспѣваю, преуспѣваю, спѣю.
Запора—верія, развора.
Запорока (sic)—порокъ, сучецъ.
Заправды—воистинну, истинно, в лѣпоту, въ рясноту, явѣ, истовѣ.
Запрѣніеся—отреченіе.
Запустѣваю—оледенѣваю.
Заразъ—абіе.
Заростую—оледенѣваю.
Зарѣзаніе—закаланіе.
Зарѣзую—закалаю.
Заручаю—приреѣкаю, обручаю.
Заруценіе—обрученіе.
Засиланіе—заточеніе.
Засилаю—заточаю.
Заслона—завѣса, катапетасма, щитъ.

Заслоняю — осѣняю, защищаю, застѣняю.
Засмѣялся—возсмѣяся.
Засмѣялся трохи — оскабился.
Засмучаю—опечаляю.
Засмучаюся—опечаляюсь.
Застава—залогъ.
Заставлюючійся за кого—возбранный.
Заставлююсь — востягаю, восхлащаю.
Заставую—залагаю.
Заставуюся —предстателствую.
Застарѣлый—престарѣлый.
Заступаю — воспріемлю, подъемлю.
Засѣдаю—возлегаю.
Засѣдаю на кого—присѣжу.
Зась—паки.
Затаенно—зри закрыто.
Затвердѣваю—ожестѣваю, оледенѣваю.
Затвердѣлость—умиленіе.
Затвержаю—ожесточаю, ожещаю, окаменяю.
Затраченіе—губителство, всегубителство.
Затрудненіе—неудобство.
Затрудняю справу—накощу.
Затѣняю—осѣняю.
Затубованый—оклощенный.
Заулокъ—халуга.
Заушникъ—клеветникъ, шепотникъ, оглаголникъ.
Захованіе чиню—угождаю.
Захованый — щадимый, соблюдаемый, лежачій, отложенный.
Захователь—зри вибавитель.
Заховую—блюду, соблюдаю, храню, сохраняю, назираю, наблюдаю, спасаю, избавляю, щаджу.
Заходъ—западъ.
Захожу кому въ дорогу—зри выхожу.
Захорѣваю — немоществую, изнемогаю.
Зацне—преводителнѣ, велично.
Зацность — величество.
Зацный—благонарочитъ, изящный, преславный, неначаемый.
Зацного роду—благоплеменный, благородный.
Зацнѣйшій—лучший.
Зачервонѣваюся — почервонѣваю.
Зашкода—повреда.
Зашкоженіе—поврежденіе.
Зашкожую—повреждаю.
Заятраюся—недугую.
Збазненіе—блазнь.
Збанъ—скудель.
Збиваніеся—зри бой.
Збиваюся—страдалчествую, боруся, подвизаюся.
Збиранія (sic) *вокругъ*—сообращеніе.
Збираю—обымаю.
Збираю въ купу—ищитаю, сопрятую.
Збираю скарбы — сокровыществую.
Збираю вино—обемлю (sic) лозу.
Збитіе—збіеніе.

Збоже—жито.

Зборъ—сонмъ, сонмище, соборъ, соборище, толща, торжище.

Збройный — всеоружный, вооруженъ.

Зброя—бронь.

Збунтованіе—зри бунты.

Збурую—разсипаю, разаряю.

Збытный—лишный, излишный.

Збытнее богатство—лихоимѣніе, лихоимѣтелство, лихоимство, вящшество, лишество, мшелоимство.

Збытнее богатство збыраючій — срамноприобрѣтатель, мшелоимецъ.

Збѣгаю до купи — сращаюсь, исрищуся, стицаюся, сорастаюся.

Збѣгъ—стеченіе.

Збѣгъ—бѣгунъ, бѣглецъ, бѣжалецъ.

Зваду чиню—распрѣваю.

Звадца—клеветникъ, ковникъ, крамолникъ, расколникъ или потворникъ, оболгатель, наводникъ, двоесловникъ, двоязыченъ, дѣдко, зри бунтовникъ.

Зважую—возмущаю, крамолю, лежу (sic), облегаю.

Зведеніе—совращеніе.

Зверхность—власть, держава.

Зверхный—внѣшній.

Зверхнѣйшій—верховный.

Зверху—внѣ.

Зветшалый—ветхый, обветшалый.

Звиню—брящаю, брячу, звеню.

Звитяжаю—побѣждаю, одолѣваю.

Звитяженъ бываю—повинуюся, покаряюсь, умаляюсь.

Звитязство—побѣда, одолѣніе.

Звитязца—побѣдитель.

Звлаща—паче, найпаче, обаче, но убо, акибы.

Зводникъ—лестецъ, умопрелщатель.

Звожу—прелщаю, возставляю.

Звыклемъ—предпріятій есмъ.

Звыклость—звычай, нравъ, обычай, предпріятіе, имство, имѣтелство, твореніе.

Звыклый—обычайный, обычный.

Звысокости—свышше.

Звѣздаръ—звѣздословъ.

Звѣрный покормъ—звѣроядина.

Звѣрско—безсловеснѣ.

Звѣръ—зри животно безсловесно.

Звязки—укрой, повой.

Звязокъ малженскій — брачный союзъ.

Звязокъ—уза, юза, союзъ.

Звязую—связую.

Згажаю — согласую, припоручаю, совѣщеваю, засвѣдителствую, зганбляю, посрамляю.

Зганбеніе—зри ганба.

Зганяю—зри ганю, ганбю.

Згибель—пагуба, погибель.

Згиненіе—всегубителство.

Згиняю—згибаю.

Зглажую — зри внѣвечъ обертаю.

Згнило—щапственнѣ.

Згнѣтаю ґроно—сожинаю грозди.

Згода—миръ, единомысліе, единомышленіе, сложеніе, согласіе, единство, соединеніе.

Згодливый — единомысленный, единосообразный, смирителный.

Згожий—ключаемый.

Згожость—ключимость.

Згола—весма, бохма, отнюдъ, всяко, всяческая.

Згоршеніе — соблазнь, блазнь, преткновеніе, претиканіе, грѣхъ, щапство.

Зготованіе—сотвореніе, устроеніе.

Зготовляю—сотворяю.

Згромаженіе — соборъ, состояніе, составъ.

Згрубѣваю—одебелѣваю, огустѣваю.

Згуба—зри згиненіе.

Згустѣлый—усиренный.

Згущаю—усиряю, огущаю, оледенѣваю.

Зґелкъ—зри замѣшаніе.

Зґрунту—зри згола.

Здается—мнится, видится.

Зданіе—разумъ.

Здаюся—являюся, вознепщуюся.

Здобычъ—добытіе.

Зрада—ложъ, ковнь, навѣтъ, лесть, прелесть, лщеніе, предателство.

Здрадливый—навѣтникъ.

Здражаю—прелщаю.

Здрайца—запинатель, прелестникъ, клеветникъ, навѣтникъ, лестецъ, предатель, прелагатай.

Здрой—источникъ.

Здужую—одолѣваю, премаґаю.

Здумѣваюся—удивляюся, усумнѣваюся, изумнѣваюсь, изумляюся, недоумѣваюся, ужасаюся, сумнѣюся, сомнѣюсь, недоумѣніемъ одержимъ бываю.

Здумѣніе—недоумѣніе, неудобство, ужасновеніе, ужасъ.

Зебраніе—проторъ, притяженіе, приобрѣтеніе, соборъ.

Зеднаніе—умовленіе.

Зедноченіе—соединеніе, зри згода.

Зезволеніе—блаґоволеніе, спредсявзяте, обѣтъ, воля, изволеніе, произволеніе, предложеніе, намѣреніе, сложеніе, миръ, реченіе.

Зезволяю — избираю, изволяю, рачу, помаваю, совѣщеваю.

Зеленость—злакъ.

Зеленыи свята—пятьдесятница, пентикостія.

Зелживость—зри ганба.

Зелжоный — посмѣянъ, поруганъ, поруганый, досаду пріемъ.

Земокъ нашъ, вашъ,—страненъ.

Зепсованіе—врежденіе.

Зестіе—ликъ, состояніе, толща, сотеченіе.

Зестіе спѣваковъ або музикъ—ликъ.

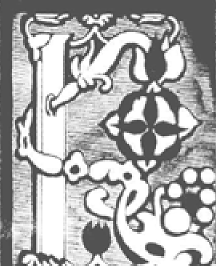
З задѹ—созади, зади.

Обозрѣніе журн. и газетъ. Библіографич. указатель новыхъ книгъ.

Библіографическій указатель къ „Кіевск. Стар." за 1882—1887 гг.

Въ приложеніяхъ: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г., видъ Запорожскаго храма, портретъ А. А. Перовскаго, слово Ѳеоф. Прокоповича, дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка, изображеніе св. Владиміра, по рис. худ. Васнецова, памятникъ Б. Хмельницкому по рис. В. Н. Николаева, видъ Десятинной церкви, постр. П. Могилою, Словарь книжн. малор. рѣчи.

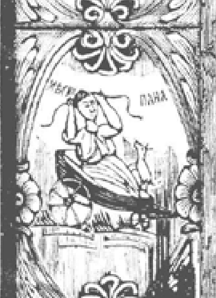

Кіевская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

Октябрь,
Ноябрь,
Деабрь
1888 г.

Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.